

Родная ДАДОГА

№ 4(10)' 2009

КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ
И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

издается ежеквартально
при участии:

Санкт-Петербургского отделения
Союза писателей России;

Собора православной
интеллигенции Санкт-Петербурга;

ЗАО «Утро»

Главный редактор
Андрей РЕБРОВ

Зам. главного редактора
Валентина ЕФИМОВСКАЯ

Ответственный секретарь
Владимир МАРУХИН

Шеф-редактор
электронной версии журнала
Николай СТАНКЕВИЧ

Зарегистрировано УФС
по надзору за соблюдением
законодательства в сфере массовых
коммуникаций и охране культурного
наследия по Северо-Западному
Федеральному округу ПИ № ФС-2-8531

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Архиепископ Курганский и Шадринский КОНСТАНТИН (Горянов).

АГАФОНОВ Николай, протоиерей (Самара) — член СП России.

БУРЛЯЕВ Николай Петрович (Москва) — народный артист России, президент Международного Кинофорума «Золотой Витязь».

ГРОМОВ Александр Витальевич (Самара) — председатель Самарской писательской организации, гл. редактор журнала «Русское эхо».

ДЕНИСОВ Николай Васильевич (Тюмень) — председатель Тюменской областной писательской организации, гл. редактор газеты «Тюмень литературная».

ДОРОШЕНКО Николай Иванович (Москва) — главный редактор газеты «Российский писатель», секретарь правления СП России.

ЗАХАРЧЕНКО Виктор Гаврилович (Краснодар) — народный артист России и Украины, руководитель Государственного академического Кубанского казачьего хора, профессор, член Совета по культуре и искусству при Президенте РФ.

ИВАНОВ Геннадий Викторович (Москва) — первый секретарь СП России.

ИЛЛЯШЕВИЧ Владимир Николаевич (Эстония) — председатель Эстонского отдела СП России, гл. редактор журнала «Балтика».

КАЗИН Александр Леонидович (Санкт-Петербург) — доктор философских наук, профессор, член Союза писателей России.

КИРВЕЛЬ Чеслав Станиславович (Беларусь) — доктор философских наук, профессор Гродненского Государственного Университета им. Янки Купалы.

КОНЯЕВ Николай Михайлович (Санкт-Петербург) — секретарь правления СП России, главный редактор журнала «Аврора».

КОРОЛЬКОВ Александр Аркадьевич (Санкт-Петербург) — доктор философских наук, профессор, академик РАО, член Союза писателей России.

КОРЫТИН Сергей Николаевич (Санкт-Петербург) — генеральный директор ЗАО «Утро».

КРАМАРЕВ Аркадий Григорьевич (Санкт-Петербург) — депутат Законодательного Собрания СПб, председатель постоянной комиссии по вопросам правопорядка и законности ЗАКСа Санкт-Петербурга, генерал-майор милиции.

КРУПИН Владимир Николаевич (Москва) — секретарь правления СП России, гл. редактор журнала «Благодатный огонь».

КУБЛАНОВСКИЙ Юрий Михайлович (Москва) — лауреат литературной премии Александра Солженицына, зав. отд. поэзии журнала «Новый мир».

ЛИХОНОСОВ Виктор Иванович (Краснодар) — секретарь правления СП России, лауреат Государственной премии, гл. редактор журнала «Родная Кубань».

НАРОЧНИЦКАЯ Наталия Алексеевна (Москва) — доктор исторических наук, президент «Фонда исторической перспективы».

ОРЛОВ Борис Александрович (Санкт-Петербург) — председатель Санкт-Петербургского отделения Союза писателей России, член правления СП России.

ПОПОВ Геннадий Андреевич (Орел) — сопредседатель правления СП России, руководитель Орловской писательской организации.

СДОБНЯКОВ Валерий Викторович (Нижний Новгород) — гл. редактор журнала «Вертикаль. XXI век», член СП России.

СЕМЁНОВ Валентин Евгеньевич (Санкт-Петербург) — директор НИИ социологических исследований СПбГУ, доктор психологических наук, профессор, заслуженный деятель науки России.

СМОЛЬКИН Игорь Александрович (Псков) — председатель Псковской писательской организации.

ШВЕЧИКОВ Алексей Николаевич (Санкт-Петербург) — директор Межвузовского центра по религиоведению, кандидат философских наук.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЗА

Николай Коняев. Нацпроект. <i>Рассказ</i>	5
Юрий Бондарев. Мое поколение. <i>Мгновения</i>	54
Олег Селедцов. Оглашении изыдите. <i>Притча</i>	65
Юрий Бородин. Спасённый человек. <i>Рассказ</i>	161
Священник Ярослав Шипов. Лесная Пустынь. <i>Рассказы</i>	170

ПОЭЗИЯ

Глеб Горбовский	8
Василий Казанцев	91
Борис Орлов.....	94
Егор Исаев	149
Владимир Силкин	152
Игорь Тюленев.....	198
Виктор Петров	202
Алина Мальцева	205
Андрей Ребров	237

История И СОВРЕМЕННОСТЬ

Архиепископ Курганский и Шадринский Константин (Горянов). Конец русской симфонии. <i>Русская Православная Церковь и Государственная Дума первых созывов</i>	12
Владимир Путин. Страницы истории — повод для взаимных претензий или основа для примирения и партнерства?.....	48
Василий Белов. Догорающий Феникс	155

Национальная БЕЗОПАСНОСТЬ

Сергей Кургинян. Процесс и мы. <i>О том, в чем нынешний тупик, и как нам из него выбраться</i>	24
Михаил Леонтьев. Имперский человек	40
Шейх-уль-Ислам Талгат Таджуддин, Верховный муфтий России. «Русь по праву называется Святой...» <i>Из материалов Всемирного Народного Русского Собора</i>	111
Вячеслав Никонов. Политическое гоголеведение	249

СТРАТЕГИЯ

Алексей Пушкин. Вашингтон, Москва и «перезагрузка»	30
Дмитрий Медведев. Россия, вперед!.....	97

Славянское БРАТСТВО

Дмитрий Рогозин. Третья оборона Севастополя	35
---	----

ЛИПРОВОЗЗРЕНИЕ

Юрий Поляков. Битва за память.....	43
Чеслав Кирвель. «Мир без России»: возможный сценарий планетарных трансформаций.....	116
Александр Дугин. Россия может быть только великой.....	123
Николай Скатов. Поверим Пушкину	241

На рубеже цивилизаций

Александр Казин. Постмодерн, Россия и конец света.....	128
--	-----

Вопросы творчества

Архимандрит Тихон (Шевкунов). Свобода или ограничение в творчестве?	136
--	-----

ИСКУССТВО

Илья Глазунов. Музыка звучит	142
Виктория Гусакова. Поиски «Небесной красоты». Николай Васильевич Гоголь и Александр Андреевич Иванов.....	252

НАСЛЕДИЕ

Протоиерей Борис Николаевский. Духовные беседы	187
--	-----

ПАМЯТОСЛОВ

Владимир Невярович. Царь и поэт. К 130-летию со дня рождения русского поэта С. С. Бехтеева	208
Александр Корольков. Валдайский набат. К 150-летию со дня рождения Михаила Осиповича Меньшикова	232

Наша идеология

Архиепископ Екатеринбургский и Верхотурский Викентий. «Верить в Россию». Слово об Иване Александровиче Ильине	227
--	-----

Критика, литературоведение

Борис Споров. Приход на всю Россию. О духовной прозе Гоголя	262
---	-----

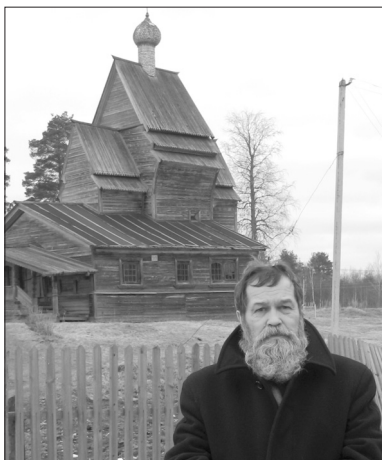
Родная речь

Валерий Ганичев. «Журналы российские жизнь освещать будут»	267
--	-----

Петербургский писатель

Валентина Ефимовская. Измерение подвига	277
---	-----

ПРОЗА

Николай КОНЯЕВ

НАЦПРОЕКТ

Рассказ

Николай Михайлович Коняев — родился в 1949 году в поселке Вознесенье Ленинградской области. Окончил Литературный институт им. А.М. Горького. Работал сварщиком, грузчиком, корреспондентом, редактором. Секретарь правления Союза писателей России. Романы и повести отмечены многочисленными литературными премиями. **Живет в Санкт-Петербурге.**

25 августа исполнилось 60 лет Николаю Михайловичу Коняеву. О значимости личности этого известного писателя свидетельствуют его многочисленные литературные премии, награды, почетные должности.

Произведения Николая Коняева и его общественная деятельность отмечены премиями им. Василия Шукшина, Андрея Платонова, святого благоверного князя Александра Невского, государственной премией Республики Саха (Якутия), премией Правительства Санкт-Петербурга, Большой литературной премией Союза писателей России. О величине и масштабе его писательского дара говорят сотни опубликованных произведений — рассказов, повестей, публицистических работ, художественно-исторических романов, десятки томов его книг. Но каковы критерии оценки писательского мастерства, историко-художественной ценности всего этого литературного достояния?

Основной оценщик, это конечно, будущая историческая перспектива, время — самый беспристрастный судья. Но и сегодня очевидно, что это творчество останется в истории русской литературы, так как имеет, несомненно, художественно-эстетическую, и духовно-нравственную достоверность и ценность, определяющиеся православным мировоззрением писателя и неискоренимой его любовью к России.

Помню с детства страшную историю, как волки пришли в соседнюю с нашим поселком деревню, зарезали в хлевушках несколько овец, порвали двух собак...

И людей совсем не боялись.

Наш одноклассник Саша Фанькин три дня тогда не ходил в школу, а когда пришел, рассказал, что волки всю дорогу за ним, как собаки, бежали...

— Как же ты прошел? — замирая от страха, спрашивали мы. — Они ведь и загрызть тебя могли...

— Я этого... — сказал Фанькин. — «Отче наш» всю дорогу читал...

— А что это? — не поняли мы.

— Ну, молитва такая... — объяснил Фанькин. — Бабка меня научила, чтобы я до школы дошел...

Рассказ этот поразил меня и я часто представлял себе занесенную снегом деревню, волков, бегающих в огородах по сугробам, Фанькина, который, читая «Отче наш», бредет по лесной дороге в школу.

Потом эта история позабылась, а снова всплыла в памяти уже в наши годы, когда я ехал к приятелю попариться в баньке в его деревенско-дачном доме.

Уже наступали сумерки, когда мы свернули с гострассы на не тронутый асфальтом проселок.

Снег тут был чистым, даже и у дороги.

— Что это за чудеса у вас? — спросил я, когда мы въехали в совершенно безлюдную деревню. — Вроде следы кругом, тропинки протоптаны, а людей никого не видно.

— И не увидишь теперь... — вздохнул приятель. — Прячутся все...

— Прячутся? От кого?!

— От банков... — сказал приятель. — Банки на нас напали... Вначале, понимаешь, здешним мужикам кредиты предлагать стали... Первое время по глупости несколько человек взяли по пятьдесят тысяч, а потом, когда расплатились, оказалось, что им еще по сто тысяч отдать надо...

— Н-да... — сказал я. — Такое и в городе бывает... Попали, что называется... Но другие-то поумнее оказались? Не брали больше таких кредитов?

— Не брали, конечно... Только от банков этих, куда денешься? Разослали, понимаешь, всем карточки с деньгами как бы в подарок, а тоже как кредиты оформили. В общем, сейчас у нас в деревне редко кто меньше миллиона банкам должен...

— Да ну тебя... — сказал я. — На кой хрен банкам эти развалюхи нужны...

— Не знаю... — сказал приятель. — Говорят мигрантами какими-то чтоли наши деревни заселять собираются... В общем такой вот у нас деревенский нацпроект осуществляется... В райцентре уже и судебных исполнителей завели. Теперь местные прячутся все, боятся, что приедут из райцентра и из домов выгонят...

— Но ведь это же мошенничество... — сказал я. — В суде можно доказать, что кредит обманом оформлен... Да и из жилища не имеют права выселять судебные исполнители... Тоже можно в суд обратиться...

— Можно, — согласился приятель. — Если у тебя деньги есть, можно и того, что ты на самом деле должен заплатить, не платить... Ну, а без денег, без адвоката, чего же в теперешнем суде докажешь?

На это мне возразить было нечего...

Молча смотрел я на пустынную деревенскую улочку, на темные окна деревенских домов.

Вот деревенская улочка кончилась, потянулись вдоль дороги корпуса ферм. Слепшими глазницами выбитых окон смотрели они на мехдвор, где темнели в сумерках заржавевшие остовы тракторов и комбайнов.

И горький комок встал в горле...

Ну, да...

Можно, конечно, подобно нашим депутатам-либералам рассуждать о русском разгильдяйстве и пьянстве... Только ведь деревенским разгильдяям и пьяницам в одиночку не сотворить было такого. Тут надобно было условия создать, чтобы пьянство и разгильдяйство в такую силу вошло. И кто же, спрашивается, условия эти создал? И где, не среди же местных, прячущихся от банков мужиков, искать подлинных виновников этой разрухи?

— В Москву надо ехать, эту нелюдь искать... — сказал приятель, словно услышав меня.

— Наверное... — согласился я. — Только чего же в такую даль дорогу мять... Телевизор включи и увидишь...

— Не-е... — приятель покачал головой. — В телевизоре этого не видно. Телевизор любую нелюдь как людей показывает... Ни за что не отличишь, если по телевизору смотреть...

Я не стал спорить.

— Отче наш, Иже еси на небесех! — вспоминая своего одноклассника Фанькина, проговорил я. — Да святиться имя Твое, да придет Царствие Твое, да будет воля Твоя, яко на небеси и на земли...

Тяжелая сырая темень уже лежала по обе стороны дороги.

Лишь изредка вспыхивали в этой тьме слабые огоньки недогрязенных русских деревень...

ПОЭЗИЯ

Глеб ГОРБОВСКИЙ

«СЛЫШНО КАК ДЫШИТ СТРАНА...»

Глеб Яковлевич Горбовский — родился в 1931 году в Ленинграде. Обучался в ремесленном училище, полиграфическом техникуме. Меняя профессии, много ездил по стране. Автор многих сборников стихотворений и книг прозы. Член Союза писателей России. Лауреат Государственной премии РФ. **Живет в Санкт-Петербурге.**

«РОССИЯ!» — СЛЫШУ ВНОВЬ И СНОВА

«Россия!» — слышу вновь и снова:
Испытан слух, и польза вся...
Нельзя мусолить это слово,
Как имя Пушкина — нельзя!

О, вы, ретивые пииты,
Не жаль вам имени страны.
Вы этим именем избитым
Не в хор, а в пыль превращены...

Нет, не в словесной круговерти
Трепать, священное губя,
А лишь — под пыткой,
 перед смертью
И то — не вслух, а про себя.

ОЧЕВИДЕЦ

Под вселенский голос выюги
на диване в темноте
поразмуслить на досуге
о Пилате и Христе...

...Как же так! — руками трогать
воздух истины, итог,
в двух шагах стоять от Бога —
и не верить, что Он — Бог!

Под тенистою маслиной,
на пороге дивных дней
видеть солнечного Сына —
и не сделаться светлей?

Отмахнуться... Вымыть руки.
Ах, Пилат, а как же нам
под щемающий голос выюги
строить в сердце Божий храм?

Нам, не знавшим благодати,
нам, забывшим о Христе,
нам, сидящим в Ленинграде
на диване — в темноте?!

РОЖДЕСТВО

Край неба — и звезда
в углу, как на конверте.
Рождение Христа —
спасение от смерти.

Снег. Прошлое. Мороз.
Мир распрямляет спину.
Нельзя смотреть без слез
на русскую равнину.

В сугробе, как пенек,
избушка в платье белом.
Но вспыхнул огонек
в окне заиндевелом!

Живи, Земля, живи.
Добра сияйте, знаки.
Рождение Любви —
Прозрение во мраке.

...Ему — людской тоской
быть на кресте распяту.
Тебе — своей рукой
возжечь в ночи лампаду.

ОККУПАНТЫ

На что это похоже:
Как тучи, как бурьян, —
Одни и те же рожи
Заволокли экран!

Кто вздыбил муть такую?
Владельцы вилл, «тойот»?
Кто платит, тот банкует,
Танцует и поет.

Народ нахмурил брови:
На кой ему шуты?
Неровен час, неровен —
Допляшут до беды.

Народ опять обужен,
Обижен, обнесен...
Ему Есенин нужен,
А не старик Кобзон.

ВОТ МЫ РОМАНОВЫХ УБИЛИ

Вот мы Романовых убили.
Вот мы крестьян свели с полей.
Как лошадь загнанная, в мыле,
хрипит Россия наших дней.

— «За что-о?! —
несется крик неистов, —
за что нам выпал жребий сей?»
За то, что в грязь, к ногам марксистов
упал царевич Алексей.

* * *

Вновь отпылала заря.
Смутному голосу внемлю:
«Боже, верни нам царя,
выручи русскую землю!»
Шум этой жизни и гам
я в своем сердце смиряю.

Молча к разбитым ногам
вновь кандалы примеряю.
Ночь на дворе, как стена.
Темень, как камень, недвижна.
Слышно, как дышит страна.
Все еще дышит... Чуть слышно.

КОЛОКОЛА

Еще не рассосалась мгла
над исковерканной Россией,
но вновь поют колокола,
и звоны тают в небе синем.

В церквушках, вставших из травы
забвенья, — и в столичных храмах —

над ширью северной Невы
и над Москвой — вероупрямой!

Ко-ло-ко-ла! — какой раскат,
какая мощь в набатном слове.
...Восславим тех, кто был распят
во времена Христа... и — в нови.

ПОКАЯНИЕ

Гласит божественная лира,
нас уводя от суеты:
не сотвори себе кумира,
не искази Творца черты,
уйми гордыню...

Богом данной
Душе —
в трудах воздвигни храм!
...Ведь даже звезды покаянно
бледнеют в небе по утрам.

РОДИНА, ДУХ МОЙ СЛЕПЯ

Родина, дух мой слепя,
убереги от сомнений...
Разве я против тебя?
Против твоих завихрений!
Что же ты сбилась с ноги?
Или забыл тебя Боже?
Или тесны сапоги
красно-коричневой кожи?

Бодро шуршит ветеран
мимо камней мавзолея.
Мрачно вещает экран.
Слаще застолья и злее!
Корчится вечный огонь.
Русь почернела святая...

...Нищий раззявил ладонь,
а ведь ладонь — молодая!

РОССИЯ — ДАЛЕКО НЕ ХРАМ

Россия — далеко не храм
и не собор, не кроткая обитель.
Она — барак, где вечный тарарам! —
и стыд, и срам, разборки в гнусном виде.
Там лень работать и мириться лень,
а помолиться — бомбой не заставишь.
Спокон веков кулак или кистень —
оружье духа! В душах — скукота лишь.
Лежать на нарах, дьяволу кадить,
проигрывать друг другу в карты...
При жизни в преисподню угодить!
Когда, о, Русь, отклеишься от нар ты?

Я знаю: паразиты кровь твою
сосут и портят. И кромсают душу.
Ты столько лет стояла на краю,
что — в край вросла! Тебя уж не обрушить.
Пусть ты — не храм. Ты — крепость. Ты — жива...
Ты есть неугасимая лампада.

Барак сгорит, как старая трава.
И пусть горит. А храм — достроить надо!

РУССКАЯ ДЕРЕВНЯ

Федору Abramovu

Не крыши, крытые соломой,
не труд с рассвета до зари,
не вкус слезы ее соленой —
а свет, идущий изнутри!

Не путы права крепостного,
не худоба пустых полей,
не гомон пения хмельного,
а совесть нации моей!

Не только с поля-огорода
делилась сущою едой,
но кровь огромного народа
своей питала чистотой.

И если что-то есть и дышит
в моей строке, сверля покой,
оно идет на сердце — свыше!
И — от избушек над рекой...

ТЕБЕ, ГОСПОДИ!

Бегу по земле, притороченный к ней.
Измученный, к ночи влетаю в квартиру!
И вижу — Тебя... И в потемках — светлей.
...Что было бы с хрупкой планетой моей,
когда б не явились глаза Твои — миру?

Стою на холме, в окруженьи врагов,
смотрю сквозь огонь на танцующий лютик.
И вижу — Тебя! В ореоле веков.
...Что было бы с ширью полей и лугов,
когда б не явились глаза Твои — людям?

И ныне, духовною жаждой томим,
читаю премудрых, которых уж нету,
но вижу — Тебя! Сквозь познания дым.
...Что было бы с сердцем и духом моим,
когда б не явились глаза Твои — свету?

Ласкаю дитя, отрешась от страстей,
и птицы поют, как на первом рассвете!
И рай различим в щебетаньи детей...
...Что было бы в песнях и клятвах людей,
когда б не явились глаза Твои — детям?

И солнце восходит — на помощь Тебе!
И падают тучи вершинам на плечи.
И я Тебя вижу на Млечной тропе...
...Но что б я успел в сумасшедшей судьбе,
когда б не омыла глаза Твои — вечность?

ДУША ЕЩЕ ЖИВА

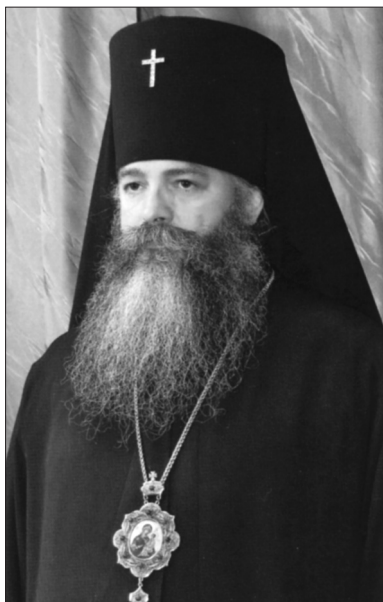
Душа еще жива,
цела — не извели,
как церковь Покрова
над водами Нерли.

Палящая, светла,
хотя в воде мазут.

Грань каждого угла
ясна, как Божий Суд.

Над зеленью полей,
над белизной снегов
она хранит друзей
и... стережет врагов.

История и современность

**Архиепископ
Курганский
и Шадринский
КОНСТАНТИН
(ГОРЯНОВ)**

КОНЕЦ РУССКОЙ СИМФОНИИ

*Русская Православная
Церковь и Государственная
Дума первых созывов*

Император Николай II 18 февраля 1905 года подписал рескрипт на имя министра внутренних дел А. Г. Булыгина, в котором ему предлагалось разработать проект закона о созыве в России законосовещательной Думы. В июле 1905 г. под председательством государя в Петергофе было созвано специальное заседание, итогом которого явилось издание Высочайшего Манифеста, предполагающего созыв такой Думы. Народные избранники должны были заниматься предварительной разработкой законодательных предположений и обсуждением росписи государственных доходов и расходов.

Выборы в Думу в 1906 году не были первыми подобными выборами для России. Как известно, к этому времени уже привычным явлением было, например, избрание городских органов власти и земских соб-

Архиепископ Курганский и Шадринский Константин (Горянов) — родился в ауле Кэнессы Джамбульской обл. Казахстана. В 1974 г. окончил лечебный факультет Винницкого мед. института и работал участковым врачом, затем ст. врачом бригады интенсивной терапии. В 1981 г. защитил кандидатскую диссертацию. В 1983 г. поступил в МДС, продолжал заниматься мед. практикой. В 1986 г. пострижен в монашество, рукоположен во иеродиакона, во иеромонаха. Окончив МДА, получил степень кандидата богословия. В 1990 г. возведен в сан игумена, зачислен в братию Жировицкого монастыря, затем назначен ректором МинДС и возведен в сан архимандрита. В 1991 г. хиротонисан во епископа Новогрудского, викария Минской епархии. В 1996 г. назначен ректором СПбДАиС с титулом «епископ Тихвинский, викарий Санкт-Петербургской епархии». С 1999 г. профессор, зав. кафедрой богословских дисциплин. В 2003 г. возведен в сан архиепископа. Член Синодальной богословской комиссии, редколлегии «Богословских трудов», член нескольких академий (РАЕН, АПОБ и др.). Ныне правящий архиепирей Курганской епархии.

раний. Не были эти выборы, строго говоря, и первой попыткой общенационального представительства. Даже если не упоминать о земских соборах, еще в XVIII веке состоялись выборы депутатов «изо всех уездов и городов Империи» в Уложенную комиссию, призванную обсуждать новые законы. Идея же созыва Думы впервые стала реализовываться зимой 1905 г., вслед за трагическими событиями «кровавого воскресенья»¹. «Кровавое воскресенье» 9/22 января 1905 г. утвердило деморализующий миф о расколе между Царем и народом — тот миф, который на протяжении следующих лет стал орудием в информационной войне и использовался всеми оппозиционными партиями и различными тайными обществами. Триединство — Православие, самодержавие и народность — оказалось разбитым, из-под монархии выбивалась опора — народное доверие; а затем со всеми расправились поодиночке.

Недавно, в 2006 году, Россия негромко отметила одну из самых заметных юбилейных дат в истории нашего Отечества — 100-летия российского парламентаризма. В своей думской форме российский парламентаризм возник в XX веке дважды, и всякий раз — после кровавых революционных потрясений. Но как в девятисотых, так и в девяностых годах ушедшего века стало очевидным, что Государственная Дума России не могла и не может по сей день работать полноценно без взаимодействия с Русской Православной Церковью (РПЦ).

Тогда, в начале века, российское духовенство с нетерпением и надеждой ожидало созыва Думы. 14 октября 1905 г. столичная цензура дозволила издание брошюры «Государственная Дума и пастыри Церкви», которая выходила в свет от имени группы петербургских священников. *«Давно желанное слово скоро перейдет в ожидаемое с трепетом сердечным дело, — писали не желавшие называть свои имена авторы. — Не сегодня—завтра начнутся выборы в Государственную Думу. Кому не понятно, как важно для России, из кого составитсЯ Дума? Люди какого направления, каких взглядов, какого устоя войдут в Думу? И еще трепетнее забьется сердце, когда подумаешь, как могут быть проведены выборы... Хочется молить Бога, хочется просить людей, хочется увещевать, умолять, разъяснять, призывать, чтобы выборы были проведены честно и неподкупно, умно и обдуманно, без всякого вмешательства и богатеев-мироедов, и мелких и крупных властей, с соблюдением интересов правды и истины, интересов всей России, и особенно изможденного от нищеты и приниженного бесправием народа»*². Таковы были чаянья столичного духовенства и в ту пору, когда дальнейшим ходом революционных событий в России законосовещательная булыгинская Дума была уже сметена.

17-го октября 1905 г. манифестом «Об усовершенствовании государственного порядка» государь пообещал созвать уже Думу **законодательную**. В декабре 1905 г. в Царском Селе под председательством Николая II было созвано очередное совещание, в задачу которого входило обсуждение возможностей расширения сословного представительства в Думе. К земледе-

¹ Зырянов П. Н. Православная церковь в борьбе с революцией 1905—1907 гг. М.: Наука, 1984. С. 41—58.

² От группы петербургских священников. Государственная Дума и пастырь церкви. СПб., 1905. С. 3—4.

льческой, городской и крестьянской куриям прибавили еще и рабочую курию. Куриальная система была заимствована из опыта выборов в земские и городские представительные учреждения.

Если сравнить с нынешней ситуацией, когда на выборах часто используется технология «рекламных депутатов», то следует признать, что кое-чему у дореволюционного законодателя в плане предотвращения использования административного ресурса можно поучиться³. Достоинством законодательства о выборах являлось право избирателей присутствовать при подсчете голосов на избирательных участках в городах, учитывая, что участковые комиссии состояли всего из трех членов. Примечательно также, что царским указом 8 марта 1906 г. в целях защиты свободы и правильности выборов в Государственный Совет и Государственную Думу были установлены весомые меры уголовной ответственности. Как отмечает председатель Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации Б. В. Грызлов: «Выборы в первую Государственную Думу проходили при наличии устойчивой системы местного самоуправления, в то время как сейчас такая система еще только создается»⁴.

Следует учитывать, что подготовка к выборам в I Думу проходила на фоне вооруженных революционных выступлений в Москве и в других городах. Бунты и террористические акты преследовали цель парализовать деятельность правительства. За полгода со дня издания октябрьского Манифеста в России были убиты или ранены более полутора тысяч чиновников, военных и полицейских. Власть принимала ответные меры. В 41 губернии действовало военное положение, в 27 губерниях — режим «усиленной охраны», а в 15 — «чрезвычайной охраны». За четыре дня до открытия заседания I Думы государь утвердил «Основные государственные законы Российской Империи». В этот же день была брошена бомба в московского генерал-губернатора вице-адмирала Ф. В. Дубасова.

I

Торжественное открытие I Государственной Думы и начало ее работы, 27 апреля 1906 г., стало крупным общественным событием. Признали новый парламент и его «старшие братья» в Европе. Что же касается духовенства, то в I Думе заседало всего шесть клириков: отцы Клавдий Афанасьев, Павел Воздвиженский, Василий Гума, Авдий Концевич, Николай Огнев и Алексей Поярков⁴. Основной вопрос, который эта Дума пыталась рассмотреть, был аграрный. Хотя собственно церковные вопросы I Дума рассмотреть не успела, это вовсе не означает, что ее депутаты были равнодушны к религиозной проблематике. Так 49 депутатов, большинство из которых состояли в самой многочисленной кадетской фракции (в первой Думе ей принадлежало 179 мест), 12 мая 1906 г. подали записку председателю Думы С. А. Муромцеву. Записка содержала просьбу внести приложенные к ней основные положения законопроекта о свободе совести на рассмотрение Думы и признать рассмотрение спешным. Среди подписавших записку были

³ *Фирсов С. Л.* Русская Церковь накануне перемен (конец 1890-х — 1918 г.). «Круглый стол по религиозному образованию и диаконии». М., 2002. С. 345.

⁴ *Грызлов Б. В.* Парламентские выборы и развитие многопартийности в современной России // Там же. С. 5.

известные общественные деятели и ученые М. М. Ковалевский, Н. И. Кареев, князь Д. И. Шаховской, В. Д. Набоков, П. И. Новгородцев. Свою подпись поставил и депутат от области войска Донского православный священник Клавдий Афанасьев. Однако было бы совершенно неверно рисовать картину идиллического сотрудничества между светскими депутатами Думы и теми немногими священнослужителями, которые также оказались ее членами. Провинциальное и военное духовенство было возмущено антипатриотической настроенностью многих думцев. В этой связи заслуживает упоминания заметка священника Авдия Концевича «Пастырский голос в Государственной Думе», которая была напечатана в «Известиях по Санкт-Петербургской епархии» за 1906 г. № 9.

«Когда я ехал в Петербург в качестве члена Государственной Думы, — писал о. Авдий Концевич, — я преисполнен был горячего желания вложить и со своей стороны в сокровищницу созидательной работы Думы свою лепту... Поэтому я был страшно поражен, когда мне пришлось в течение нескольких дней слушать зажигательные речи о том, что на Руси святой все гнило и что даже следует выключить из проекта самые дорогие для русского сердца слова: «русский народ» и «русская земля»...

Поэтому, когда Дума перешла к обсуждению того пункта своего адреса, где сказано было, что Государственная Дума в числе неотложных своих задач считает широкое удовлетворение давно назревших требований отдельных национальностей племен и народностей, духовное объединение коих возможно лишь при удовлетворении всех этих племен сохранить и развивать «своеобразие» в отдельных сторонах быта, — у меня явилось страстное желание заставить Думу высказаться точно и определенно по вопросу: считает ли Дума своей неотложной задачей озаботиться о сохранении «своеобразия» России или, быть может, Дума намерена посягнуть на самобытность России и дать России новый облик, новое имя?»⁵.

Сегодня с высоты прошедших ста лет трудно не усмотреть известной проницательности в словах священника Авдия Концевича. Пройдет менее 20 лет и страна, перевернутая февральской буржуазной и октябрьской социалистической революциями, примет не только новый облик, но и новое имя — Союз Советских Социалистических Республик.

Революционные настроения в I Думе проявлялись и в том, что многие депутаты высказывались за введение полной религиозной свободы в России. Они пребывали в убеждении, что именно это является первой обязанностью первого русского парламента. Депутаты полагали, что только полное осуществление свободы совести *«может восстановить то доверие и нравственную связь отдельных народностей, без которых невозможно процветание, благоденствие и мощь России...»*⁶. Вполне понятно, что государственная власть не могла согласиться с требованием этой группы депутатов **таким образом** решить вопрос о свободе совести, чтобы полно-

⁵ Концевич А. Пастырский голос в Государственной Думе // Известия Санкт-Петербургской епархии. 1906. № 9. С. 28–29.

⁶ Дело по проекту основных положений, предлагаемых изменений в законе о свободе совести РГИА. Ф. 1278. Оп. 1. д. 297. Л. 14. Цит. по: Фирсов С. Л. Русская Церковь накануне перемен (конец 1890-х — 1918 г.). М., 2002. С. 348.

стью уничтожить законодательно закрепленное тысячелетнее первенство РПЦ. Тем более, что основные положения законопроекта о свободе совести в наихудшее положение ставило именно Православную Церковь. В разгар революции санкционировать разрушение традиционно существовавшего церковно-государственного союза было бы равносильно политическому самоубийству, но именно к такому самоубийству и стремились подтолкнуть многие члены Думы государственную власть.

Следует иметь в виду, что уже с первых дней работы Думы депутатское большинство сконцентрировало свое внимание на ожесточенной критике правительства и вовсе не было настроено на конструктивную работу. Партия кадетов пользовалась самой мощной финансовой поддержкой по сравнению со всеми остальными партиями, в том числе проправительственными. В Москве, например, на предвыборные цели кадеты истратили более 700 тысяч рублей, в то время как «умеренные» — около 335 тысяч, а проправительственные монархисты — немногим более 10 тысяч⁷. С помощью прессы в обществе было сформировано критическое отношение к действиям верховной власти.

На волне преобладающих антиправительственных настроений большинство мест в Думе получили враждебно настроенные по отношению к власти депутаты. Депутаты даже отказали правительству поддержать его заявление, осуждающее революционный террор. А вот некоторые примеры наиболее громких террористических актов, совершенных в это время. 14 мая эсеры бросили бомбу на Севастопольской набережной в генерала Неплюева, коменданта Севастополя; убито и покалечено более 100 человек. А 19 июня Дума принимает законопроект об отмене смертной казни. 28 июня застрелен у себя на даче главный адмирал Черноморского флота Чухнин. 2 июля в Петербурге убит генерал Козлов. При этом, не решая острые, накопившиеся в стране проблемы, Дума бойкотирует правительство, требуя подчинения ей Совета министров и роспуска Государственного Совета. Манифест о роспуске такой Государственной Думы, последовавший уже 20 июня 1906 г. не вызывает удивления.

II

Распустив I Думу, правительство созвало II Думу, выборы в которую проводились на основе прежнего избирательного закона. Из 13 клириков к правым относились только 4 депутата — епископы Евлогий (Георгиевский), Платон (Рождественский) и двое священников. Правительство рассчитывало, что II Дума будет по своему составу более умеренной, но Дума, начавшая работу 20-го февраля 1907 г., оказалась еще более революционной.

Уже в своем первом выступлении 6 марта 1907 г. председатель Совета Министров П. А. Столыпин напомнил депутатам о том, что свобода совести, неприкосновенность личности, жилища, тайна корреспонденции остались еще не нормированы законодательством. *«Вследствие сего, — говорил П. А. Столыпин, — в целях проведения в жизнь начал веротерпимости, правительство вменило себе прежде всего в обязанность подвергнуть пе-*

⁷ Вешняков А. А. Указ. изд. С. 10.

решаю рассмотреть все действующее законодательство и выяснить те изменения, которым оно должно подлежать в целях согласования с указами 17 апреля и 17 октября 1905 года»⁸. Председатель также заявил о призвании власти оберегать полную свободу внутреннего управления Церкви и о своей глубокой вере в спасение Православной Руси по молитвам русских людей.

Вспоминая именно эти времена, митрополит Вениамин (Федченков) писал: «Только один раз явился у трона многообещающий яркий человек П. А. Столыпин. Он бросил дерзновенно-крылатое слово революционной Думе: «Не запугаете!»⁹ 12 марта Столыпин представил на рассмотрение Думы практически все законоположения, направленные к осуществлению свободы совести, которые разработало МВД. 13 марта на заседании Думы обсуждался вопрос об отмене временного закона о военно-полевых судах. Столыпин выступил с речью. Он задал вопрос депутатам: «Вправе ли правительство перед лицом своих верных слуг, ежеминутно подвергающихся опасности, сделать гласную уступку революции?». 10 апреля в Думе была представлена Декларация правительства по аграрному вопросу. Знаменитая речь Столыпина в Думе завершилась словами: «Им нужны великие потрясения, нам нужна великая Россия!»

Здесь уместно сказать, что некоторые представители русского духовенства в оценке тогдашних политических событий частенько оказывались более прозорливыми, не только чем тогдашние светские политики, но даже чем некоторые нынешние историки. Митрополит Вениамин (Федченков), восхищавшийся дерзновенно-крылатым столыпинским «Не запугаете!», в то же время признавал: «Это было сказано более смело, чем исторически прозорливо. Сам же он был убит в киевском театре, где был и царь, провокатором Богровым, а революция продолжала тихо расти... Ему приписывалась некоторыми будто бы гениальная спасительная идея земледельческой системы, так называемого «хуторского» хозяйства; это, по его мнению, должно было укрепить собственнические чувства у крестьян-хуторян и пресечь таким образом революционное брожение... Тогда я жил в селе и отчетливо видел, что народ — против нее... Да и вообще, спасти русский народ лишь буржуазным соблазном личной корысти было совсем неглубоко, недуховно, негосударственно. Православный великорусский народ привык к общинному укладу жизни. И хутора в народе «провалились»¹⁰.

3 июня 1907 г. П. А. Столыпин совершил так называемый третьеиюньский переворот. Поводом для этого послужило обвинение членов социал-демократической фракции в военном антиправительственном заговоре. Правительство потребовало от Думы временно устранить от заседаний всех социал-демократов и арестовать 16 человек из их состава. И хотя депутаты не возражали против обсуждения предложенного вопроса, realizоваться таковое желание уже не смогло. 3 июня подписан манифест «О роспуске Государственной Думы, о времени созыва новой Думы и об изменении выборов в Государственную Думу». В новой Думе будет уменьшено предста-

⁸ Государственная Дума. (1909, 2—IV). С. 1754.

⁹ Вениамин (Федченков), митрополит. На рубеже двух эпох. М., 1994. С. 130.

¹⁰ Вениамин (Федченков), митрополит. Там же.

вительство от нерусских народов. По словам публициста М. Меншикова, «державная власть отказалась давать средства революции».

Итак, «Дума народного гнева», проведя всего 53 заседания, также оказалась не способной на конструктивное сотрудничество с властью.

III

Таким образом, Дума первого и второго созывов не смогла обсудить вопросы, касавшиеся положения Православной Церкви. Они по наследству перешли в III Думу, которая начала работу 1 ноября 1907 г. и просуществовала весь положенный пятилетний срок.

В исторической науке утвердилось мнение о крайне консервативном характере III Думы. Эта точка зрения в значительной степени основывается на ленинской характеристике: «*III Дума — не соглашательская, а прямо контрреволюционная...*». Однако резкое снижение «революционной активности трудящихся масс» после 1907 г. объясняется не столько «разгулом реакции», сколько явным повышением благосостояния рабочих. С 1909 г. в России начинается мощный подъем индустрии (от 13 до 19% в год). В духовных семинариях вводится отдельный предмет «Обличение (критика) социализма». Изменения в политическом климате наблюдались не только в среде пролетариата, но и среди интеллигенции. Одним из выражений такого настроения стал сборник статей «Вехи».

В III Думу были избраны 45 священников и 2 епископа — Евлогий (Георгиевский) и Митрофан (Краснопольский), который был также Председателем комиссии по борьбе с пьянством. Еще 4(17) июня 1909 г. в № 6 газеты «Социал-Демократ» Ленин выступил со статьей «Классы и партии в их отношении к религии и церкви». Поводом, побудившим Ленина подготовить статью для этой нелегальной газеты, являвшейся центральным органом РСДРП, стало выступление в Думе епископа Митрофана от 16 апреля 1909 г. Владыка, бывший тогда депутатом от Могилевской губернии, откровенно заявил: *«первые шаги нашей думской деятельности были направлены именно к тому, чтобы нам, почтенным высоким избранием народным, чтобы здесь в Думе стать выше партийных дроблений и образовать одну группу духовенства, которая бы все стороны освещала со своей этической точки зрения...»*¹¹. Однако этого не произошло. Ранее, еще 2 ноября 1907 г., священники, избранные депутатами III Думы, представились митрополиту Антонию. Похоже, что именно во время этой встречи депутаты-клирики сообщили митрополиту о своем решении не обособляться в отдельную «клерикальную» фракцию.

Тем, кто принимал это роковое решение, по всей видимости, не были известны слова Ленина двухлетней давности, опубликованные 27(14) мая 1905 г. в «Пролетарии» № 1: *«Брожение среди духовенства, стремление к новым формам жизни, выделение клерикалов, появление христианских социалистов и христианских демократов, возмущение «иноверцев», сектантов и т. д.: все это играет как нельзя больше на руку революции, создавая благоприятнейшую почву для агитации за полное отделение церкви от государства. Вольные*

¹¹ Государственная Дума (1909, 2—III). С. 2229.

и невольные, сознательные и бессознательные союзники революции растут и множатся не по дням, а по часам, Вероятность победы народа над самодержавием усиливается»¹². Однако вряд ли те клирики, что твердо положили не обособляться в отдельную «клерикальную» фракцию, не ведали о глубоком убеждении такого выдающегося православного мыслителя, как Л. А. Тихомиров, который подчеркивал, что *«духовенство, пригодное к общественной деятельности, не должно иметь других партий, кроме своего церковного круга»*¹³. Л. А. Тихомиров предвидел, что разбитые по отдельным политическим фракциям священники совершенно утратят самостоятельное значение в российском парламенте и станут выражать интересы партий, конфликтуя между собой. Но именно из опасения, что этого вдруг-то и не произойдет, Ленин так опасался возможности «чистого клерикализма». Зато его радовало всякое церковное обновленчество, подрывавшее единство РПЦ.

Не пройдет и десяти лет, как антиклерикальные настроения думских депутатов отзовутся в душах тех «сознательных» пролетариев, которым захочется громить храмы и расстреливать священников. Жертвой «красного террора» в 1919 г. падет и епископ Гомельский Митрофан. И уж затем, воистину, такое жуткое *«придет время»*, когда миллионы пролетариев станут воплощать свое погромное настроение *«в революционное действие»* в ходе всех последующих «пятилеток безбожия».

Складывается впечатление, что молодой российский парламентаризм, закладывая на протяжении ряда лет идейную основу для взрыва духовных основ существовавшего общественного и государственного строя, в конечном счете выносил смертный приговор себе самому. И этот смертный приговор с некоторой отсрочкой исполнения должен был обрушиться как на либеральные, так и на революционные тенденции в стане приверженцев парламентской демократии. Как повелось говорить уже после 1917 г.: **«За что боролсь, на то и напоролось»**.

Но правомерен ли такой вывод по отношению к депутатам III Думы? Ведь в советской исторической науке эта Дума традиционно клеймилась как «черносотенная» и «контрреволюционная». Между тем, если мы обратимся к свидетельствам некоторых членов III Думы из числа духовенства, например, к сочинениям священника-миссионера Саввы Богдановича, то традиционная для советской истории характеристика Российского парламента тех лет может быть поколеблена. Так в 1911 г. отец Савва Богданович, характеризуя психологический настрой III Думы, пишет: *«18-го сего мая в думском заседании одно незначительное обстоятельство вызвало извержение огромного огненного потока из глубины революционных сердец, раскаленных агитацией масонского социализма... Вся думская гвардия “внеподданных” и “внерусских”..., выдрессированная под масонскую дудку “русской группы междупарламентского союза”, торжественно покланялась... очистить вводимое в западных губерниях земство от всякого участия православного духовенства»*¹⁴.

¹² Ленин В. И. Третий съезд // ПСС. М.: ГИПЛ, 1960. Т. 10. С. 218.

¹³ Тихомиров Л. А. Духовенство Третьей думы // Кол. 1907. 18 ноября.

¹⁴ Богданович С. Поход на духовенство // На страже православия. СПб., 1911. С. 6–7.

Не вдаваясь в детали политического конфликта 95-летней давности, о котором пишет о. Савва Богданович, следует все-таки признать, что антиправославные настроения были достаточно сильны и в III Думе. Выступления архиереев, как и следовало ожидать, вызывали резкую неприязнь и критику слева — от кадетов до социал-демократов. Последние в привычно-обличительной манере заявляли, что господствующая в России Церковь — служанка государства, поддерживающая его во всех начинаниях. Изрядное число депутатов и в III Думе смотрело на Церковь прежде всего как на политический институт и заявляло о монополизации веры в России «официальным исповеданием». В ответ на резкие суждения «левых» депутатов священники и архиереи приводили примеры активной римскокатолической экспансии даже в тех местах, где поляки почти не жили.

Уже в первый год работы III Думы стало очевидно, что многие депутаты воспринимали церковные вопросы исключительно как «ведомственные», не затрагивающие интересы большинства русского народа. Примером могут послужить огромные трудности с финансированием церковно-приходских школ. Если вопрос о школах напрямую затрагивал интересы РПЦ, то рассмотрение пакета вероисповедных вопросов касалась ее опосредованно. Здесь сложность состояла в том, чтобы увязать юридически закрепленное традиционное первенство Православной Церкви в империи с возможностью осуществления идеи свободы совести. Необходимость такой увязки осознавала и исполнительная власть. Выступление Столыпина в Думе по вероисповедным вопросам было показательным уже тем, что государство публично заявило о своем намерении разрешить вопрос свободы совести и предложило для этого ряд законопроектов.

Очевидно, что, даже в консервативной, по сравнению с предшествовавшими созывами, III Думе отношение к Православной Церкви было не простым. Взаимоотношения между Думой и Церковью, писал впоследствии митрополит Евлогий (Георгиевский), «были безысходной коллизией двух сторон, друг к другу чуждых, а порой и враждебных». Депутаты прекрасно понимали, что, предъявляя претензии к Святейшему Синоду, они высказывают недовольство самой «симфонической» светской властью.

После убийства П. А. Столыпина 1 сентября 1911 г. Мордко Богровым, который был внедрен революционерами в агентуру Киевского охранного отделения, правительство решило отказаться от разработки многих, в том числе и церковных вопросов.

IV

В работе IV Думы, первая сессия которой состоялась 15 ноября 1912 г., духовенство (48 мест) также принимало активное участие. Причем, как и в предыдущей Думе, среди депутатов были два архиерея: епископ Кременецкий Никон (Бессонов) и епископ Елисаветградский Анатолий (Каменский). В целом же численность священников в Думе сохранилась на прежнем уровне — в Таврическом дворце они получили 48 мест.

Государственный Совет, своего рода «вторая палата» российского парламента, члены которого частью избирались, а частью назначались государем из высших сановников империи, был не согласен со многими положениями думского законопроекта по вероисповедным вопросам, полагая необходи-

мым максимально «охранить» права РПЦ. В результате создали согласительную комиссию, которая выработала «компромиссный» вариант. Однако после этого Дума уже перестала торопиться с повторным рассмотрением законопроекта: до конца 1912 г. депутаты так и не решили этот вопрос. Не был решен он и в период работы IV Думы. Хотя вопросы религиозной нетерпимости стояли в ее повестке дня не менее остро. При высочайшем накале депутатских страстей вокруг межэтнических и межконфессиональных проблем не трудно догадаться, что IV Дума также была одержима «революционным неврозом». В конце декабря 1913 г. Святейший Синод принял решение, запрещающее лицам духовного звания принимать участие в деятельности политических партий и движений. Вплоть до начала Первой мировой войны думское духовенство не высказывалось о необходимости созыва Поместного Собора, занимаясь обычной законотворческой работой. Впрочем, этот вопрос активно обсуждался светскими депутатами, особенно «левыми». Начало войны нарушило ход работы Думы, сессии стали созываться нерегулярно, церковные вопросы окончательно перешли в разряд второстепенных.

О Церкви вспоминали лишь в контексте некоторых проблем, как это было, например, при обсуждении финансовой сметы в феврале 1916 г. Наряду со светскими депутатами откровенно выступали против «немецкого засилья» и депутаты-священники. Причем в Таврическом дворце они не занимали левых скамей. О «темных силах», подразумевая Распутина, говорил центрист отец Симеон Крылов. Особенно горяча была речь «националиста»-священника Вениамина Немерцалова, предлагавшего Думе выдвинуть лозунг: «Долой темные силы от святых врат Церкви, долой немецкое засилье в вопросах веры и Церкви»¹⁵.

Произошло то, о чем часто писали и чего так боялись многие православные клирики и миряне: Церковь оказалась втянутой в политику. К февралю 1917 г. Дума, попросту говоря, стала превращаться в центр революции. Трудно не согласиться с мнением доктора исторических наук А. Б. Николаева: *«В дни Февральской революции существовало два центра революции — думский и советский. Особенность функционирования этих центров состояла в том, что при решении важнейших задач революции они создавали совместные структуры (использовали другие формы сотрудничества). В результате этого происходило слияние (соединение) этих центров в один (думско-советский) центр в вопросах практической деятельности при значительном преобладании думского элемента над советским»*¹⁶.

25 февраля (10 марта) 1917 г. Николай II подписал Указ о роспуске IV Думы.

V

Таким образом, **антиклерикальные настроения, характерные для первого этапа российского парламентаризма, создавали духовно-политичес-**

¹⁵ Фирсов С. Л. Цитир. работа. С. 389.

¹⁶ Николаев А. Б. Революция и власть: IV Государственная Дума 27 февраля — 3 марта 1917 года. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2005. С. 592.

кие предпосылки для тотального погрома Русской Православной Церкви в первые два десятилетия советской власти. И вместе с тем окончательное крушение советской власти в октябрьские дни 1993 г., когда в Москве расстреливались защитники «Белого Дома», привело к удивительным метаморфозам думской формы современного российского парламентаризма.

Полезно напомнить, как 28 сентября 1993 г. в период резкого нарастания конфронтационной динамики между двумя ветвями государственной власти в России X съезд народных депутатов обратился к Патриарху Московскому и всея Руси Алексию II. При этом сообщалось, что X съезд народных депутатов принял дважды отвергнутый Б. Н. Ельциным Закон Российской Федерации «“О свободе вероисповедания”, закрывающий дорогу “беснующимся зарубежным проповедникам и мракобесам”». Вместе с тем съезд просил Патриарха “приложить все усилия для преодоления распада России и развязывания гражданской войны и достижения национального согласия нашего великого многонационального Отечества”»¹⁷.

На следующий день Патриарх Алексей выпустил «Воззвание», в котором говорилось: «Россия — на краю пропасти. Ныне мы перед выбором: или остановить безумие, или похоронить надежду на мирное будущее России. Особенно трагично то, что сегодня может распасться Российская держава. Если это произойдет, будущие поколения проклянут нас...

От имени Церкви я призываю противостоящие стороны к диалогу и предлагаю любую форму необходимого посредничества в это судьбоносное время. В связи с происходящими событиями созывается экстренное заседание Священного Синода.

Всех православных христиан прошу молиться о спасении России. Пусть и те, кто ни разу в жизни не обращался к Богу, возопиют ныне к Нему. Верю: Господь даст силу народу Своему, Господь благословит народ Свой миром! (Пс. 28, 11)»¹⁸.

Патриарх предложил посредничество и место для встречи — Данилов монастырь. Здесь особо следует подчеркнуть, что «Воззвание» было составлено, когда Святейший (с 27 сентября) пребывал в США. Однако Предстоятель РПЦ счел необходимым прервать свой визит в связи с событиями в Москве и 30 сентября вернулся в Москву. 2 октября переговоры в Свято-Даниловом монастыре между представителями Президента России и Верховного Совета продолжились с участием Патриарха Алексия. Участники переговоров подписали программу мер, разработанных группой экспертов, по нормализации обстановки вокруг Белого дома. Программа предусматривала: взаимное предоставление информации о планируемых действиях и состав вооруженных сил и вооружений у каждой из сторон, разработку совместного графика сокращения вооружений, одновременную ликвидацию сторонами заграждений вокруг Белого дома. Предполагалось также подписать график совместного сокращения сторон и документ, гарантирующий безопасность лиц, находящихся в Белом доме. По оценке Святейшего Патриарха Московского и всея

¹⁷ Зевелев А., Павлов Ю. Расколотая власть. 14 дней и ночей гражданской войны в Москве осенью 1993 года. М.: Российская политическая энциклопедия, 1995. С. 47.

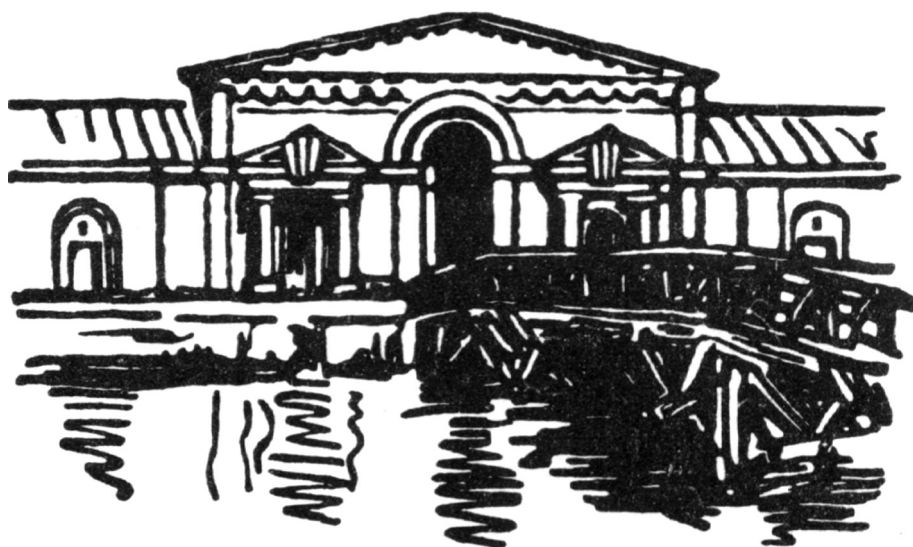
¹⁸ Алексей II, Патриарх Московский и всея Руси. Церковь и духовное возрождение России. Слова, речи, послания, обращения 1990–1998. М., 1999. С. 577–578.

Руси Алексея II, *«были у нас сегодня и драматические минуты, были и минуты согласия и доброты. Я думаю, что надо продвигаться вперед»*. К сожалению, в первые октябрьские дни 1993 г. *«минуты согласия и доброты»* не восторжествовали над часами взаимной ненависти. Переговоры сторон не удались. Кровавое пролитие не было остановлено.

Тем не менее, после кровавых событий 3–4 октября 1993 г. авторитет Русской Православной Церкви для новых российских парламентариев стал весьма значителен. Едва ли не все депутатские фракции новой Государственной Думы стремятся подчеркнуть свою лояльность РПЦ.

Складывается впечатление, что четыре революции, пережитые нашей страной в XX в. и повлекшие за собой гибель миллионов людей, научили, наконец, российских парламентариев бережнее относиться к тому, что всегда составляло духовную основу нашей государственности — к Православной вере и Церкви Христовой.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПЕТЕРБУРГ

Гравюры А. П. Остроумовой-Лебедевой

Национальная БЕЗОПАСНОСТЬ

Сергей КУРГИНЯН ПРОЦЕСС И МЫ О том, в чем нынешний тупик, и как нам из него выбраться

Сергей Ервандович Кургинян — родился в 1949 году в Москве. Окончил Московский геологоразведочный институт и Театральное училище им. Щукина. Кандидат физико-математических наук. Организатор Международного общественного фонда «Экспериментальный творческий центр» (Центр Кургиняна). Автор многих книг, а также сотен аналитических и публицистических статей в российской и зарубежной прессе. Гл. редактор выпускаемого Центром научно-публицистического журнала «Россия-XXI» и альманаха «Школа целостного анализа». Руководит интеллектуально-дискуссионным клубом «Содержательное единство». Живет в Москве.

В начале перестройки мне пришлось дискутировать с высоким должностным лицом, являвшимся по совместительству еще и одним из наших главных официальных философов. В ходе дискуссии данное лицо заявило: «Мы сначала административным образом преодолеем консервативные синдромы. А затем доверим построение нового общества живому творчеству масс». Реагируя на это заявление, я сказал, что таким образом (через начальное административное вмешательство и последующее живое творчество масс) можно только организовать регресс. Что заявленное является классической схемой формирования регресса. Что когда хирург вторгается в ткань живого тела и работает скальпелем, то он доделывает операцию и накладывает швы. А если он не хочет накладывать швы и доделывать операцию, то он ее и не начинает. Начать же ее — перерезать сосуды, рассечь ткань — и после этого сказать: «Пусть само зарастает» — хирург не может. Если же он это делает, то он не хирург, а убийца.

Все, что происходило в дальнейшем, укладывалось полностью в мою тогдашнюю формулу, согласно которой так называемая перестройка является организацией регресса. А люди, называющие себя «прогрессорами», на самом деле являются регрессорами.

Регрессивные тенденции запускались самым разным образом.

Чего стоит война со своей историей? Какая страна когда вела такую тотальную войну? Как можно в такой степени разрушить историю и сохранить смыслы, «идентификационные поля»?

Что может человек, если разрушена его идентичность? Как можно мобилизовать общество на что бы то ни было в условиях, когда идентичность отсутствует, базовые ценности отсутствуют, основа любой солидарности подорвана и так далее?

А война с Идеальным? Причем с Идеальным как таковым? Никогда никакая власть не вела подобную войну. Ленин лихорадочно нащупывал возможные связи между глубоко враждебной для него Российской империей и новым государством, которое он начинал строить. Это называлось «от какого наследства мы отказываемся?». Ленин настойчиво говорил: «Вот от этого наследства отказываемся, от этого — нет». Вопрос не в правоте его конкретных суждений, а в принципе, заложенном в эти суждения. Ни одна власть, если она хочет быть властью, не может вообще разорвать с Идеальным. С помощью такого разрыва она может подорвать властные возможности своего предшественника и конкурента. Но на следующий день после того, как она скинет этого конкурента, ей надо реализовывать власть. И на что-то перенацеливать общество. Если она лишит себя идеальной почвы вообще, то она никуда не может общество перенацелить. Она окажется абсолютно обесточенной.

Разве в ходе перестройки и в последующем мы не столкнулись с загадочной тенденцией, согласно которой борцы со старым, вроде бы желающие в дальнейшем осуществлять свою власть, боролись с Идеальным как таковым? А значит, лишали себя возможности осуществления власти в дальнейшем.

Что из этого следует? Что эти борцы не хотели осуществлять власть вообще. А хотели чего-то другого. Запустить регресс, который потом уже никто не сможет затормозить, сделать гешефт на этом регрессе.

Мы пожинаем плоды регресса, запущенного в те годы. Регрессивные тенденции не переломлены. Путину удалось стабилизировать регресс. Регресс, а не страну. Стабилизация регресса — благо по сравнению с раскруткой оного. Но если регресс продолжается, то невозможна ни реальная вертикаль власти, ни мобилизация общества на какие бы то ни было позитивные цели.

Итак, давайте для начала установим, что в конце 80-х — начале 90-х годов прошлого века в России не произошла ни буржуазная революция, ни даже феодальная контрреволюция. Произошел же запуск регрессивного процесса.

В исторически обозримое время никто не осуществлял нигде ничего подобного. Война с историей, война с Идеальным как таковым... Война с моралью. Опять же — с моралью как таковой. Кто когда позволял себе заявлять обществу о том, что мораль в принципе не нужна? Я знаю одного такого дерзкого человека. Это был маркиз де Сад, предложивший революционному Конвенту отменить мораль. Революционеры посадили маркиза в сумасшедший дом. Там же его держал и Наполеон Бонапарт.

Много говорят о том, что Коллонтай в первые революционные годы рассуждала о свободе любви, ломала рамки морали. И что,

мол, это и есть коммунистический проект, лежащий в основе советского государства. Но почему-то при этом не говорится о том, что уже Ленин одернул Коллонтай самым резким образом. А уж о Сталине и говорить нечего. Нельзя одновременно упрекать советское государство и в том, что в нем не было места для секса, и в том, что оно было основано на сексуальной распушенности. Советское государство было одним из наиболее жестких во всем, что касалось соблюдения моральных принципов.

Но французский революционный Конвент тоже не мог отказаться от моральных принципов, как предлагал де Сад. Он понимал, что не адресуя нацию к моральному долженствованию, он не осуществит задуманных преобразований и не удержится у власти более одной недели. Максимилиана Робеспьера звали Неподкупным. Был ли он таковым — не столь важно, как то, какой посыл осуществляла власть по отношению к обществу, какой идеал она ему предъявляла, к какому должному апеллировала.

То же самое с Цюрупой, наркомом продовольствия при Ленине. Речь опять идет о том, что обществу в качестве должного предъявлялся высокоморальный образец — нарком продовольствия, который, имея неограниченные возможности распоряжаться продовольственными ресурсами, падает в голодный обморок.

Что же касается перестройки, то она и впрямь дерзнула (как и ее гайдаровские наследники) открыто предъявить антиморальный образец. Примеров этому предостаточно. Чего стоит фраза Чубайса: «Наворовали — и ладно. Может быть, их внуки будут порядочными людьми».

Перестройка, создавая регресс и управляя им, задействовала так называемые карнавальные технологии. Она превратила жизнь в карнавал. Между тем, этого тоже никто никогда не делал. Церковь ставила карнавал в жесточайшие рамки. Он начинался и кончался по удару церковного колокола. Он был короткой аномальной паузой, помещенной в контекст беспощадно регламентируемой нормы.

Карнавал — не мир наизнанку. Это торжество Низа над Верхом. И это, конечно же, низвержение всего сразу — норм, идеала, исторического долженствования, системы социальных ролевых функций. Но обычный карнавал осуществляет подобное, повторяю, ненадолго и с оглядкой на регламентации, окружающие высокими стенами всю его территорию временного безнормия.

Перестройка снесла сами стены, превратила безнормие в норму, сделала его не временным, а постоянным. Карнавал стал карнавалом «нон-стоп».

Евгений Киселев когда-то рассказал о том, что главный специалист по смеховой культуре, великий литературовед Бахтин был возвращен из Саранска в Москву лично Ю. В. Андроповым... Как специалист по элите, я обязан спросить Киселева: а как он мыслит нечто подобное?

Что такое в принципе получить квартиру в Москве? Особенно для человека, имеющего относительное поражение в правах? Если Бахтин

мог сам вернуться по реабилитации, то причем тут Андропов? А если Андропову надо было вернуть его, то он должен был обеспечить Бахтину квартиру и прописку. Он что, звонил Гришину, первому секретарю МГК КПСС, и Промыслову, председателю Исполкома Моссовета? Но эти люди его не любили и тут же сообщили бы Брежневу (для этого у них были все возможности) о том, что Юрий Владимирович или сошел с ума, или затевает что-то странное. Значит, Андропов должен был дать разъяснение, оформить свое желание соответствующим образом. То есть, например, написать, что Бахтин — специалист по смеховой культуре. А поскольку диссиденты используют смеховую культуру, культуру анекдота, против власти, то ему как председателю КГБ нужен соответствующий эксперт в Москве. Эксперту надо дать квартиру и прописку. А также зачислить на соответствующую приличную работу в соответствующей приличной должности. Например, в Академию наук. Или куда-нибудь еще.

Евгений Киселев — не я, подчеркиваю, а господин Киселев — в неявной форме предлагает думающей части нашего сообщества именно эту модель. Между тем господин Киселев — не только известный тележурналист. Он человек с хорошо проартикулированным спецслужбистским прошлым. И соответствующим — очень разным — элитным спецслужбистским бэкграундом, как семейно-родственным, так и иным. Поэтому у меня есть все основания для того, чтобы прочитать его мессидж соответствующим образом. Если вы меня спросите, исчерпываются ли все мои основания данным высказыванием Киселева, то я скажу «нет». И скажу также: «без комментариев».

К чему все эти частности? Что они доказывают? Что в советской элите (и именно в элите) шла долговременная, системная работа по подрыву власти КПСС. При этом КПСС рассматривалась как своего рода светская красная церковь (церковь Верха). И против нее (снова подчеркну — в элите) задействовали те технологии, с помощью которых диссиденты эпохи Средневековья боролись с обычной церковью. Технологии карнавализации были частью подобной борьбы. Франсуа Рабле, о котором талантливо писал Бахтин, был одним из активистов специфической карнавальной борьбы с церковью Верха. Борьбы, основанной на замене Верха Низом, на подрыве смысловой вертикали. Борьбы, в которой церкви обычной (церкви Верха) противопоставлялась именно другая церковь, обратная — церковь Низа.

Для этой борьбы, хочу я спросить Евгения Киселева, было нужно на самом деле возвращение Бахтина столь далекому от филологии Андропову? Что ж, эта борьба была реально осуществлена и окончилась триумфом церкви Низа.

Я хорошо понимаю просвещенных и достаточно образованных комитетчиков, которые видели в функционерах КПСС препятствие на пути прогресса. Но если эти комитетчики, в том числе, и знакомые Евгения Киселева, были настолько образованы (а они были образованы) и имели благие цели, то они не должны были задействовать карнавализацию «нон-стоп», войну с Идеальным, превращение

церкви Низа в главенствующую. Ибо на этой основе нельзя проводить никакую модернизацию, нельзя осуществлять никакое разумное рациональное управление вообще. Власть по-настоящему нельзя осуществлять, то есть. Пусть даже и власть КГБ, победившего КПСС. Можно только плыть вниз по реке регресса. Плыть — понятно куда. В ликвидацию государственности как таковой.

В этой связи могу позволить себе еще одну аналогию. Оговорив ее условность. Речь идет о варновой структуре индийского общества как метафоре, которая нечто раскрывает в социальных ролевых функциях, существующих в любом обществе. Ну, так вот. С этой точки зрения, борьба КГБ против КПСС была аналогией восстания кшатриев против брахманов.

Разумеется, советские «брахманы» были к этому моменту таковыми лишь сугубо формально. Но, тем не менее, пока существовали хотя бы институты, отвечающие за «смыслы», возможно было и восстановление смыслов как таковых. А вот когда по-карнавальному снесли весь смысловой Верх, то исчезла сама возможность новой «брахманизации», возможность учреждения любых регулятивных смыслов — белых, либеральных. Любых. Все это было снесено. А общество упало в аномию (понятие, введенное социологом Дюркгеймом). То есть в без- и контррегулятивную грязь.

Регресс «нон-стоп» — вот нынешняя политическая и культурная мегатенденция. Она проявляет себя в тысяче частных процессов: в сокращении срока жизни, в наркотизации молодежи, в распаде семей и т.д. Повторю еще раз — регресс пока никто не переломил, не преодолел.

У нас много говорят о политической борьбе вообще и оппозиционной деятельности как одной из модификаций подобной борьбы. Должен в очередной раз четко сформулировать свою позицию — в условиях регресса политическая борьба невозможна. Нет устойчивых укладов, нет классов, нет восходящих классов, способных к выполнению лидерской роли. Ничего этого нет. Нет истории как необходимого условия классовой борьбы, да и любой иной борьбы тоже.

Какая же борьба возможна? Контррегрессивная, катакомбная. Аналогией здесь является ситуация древнеримской империи периода упадка. Шел регресс. Борьба была невозможна. Все просто деградировало. Но Константин Великий сумел нащупать катакомбный контррегрессивный социальный потенциал — первохристиан. И сумел на них опереться. В итоге и Рим продлился, хотя и ненадолго, и Византия простояла тысячу лет, и... И оказалась спасена Европа, западная цивилизация в целом. Да, пришли варвары. Но наличие Папы Римского сдержало конвульсии варваров, нормализовало жизнь, а через тысячелетие восстановило империю.

Еще один пример — крах Российской империи и переход власти к большевикам. Противники большевиков очень часто упрекают их в том, что они были не партией, а сектой. Должен сказать в ответ: слава Богу, что они были сектой. Именно секта (то есть контррег-

рессивная закрытая социальная структура) смогла противостоять на свой манер регрессу, запущенному в конце правления Николая II и в ходе Февральской псевдореволюционной оргии.

Понимаю всю рискованность аналогий между ролью контррегрессивных катакомб по отношению к Древнему Риму и ролью контррегрессивной большевистской секты в XX веке... Но провожу эту аналогию совершенно сознательно, оговаривая ее системный, структурно-функциональный, а не ценностный характер. Что-то в конце концов мы должны начать понимать в собственной истории. Не проклинать и не восхвалять, а понимать. Иначе из регресса не выйдешь.

Теперь снова возникает вопрос о новом контррегрессивном факторе. Откуда он будет сейчас принесен в русскую жизнь? Нам говорят «вот, потихонечку будем все упорядочивать»... Да не будет ничего в условиях длящегося регресса, в условиях карнавала «нон-стоп», в условиях господства церкви Низа. В России крупные негативные тенденции никогда не преодолеваются без любви!

Нельзя любить карнавал «нон-стоп», регресс, церковь Низа.

Любовь для русского государства — это кровь, текущая по жилам. Что такое отсутствие любви? Кровь перестает циркулировать. Мы недооцениваем реальное значение понятия «застой». Застой — это и есть отсутствие циркуляции. Что происходит с телом при отсутствии циркуляции крови — надеюсь, ясно. Это-то и происходит сейчас с Российской Федерацией. Я обращаю ваше внимание на то, что на огромном количестве интернет-сайтов снова говорится о том, что это государство не надо любить. Что это никакая не Россия, а «эрэфия», «рашка», «путинярня». Чем это чревато — вам, надеюсь, понятно. Впрочем, понятно ли?

В нынешнем мире идет не только великая энергетическая война (война за ресурсы), не только великая геополитическая война (война за территорию), не только великая финансовая война (война за деньги), но и великая смысловая война (война за право тех или иных народов внести тот или иной вклад в совокупное акционерное предприятие «Смысл-XXI»).

Смысловая война — основная в XXI столетии. Этого не понимает никто — ни наша бюрократия, ни наша буржуазия, ни наш политикум, ни наши масс-медиа. Есть ли у России шансы на существование в XXI столетии? Они малы, но они есть. И они полностью определяются тем, что некие силы (разумеется, я имею в виду тех в мире, кто понимает гибельность нынешнего цивилизационного мейнстрима), участвующие в великой смысловой войне, все еще чего-то ждут от русских. Ждут от них некоего нового слова. Русская специальность в истории — это новое слово. От нас его ждут — а мы молчим или мычим про рынок. Причем все более нечленораздельно. Мы отказываемся от своих шансов на спасение, обнуляем свой смысловой потенциал. Никогда ранее мы в такой степени не осуществляли ничего подобного.

Алексей ПУШКОВ ВАШИНГТОН, МОСКВА И «ПЕРЕЗАГРУЗКА»

Алексей Константинович Пушков. Политолог, журналист, автор и руководитель программы «Постскриптум»; родился в 1954 г. в Москве; окончил МГИМО МИД СССР, кандидат исторических наук; преподавал в МГИМО; работал в журнале «Проблемы мира и социализма» (Прага), заместителем главного редактора еженедельника «Moscow News», директором по связям с общественностью и СМИ телекомпании ОРТ; член президиума Совета по внешней и оборонной политике (СВОП); член редколлегии журнала «Foreign Policy» (США); член Президиума Независимой Организации «Гражданское общество» и Национального Гражданского Комитета по взаимодействию с правоохранительными, законодательными и судебными органами; владеет английским и французским языками. Живет в Москве.

Что же конкретно стоит за той «перезагрузкой» отношений, о которой в последнее время столь часто говорят в США и России и которой был посвящен визит Обамы в Москву? Ясного ответа на этот вопрос до сих пор нет. До сих пор термин «перезагрузка» больше выражал некое настроение, так сказать, политическое пожелание, чем реальные изменения в политике.

Да, и в Кремле, и в Белом Доме сформировалось ощущение, что нужно что-то менять. Есть ощущение у администрации Соединенных Штатов, что подлинные американские приоритеты, такие как ядерная программа Ирана, требуют пересмотра характера отношений с Россией, и что Иран намного важнее для США, чем превращение Грузии или Южной Осетии в главную проблему между Вашингтоном и Москвой. Конечно, администрация Обамы не признает ни Абхазию, ни Южную Осетию, но она явно не хочет ограничивать свою свободу рук в отношениях с Россией из-за отдаленной региональной проблемы. Это во-первых. Во-вторых, в Москве тоже есть усталость от постоянного перетягивания риторического — и не только риторического — каната с Соединенными Штатами.

Кроме того, политика «холодного мира» мало что дала Америке. Напротив, ее влияние на линию Москвы при Буше заметно сократилось. Но означает ли это, что администрация Обамы готова к серьезному обновлению политики на российском направлении? Это большой вопрос. Есть точка зрения состоящая в том, что будет «more of the same» — «больше того же самого», но в другой риторической упаковке, с другим президентом, который, как видно невооруженным глазом, отличается от Джорджа Буша. Есть и

вторая точка зрения. Она исходит из того, что в Америке действительно происходит глубокое переосмысление роли США в современном мире. И в рамках этого переосмысления Россия — одно из важнейших направлений, по которому Соединенные Штаты будут менять свое мышление и свой подход.

Столкновение этих двух позиций напоминает известный спор о том, насколько наполнен или пуст стакан. Стакан наполовину полон или наполовину пуст? Одни говорят, что наполовину полон, другие — что наполовину пуст. Точно так же — в зависимости от угла зрения — можно подходить к «перезагрузке» и к итогам переговоров Обамы в Москве. Моя точка зрения состоит в том, что стакан только ждет, чтобы его начали наполнять. Однако при любом подходе нельзя забывать о нескольких проблемах.

Проблема первая — Россия и США не могут начать абсолютно с чистого листа. Идея «нового начала», которую выразил Дмитрий Медведев в марте в газете «Вашингтон пост», и которую так или иначе выражает Барак Обама, очень привлекательна. Более того: она перспективна, если за ней будет стоять воля правящих элит. Но начать с совсем чистого листа будет весьма трудно. В Америке не смогут забыть о Грузии и Украине — Джозеф Байден уже подтвердил это в ходе визитов в Киев и Тбилиси. В США тема расширения НАТО на восток отнюдь не закрыта. Более того, она остается официальной политикой Вашингтона. Вряд ли и в США, и в России смогут забыть о планах размещения системы ПРО в Польше и Чехии. Словом, есть политическое наследие, с которым придется разбираться. Его нельзя выводить за скобки наших «новых» отношений.

30 лет тому назад, во время администрации Картера, Збигнев Бжезинский выдвинул формулу «сотрудничество-соперничество» для определения подхода той администрации к СССР. Отныне, заявил Бжезинский (который был тогда помощником Картера по национальной безопасности), мы будем сотрудничать там, где наши интересы близки, и соперничать там, где они сталкиваются. Но это была гибельная формула, и не случайно она проложила путь к так называемой «второй холодной войне» при Рейгане. Собственно, «сотрудничество-соперничество» ни к чему другому привести и не могло: было ясно, что соперничество обязательно одолеет сотрудничество. И дело здесь даже не в злой воле сторон (хотя у Бжезинского она была сильно выражена), а в том, что когда в политике на равных основах соперничают негатив и позитив, негатив всегда берет верх. Для позитива нужны целенаправленные, большие усилия, а негатив суть естественное проявление столкновения интересов сторон, а также отрицательных психологических наслоений прошлого.

США и Россия не могут сказать: вот у нас позитивная повестка дня, а вот — негативная повестка дня, и при этом рассчитывать на улучшение отношений, как пыталась действовать администрация Буша. На самом деле, если не будут предприняты особые усилия по преодолению негативной повестки дня и политического наследия, то на подлинное улучшение рассчитывать не приходится. Сейчас большие надежды возлагаются на переговоры о ядерном разоружении, которые начались во второй половине мая. Возможно, стороны подпишут новый договор. Но и Буш с Путиным тоже подписали в мае 2002 года, в Москве, договор по контролю над вооруже-

ниями, однако разве этот договор сильно повлиял на характер отношений? Вовсе нет. Он как бы остался сам по себе и не повлиял на общий контекст отношений между Россией и США.

С чистого листа начать не удастся. И не надо делать вид, что удастся. 15 мая, в интервью китайским журналистам, Дмитрий Медведев заявил, что для России вопрос о признании Абхазии и Южной Осетии уже решен и не подлежит обсуждению. При этом ясно, что администрация Обамы здесь с нами не согласна — вице-президент Байден уже заявил, что США не признают Абхазию и Южную Осетию. Ясно и то, что США будут продолжать поддерживать и вооружать Грузию, хотя, возможно, не так активно, как при Буше, но будут — и уже это делают. О намерении поступить именно так Байден также заявил после визита в Грузию в конце июля. И здесь обе стороны никак не найдут общий язык.

Разумный минимум, который здесь необходим, это проявление сдержанности по этим вопросам. Но готовы ли обе стороны к проявлению такой сдержанности? Регулярные заявления Байдена говорят об обратном. От того, что руководство США демонстративно заявляет, что будет и впредь вооружать Грузию, настроение в Москве не улучшается, а новая администрация показывает, что верна заветам предыдущей администрации. И это не просто сотрясение воздуха, а отказ проявлять сдержанность ради налаживания позитивного диалога. Это первое.

Второе: сегодня его налаживание гораздо больше зависит от США, чем от России. На американском направлении российская политика остается, как и в 90-е годы, политикой «реагирующего типа». Как и прежде в большинстве ситуаций действия Москвы остаются реакцией на действия Соединенных Штатов. Это логично: Россия была ослаблена. У нас только в последние годы появились крупные собственные инициативы: создание сил оперативного реагирования в рамках ОДКБ, идея Договора коллективной безопасности в Европе, развитие и укрепление ШОС. Но до сих пор Россия в основном реагировала на расширение НАТО, на планы размещения ПРО, на американскую оккупацию Ирака, на давление США на Иран. В силу и внутренних, и внешних причин Россия не имела высокоактивной повестки дня. Таким образом, в сфере внешнеполитической активности мы не можем говорить о паритете. Именно от США прежде всего зависит, чтобы этот диалог стал более содержательным.

Если администрация Обамы не сможет — или не захочет — изменить установки, которые утвердились в американской внешней политике при Буше, то и диалог будет более ограниченным. Даже если Москва возьмет инициативу на себя, как делал Владимир Путин в 2007–2008 гг., российская внешняя политика будет сталкиваться с подходами, которые уже утвердились в Вашингтоне, и от которых администрация Обамы, похоже, отказываться не собирается.

Взять идею коллективной безопасности в Европе. Понятно, что это идея, которая предложена всем на обсуждение, которая не является абсолютно законченной, но которая выражает недовольство России нынешней системной европейской безопасности. И отражает объективную незавершенность — а значит, порочность — нынешней системы европейской безопасности. Сейчас европейская система безопасности «натоцентрична». Соответственно, государства, которые не входят в НАТО, не могут быть полностью удовлет-

ворены этой системой. Но и сама по себе это система неудовлетворительна, так как она не включает важнейшую часть Восточной Европы — Россию, Украину, Молдавию, Белоруссию и Кавказ. А поскольку Россию в НАТО в обозримой перспективе не примут, то порочность «натоцентричной» системы сохранится надолго.

Как в такой ситуации Соединенными Штатам следовало бы подходить к российской инициативе в духе «перезагрузки»? К ней следовало бы подойти позитивно. В этой идее есть здравый смысл, и геополитический смысл, ибо она отражает неадекватность нынешней системы коллективной безопасности. Однако пока нам с американской стороны говорят другое. Недавно во время публичных дебатов в Киеве с послом США на Украине г-ном Тейлором мне было сказано, что всю Европу якобы устраивает эта система европейской безопасности. И зачем же ее менять, если она так хорошо действует? Нет, США не видят необходимости что-либо менять. Казалось бы, очевидно: налицо — явная, бросающаяся в глаза незавершенность ситуации. Однако нам говорят, что ситуация хорошая. Возможно, это сила инерции — отвергать то, что предлагает Россия. Возможно, идея Москвы еще не дошла в полной мере до Вашингтона. Но именно на таких вещах проверяется потенциал «перезагрузки». Если администрация Обамы настроена на нее серьезно, то и к тем инициативам, которые выдвигает Россия, ей следовало бы отнестись более внимательно.

Еще одна проблема: идея «перезагрузки» сталкивается со значительной внутренней оппозицией в США. Враждебность к России глубоко, еще со времен «холодной войны», въелась в плоть и кровь американской политики, как вирус, она живет в американском политическом организме, и дает о себе знать на новых этапах. В США также очень сильна «инерция экспансии». Эта идея, которую ярче всего выразил публицист Чарльз Краутхаммер в начале 90-х годов. Она состоит в том, что Америка — самая мощная держава мира, самодостаточная и способная на все. Организация Объединенных Наций — это выездной детский лагерь, полный злобных, антиамерикански настроенных подростков, и Америка в ООН не нуждается. У США достаточно сил и средств для решения всех проблем и утверждения американской гегемонии.

Политической практикой эта идея полностью опровергнута. Сейчас многие в Америке, похоже, начиная с самого Обамы, считают, что США не могут быть хозяевами мира. Видные эксперты признают: был «однополярный момент», но он завершился, и США пора понять, мир многополярен. Однако при этом в США сохраняется колоссальная инерция «однополярности» — и психологическая, и политическая. Ее главный мотив: мы все равно самые сильные, и самые демократичные, а потому имеем моральное право делать то, на что не имеют право другие. Это глубоко укоренившаяся идеология — главная причина негативного отношения в американском политическом классе к подлинной «перезагрузке».

Но и в России тоже есть общественное мнение. Во времена СССР нам было проще договориться: общественная реакция на действия советского руководства была заранее известна. Но даже тогда советская информационная машина объясняла населению, почему правильна и выгодна, например, «разрядка» с США. Сейчас общественное мнение в России намного более сильное и более зрелое. Российское руководство, как и руководство

США, тоже не может, не объяснив, и не доказав необходимость какой-то суммы внешнеполитических действий проводить свою политику. США пора понять: просто разъясняя, но продолжая линию, которая негативно воспринимается в России, ничего добиться нельзя. Добиться позитивных сдвигов можно лишь сделав ряд практических шагов в сторону России. Только тогда может быть достигнут прогресс. И администрация Обамы — после того, как его предшественник два срока отказывался считаться с интересами России — должна сделать конкретный шаг, показывающий, что в позиции США действительно произошли изменения.

Эти три момента чрезвычайно важны для того, чтобы стакан воспринимался не как наполовину пустой, а как наполовину полный. Сегодня мы видим в руках Обамы некий сосуд с приятным напитком, которым он вроде бы хочет наполнить этот стакан. Но пока еще ни одна капля из сосуда обещаний в этот стакан не пролилась. В практической политике пока еще ничего не сделано. Выступая со своей речью в Каире 11 июня, Обама обещал «новое начало» и мусульманскому миру. Но в своей ближневосточной политике он хотя бы наметил его основные черты. Его выступление в Москве, 7 июля, напротив, было абстрактным, наполненным благими пожеланиями, но крайне далекими от реальной политики США. А подлинная политика, обозначенная две недели спустя Байденом в Киеве и Тбилиси, подозрительно похожа на линию Буша-младшего и Кондолизы Райс. И это не обнадеживает.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПЕТЕРБУРГ

Гравюры А. П. Остроумовой-Лебедевой

Славянское БРАТСТВО

Дмитрий РОГОЗИН ТРЕТЬЯ ОБОРОНА СЕВАСТОПОЛЯ

Дмитрий Олегович Рогозин — родился в 1963 г. в Москве. В 1986 году окончил международное отделение факультета журналистики МГУ. В 1993 г. создал и возглавил движение «Конгресс русских общин». В последующие годы активно занимался защитой прав соотечественников в Прибалтике, Югославии, странах СНГ. Неоднократно избирался депутатом, был заместителем председателя Госдумы, руководителем фракции и партии «Родина». Добился беспрецедентных уступок со стороны ЕС. В 2008 году указом Президента назначен на пост постоянного представителя России в НАТО. Член Совета по внешней и оборонной политике. Доктор философских наук. **Живет в Москве.**

Вопрос о статусе Севастополя и Черноморской базы, об их будущем — один из самых трагических в новейшей истории России. В настоящих реалиях его невозможно осмыслить без обращения к прошлому, к тому, что предшествовало предательской сдаче этого великого русского города. Поэтому сегодня вызывает особый интерес исторически-правовое исследование этой темы, сделанное Д. О. Рогозиным в бытность его депутатом Государственной Думы РФ. Особую достоверность, жизненность придают сведения, связанные с работой в этой области представителей Конгресса русских общин, в формировании и научно-политическом осмыслении деятельности которого принимал активное участие автор публикуемой статьи.

С каждым годом, с каждым поступком в защиту русских соотечественников Конгресс Русских Общин все больше укреплял свой авторитет. С ним начинали считаться власти, его имя запоминали в народе. В течение первых двух лет существования Конгресса усилиями и талантом нашего друга — адвоката Бориса Кузнецова — мы выиграли громкие судебные процессы в защиту лидера Русской общины Эстонии Петра Рожка, руководителя Российской общины Севастополя Райсы Телятниковой; освободили из казахстанской тюрьмы русского журналиста Бориса Супрунюка, защитили честь и достоинство нескольких десятков русских правозащитников и патриотов.

*Героическая оборона Севастополя,
1854–1855*

Каждая новая победа вдохновляла наших сторонников на продолжение борьбы. В какой-то момент мы поняли, что Конгресс русских общин и наши активисты фактически заменили собой все российское государство, всю нашу власть с ее ведомствами, органами и бюрократами на таком наиважнейшем участке внешней политики, как защита соотечественников.

О выигранном нами в ноябре 1995 года судебном процессе в защиту Российской общины Севастополя я расскажу отдельно, так как он имеет непосредственное отношение к подтверждению российского статуса этого великого русского города. И это несмотря на то, что, подписав в мае 1997 года договор об аренде Россией на 20 лет военно-морской базы в Крыму, Кремль в очередной раз предал Севастополь. Нельзя арендовать то, что принадлежит тебе по праву! Российское государство в вопросе о статусе Севастополя обладает бесспорными правовыми аргументами, а потому непонятно, как наша власть могла без боя сдать свою военно-морскую базу на Черном море, предав веками проживавшее там русское население. Чтобы понять на чем основаны позиции сторон в этом территориальном споре и что необходимо сделать для возвращения в состав России города-крепости Севастополя, разберу этот вопрос документально.

Позиция официального Киева проста как гипотенуза: Севастополь является неотъемлемой частью Крымского полуострова, который в 1954 году был передан Хрущевым в состав СССР, а затем по наследству достался и независимой Украине.

Я же считаю иначе: Севастополь является частью суверенной территории Российской Федерации. Украина незаконно удерживает его под своим контролем. Чтобы доказать абсурдность украинской позиции и истинность своей, обратимся к фактам.

Ключевое значение для анализа ситуации вокруг Севастополя и Черноморского флота имеет вопрос соотношения понятий — Главная база Черноморского флота и город-крепость Севастополь. С момента своего основания Севастополь являлся военно-морской крепостью юга России, а с конца XIX века — Главной базой Черноморского флота.

В генеральной схеме городской планировки 1938 года указывалось на специальное оборонное значение Севастополя, требующее

согласование всех проектных решений с требованиями обороны. Граница городских земель устанавливалась с учетом размещения объектов Главной базы Черноморского флота. Поэтому Президиум Верховного Совета РСФСР 7 марта 1939 года принял постановление о расширении городской черты. То есть в понятие «город Севастополь» входит не только жилая застройка городской черты, но и территория размещения инфраструктуры Черноморского флота.

Новая граница территории Севастополя была подтверждена установкой знаков на местности и легла в основу проектов послевоенного восстановления города как Главной базы Черноморского флота.

Масштабы послевоенных восстановительных работ потребовали рассмотрения вопроса Севастополя высшими органами власти Советского Союза. В связи с особым статусом города-крепости Постановлением Совета Министров СССР № 403 от 25 октября 1948 года и Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 29 октября того же года Севастополь был выведен из состава Крымской области РСФСР и отнесен к категории городов республиканского подчинения РСФСР. С этого времени решения Крымского облисполкома не распространялись на территорию Севастополя — Главной базы Черноморского флота. С 19 февраля 1954 года, «учитывая общность экономики, территориальную близость и тесные хозяйственные и культурные связи», Президиум Верховного Совета СССР по предложению Никиты Хрущева утвердил передачу Крымской области из состава РСФСР в состав УССР. Как было сказано, «в ознаменование 300-летнего юбилея воссоединения Украины с Россией». Особо подчеркну, что речь шла о передаче Крымской области, а не Крымского полуострова! К тому времени восстановленный после войны Севастополь уже шесть лет существовал автономно от области, подчиняясь непосредственно Москве. Каких бы то ни было документов, принятых до декабря 1991 года и пересматривающих статус Севастополя в пользу Украины, в природе не существует.

Что касается Беловежских соглашений, то президент Ельцин «забыл» там обсудить вопрос о Севастополе и Крыме в целом. Ведь если Крым был передан «в ознаменование 300-летнего юбилея воссоединения Украины с Россией», то в связи с «разъединением Украины с Россией» «обручальное колечко» следовало бы вернуть.

Зато Верховный Совет РСФСР и палаты Федерального Собрания нашли в себе мужество поставить вопрос о статусе Севастополя. Так, например, в своем Постановлении № 5350-1 от 9 июля 1993 года Верховный Совет РФ по поручению седьмого Съезда народных депутатов подтвердил «российский федеральный статус города Севастополя в административно-территориальных границах городского округа по состоянию на декабрь 1991 года». Аналогичное заявление принял 29 ноября 1996 года Совет Федерации, в котором, в частности, сказано: «Односторонние действия украинской стороны, направленные на отторжение от России части ее территории (города

Севастополя), не только являются незаконными с точки зрения норм международного права, но и наносят прямой ущерб безопасности России».

Столь подробный документальный анализ показывает, что город Севастополь никогда не передавался Украине — ни в 1948, ни в 1954, ни в 1991 гг. Не Черноморский флот «базировался в Севастополе», а сам город был неотъемлемой частью главной базы Черноморского флота СССР и России. В соответствии с Конституцией СССР вопросы обороны находились в исключительной компетенции Союза. В то же время именно Российская Федерация является правопреемницей СССР. Значит, именно она является законной владелицей Главной базы Черноморского флота России — города-крепости Севастополя.

Героическая оборона Севастополя, 1941–1942

В споре о статусе Севастополя наши оппоненты пытаются ухватиться за последнюю соломинку, указывая на факт отсутствия упоминания о городе-крепости в тексте действующей Конституции России. Мол, все субъекты, все края, республики, области, округа перечислены, Москва и Санкт-Петербург перечислены, а Севастополь — нет. Значит, не входит он в состав России, — утверждают они. На сей счет один мой коллега по фракции «Родина» в Госдуме уже в 2004 году предложил почти анекдотический вариант ответа — включить Севастополь в состав города Москвы как, например, город Зеленоград. В Конституции же нигде не оговаривается расстояние, которое должно отделять административный округ от субъекта федерации. Зеленоград находится от Москвы на расстоянии нескольких десятков километров. Почему же Севастополь, который находится за тысячу километров от столицы России, не может быть признан ее частью?

Я думаю, не стоит искать такие экзотические варианты ответов на провокационные вопросы наших оппонентов.

Сам факт их постановки свидетельствует об одном — Украина не располагает доказательствами своих прав на город-крепость Севастополь. А потому и мы не должны участвовать в демагогическом споре, который пытается навязать нам украинская сторона.

Севастополь — наш. И торг здесь неуместен.

Надо сказать, что такой вывод сделали для себя все участники и свидетели громкого судебного разбирательства в защиту Российской общины Севастополя и ее печатного органа в 1995 году. Поводом для него стали утверждения прокуратуры Севастополя, которая, очевидно, действовала по указанию из Киева. В частности, в иске утверждалось, что деятельность общины носит «четко выраженную антиукраинскую направленность», а ее газета, публикуя на своих страницах обращения, заявления и открытые письма в адрес руководства Украины и России, добиваясь для Севастополя российского статуса, делает это «с целью инициировать процессы, направленные на отторжение Севастополя от Украины». Кроме того, по мнению прокурора, «Российской общиной Севастополя проводилась деятельность по незаконному оформлению жителям города российского гражданства и по обеспечению заезда в город консульской группы посольства Российской Федерации на Украине». В третьем пункте обвинения общине инкриминировалось то, что она «разжигает сепаратистские настроения и национальную рознь в Севастополе и Крыму, противопоставляя друг другу жителей украинской и русской национальности, усиливая тем самым политическую и социальную напряженность в регионе».

Адвокат КРО Борис Кузнецов и руководство Российской общины Севастополя не только блестяще выиграли этот крайне важный для всего русского движения судебный процесс, но и сумели зафиксировать в решении севастопольского суда положение о наличии территориального спора между Украиной и Россией о статусе Севастополя. То, что не захотели или не сумели сделать российские власти и МИД под руководством печальной памяти Козырева, смогли сделать активисты-соотечественники, защитившие свою честь и надежно организовавшие «третью оборону» Севастополя.

Есть только одна причина, которая может снять с повестки дня задачу возвращения Севастополя под российское управление, — это воссоединение России и Украины.

Пока же это не стало реальностью, закрепление за Севастополем российского статуса является одной из важнейших задач государственной власти.

Национальная БЕЗОПАСНОСТЬ

Михаил ЛЕОНТЬЕВ ИМПЕРСКИЙ ЧЕЛОВЕК

Михаил Владимирович Леонтьев — родился в 1958 г. Окончил общеэкономический факультет Московского института народного хозяйства, затем — ПТУ № 86 по специальности «столяр-краснодеревщик». Работал частным репетитором по истории, сторожем, пожарным. Был гл. редактором журналов: «Профиль», «Главная тема». С 1989 г. работал в газете «Коммерсантъ», после зав. отд. экономики в «Независимой газете», позже зам. гл. редактора газеты «Сегодня». С 1997 г. работал на «ТВЦ». С 1999 года — ведущий программы «Однако». С 2002 года — руководитель аналитического отдела Дирекции информационных программ ОАО «ОРТ», затем — «Первый канал». Поздравляя в 2005 г. генерала В. Шаманова в газете «Коммерсантъ», пожелал ему *«победы над всеми врагами, поскольку не сомневаюсь, что они у нас общие»*. Лауреат журналистской премии «Золотое перо России». **Живет в Москве.**

Инициатива Фонда содействия объединению русского народа «Русские» принять федеральный закон «О «Карте русского» имеет под собой определенные основания. Следует сказать, что русский народ является самым большим разделенным народом в мире. И это факт (я, правда, не знаю, сколько хуасяо-китайцев, живущих в других государствах, находится за пределами Китая). Русский народ является разделенным еще и потому, что значительная часть исторически российской территории оказалась за пределами Российской Федерации. Хотя нужно учитывать, что и на территории внутри РФ, и на территориях за ее пределами (которые мы считаем исконно российскими) проживали отнюдь не только этнические русские. Другое дело, что иногда мы начинаем пытаться дать определение русского не по его культурной, а по этнической составляющей (и проводить при этом какую-то формальную политику). Однако когда мы начинаем проводить политику по этому признаку, то сразу попадаем в тупик. Как говорится, *хотеть можно, но сделать невозможно. И даже крайне вредно.*

В первую очередь следует определиться с тем, кто такие русские люди с точки зрения культурной идентичности. Это люди, которые чувствуют себя русскими (или российскими). Если мы будем говорить об идентичности именно русской национальной культуры, то люди, которые считают песни «Калинка-малинка», «Во саду ли, в огороде» и русские сказки своими национально-этническими, — это одно (хотя это тоже важно, нужно и полезно).

А когда мы говорим о государственной идее и русско-имперской идентичности, то, на мой взгляд, это понятие относится ко всему населению бывшего СССР. **Русский за рубежом — это по своей сути имперский человек.** Я бы вообще предложил, чтобы всем гражданам бывшего СССР предоставили возможность претендовать на российское гражданство (со всеми связанными с ним благами).

Я хочу заметить, что способ политического действия, который в силу определенных обстоятельств выбран Россией по отношению к Приднестровью, Южной Осетии и Абхазии, доказал свою эффективность. А почему бы и нет?! Мы можем выдавать российские паспорта и защищать интересы наших граждан, что называется, «на месте». В свое время **Британское Содружество Наций, которое было создано на развалинах Британской империи, являлось менее однородным образованием, чем Советский Союз.** И в территориальном, и в культурном, и других смыслах. Тем не менее, они вручали направо и налево паспорта. И у них тоже были огромные проблемы. Потому что пакистанцы, индийцы и африканцы ехали в Великобританию как британские подданные. Правда, Лондон тогда вручал паспорта тем людям, которые были так или иначе связаны с британской колониальной администрацией. То есть здесь, в нашем случае, конечно, существует проблема колоссальной трудовой миграции из стран Центральной Азии. Не нужно иметь очень богатое воображение, чтобы представить, сколько возражений появится по этому поводу. И это понятно. Никто нас не обязывает идти на принцип вопреки всему. Но никто нас также не обязывает выбирать принципы, которые не будут работать.

Я считаю, что вопрос культурной политики по поддержке русских за рубежом — это в первую очередь поддержка русской культуры. Это, безусловно, возможность наших соотечественников получить гражданство РФ, если они хотят уехать на родину. А также всякого рода деятельность (политическая, культурная, дипломатическая и правовая) по защите их прав. Конечно, мы не можем вмешиваться во внутренние дела государств, которые мы признаем (нравятся они нам или нет). **Но зато мы можем оказывать помощь по защите наших соотечественников, а также по обеспечению их возможности сохранять свою идентичность.** Причем чтобы наши люди за рубежом только выигрывали бы от сохранения своей идентичности — и в качестве образования, и по многим другим параметрам. Если говорить о политике имперской и долгосрочной, то речь идет именно о том, чтобы выработать понимание имперской идентичности и реализовывать ее именно таким образом. Колоссальное преимущество России состоит в том, что «наши» (политически и культурно) — это не этнические русские, а имперско-русские. То есть люди, которые, в общем, являются реваншистами. В том смысле, что они хотят восстановления (в том или ином виде) Большой России. Как известно, существует Британия, а есть Великобритания (Great Britain). Последняя — это другая территория и другое образование. Никто же не пытается вменить Великобритании в вину ее название, и ее понятие идентичности.

До сих пор программа переселения соотечественников не принесла выдающихся результатов, потому что это очень долгий и сложный проект.

В первую очередь — психологически сложный. Здесь возникают проблемы и с людьми, которых собираются переселять, и с теми, кто встречает переселяющихся. На самом деле не существует проблемы программы переселения. Заметьте, никого же не приходится уговаривать переселяться в Краснодарский или Ставропольский края. В эти регионы переселение идет само по себе. Причем переселяются в основном не те, кого хотелось бы видеть большинству населения данного региона. И это создает массу проблем. В России, вообще, много каких программ не работает. Там, где нужны целенаправленные идеологические усилия, у нас практически ничего не работает (а если убрать слово «почти», то будет еще точнее). То есть там, где нет конкретного экономического интереса со стороны субъекта, который является заказчиком программы, ничего, как правило, не получается. Там, где надо реализовывать проект, не связанный с конкретной (личной или групповой) корыстью, ничего не работает. Политическая воля в принципе есть (хотя, может быть, не слишком сильная). Но она должна иметь инструменты своей реализации. На самом деле вопрос об инструментах реализации воли, не связанной с коммерческой заинтересованностью, — это очень сложный вопрос. **В России не должны реализовываться только коммерческие проекты.**

Ведь в чем разница между государством и коммерсантом? В нормальном современном обществе государство должно брать на себя те функции, которые не могут быть реализованы в рамках конкретного коммерческого интереса. Это не значит, что такие проекты изначально не выгодны. Переселение миллионов людей в те регионы, которые испытывают дефицит трудовых ресурсов, — на самом деле вещь очень выгодная. Но выгодополучателем в данном случае является не конкретный экономический субъект (игрок), а общество и страна в целом. В той ситуации, когда бенефициарами являются общество и страна в целом, у нас пока ничего не работает. Это большая философская проблема. О ней говорят много и разное. Я не берусь сейчас раскрывать ее в этом комментарии. Просто необходимо понимать, что у нас не только переселенческая программа не работает — у нас никакая программа не работает, если она не сформатирована так, чтобы это было кому-то непосредственно выгодно. Наверное, и это должно быть — проекты, которые мотивировали бы конкретный интерес конкретных субъектов. Но если мы не сможем осуществлять глобальные программы, в которых нет такого конкретного интереса, то мы можем спокойно накладывать на себя руки. Потому что мы просто не выживем тогда как мировой субъект. Все, что Россия делала когда бы то ни было, делалось «поверх» конкретного коммерческого интереса. Так что я выступаю за реализацию проекта «Карта русского». **Но при этом нельзя «выковыривать» из нашего постимперского социума «более русских» и наделять их какими-то особыми правами.** Это было бы абсолютно контрпродуктивно. Нам нужно не разделять, а, наоборот, собирать.

Юрий ПОЛЯКОВ

БИТВА ЗА ПАМЯТЬ

Юрий Михайлович Поляков — родился в 1954 году в Москве. Окончил Московский областной педагогический институт. Кандидат филологических наук. Член Союза писателей России. Член Совета при Президенте РФ по культуре и искусству. Главный редактор «Литературной газеты». Член Совета при Президенте РФ по содействию развитию институтов гражданского общества и правам человека. **Живет в Москве.**

Когда-то, во времена моего детства, отрочества, юности и даже зрелости День Победы в самом деле был «праздником со слезами на глазах». Причем, если выделять ключевое слово (как теперь модно), то, конечно же, это — «праздник». Правда, когда появилась знаменитая песня Владимира Харитонов, я слышал от некоторых фронтовиков ворчливое несогласие: мол, слезы-то тут при чем? Мы же победили, радоваться надо, а не плакать! Но большинство — воевавшие и не воевавшие — приняли и благодарно запечатали в сердце эту поэтическую формулу, окрыленную замечательной мелодией. Но если мы сегодня попытаемся определить пресловутое «ключевое слово», то с удивлением обнаружим, что теперь это — «слезы». Почему и что за этим стоит? Давайте разбираться...

Первоначальный образ войны в общественном сознании стал меняться давно, несколько десятилетий назад: победительно-агитационный пафос уходил на второй план, а на первый выступали страшные жертвы и лишения, которые были принесены нашим народом на алтарь Победы. В прозе и стихах литераторов-фронтовиков становилось все больше жестокой правды, прежде беспощадно вымарываемой военной цензурой, призванной не выпускать в свет ничего, что может нанести вред замыслам командования и боевому духу личного состава. К осмыслению нравственного, исторического опыта войны подключилось и поколение людей не воевавших, наследников Вели-

кого Одоления. Конечно, часто «ужесточение» темы сталкивалось с ужесточением контроля. Известно, как трудно шел фильм Алексея Германа «Проверка на дорогах», как не сразу пробилась к читателям окопная проза Вячеслава Кондратьева, как тяжело возвращал в историю Иван Стаднюк генерала Павлова. Добавлю, что спустя тридцать лет после смерти Дмитрия Кедрина мы все еще не могли опубликовать в «Московском литераторе» его стихи о хлебных очередях в военной Москве.

А вот случай, произошедший со мной, типичный для той эпохи. В моем сборнике, готовившемся в 1980 году в издательстве «Современник», было стихотворение о командире, отказавшемся выполнять губительный приказ начальника и расстрелянном за это:

*Тут справедливости не требуй:
Война не время рассуждать.
Не выполнить приказ нелепый
Страшнее, чем его отдать...*

Главлит не просто снял эти стихи — тираж книги был сокращен в три раза, а редактор, поэт Александр Волобуев, получил строгий выговор и от расстройства слег с сердечным приступом. Конечно, можно за это, как, например, режиссер Смирнов, которому помотали нервы с фильмом «Белорусский вокзал», возненавидеть советскую власть заодно с местом своего рождения. Это, кстати, стало ныне просто каким-то заболеванием. Подобно тому, как иной охтинский хулиган, получавший в свое время по шее от городского, объявлял себя после Октябрьской революции участником штурма Зимнего или на худой конец жертвой режима, так сегодня множество писателей-лауреатов и режиссеров-делегатов оказались вдруг жертвами коммунистов и жестокими диссидентами с партбилетами в карманах.

Но ведь на те же трудности, связанные с утверждением нового слова о войне, можно взглянуть и по-другому. Страшная угроза уничтожения потребовала выработки и внедрения в умы воюющих людей особенного, победно-жертвенного мировосприятия, ставшего, между прочим, таким же оружием, как «катюши» и «тридцатьчетверки». Но человек устроен так, что, выжив и сняв гимнастерку, он порой до конца жизни донашивает в душе психологию «передовой», которая оказывается сильнее более передовой идеологии мирного времени. Я вырос в заводском общежитии, где обитало, наверное, человек десять фронтовиков, и хорошо помню их «неформальные» рассказы о войне, которые почти один к одному совпадали с «формальными» рассказами, скажем, на пионерских сборах или комсомольских собраниях, куда их постоянно приглашали. Теперь это принято объяснять синдромом поколения, «напуганного Сталиным». Вряд ли все так просто! Ведь, например, Егор Гайдар не производит впечатления напуганного человека, а тем не менее по сей день продолжает упорно

нести все тот же либеральный ликбез, хотя страна и мир за пятнадцать лет кардинально переменялись.

Но в нашем случае консервация победно-жертвенного мировосприятия в общественном сознании объясняется еще поворотом мировой политики. Сейчас, наверное, только Познер и Сванидзе всерьез уверены, будто угроза, нависшая над СССР после Победы, всего лишь плод сталинских параноидальных глюков. Тот, кто мало-мальски интересуется историей, знает: наша страна в те годы, омраченные зна-

«Знамя Победы». Художник В. Маркелов

менитой Фултонской речью, оказалась лицом к лицу с консолидированным и непримиримо настроенным к нам Западом, который, на полную катушку использовав наш «тоталитаризм» для разгрома Гитлера, вдруг прозрел и озаботился «коммунистической угрозой». А каким агрессивным, беспардонным и безнравственным может быть консолидированный Запад, чувствуя свою безнаказанность, мы сегодня, после известных событий в Югославии, Ираке да и в бывших советских республиках, прекрасно знаем.

Все это привело к тому, что психология «передовой» законсервировалась и старательно поддерживалась средствами агитации и пропаганды. Конечно, со временем она вступила в противоречие с реальным, страшным и противоречивым военным опытом народа. И литература, как наиболее чуткий и идеологизированный вид творческой деятельности, начала нащупывать, готовить, вырабатывать новый взгляд на прошлое, более широкий, гуманистический, более соответствующий исторической реальности. Естественно, это вызы-

вало сопротивление. Писатель, чьи книги не вызывают поначалу сопротивления, просто плохой писатель.

Сопrotивлялся прежде всего, так сказать, идеологический актив, которому, как правило, наплевать на то, что общество в своем большинстве давно думает по-другому. Кстати, такой трудный механизм преодоления отживших мировоззренческих схем характерен не только для советской цивилизации, а для любого общественного устройства. Вот и сегодня большинство населения нашей страны абсолютно уверено в том, что экономическое и политическое реформирование в 90-е годы, как и коллективизация в 30-е, проводились преступными методами. Однако телевизор, контролируемый нынешним идеологическим активом, предлагает нам совершенно иную, почти благостную оценку этого времени. А люди (те же писатели), в своих оценках пытающиеся выйти за рамки устаревшего либерального мифа, попросту устраниаются. Слава богу, не из жизни, а из информационного поля. И на том спасибо!

Но вернемся к военной теме. Она усложнялась, углублялась, все больше внимания уделялось драме человека, вовлеченного в страшные обстоятельства, порой чудовищно несправедливые к конкретной человеческой судьбе. Маятник качнулся в другую сторону. В какой-то момент эта трагедия личности вступила в противоречие с историческим смыслом Великой Победы и даже начала заслонять его. Это нормально, это закономерный этап осмысления исторического опыта. Постепенно страшная правда каждого кровавого шага и высокий смысл пройденного победного пути пришли бы в равновесие, став героическим, опорным мифом исторической памяти. Ну в самом деле, сколько вероломства, предательства, крови вокруг Куликова поля! Разве не было русских князей, что отказались участвовать в битве или даже сражались на стороне татар? Были. Но ведь никто же из-за этого не ставит под сомнение историческое значение Куликовской победы!

Но тут случилось непредвиденное. В конце 80-х и начале 90-х новая российская власть не просто отказалась от прежней, советской идеологии, она вообще отказалась от собственной государственной идеологии, позаимствовав вместе с учебниками по рыночной экономике западную парадигму со всей ее мифологией. А в западной мифологии Вторая мировая война выглядит совсем иначе, нежели в отечественной традиции. Там все по-другому: там коварный Сталин — зло, а вероломный Черчилль — благо. Там заградотряды — преступление, а не менее жестокая полевая жандармерия — необходимая мера. Там власовцы — свидетельство антинародности Советской власти, а коллаборационисты вообще никакое не свидетельство. Там уничтожение евреев немцами — холокост, а почти окончательное решение еврейского вопроса в Латвии, Эстонии и Литве местными силами — всего лишь малоисследованная страница войны. Там неоказание помощи Варшавскому восстанию — подлость, а промедление с открытием Второго фронта — мудрость...

Всем еще памятны времена, когда Зою Космодемьянскую российские журналисты объявляли шизофреничкой, а Александра Матросова — напившимся буяном. Ну в самом деле, можно ли в здравом уме и трезвой памяти лезть в петлю и бросаться на дот ради «этой страны»? Кстати, те же журналисты буквально на соседних полосах восхищались израильтянками, служащими в армии, и умилялись подвигом рядового Райна. Дошло до того, что даже в наши школьные учебники проникла точка зрения, что Гитлера победили союзники при определенной помощи Советского Союза, воевавшего, как всегда, бездарно и преступно расходуя человеческий материал.

В древности, повергнув врага, завоеватели первым делом уничтожали тех, кто был хранителем исторической памяти, державшейся прежде всего на героических мифообразах. В сознании любого здорового народа то, чем можно гордиться, всегда преобладает над тем, чего следует стыдиться. Сегодня мы живем в век гуманизма, и дело обходится без смертоубийства. Достаточно с помощью манипуляции общественным сознанием вытравить из исторической памяти народа то, чем можно гордиться, а то, чего надо стыдиться, сохранить и упрочить. И нет народа. Приходи и владей. Представьте себе на секунду американцев, которые помнят лишь то, что их предки истребляли индейцев, гноили негров и бомбили вьетнамцев. Долго ли после этого простоит Америка?

Конечно, теперь у нас не так, как в ельцинские времена, — помягче. Но предъюбилейное обострение антипобедной аллергии все равно чувствовалось. Развернулась настоящая битва за нашу историческую память о Великой Отечественной. Если отбросить частности, то многочисленные сериалы, исследования, статьи, оплаченные порой разными замысловатыми соросовскими фондами, но чаще нашим родным государством, старались внушить нам, что победили мы так кроваво, так бездарно, так постыдно, что гордиться, по сути, нечем. Такую победу между интеллигентными людьми и победой-то считать неприлично. В общем, рассказывая о тяжелейших, смертельно опасных родах, сосредоточились на крови и слизи, а про то, что ребенок все-таки родился и вырос, сказать как-то и позабыли...

Что ж, это уже было и в 95-м, и в 2000-м. Народное сознание тогда пошатнулось, но выдержало. Выдержали мы, кажется, и очередное юбилейное очернительство образца 2005 года... Однако, скоро уйдут последние ветераны, потом уйдет поколение, выросшее на учебниках истории, может быть, не таких общечеловеческих, но зато учивших гордиться своей страной. Постепенно количество «правды» о войне одолеет правду о Победе, и новому президенту России, боюсь, придется извиняться не только за поруганных немцев, но и за убитых фашистских солдат, которые всего-то хотели принести в дикую страну традиции пивоварения и культуру колбасоedства.

Но я все-таки надеюсь, что этого никогда не случится, и битву за историческую память мы выиграем так же, как выиграли битву за Берлин!

История и современность

Владимир ПУТИН

**СТРАНИЦЫ
ИСТОРИИ — ПОВОД
ДЛЯ ВЗАИМНЫХ
ПРЕТЕНЗИЙ
ИЛИ ОСНОВА
ДЛЯ ПРИМИРЕНИЯ
И ПАРТНЕРСТВА?***

*Текст статьи взят с Официального сайта Председателя Правительства Российской Федерации. Печатается с разрешения Департамента пресс-службы Правительства РФ.

Вот уже семь десятков лет отделяют нас от трагической, черной даты в истории цивилизации — 1 сентября 1939 года. Первого дня самой разрушительной,

Владимир Владимирович Путин. Председатель Правительства Российской Федерации. Родился 7 октября 1952 года в Ленинграде. В 1975 году закончил юридический факультет Ленинградского государственного университета. По распределению был направлен на работу в органы государственной безопасности. В 1985-1990 годах работал в ГДР. С 1990 года — помощник ректора Ленинградского государственного университета по международным вопросам, затем — советник председателя Ленинградского городского совета. С июня 1991 года — председатель Комитета по внешним связям мэрии Санкт-Петербурга, одновременно — с 1994 года — первый заместитель председателя правительства Санкт-Петербурга. С августа 1996 года — заместитель управляющего делами Президента Российской Федерации. С марта 1997 года — заместитель руководителя Администрации Президента Российской Федерации, начальник Главного контрольного управления Президента Российской Федерации. С мая 1998 года — первый заместитель руководителя Администрации Президента Российской Федерации. В июле 1998 года назначен директором Федеральной службы безопасности Российской Федерации, одновременно — с марта 1999 года — Секретарь Совета Безопасности Российской Федерации. С августа 1999 года — Председатель Правительства Российской Федерации. С 31 декабря 1999 года — Исполняющий обязанности Президента Российской Федерации. 26 марта 2000 года избран Президентом Российской Федерации. Вступил в должность 7 мая 2000 года. 14 марта 2004 года избран Президентом Российской Федерации на второй срок. 8 мая 2008 года Указом Президента Российской Федерации назначен Председателем Правительства Российской Федерации. Кандидат экономических наук. Владеет немецким и английским языками.

кровопролитной войны, которую пришлось испытать Европе и всему человечеству.

Когда премьер-министр Польши Дональд Туск направил мне приглашение на мероприятия, посвященные началу Второй мировой войны, я без всяких колебаний принял его. Просто не мог поступить иначе. Потому что эта война унесла жизни 27 миллионов моих соотечественников, и в каждой российской семье живет своя боль потерь и утрат, из поколения в поколение передается гордость за Великую Победу, за подвиги дедов и отцов, прошедших фронтовыми дорогами. Потому что Россия и Польша были союзниками в той справедливой битве. Общий нравственный долг живущих сегодня — преклонить голову перед павшими, перед мужеством и стойкостью солдат разных стран, сражавшихся и сокрушивших нацизм.

XX век оставил глубокие, незаживающие раны — революции, перевороты, две мировые войны, нацистская оккупация большей части Европы и трагедия Холокоста, раскол континента по идеологическому принципу. Но в памяти европейцев — и победный май 1945-го, Хельсинкский Акт, падение Берлинской стены, громадные демократические перемены в Советском Союзе и Восточной Европе на рубеже 90-х годов.

Все это — наша общая история, и она неотделима от нас. И нет такого судьи, который мог бы вынести прошлому абсолютно беспристрастный вердикт. Равно как нет и страны, которая не знала бы трагических страниц, крутых переломов, государственных решений, далеких от высоких моральных принципов. Мы обязаны извлекать уроки из истории, если хотим иметь мирное и счастливое будущее. Однако крайне вредно и безответственно спекулировать на памяти, препарировать историю, искать в ней поводы для взаимных претензий и обид.

Полуправда всегда коварна. Былые трагедии — недоосмысленные, либо осмысленные фальшиво и лицемерно, неизбежно ведут к появлению новых историко-политических фобий, которые сталкивают между собой государства и народы. Влияют на сознание общества, искажая его в угоду недобросовестным политикам.

Историческое полотно — это не дешевая репродукция, которую можно халтурно подретушировать. По желанию заказчика — убрать то, что не нравится или изменить тон, добавив светлых или темных красок. К сожалению, с подобными примерами перелицовки прошлого нередко приходится сталкиваться в наши дни. Мы видим попытки переписать историю под нужды сиюминутной политической конъюнктуры. В некоторых странах зашли еще дальше — героизируют нацистских пособников, ставят в один ряд жертв и палачей, освободителей и оккупантов.

Искусственно вырываются отдельные эпизоды из общего исторического фона, политико-экономического или военно-стратегического контекста. Предвоенная ситуация в Европе рассматривается фраг-

ментарно и вне причинно-следственной взаимосвязи. Симптоматично, что передергиванием истории часто занимаются те, кто на деле применяет двойные стандарты и в современной политике.

Невольно задаешься вопросом, насколько далеко ушли такие мифотворцы от авторов приснопамятного сталинского «Краткого курса истории», в котором вымарывались неугодные «вождю всех народов» фамилии или события, навязывались шаблонные, насквозь идеологизированные версии происходившего.

Так, сегодня нам ничтоже сумняшеся предлагают признать, что единственным «спусковым крючком» Второй мировой войны стал советско-германский пакт о ненападении от 23 августа 1939 года. Правда, поборники такой позиции не задаются элементарными вопросами — разве Версальский договор, который подвел черту под Первой мировой войной, не оставил после себя множество «мин замедленного действия»? Главная из которых — не просто фиксация поражения, но и унижение Германии. Разве границы в Европе не начали рушиться гораздо раньше 1 сентября 1939 года? И не было аншлюса Австрии, не было растерзанной Чехословакии, когда не только Германия, но и Венгрия, и Польша, по сути, приняли участие в территориальном переделе Европы. День в день с заключением мюнхенского сговора Польша направила Чехословакии свой ультиматум и одновременно с немецкими войсками ввела свою армию в Тешинскую и Фриштадскую области.

И можно ли закрыть глаза на закулисные попытки западных демократий «откупиться» от Гитлера и перенаправить его агрессию «на Восток»? На то, как планомерно и со всеобщего попустительства демонтировались гарантии безопасности и системы ограничения вооружений, существовавшие в Европе.

Наконец, каким было военно-политическое эхо сговора, произошедшего в Мюнхене 29 сентября 1938 года? Не тогда ли Гитлер уже окончательно решил, что «все дозволено». Что Франция и Англия «палец о палец» не ударят, чтобы защитить своих союзников. «Странная война» на западном фронте, трагическая судьба брошенной без помощи Польши — к сожалению, показали, что его надежды не были напрасными.

Без всяких сомнений, можно с полным основанием осудить пакт Молотова-Риббентропа, заключенный в августе 1939 года. Но ведь годом раньше Франция и Англия подписали в Мюнхене известный договор с Гитлером, разрушив все надежды на создание единого фронта борьбы с фашизмом.

Сегодня мы понимаем, что любая форма сговора с нацистским режимом была неприемлема с моральной точки зрения и не имела никаких перспектив с точки зрения практической реализации. Однако в контексте исторических событий того времени Советский Союз не только остался один на один с Германией, поскольку западные государства отказались от предлагавшейся системы коллективной бе-

зопасности, но и стоял перед угрозой войны на два фронта — ведь именно в августе 1939 года до максимальной силы разгорелся огонь конфликта с японцами на реке Халхин-Гол.

Отвергнуть предложение Германии подписать пакт о ненападении — в условиях, когда возможные союзники СССР на Западе уже пошли на аналогичные договоренности с немецким рейхом и не хотели сотрудничать с Советским Союзом, в одиночку столкнуться с мощнейшей военной машиной нацизма — советская дипломатия того времени вполне обосновано считала, как минимум, неразумным.

Думаю, именно сговор в Мюнхене подтолкнул к разобщению объективных союзников в борьбе с нацизмом, вызвал между ними взаимное недоверие и подозрительность. И оглядываясь в прошлое, всем нам — и на Западе, и на Востоке Европы — необходимо помнить, к каким трагедиям приводят трусость, закулисная кабинетная политика, стремление обеспечить свою безопасность и национальные интересы за счет других. Не может быть разумной, ответственной политики вне нравственных и правовых рамок.

На мой взгляд, нравственный аспект проводимой политики особенно важен. И в этой связи напомним, что в нашей стране аморальный характер пакта Молотова-Риббентропа получил однозначную парламентскую оценку. Чего пока нельзя сказать о ряде других государств — хотя они также принимали далеко неоднозначные решения в 30-е годы.

И еще один урок, вытекающий из истории. Весь опыт межвоенного периода — от Версальского мира до начала Второй мировой войны — убедительно свидетельствует о том, что невозможно создать эффективную систему коллективной безопасности без участия всех стран континента, включая Россию.

Уверен, Европе по силам прийти к общей объективной оценке трагического совместного прошлого, застраховаться от повторения прежних ошибок. И потому не может не внушать оптимизма, что в ходе состоявшейся в мае в Варшаве международной конференции историков, где были широко представлены российские, польские и германские исследователи, прозвучало немало взвешенных, объективных оценок причин Второй мировой войны.

Для народов Советского Союза, Польши и многих других стран она была войной за жизнь, за право иметь собственную культуру, язык, само будущее. Мы помним всех, кто участвовал в этой борьбе вместе с советским народом. Поляков, которые первыми встали на пути агрессора, мужественно защищали Варшаву и укрепления Вестерплатте в сентябре 1939 года, а затем — сражались в рядах Армии Андерса и Войска Польского, отрядах Армии Крайовой и Армии Людовой. Американцев, англичан, французов, канадцев, других бойцов «Второго фронта», освобождавших Западную Европу. Немцев, которые, не страшась репрессий, оказывали сопротивление гитлеровскому режиму.

Создание Антигитлеровской коалиции — это, без преувеличения, поворотный пункт в истории XX века, одно из крупнейших, определяющих событий прошедшего столетия. Мир увидел, что страны и народы, при всех их различиях, многообразии национальных устремлений, тактических противоречиях — способны объединяться во имя будущего, для противодействия глобальному злу. И сегодня, когда нас скрепляют единые ценности — мы просто обязаны использовать этот опыт партнерства, чтобы эффективно противостоять общим вызовам и угрозам, расширять глобальное пространство сотрудничества, стирать такие анахронизмы, как разделительные линии — какой бы характер они ни носили.

Очевидно, что в такую логику никак не вписываются рецидивы конфронтационного наследия эпохи «холодной войны», узко-блоковые подходы к ключевым проблемам современности. Подлинно демократический многополярный мир требует укрепления гуманистических начал в международных отношениях, подразумевает неприятие ксенофобии, отказ от попыток встать над законом.

И все же можно утверждать, что Европа, мир в целом — движутся к большей безопасности для всех, к пониманию важности совместной работы, к сотрудничеству, а не к умножению раздоров.

Послевоенное историческое примирение Франции и Германии открыло путь к созданию Евросоюза. В свою очередь — мудрость и великодушие российского и немецкого народов, дальновидность государственных деятелей двух стран — позволили сделать решительный шаг к строительству Большой Европы. Партнерство России и Германии стало примером движения навстречу друг другу, устремленности в будущее — при бережном отношении к памяти о прошлом. И сегодня российско-германское сотрудничество играет важнейшую позитивную роль в международной и европейской политике. Уверен, что и российско-польские отношения рано или поздно достигнут такого высокого, по-настоящему партнерского уровня. Это — в интересах наших народов, всего европейского континента.

Мы глубоко признательны за то, что в Польше, в земле которой покоится более 600 тыс. солдат Красной Армии, отдавших жизнь за ее освобождение, бережно и с уважением относятся к нашим воинским захоронениям. Поверьте, эти слова — не дань протоколу, они искренние и идут от сердца.

Народу России, судьбу которого исковеркал тоталитарный режим, также хорошо понятны обостренные чувства поляков, связанные с Катынью, где покоятся тысячи польских военнослужащих. Мы обязаны вместе хранить память о жертвах этого преступления.

Мемориалы «Катынь» и «Медное», как и трагическая судьба русских солдат, взятых в польский плен в ходе войны 1920 года, — должны стать символами общей скорби и взаимного прощения.

Тени прошлого не могут больше омрачать сегодняшней, а тем более — завтрашний день сотрудничества между Россией и Польшей.

Наш долг перед ушедшими, перед самой историей — сделать все, чтобы избавить российско-польские отношения от груза недоверия и предубежденности, доставшегося нам в наследство. Перевернуть страницу и начать писать новую.

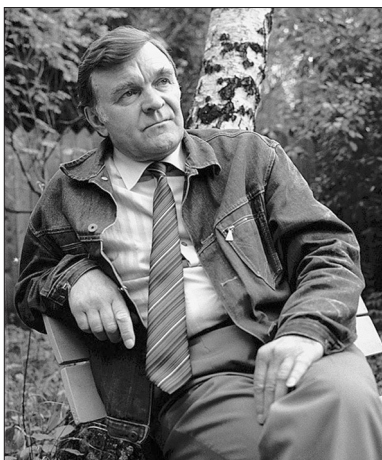
Сегодня, вспоминая о первом дне Второй мировой войны, наши мысли обращены и к ее последнему дню — Дню Победы. Мы были вместе в той битве за будущее человечества. И только от нас зависит, чтобы все лучшее и доброе, что связывает народы России и Польши — прирастало новыми делами, приумножалось в наступившем XXI веке.

Важно, что сегодня в российско-польских отношениях начинает проявляться именно такая — созидательная — логика. После неоправданно затянувшейся паузы возобновилась работа ключевых механизмов двустороннего диалога — как на государственном, так и на общественном уровне. Развиваются межрегиональные контакты, расширяются культурные, образовательные и иные гуманитарные обмены.

Успешным для торгово-экономических связей наших стран стал 2008 год — взаимный товарооборот вырос более чем в полтора раза. И в нынешних сложных условиях глобального кризиса мы намерены приложить все усилия для того, чтобы преодолеть влияние неблагоприятной мировой экономической конъюнктуры и выйти на новые перспективные проекты. Речь идет об энергетике, транспорте, высоких технологиях и инновациях, о встречных потоках инвестиций в промышленность, сельское хозяйство и инфраструктуру. Словом, перед Россией и Польшей открываются многообещающие перспективы для партнерской работы, для выстраивания отношений, достойных двух великих европейских наций.

В заключение хотел бы передать всем полякам и, прежде всего, ветеранам Второй мировой войны — самые теплые пожелания мира, счастья и процветания.

Юрий БОНДАРЕВ

МОЕ ПОКОЛЕНИЕ

Мгновения

Юрий Васильевич Бондарев — родился в 1924 г. в Орске Оренбургской обл. Воевал в Сталинграде, был контужен, получил обморожение и ранение в спину. После лечения служил командиром орудия. Участвовал в форсировании Днепра и штурме Киева, и снова был ранен. Фронтовой путь отмечен боевыми наградами. После войны окончил Литинститут. Произведения переведены более чем на 70 языков. Избирался депутатом Верховного Совета РСФСР. Действительный член Русской, Международной славянской и Пушкинской академий, и д. р., почетный профессор Гос. педагогического университета. Герой Соц. Труда, лауреат Ленинской премии, двух Гос. премий СССР и РСФСР и др. Награжден двумя орденами Ленина, орденами Трудового Красного Знамени, Октябрьской Революции и др. **Живет в Москве.**

Иногда просыпаюсь на рассвете с чувством невыносимой тоски, долго лежу с открытыми глазами и как бы вспоминаю самого себя: кто я? и что я? Неужели ничего значительного не было в жизни моей, и она, такая короткая и такая длительная, уже прожита? Неужели мне оказалось не под силу выполнить программу данного судьбой времени? Впрочем, точной программы у меня никогда не было. Я стал писателем, широко печатающимся в Советском Союзе и на Западе, вошел во многие энциклопедии Европы и Америки, тем не менее, чаще и чаще с терпким неудовлетворением сознаю, что смог бы сделать несравнимо больше, чем сделал.

Но изредка по утрам я испытываю необыкновенное — тогда кажется, что безоблачно прожил счастливую жизнь, о какой можно лишь мечтать. Да, я помню себя чрезвычайно рано — с той детской поры, какая является почти непознаваемой. Я так явственно ощущаю теплый, сладковато-ласковый запах моей матери, ощущаю вместе с запахом свежего сена на телеге, где лежал я, захворавший в пути к маленькому уральскому городку, куда служба забросила отца. Вокруг было таинственное сверканье звездного неба, степь, полная звона сверчков, скрипа телег, пофыркиванья лошадей, и был летний, какой-то неземной покой и уют оттого, что рядом тихо говорили обо мне, наклонялись надо мной отец и мать, любившие меня всю жизнь. Их уже нет, а я вот живу с печальной виной перед ними за что-то недоделанное для них, неотданное, невозвращенное. И мнится порой, что та, впервые осознанная мной любовь матери и отца

охраняла и охраняет до сих пор. В общем, мне повезло и на войне — я отделался ранениями и вернулся с фронта, получив драгоценнейший подарок судьбы — жизнь. Моя женитьба была удачной. Первые шаги в литературе мучительны, несмотря на то, что меня печатали, похваливали, иногда даже не в меру. Однако искал я себя около десяти лет. И оседлал своенравного коня прозы только после выхода в свет повести «Батальоны просят огня», то есть в одно прекрасное утро «проснулся знаменитым», как тогда говорили и писали обо мне. С этого коня не раз пыталась сбросить меня сначала придворная, затем перестроечная критика, которую Бог не наградил здравомыслием, зато дьявол в избытке вооружил громко-злой фальшивой фразой, отдающей культурой сточной канавы. И в первых статьях о «Горячем снеге», о «Тишине» бушевали злость и раздражение, огненные обвинения в незнании войны, в неправде: так, мол, на войне не было и быть не могло. Позднее эти же критики писали противоположное. После чего я пришел к яснейшему выводу: кто осудил, а потом похвалил, тот солгал дважды.

Я был счастливо одержим, когда писал свою тетralогию — «Берег», «Выбор», «Игра», «Искушение», когда работал над киносценарием пятикартинного фильма «Освобождение»; когда нашел новый для себя жанр миниатюры — мгновения. Почему я испытывал счастливую одержимость в эти годы? Во-первых, что бы ни говорила о прошлом наша изолгавшаяся перестроечная критика, я был независим, насколько можно быть независимым в регламенте любого государства, никому не подчинен, никому лично не обязан ни продвижением в литературе, ни положением общественным. Власти, с которыми я никогда не был на «короткой ноге», то ли были терпеливы к моей литературной независимости, то ли мне покровительствовал ангел-хранитель. Так или иначе, но после неприятных встреч с бдительной цензурой перед выходом каждого романа меня все же печатали, хоть и с некоторыми задержками и потерями, и почти все романы имели успех у читателей, широчайшую прессу (добрую и злую), их обсуждали повсюду, экранизировали, инсценировали в Союзе и за границей. И, не закрываясь рукавом от лицемерной скромности и не краснея от «объективной реальности», хочу сказать, что со мной здоровались на улицах, уступали очередь в магазинах, присылали по почте смущающие меня подарки, шли и шли неисчислимые письма. Нет, «купаясь в славе», я не взгромождался на пьедестал, не надувал щеки, не менял тембр голоса и выражение глаз, признаюсь — большей частью я испытывал неловкость, как будто это проявление читательского внимания было ошибочным, относилось не ко мне, а к кому-то другому, за кого я выдавал себя. И, может быть, вследствие сомнения я не очень воспринимал эти тысячи писем и сотни телефонных звонков, и желаний знакомства, и радостных улыбок, и приветственных слов из зала, и долгих аплодисментов, когда я выходил на сцену или к трибуне.

Я думал тогда, что это начало нового золотого века литературы, что отныне интерес и любовь к книге и искусству не иссякнут. Это были 60-е, 70-е, 80-е годы, время надежды словесности, когда русскими художниками создавались лучшие вещи в самой читающей стране, какой теперь нет. В свободное от собственной глупости время реформаторы ввели Россию в нищету духа, обманом и тупой силой толкнули в безреформенный период не то серо-пегенький, не то пего-серенький, где в витрине бесталанного

убожества торчат искаженные ненасытностью власти и грабежа гоголевские рожи, на которых написано все крупное, все значительное, кроме разумения.

И естественное движение русской литературы, более чем полувековой период расцвета реализма (при постыдных холуйских поклонах приближенных ко двору писцов, унижающих всех нас) приостановлены на самой быстрине под пошлейший грохот цинизма, порнографии, левого шарлатанства и журналистских провокаций. Сквозь эти плотины фальсификаций и непристойностей серьезная литература прорывается с трудом. При этом — как правило — истоки ее в той стране, которую мы так позорно и преступно сдали в плен, трусливо предали ее недругам.

Да, в той стране я был счастлив еще и потому, что не заискивал ни перед кем, подобострастно не улыбался, не заглядывал преданно в глаза, не произносил лозунги, не расписывался под лакейскими документами.

Я был свободен.

МОЕ ПОКОЛЕНИЕ

Когда прошли равнины Польши и приблизились к границе еще недавно далекой Чехословакии, полузабытый довоенный зеленый мир юности приблизился вдруг, стал сниться нам в глухие осенние ночи под мрачный скрип сосен, под стук пулеметных очередей на высотах. Тогда преследовали меня одни и те же сны — в них все было «когда-то»... Просыпаясь в сыром от росы окопе, засыпанном опавшими листьями, я чувствовал, как рассветным холодом несло с ледяных вершин Карпат, как холодела под туманом земля, исчерненная воронками. И, глядя на спящих возле орудий солдат, с усилием вспоминал сон: в теплой траве горячо трещали кузнечики, парная июльская духота стояла в окутанном паутиной ельнике, ветер из-под пронизанной солнцем тучи тянул по вершинам шелестящих берез, потом с громом и легкими молниями обрушивалась лавина короткого дождя; затем — на сочно зазеленевшей поляне намокшая волейбольная сетка, в воздухе свежесть теплого ливня, за изгородями отяжелевшие влагой ветви и синий дымок самоваров на даче под Москвой.

И как бы несовместимо с этим другой сон — крупный снег, медленно падающий вокруг белых фонарей около заборов в тихих переулках Замоскворечья, мохнатый снег на воротнике у нее, имя которой я забыл, белеет на бровях, на ресницах, я вижу внимательно поднятое замершее лицо; в руках у нас обоих коньки. Мы только что вернулись с катка. Мы стоим на углу, и я знаю: через несколько минут надо расстаться.

Эти несвязные видения не были законченными снами, это была непроходящая и болезненная тоска по России, по Родине, чувство, равное самому сильному чувству любви к женщине, к жене, к детям. И это чувство, как отблеск, возникало в самые отчаянные, самые опасные минуты боя, когда мы глохли от разрывов снарядов, режущего визга осколков, автоматных очередей, когда ничего не существовало, кроме железного гула, скрежета ползущих на орудия немецких танков, раскаленных до фиолетового свечения стволов, черных от пороховой гари, потных лиц солдат, ссутуленной спины наводчика, приникшего к резиновому наглазнику панорамы, осиплых команд, темного дыма горящей травы вблизи огневой.

Удаляясь, уходя из дома, мы упорно и трудно шли к нему. Чем ближе была Германия, тем ближе был дом, тем быстрее мы возвращались в свою оборванную войной юность, которую, представлялось нам, можно еще продолжить потом.

Нам было тогда и по двадцать лет и по сорок одновременно.

Мы мечтали вернуться в тот солнечный довоенный мир, из которого ушли, запомнив его прекрасную утреннюю яркость и тишину. Солнце казалось нам праздничным солнцем, встающим над землей каждый день по своей непреложной закономерности: трава была травой, предназначенной для того, чтобы расти, быть зеленой; фонари — для того, чтобы освещать сухой апрельский тротуар возле парков, где гремела музыка, вечернюю толпу гуляющих, в которой идешь и ты, восемнадцатилетний, загорелый, сильный. Все ливни тогда проходили над твоей головой, и ты был только рад блеску молний, пушечным раскатам грома и теплой влаге на губах; все улыбки в этом мире предназначались только тебе, дружба была простой и ясной, все смерти и слезы были чужими, все ненаписанные стихи должны быть легко написаны, все несозданные картины ждали только холста, все непостроенные машины — времени. Весь мир, теплый, мягкий, прозрачно-лучезарный, лежал у твоих ног ранним голубым апрелем, обогревая добротой, радостью, ожиданием любви, — там, позади, не было ожесточенной непримиримости и ненависти, везде была разлита зеленовато-светлая акварель в воздухе; и не было жестких черных красок боли и утрат.

За долгие четыре года войны, каждый час чувствуя возле своего плеча огненное дыхание смерти, молча проходя мимо свежих бугорков с надписями химическим карандашом на дощечках, мы не утратили в себе прежний мир юности, но мы повзрослели на двадцать лет и, мнилось, прожили их так подробно, так насыщенно, что этих лет хватило бы на жизнь двум поколениям.

Мы узнали, что мир и прочен и зыбок. Мы узнали, что солнце может не взойти утром, потому что его блеск, его тепло может уничтожить бомбежка, тогда горизонт утонет в черно-багровой завесе дыма. Порой мы ненавидели солнце — оно обещало летнюю погоду и, значит, косяки пикирующих на траншеи «юнкеров». Мы узнали, что солнце может ласково согревать не только летом, но и поздней осенью, и в жесточайшие январские морозы, но вместе с тем равнодушно и беспощадно обнажать своим светом во всех деталях недавнюю картину боя, развороченные прямыми попаданиями орудия, тела убитых, которых ты только что называл по имени. Оно, солнце, могло быть и гигантским микроскопом, выдавшим твои слезы на первой щетине щек. Мы узнавали мир вместе с человеческим подвигом и страданиями.

Кто из нас мог сказать раньше, что зеленая трава может быть фиолетовой, потом аспидно-черной и закручиваться спиралью, вянуть от разрывов танковых снарядов? Кто мог представить, что когда-нибудь увидит на белых женственных ромашках, этих символах любви, капли крови твоего друга, убитого автоматной очередью?

Мы входили в разрушенные, безлюдные города, дико зияющие черными пустотами окон, провалами подъездов; поваленные фонари с разбитыми стеклами не освещали толпы гуляющих на израненных воронками тротуарах, и не было слышно смеха, не звучала музыка, не загорались веселые огоньки папирос под обугленно-черными тополями пустых парков.

В Польше мы увидели гигантский лагерь уничтожения — Освенцим, этот фашистский комбинат смерти, день и ночь работавший с дьявольской пунктуальностью, окрест него весь воздух пахнул жирным запахом человеческого пепла.

Мы узнали, что такое фашизм во всей его человеконенавистнической наготе. За четыре года войны мое поколение познало многое, но наше внутреннее зрение воспринимало только две краски: солнечно-белую и масляно-черную. Середины не было. Не было нюансов. Радужные цвета спектра отсутствовали.

Мы стреляли по траурно-черным танкам и бронетранспортерам, по черным крестам самолетов, по черной свастике, по средневеково-черным готическим городам, превращенным в крепости.

Война была жестокой и грубой школой, мы сидели не за партами, не в аудиториях, а в мерзлых окопах, и перед нами были не конспекты, а бронбойные снаряды и пулеметные гашетки. Мы еще не обладали жизненным опытом и вследствие этого не знали простых, элементарных вещей, которые приходят к человеку в будничной, мирной жизни, — мы не знали, в какой руке держать вилку, и забывали обыденные нормы поведения, мы скрывали нежность и доброту. Слова «книги», «настольная лампа», «благодарю вас», «простите», «пожалуйста», «покой», «усталость» звучали для нас на незнакомом и несбыточном языке.

Но наш душевный опыт был переполнен до предела, мы могли плакать не от горя, а от ненависти и могли по-детски радоваться весеннему косяку журавлей, как никогда не радовались — ни до войны, ни после войны. Помню, в предгорьях Карпат первые треугольники журавлей возникли в небе, протянулись в белых, как прозрачный дым, весенних разводах облаков над нашими окопами — и мы зачарованно смотрели на их медленное движение, угадывая их путь в Россию. Мы смотрели на них до тех пор, пока гитлеровцы из своих окопов не открыли автоматный огонь по этим косякам, трассирующие пули расстроили журавлиные цепочки, и мы в гневе открыли огонь по фашистским окопам.

Неиссякаемое чувство ненависти в наших душах было тем ожесточеннее, чем чище, яснее, раннее было ощущение зеленого, юного и солнечного мира великих ожиданий — все это жило в нас, снилось нам. Это сообщало нам силы, это рождало мужество и терпение. Это заставляло нас брать высоты, казавшиеся недоступными.

Наше поколение — те, что остались в живых, — вернулось с войны, сумев сохранить, пронести в себе через огонь этот чистый, лучезарный мир, непреходящую веру в будущее, в молодость, в надежду. Но мы стали непримиримее к несправедливости, добрее к добру, наша совесть стала вторым сердцем. Ведь эта совесть была оплачена кровью, обжигающей душу ненавистью ко всему черному, жестокому, античеловеческому. И вместе с тем четыре года войны мы сохраняли в себе тепло солнца, естественный цвет молодой травы, улыбку любимой женщины, мягкий блеск фонарей в теплых сумерках и вечерний снегопад...

Война уже стала историей. Но так ли это?

Для меня ясно одно: главные участники истории — это Люди и Время. Не забывать Время — это значит не забывать Людей, не забывать Людей — это значит не забывать Время. Быть историчным — это быть

современным. Количество дивизий, участвовавших в том или ином сражении, со скрупулезной точностью подсчитывают историки. Да, они подсчитывают количество потерь, определяют вехи Времени. Но они не смогут подслушать разговор в окопе перед танковой атакой, увидеть страдание и слезы в глазах восемнадцатилетней девушки-санинструктора, умирающей в полутьме полуразрушенного блиндажа, вокруг которого гудят прорвавшиеся немецкие танки, ощутить треск пулеметной очереди, убивающей жизнь.

В нашей крови пульсируют токи тех людей, что жили в Истории. Они не знали и не могли знать то, что знаем мы, но они чувствовали то, что уже не чувствуем мы. При ежесекундном взгляде в лицо смерти все обострено, все сконцентрировано в человеческой душе.

И вот этот фокус чувств чрезвычайно интересен мне.

МАТЬ

Усталый, лег отдохнуть в сумерки, а проснулся в середине ночи от такой непереносимой тоски, что сразу не понял, почему чернели незанавешенные окна, почему забыто горела настольная лампа, отсвечивая в стекле книжных полок, под которыми я лежал на диване, и почему звучала в моем сознании давняя, когда-то слышанная мелодия, исполненная горькой пронзительности: «Кого-то нет, кого-то жаль, к кому-то сердце мчится вдаль...»

Я сел на диване, потер лоб, подобрал упавшую на пол книгу, а когда стал вспоминать слова, показалось, что в этот миг кто-то думал обо мне с такой бесконечной любовью, с такой радостной и беспомощной силой, что я вскочил, начал ходить по комнате, не зная, что происходит со мной, готовый плакать, просить прощения. Будто теплый ток доходил до меня через пространство ночи, преодолевая весь зимний город, и вдруг я понял, что это она, моя старая мать, лежавшая сейчас там, в неприютной больнице, одна в своем одиночестве, слабая, беззащитная перед болью, в забытии думала обо мне с любовью безмерной, которая может быть на земле только у матерей. Но когда и где я слышал эту простенькую грустную мелодию и почему слова ее были связаны с матерью?

И она стала представляться мне молодой, красивой, русоволосой, среди утреннего горячего света в комнате с окном, распахнутым в облитую солнцем сочную зелень карагача, росшего над арыком, от которого в знойные дни веяло пресной свежестью, мать босиком стройно ходила по глиняному полу, тонкая, в белой кофточке, напевала тихонько прелестным молодым голосом: «Кого-то нет, кого-то жаль, к кому-то сердце мчится вдаль», останавливалась возле окна, улыбалась, поднимала лицо к уже очень жаркому среднеазиатскому солнцу, сквозившему через ветви карагача. Я видел ее прозрачные от обильного света глаза, ее губы, которые будто влюбленно произносили молитву, говорили о своей молодой тайной грусти этому знойному утру, солнцу, прохладно плещущему арыку: «Я вам скажу один секрет: кого люблю, того здесь нет...» А я, до слез восторга влюбленный в мать, не мог понять, кого не было с ней рядом, кого ей было жаль, к кому стремилось ее сердце: ведь тогда отец редко бывал в отъезде. Тоже молодой, сильный, он боготворил мать, был предан дому, отличался весе-

лым ласковым нравом. Порой он носил ее, как ребенка, на руках, целуя ее светлые волосы, а она почему-то обреченно, скорбно прижималась щекой к его груди.

Однажды услышал я, что она плакала за ширмой, свернувшись калачиком на диване, и, испуганный, бросился к ней, закричал: «Мама, не надо!» Со страхом увидел ее слипшиеся, влажные ресницы, но мать попыталась улыбнуться мне сквозь слезы, потом, обняв, начала гладить мою голову легкими, нежными пальцами и говорила шепотом, что отчего-то взгрустнулось, а теперь все прошло, миновало...

Но почему иногда тосковала она? В какие счастливые дали, к кому тянуло ее? О ком вспоминала в молодости? Всю жизнь она верно прожила с отцом, и я не узнал ее тайну...

А теперь в беспамятстве, на больничной койке, она витала над краем пропасти в никуда, над обрывом в черноту, где ничего нет, и, видимо, в момент краткого просветления вспомнила обо мне с той великой любовью, которая ознобом пронзила меня, разрывая непереносимой виной душу. И я ходил по кабинету, морщился, стонал от бессилия, кусал себе руку, чтобы одной болью заглушить другую, не зная, чем помочь ей, облегчить ее страдания, и бормотал, как в безумии, незатейливые эти слова:

— Кого-то нет, кого-то жаль...

Наверное, не только у меня бывали минуты, когда не приходило спасение от самого себя.

СХИМНИК

Был жаркий июльский день, золотые купола Печерского монастыря купались в теплом синем небе. А над древними стенами, над густой зеленью монастырского сада плыл перезвон колоколов, веселый, торжественный, ликующий, как радость этого летнего дня, которую, видимо, ощущали и молодые монахи, что группой собрались на мощеном дворе близ колокольни. Кротко улыбаясь друг другу, они так ловко, играючи перебирали пальцами веревки, что казалось, с виртуозной легкостью управляли воздушным, уносящимся в поднебесье музыкальным инструментом, как бы созданным самим Богом для прославления любви, греха, женской красоты.

Меж пахучих кустов малины мы пошли с женой по тропинке в глубину старого монастырского сада, испещренного солнечными бликами, пятнами теней. Навстречу тянуло ласковым воздухом, сухим настоем прогретой травы, снизу, от ручья, бормочущего в зарослях, волной пахло пресной земляной сыростью. Затем вокруг яблонь впереди стало просторно и солнечно — зазеленела, открылась залитая полуденным зноем поляна, зажелтели улы в траве под низкими, отяжеленными краснеющими яблоками ветвями. Здесь напоенный горячим клевером воздух гудел слитным гулом: пчелы облепливали хлопотливой кишащей массой щели ульев, пролетали над кустами черной смородины, обдающей нас сладостным духом ягодной плоти.

И тут, посреди этого света, тепла, запаха и радости существования, я увидел на краю поляны схимника в черной рясе, с накинутым на голову капюшоном, расшитым по траурному цвету какими-то зловеще-белыми, смертными узорами. Схимник стоял неподвижно, засунув руки в рукава,

смотрел тусклыми старческими глазами на леток улья, где копошились, ползали, озабоченно сновали пчелы. И его лицо, истонченное до прозрачной синевы, с потусторонними бескровными губами, выражало смиренную тишину, печальное внимание. Он, схимник, уже второй раз постриженный в монахи накануне небытия, уже занятый только ежечасным приготовлением себя к завтрашней смерти, будто сейчас прощался с этой пчелиной и тщетной суетой жизни, и все-таки милой, неповторимой, которая останется на земле, так же как вот этот благолепный июльский день и множество других дней, весенних, летних, зимних, как вот этот обещающий радость и любовь колокольный звон в синем небе, ликование греховного ожидания, устроенное молодыми монахами, каким был когда-то и он.

Что было на душе схимника? Тоска прощания со всем земным? Раскаяние?

И в то же время я заметил, что схимник, наблюдая хлопотливую возню пчел, боковым зрением ловил наше внимание на себе — мое внимание и моей жены, — и его красные слезящиеся глаза теперь выражали усталую отрешенность и еще более смиренную покорность судьбе. И мне показалось, что он, ссутуливаясь, засовывая глубже руки в рукава, видел и мое грустно-удивленное лицо, и молодую привлекательность моей жены, ее темные мягкие глаза, белую шею, светлые волосы до плеч. Он, наверное, видел и знал, что мы думаем о его скором переходе в неземное царство, о его последней подготовленности на смертный одр, и, зная, чувствуя особое, болезненное любопытство живых к обреченному; он также знал о неумолимости и нашего безжалостного срока, людей еще молодых, еще полных желаний и сил, и следил за суетой пчел на летке улья, с тихой усмешкой печального святого наблюдая неумолимое движение колеса бытия.

«Я ДУМАЮ, ИОСИФ, ТЫ ВОЖДЕЛЕЕШЬ БЕССМЕРТИЯ...»

В дни физического и душевного переутомления он захотел увидеть священника, отца Григория, у которого учился в семинарии.

Уединенно живущего в монастыре старика нашли и привезли к нему, растерянного, не понимающего зачем он потребовался всемогущему человеку, слава и власть которого вызывали и восторг и страх. Сталин поздоровался кивком, со спокойным любопытством долго рассматривал своего бывшего учителя, седого до снежной белизны, согбенного, оробело осеняющего себя крестным знамением, и после молчания спросил:

— Что, отец Григорий, боишься? Почему боишься?

— Ты очень велик, — ответил тихо отец Григорий и смиренно поклонился.

— Его не боишься, — усмехнувшись, Сталин показал на потолок, — а меня боишься? Если так, значит, Бога нет?

— Есть Бог.

— И есть бессмертие?

— И бессмертие души...

— А личное бессмертие — существует оно?

— Про то не знаю.

Сталин немного подумал, походил по кабинету.

— Правильно. Искренно. Про то, как ты сказал, знают только на небесах. Если не будет возражений, отец, я хотел бы с тобой поговорить именно о Боге. Возможен такой разговор между нами?

И вот только через много лет я постарался по памяти записать то, что рассказал мне отец Григорий незадолго до своей смерти в монастыре во время моих поездок по Грузии. Произошел между ними такой приблизительно разговор:

— Скажи, отец, что есть смысл жизни?

— Добро. Сама жизнь, Иосиф... данная нам Богом.

— Почему ты меня назвал Иосифом?

— Ты был моим учеником. Это не должно тебя унижать.

— Я постоянный Его ученик. — Сталин глазами показал на потолок. — Только нерадивый ученик. Значит, смысл жизни — сама жизнь? Почти так думали Гете и Толстой. Ты читал их?

— Нет. Я читаю священные писания...

— Ты сказал «добро». Так, отец? Сюда ты, конечно, включаешь веру, любовь, истину... и что еще? Непротивление?

— Милосердие, Иосиф. И... непротивление.

— Тогда что есть революция? Зло? Насилие? Противоположность добра? Или несчастье? Что? Ответь, отец, это не допрос, а откровенный разговор с учеником.

— Не гневайся, Иосиф. Революция — это тропа к счастью через насилие. Дорога к благоденствию — божественное время в бесконечном пути, как путь Иисуса Христа к людям. Короткий путь — кровь, страдания...

— Время, говоришь, отец? Ты, наверно, не согласен, что это неприятное путешествие по кругу вечности. Смертный не знает, что есть сама жизнь, поэтому не верит в смерть. Жизнь терпима, если нравственные законы человека согласны с нравственными максимами общества. Если нет, жизнь по кругу становится мукой. Нужна ли людям нескончаемая мука?

— Господь наш призывает к терпению, Иосиф.

— К сожалению, зло разделяет небо и землю. А терпение — сон разума. Силы зла, страха и насилия двигают историю в конце концов через революцию и насилие к добру. Таким образом, зло есть добро. Это диалектика. Не так ли, отец?

— Не гневайся, Иосиф, ради Христа. Революция — это обман разума. Томление духа. Суeta суeta — тщета.

— Значит, и жизнь — тщета? И добро тщета? Тогда скажи — что есть смерть? Конец всех начал? Цифра? Перемена декораций, как писал Лев Толстой? Или — ничто? Ответь, отец Григорий, что есть смерть?

— Успение... Смерть не есть уничтожение нашей жизни, а лишь переход от земли на небо, от тления к вечному бессмертию. Я думаю, Иосиф, ты возделеешь бессмертия. Но ты смертен. И вместе с тобой уйдет твоя несокрушимая власть. Бессмертна только твоя душа. Перед Господом.

— Душа, душа... Жаль. Бестелесная душа перед Богом. Жаль. Я не пойму такого блаженства.

— Ты уже будешь не ты.

— И этого жаль. Только в борьбе я понимаю, что такое жизнь.

— Помоги тебе, Господи, и прости, Господи, тебе твою безустанную борьбу. Разреши, я перекрещу тебя?

— Перекрести, отец Григорий, меня, грешного, чтобы я остался, каким был. Другой я — вне моего понимания.

— Да благословит тебя Господь обильным благословением, ибо Бог не есть Бог неустройства, но мира.

ЧАСТИЦА

Однажды на рассвете проснулся под непрерывный шум деревьев за окном и с трепетом и удивлением подумал: кто же задолго до меня рождался и умирал в моем роду? Кто жил, любил, надеялся, страдал в бесконечной череде моих далеких и близких предков по женской и мужской линии — моей матери, отца, деда, прадеда, моих дядей, сестер, братьев и многих, многих тех, чья родственная толика сообщена теплу моей крови?

Едино ли все это? И есть ли это все во мне?

Раз так, значит, я частица огромного целого, всего моего рода, уходящего далеко назад, во тьму тысячелетий. Там, у истоков, были некие он и она, те, кому я обязан жизнью, рождением своих детей, своей удачливой и грустной земной дорогой!

Как я хотел бы угадать сейчас, кто же они были, эти «кто-то», — далекие, как звезды, он и она, без кого тьма несуществования не раскрылась бы передо мной светом рождения.

ТО, ЧТО Я ЛЮБЛЮ

Деревья растут ночью. Познание это поразило меня, и, уходя от строгой реальности, я стал объяснять странную тайну природы застенчивостью зеленых гигантов, скрывающих увеличение своей красоты, дабы не вызвать чувство превосходства над мало одаренными чудесной силой соплеменниками. И я спрашиваю себя: не домыслы ли это праздного мирозерцателя? Но как не покажется невероятным, с детства я знаю, что деревья чувствуют прикосновения человеческих рук, поглаживание пальцами по коре, по листьям, отвечающим шелковистым шелестом и теплом. Но они, наши братья и сестры, чувствуют и насилие над собой, смертное острие топора, грызущие древесную плоть зубья пилы, пытку железом, которая заканчивается лишь тогда, когда с криком боли в сердцевине — да, я слышал, как кричат умирающие зеленые гиганты, — валятся они на землю, разбросав в стороны предсмертно вздрагивающие ветви, так падает, раскинув руки, сраженный пулей человек.

Я часто думаю, что деревья — явные свидетели человеческой истории: сколько же они видели людских судеб, бед, радостей, ненависти, счастливых и несчастливых слез. И не однажды они были свидетелями предательств, заговоров властолюбцев, буйства народных восстаний, революций, попрания правды, злорадного торжества лжи, низкого падения человека, наконец, его величия и его ухода в вечность.

Вместе с тем сколько раз алеющий воздух майского рассвета омывал гордо-прямые стволы сосен, сколько раз перед восходом солнца затихшая листва золотисто пылала на вершинах берез, сколько раз перед холодами осенние ветры укладывали толстые приятно похрустывающие ковры под ногами в городских парках.

В первые после лета дожди происходит секретное общение между землей и небом: лепет, шуршание капель в листве, стук еще не сильных струй по железному навесу крыльца, нервная скороговорка воды в водосточных трубах — это некий особый код, некий разговор, некое сообщение, недоступные нам звуки самой истории, напоминающие человеческое общение.

Июльский сад, весь в солнечном жару, весь в блеске, бликах, тенях — неподвижен, объят покоем, дремлет, утомленный избытком солнца, света, горячих испарений. И в этот сонный час, полностью подчиненный солнцу, больно смотреть на его драгоценный блеск, от которого простая жизнь чудится легендой.

Лето быстротечно так же, как звонкая осень, в сердитом веселье мотающая среди туч верхушки деревьев, гоняющая по земле обесцененное золото. Потом недолгое успокоение ограбленных ветвей в преддверии долгого, скучного зимнего сна под толщиной белых мохнатых халатов.

И вдруг ослепляющая радостной глубиной, обещанием любви февральская синева меж неодетых еще макушек сада, и тонкий сахарный запах снега, обилие света, оглушающий крик ворон. И какая-то весенняя сила тянет смотреть в необозримую лазурь неба, на танцующие в ее выси под верховым ветерком гибкие ветви берез, смотреть в ожидании долгих ясных дней, непотухающих закатов, прелестных птичьих голосов, как если бы впереди засияла радужная пора возвращающейся юности.

ВЕЧЕР В МОНАСТЫРЕ

В подвальной церкви Святой Богородицы было прохладно от древних сводов, от каменного пола, тихо и вкрадчиво потрескивали свечи перед таинственным величием иконостаса. Мы молчали. Потом поднялись по ступеням в пустынный двор. На юге, над крышами, над золотистыми верхушками акаций светил в чистом небе месяц. И опять, замороженный, увидел я гигантскую липу, которой, вероятно, сотни лет, и сейчас опять она поразила толщиной ствола, вросшего корнями в камень южного монастырского двора, теплого, ласково тихого, предвечернего, оваянного сияющим месячным светом, нежным стоном горлинок в разросшихся акациях. Я стоял, смотрел на отблескивающую листву, на месяц — и почему-то сладкая тоска охватывала меня от теплого воздуха старины, запаха нагретых каменных плит, тысячелетнего душевного умиротворения. Как я бы хотел бывать здесь ежедневно, в этой благостной тишине монастыря, бывать здесь последние оставшиеся мне годы, думая о неизменной красоте самой жизни, забывая, что далеко отсюда, в огромном и хаотичном городе грядет глобальное оскудение духа, истощение энергии, дерзости и веры, духота спрессованной придуманной истории, сжатой пошлыми мифами.

Олег СЕЛЕДЦОВ

ОГЛАШЕНИИ ИЗЫДИТЕ

Притча

Олег Валерьевич Селедцов — родился в 1968 году г. Бодайбо Иркутской области. Член Союза писателей России, государственный стипендиат министерства культуры России по итогам 2004 года, участник форумов молодых писателей России (2001 и 2004 гг.), член Союза журналистов России, автор 8 поэтических сборников и книги прозы. Награжден орденом Преподобного Сергия Радонежского 3 степени и медалью Сергия Радонежского I степени Русской Православной Церковью. **Живет в Майкопе, Республика Адыгея.**

1.

Обитель ютилась прямо на отвесной скале Срединного хребта. Первые монахи поселились здесь, пожалуй, до официального распространения на Руси христианства. Скорее всего, это были греческие или иберийские отшельники, которые, спасаясь от суеты мирской жизни, забрели в эти нехоженые горы и обнаружили на неприступных скалах пещеры «Богомзданные». Недюжинная сноровка и умение укрощать враждебные скалы потребовались этим смельчакам, чтобы добраться до пещер, обжить устроить в одной из них церковь. Так начиналась монастырская молитва, так крепла она, возносясь все выше и выше в горнее, к самым небесам, к самому Престолу. Но не безоблачным было ее течение. Да что там! Не облака — грозовые тучи, беспощадные бури и грады терзали, крушили, унижали ее войнами, разбойными набегами, переселениями народов, изменами отеческой вере, ересями и самодурством тех, кто глупо величает себя «Сильными мира». Сколько праведной крови было полито с этих скал на серые камни и синие гранитные плиты, сколько слез пролил ангел-хранитель обители в горную, чистую речушку, становившуюся порой мутной и соленой. Иногда на десятки и даже сотни лет затихала молитва на каменных отвесах, но последние ее угольки все же теплились неведомо как и неведомо где, чтобы спустя время с новой силой разгореться пожаром сердечной молитвы новых и новых чернецов, забывших утехи мира, семью и самое имя свое. Примерно в двенадцатом веке от рождения Христова, теснимые ордами завоевателей пришли сюда, к скалам и чудной реке люди. Не монахи, не христиане. Много людей. Со скотом

своим, с нехитрыми пожитками. Понравилась им долина. Стали лагерем. Шалаши поставили, сменили их на мазанки, разбили среди камней огоро- ды, да так и остались здесь. Молиться своим богам ходили в священную рощу, что по другую от скал сторону долины, а крохотное пристанище черных монахов не мешало им. Наоборот, именно к этому времени отно- сится возведение вокруг пещер первых деревянных построек, сменившихся лет через сто каменными. Вера чернецов понравилась пришельцам. Многие крестились сами и крестили своих домашних, но были и те, кто не отрекся от веры отцов и дедов. Были же и такие, кто крестился, но не забывал и священную рощу. Веке в четырнадцатом приходил в эти места греческий епископ. Подивился скальной обители и строящемуся в долине храму, ре- шил включить все это в свою епархию. Ушел радостный, но до кафедры своей не суждено ему было добраться. Лихие люди, ища сокровищ, напали на миссию. Посекли всех. Головы на шесты нанизали. А ценностей не на- шли. Уж и осерчали зато, озлобились. Голодной волчьей стаей ринулись по горной тропе, беспощадной саранчой рассыпались по монастырской долине. Жгли, рубили, насиловали и опять рубили. Всех и все. Под корень. Остав- шийся скот угнали с собой. Скальный монастырь пожгли, метая огненные стрелы и хитрые снаряды. Сгорели, задохнулись в дыму черные монахи, но и сквозь стены огня, сквозь горы дыма неслась, заглушая скрежет, рев, стоны и хрипы, всепрощающая победная песнь молитвы: «Царице моя преб- лагая, Надеждо моя Богородице...» Звонкая-звонкая, как голосок горного водопада, чистое-чистое, как личико потока, омывающего боль и горе кам- ней долины. Чистая и звонкая, хоть пели ее хриплые, слабеющие с каждой минутой голоса. И даже когда самый последний, не голос даже, а вздох угасающей жизни еле слышно буравил огненно-дымную завесу смерти ут- верждающим: «Яко да сохраниши мя и покрыеши во веки веков...», звучал он для небес еще звонче, чем испуганно радостная песнь младенца, только что разверзнувшего ложесна матери, и чище, чем блистающее алмазами свадебное платье венценосной невесты.

Прошло время, синими снегами и оранжевым зноем врачуя раны до- лины. И вновь пришли сюда люди. И вновь закипела горными потока- ми жизнь в ауле, и вновь ожила молитва на неприступных, потемневших от копоти серо-черных скалах. А потом, проклиная жалость, топя в пепле терпимость, высекая под корень чужую правду, прошествовали по горам, долинам, аулам и городам полумесяц, ятаган и зеленое пламя турецких фа- келов. И вновь застыла оборванной песней раненой птицы в скалистых вы- сях молитвенная нота монашеской надежды. Тихими эдельвейсами, трепет- ными незабудками рассыпалась по окрестным весям, до поры, чтобы через столетия букетом собраться в сердце нового черного и седого отшельника, бегущего от злобы мирской и безумного грохота кавказской бойни. И снова поселились в долине люди, но не под скальным монастырем, не на костях предков и чужеродцев, а в стороне, чтобы протяжная песнь муэдзина не мешала пасхальной радости колоколов. Так и жили, так и молились, так и сеяли мир в долине, там где когда-то цвела рожь. Монахи восстановили наскальные пристройки, аульчане помогли им построить деревянные про- чные лесенки, заменившие подъемник с корзиной. И вовремя. Влекомые не- объяснимым шли и шли в горную обитель паломники. Издалека. Пешком. С семьями. Помолиться у древних икон, восплакать о судьбинушке, а более

и горше о грехах, густо вымаравших сладкой тьмой сажу белые некогда крылья души. Расцвел монастырь. Слава о нем громче звонов колокольных разнеслась по землям. Своим и чужим. Сам государь-император с августейшей супругой сюда паломничать изволили. И уж как плакал, как орошал слезами древние камни, после долгой беседы с укутанной в схимнические пелены мудростью. Знать открыл ему старец нечто, что только царям ведать полагается. А уж пол-России, вся Россия стояла у подножья серой и черной скалы, ожидая открытия своей участи. А в небе, высоко-высоко кружились вместе орлы, вороны и ангелы. И кто их разберет, чего кружатся? Чего хотят? О чем прозревают? И вдруг замерли все. На секунду, на миг замерли. И черная смоль, пахнущих дымом и серой ворон, и белый гимн престольной славы Господней, и Премудрость Орла орлов, всегда дающего любой дышащей твари шанс. Замер космос, замерла вселенная. И...

И оборвался мир, и земля бросилась на небо, и синее стало красным, а красное золотым. Ибо реки и озера потекли кровью, а на башнях кремля венчались на царство рубиновые звезды. И прошел бесшумно по древней долине, мимо мирного аула и обители молитвенного плача черный, безликий немонах. И закричали тысячелетние камни, в ужасе бросаясь в красный поток, чтобы не видеть ЭТОГО... черного, страшного. И умерло все. Люди, птицы, камни, муэдзины, колокола. Издыхайте, жалкие! Развей, ветер, по выжженным щелям глупые осколки надежд на воскресение. Смерть. Смерть. Смерть...

2.

Отец Афанасий обнял ладонями потир и, почти не касаясь земли, двинул стопы сквозь царские врата.

— Со страхом Божиим и верою приступите!

Сегодня причащались все. Даже единственный трудник Николай, а уж он-то давно не приступал к причастию. Нет, конечно, еще лет пять назад, когда на Кавказе было поспокойнее, и в обитель шли паломники, причастников было куда больше. Но что поделать, — вздыхал отец Афанасий, — видать такова воля Божия. Слава Богу, что жив монастырь, что есть сестры и игуменья, что он сподобился быть здесь духовником. Батюшка улыбается. Он всегда улыбается, даже во сне, даже когда горько вздыхает. Словно не может скрывать счастья от того, что живет, что служит, что пребывает в постоянной литургической радости. Его так и называют люди про меж себя: улыбающийся батюшка. Правящий архиерей даже хотел было слегка попенять ему, дескать, не хорошо, отче, все время скалиться, иногда нужно и серьезность соблюсти, но глянул в лучащиеся радостью глаза отца Афанасия и осекся. Ну, и ладно, ну и пусть себе. Может Богу такие вот и нужны. Может в таком вот батюшке и скрыто ТО САМОЕ блаженство. Небесное. Царское.

— Тело Христово при-и-мите. Источника бессмертного вкуси-и-те.

Мать игуменья принимает святые дары с закрытыми глазами, словно боится взглядом потревожить таинство. Сколько уж раз за свою долгую и непростую жизнь подходила она к причастию, а все, как в первый раз. А первый раз было еще в Отечественную, когда немец-комендант, желая предстать перед оккупированным населением в образе освободителя от большевистского рабства, милостиво разрешил открыть сельскую церковь,

обращенную советской властью в клуб. И вот бабушка привела пятилетнюю внучку Анечку — так звали ее когда-то, давно-давно, на церковную службу. И, странное дело, почудилось девочке, впервые переступившей порог большой, просторной, не в каждом городе такая, златокупольной церкви, что пришла она не куда-нибудь, а к себе домой. Словно была уже здесь и не раз, причем тут возраст? И было ей здесь когда-то очень хорошо. И когда старичок-священник накрыл детскую головку епитрахилью, брызнули из глаз Анечки неожиданные слезинки. Не от испуга плакал ребенок, а... Да и Бог весть от чего. Кто их поймет детишек этих, они, как известно, умеют видеть ТО, что не видят другие, разговаривать с Теми, с Кем взрослые и мечтать не могут. И на все, и на всех глядела в тот день в церкви девочка широко распахнутыми глазенками-озерцами. На иконы, на древние стены, на служителей, на хор. И все-то было внове, и в то же время словно родное. И лишь у чаши, принимая причастие, захлопнула свои детские реснички, перестала дышать и не помнила, как оказалась на улице, где все было праздничным, красочным каким-то, будто и нет войны, будто папа вернулся с фронта живым и стоит где-то рядом, распластал огромные свои ручки, чтобы сграбастать любимую дочурку в объятия и подкинуть высоко-высоко, к самому солнцу, выше небес, в которых она только что причащалась необъяснимой тайны. Тайны, может быть, всей ее дальнейшей жизни. Сколько с тех пор осыпалось листьев с березок у сельской церкви, сколько снегов выстилало небо на людские судьбинушки, сколько птиц, уплывая в чужие края, обращали угасшие летние дни в живущие лишь по ведомым Богу законам воспоминания, сколько подснежников проросло сквозь мертвую ткань вчерашних похоронок и извещений о без вести пропавших. А Анечка, Анна, матушка Серафима все также, закрыв глаза, подходит к главной Тайне, не ее жизни, нет. Тайне всех этих листьев, снегов, птиц, подснежников, облаков, звезд и солнц. Тайне неказистой, не украшенной блеском алмазов, рубинов и жемчугов, теплом золота и серебра, но от этого не перестающей быть самой-самой дорогой на свете, ЧАШИ.

Следом причащаются пять сестер обители. В горбачевскую эпоху те, кто примерил на себя силу мира сего, дабы соответствовать образу справедливых радетелей, заботливых слуг народных, милостиво позволили вернуть мертвую обитель церкви. Но не нашлось на всем горно-равнинном, горско-казачьем, воинственном и хлебопашном Юге смельчаков, способных апостольским путем через насмешки, побои, крест, через забвение родных и себя самого последовать путем Христа на молитвенный зов уцелевшего монастырского колокола. И когда, посмеиваясь, те самые — сильные — готовы были выставить мужскую трусость потомков народа-богоносца на европейское посрамление, к епархиальному архиерею обратились женщины. Сначала их было только две. Сестры наши, матери, бабушки. Сколько же раз на хрупких своих плечиках, надрываясь, плача от бессилия, все-таки поднимали вы бедную нашу землю. Омывали потом и слезами смертельные, казалось бы, раны, срывали огрубевшими до каменных мозолей пальчиками язвы забвения и клеветы с черных ее пашен. Эй же вы, русские мужики, плугоручие братья мои, крестосердные воины синеокой своей России, падите на колени, целуйте ноги им — женщинам, старушкам в черных платочках, носившем во чреве своем младенцев нашей веры во Христа и Русь святую. Помните. Помните.

3.

Смерть, смерть, смерть... Черная тень безликого немонаха шагает по земле. Остановись, время, разорвись, сердце, ибо нет у тебя слез, чтобы выплакать русское горе, ибо не найти тебе таких слов и таких мелодий, чтобы спеть об истерзанной, изуродованной матери своей — России. Зачем, Господи, дал ты мне разум, если не способен он вместить в себя безумство детей, вскрывающих чрево отцам, братьев, отрезающих груди сестрам, матерей, раздробляющих головы детям? Зачем дал ты мне память, если не может она сосчитать всех слезинок младенцев, всех стонов стариков, всех капель безвинной крови? Зачем дал ты мне жизнь, если не в силах она отмыть небеса от копоты, воздуха от гари, сердца от злобы, души от сладострастной жажды людоедства?

В двадцатых годах закрыли обитель. Монахов, по просьбе трудящихся, арестовали и после судилища отправили в другие земли. Подыхать. Уцелел лишь отец Геннадий. Случайно. Был по монастырским делам в столицах. Вернувшись в обитель, нашел здесь лишь следы грабежей да тени. О, эти тени. Они злорадно шептались по скальным кельям, они плясали танцы народных гуляний там, где еще вчера стоял святой престол, они заселяли ниши, некогда принадлежавшие иконам. Чьи были эти тени, о чем шептались, зачем селились в обители духа и молитвы? Бог весть. Отец Геннадий не хотел этого знать. Он остался жить в своем монастыре, хотя трудно было теперь назвать это монастырем. Все, что не смогли унести с собой представители рабоче-крестьянской массы, просто сброшено было вниз, на скалы и камни, а потом сожжено, чтобы население ближайших аулов не соблазнилось растащить эти осколки тысячелетнего монашества по своим домам. Спал уцелевший монах на пещерном полу, подкладывал под голову камень-подушку, а укрывался от холода Иисусовой молитвой, да крестным знамением. Согревало лучше десятка ватных одеял. Жители аула, постепенно возвращавшиеся к нормальной жизни, прослышали про отшельника, сжалились над глупым и одиноким, стали носить еду, кое-какую одежку и утварь. Ну, что с того, что иноверец да инородец? Зла не делает. Молится себе своему Богу и пусть себе. Жалко что ли? Может и за них помолится. Тем более, что собственного бога они сами же у себя отобрали. Мечеть сожгли, муллу сдали куда надо. Новая жизнь! Свобода! Все общее. К шайтану князей, царей и богов! Хорошо.

Хорошо было и беглому солдату-аульчанину, когда ехал он поездом по неизмеримой ленте железной дороги с мешком добра, справедливо отобранного у российской буржуазии и разных там попов. Хорошо было и патрулю рабочей милиции, решившему проверить вещички подозрительного путешественника. Тут стало ему не совсем хорошо, а совсем даже плохо, и, чтобы не случилось хуже некуда, стал беглец-солдатик придумывать в чека чистосердечные признания. Одно из которых, ну очень заинтересовало людей в черных кожанках. Поведал наш перекаатиполе, что часть добра, ну, золотишко там, камешки всякие, изъял он из тайного тайника, сокрытого от трудовых глаз скалами, да монастырскими хитрыми стенами. Что де схоронен этот бесценный схорон не на море-океяне или как там у вас, у русских, на острове что ли Буяне, а у такого то аула, в таком-то монастыре. Что ему, дескать от того клада только брызги достались, а сами сокровища едва по-

брезжились. И в каком именно месте обители они упрятаны, и сам-то толком не знает. А кто знает? Может кто-то из аульчан, а скорее выжившие монахи, если таковые есть. Стали искать уцелевших монахов. Но вот незадача. То ли морозы были в этом году слишком свирепые, то ли пули уж через чур быстрые, то ли болезни, ну прям совсем неизлечимые, а только из числа арестованных черносотенных тунеядцев не выжил ни один. Оставалось рабочему расспросить аульчан. Трудящийся всегда рад помочь трудящемуся, ведь так? И тут опять незадача. Уперлись трудовые горцы, ну прям, как недобитые буржуи. Не знаем, мол, о каких таких кладах речь. Уж и в чека с ними по-хорошему говорили, и сто человек для пользы дела — того, ну, не без этого. А как же! Каждая революция только тогда чего-нибудь стоит, если умеет защищаться. А кто защитит революцию наших горцев? Сами же горцы. Вот и стреляли в аульчан сами же аульчане. Теперь времена другие. Теперь всякими там кровными местями нас не запугаешь! Бей своих, чтобы свои же боялись! И тут кто-то, шибко напрягшись, вспомнил, что в обители-то живет себе один недорезанный чернец. Ну, враг. Враг, конечно. По роже видно. К людям не выходит, а, говорят, только и делает, что шепчет, шепчет чего-то. Небось посылает неурожай, землетрясения и потопа на власть рабочее-крестьян. Пришлось потревожить последнего монаха. Давай, мол, старик, по-доброму. Ну, не желаешь ты работать на благо мировой революции, ну и... с тобой. Молись себе. Для этого в нашей стране столько специальных мест оборудовано. Ну, хочешь, отправим тебя в прекрасный ваш, а теперь и наш монастырь на Соловецких островах? Там таких как ты, ох, как много! Не хочешь, катись на все пять сторон, по числу лучей нашей звезды. Только сокровища отдай. Тебе, старому хрену, они вовсе ни к чему, а голодающим Поволжья и чего там еще, ну очень пригодятся. Но не захотел почему-то отец Геннадий отдавать рабочее-крестьянские ценности законным владельцам, заупрямился. Не знаю, мол. Нет, мол, здесь никаких сокровищ. Все, мол, советская власть и так отобрала. Кто отобрал-то? Советская власть ничего ни у кого не отбирает, а возвращает награбленное истинным владельцам. Рабочим и крестьянам. Пришлось поговорить с упрямым стариком по-другому. Ну, там пальцы поломали прикладами, бороду сожгли, куски живого мяса медленно так вырезали на ногах и плечах. А он и не кричит даже. Знай себе шепчет что-то. Колдун и есть.

Кто-то из пришедших догадался достать шашку и отсечь старцу левую руку. Вид брызнувшей крови опьянил красноармейцев. Почисте спирта, выплеснутого на алые головешки, вспыхнули от кровавых струй красные сердца новых хозяев. Уже не важно было им, скажет старик свою тайну или унесет с собой в могилу. Остервенело бросились они резать, кусать, разрывать тщедушное монашеское тельце. Только бы напиться. Напиться этой сладкой, этой теплой, пульсирующей по живым еще венам крови. Через время тот самый чекист с шашкой, тяжело дыша, шатаясь, подошел к куску истерзанного мяса, еще недавно бывшим человеческим телом, и отсек голову. Губы старца до последнего мига пытались шептать молитву. Солнце упало без чувств за скалы. Ночь, напуганная безумным пиршеством, не спешила укрыть место казни.

Они ушли. Уймите ваши рыдания! Они ушли. Не спешите хватать оружие. Они ушли. Не стоит, не стоит стрелять в их тени.

После Литургии насельники собрались на трапезу. По случаю праздника отец Афанасий благословил сестер потешить чрево рыбкой. Здесь в речном потоке до сих пор водится форель, которую Николай ловит обычной удочкой. Откушав и поблагодарив Бога, сестры с игуменией не спешили расходиться. Разве грех побеседовать с батюшкой минут десять на духовные темы?

— А что, отче, — заводит разговор мать-игумения, — говорят будет на Кавказе новая война?

— Не дай-то Бог, матушка. Не дай то Бог. Да, думаю я, не допустят этого. Кому война нужна-то? Вот аул рядом. Что нам делить с ними? Мы своим трудом живем. Рукодельничают вот сестры. У местных не ворует. Не обделяем никого. Хозяйство у нас, хоть небольшое, а свое. Картошечка, курочки. Рыбку вот Николай когда поймает. В веру нашу мы никого не тянем. Чего нам делить-то? Хотя...

Батюшка продолжает улыбаться, но глаза его грустнеют. Знает он, в городе неспокойно, оттого и паломники перестали бывать в обители. Да может и обойдется все.

— Молитесь, сестры. Каждый день молитесь. Может по молитвам нашим и отведет Господь беду.

— Батюшка, благословите сходить на могилку к отцу Геннадию.

— Бог благословит.

— Не слышно, отче, не собираются в Москве его канонизировать? Сколько уже мучеников прославили-то.

— Господь его уже прославил. А люди... Я думаю, что решится этот вопрос.

Отец Афанасий, не переставая улыбаться, глубоко вздыхает. Он знает, что в дело прославления их любимого заступника вмешалась политика, что сейчас, когда прокатилась по кавказским горам и долинам новая волна ненависти, «ставить вопрос о канонизации преждевременно и нецелесообразно».

— А что, сестры, это правда, что некоторые из вас пишут отцу Геннадию записочки и оставляют на могилке?

Сестры молчат, потупили взоры. Все. И мать игумения. Да и Николай чего-то голову опустил.

— Суеверие это, сестры. Наши записочки — это молитва. Она доходчивей.

— Так то оно так, отче, но на Руси испокон веков святым записочки пишут на могилках. Вот и Ксеньюшке в Петербурге. Там бумажечки даже в щелочки ее часовенки вкладывают.

— Это неправильно. Это народная вера. Нам, монашествующим, такое не пристало. Нехорошо.

— А вот, батюшка, я расскажу, — вмешивается в разговор трудник, — Исторический факт. Это я еще когда в Душанбе жил и учительствовал, слышал. На могилку известного пионера Павлика Морозова, того, что отца и деда продал, долгое время дети носили такие же записочки со своими детскими просьбами, ну там, велосипед кому-то был нужен, другому отметку хотелось хорошую, третьему, чтобы отец пить перестал, и так далее. Вот и получается,

что обычаи народные неистребимы. Ведь все эти детишки были воспитаны в атеизме. Пионеры все. Откуда же такая вера в силу записочек? Не потому ли, что душа наша — христианка по природе. При чем же тогда суеверия?

— Ты, Николай и прав, и не прав. Душа наша, действительно по природе христианка, и загнанная в духовный плен атеизма у этих деток стремилась к свету, к чуду, если хотите. Так эта жажда обретения Бога у них проявлялась. И суеверия здесь ни при чем. Не бабушки же родные заставляли их писать Павлу Морозову эти записочки. Сами, небось, своим умом дошли.

— А вот вы, батюшка, про народную веру заговорили, — это мать-казначая, немолодая уже, строгая, это она вместе с игуменьей начинала возрождение обители, — А ведь в народной-то нашей вере много доброго зерна. Вот до революции люди грамоты-то не разумели, писания не читали, разве только проповеди своих батюшек приходских слушали, а о христианстве поболее нас знали, и вера у них сильнее была. У моей бабки, к примеру, апостольские туфли хранились. Святые апостолы — ученики Христовы в них по Палестинам хаживали. Эти туфли бабке от ее родной бабушки достались по наследству, а та их купила в самом Иерусалиме у турка мусульманина. Тот клялся и божился, что святыня настоящая. И ведь вот, что я думаю, что никакие это не апостольские туфли, что надул ее торгаш мошенник.

— Конечно.

— Но до чего вера была у наших предков сильна. Ведь ни моя прабабка, ни моя бабка ни на секунду не усомнились в подлинности святыни. Как можно? В самом Иерусалиме и обманывать? Туфли эти в святом углу хранились, под иконами. На них три поколения молились, прикладывались к ним.

— И знаешь, мать Сергия, мне думается, что от такой-то веры эти туфли и вправду апостольскими стали, по крайней мере, Господь такому чистосердечию детскому очень рад.

Отец Афанасий улыбается всем лицом. Грусть-печаль отошла от глаз, освободилось от комков горло.

— А я, батюшка, позволь еще расскажу. Когда в Душанбе жили, на усекновение главы Иоанна Предтечи дело было. Жена купила арбуз. Сели за обедом. Постных щей похлебали. Мы тогда только-только к вере приходили, но что день постный знали. У жены мать верующая была, постилась. Ну, и мы, чтобы приличия соблюсти, скоромного в этот день не ели. Арбуз решили заколоть, это же не скоромное. Только я нож взял, а теща и говорит мне, мол, нельзя в такой день ни ножа в руки брать, ни резать ничего круглого. Ну, говорю, это все народные суеверия. И давай резать арбуз. И, поверите ли, всегда у меня это лихо получалось. Раз-раз и порезал на ровные дольки. А тут не успел я крышечку срезать, как чувствую боль. До кости палец резанул. Кровь фонтаном брызнула. Я понимаю, все это совпадение. Но слушайте дальше. Забинтовали мне палец. Все нормально. Съели мы этот арбуз. Вечером ложусь спать. Не поверите. Всю ночь мне ужасы снились, а пуще всего — мертвые головы в сундуках и тумбочках. Вот вам и суеверия.

Сестры истово крестятся. Отец Афанасий изрекает сквозь улыбку:

— Это, конечно же, суеверия, но лучше в такой день, действительно не резать ничего круглого. Просто в знак уважения к Предтече и Крестителю Господню. Так-то. Однако, заговорились мы, братья и сестры. Пора, помолясь, и за послушания братья.

Трудник Николай сегодня должен чинить монастырскую лестницу. Это не та, не деревянная, что построена была еще до революции. Когда в восьмидесятые обитель вернули церкви, решено было возвести прочную лестницу, металлическую, а ступеньки отделать под камень. Но даже железо требует ухода, иначе ржавеет, да и бетонная облицовка под камень за десять лет потрескалась, кое-где грозит обвалиться. А ну, не дай Бог, вечером, в сумерках, когда кто-нибудь из сестер или сама мать игумения будет подниматься. Так и до беды недалеко. Вот и трудится Николай, меняет блоки, счищает ржавчину, суричит, красит. Закончит лестницу, за наскальные пристройки возьмется. Дел много. Всего не переделаешь. Сестры тоже в поте лица трудятся. И хозяйство, и рукоделия, и огород, и на стенах тоже они. Николаю одному ни в жизнь не справиться. Что-то он расчувствовался после беседы с батюшкой. Дом свой в Душанбе вспомнил. Жену-покойницу, доченьку... И возникла вдруг перед его глазами картина, живая, словно кино цветное. Среднеазиатский вокзал, полуденная жара. Женщины, женщины, женщины. Много. Со всего города. Русские, армяночки, хохлушки, русские, русские. С них сдирают одежды. Со всех. И со старух, и совсем юных девчушек. Шакалы с наглыми бородами рожами, с кинжалами вместо когтей, с пулеметами вместо клыков. Вонючие желтые слюни текут по сладострастному оскалу пасти. Женщины плачут, укрывая руками нагие груди. Вожак хохочет, дает команду, и женщины начинают движение вдоль полотна железной дороги. Идут медленно, не в силах заголосить свой позор. Вожак стреляет в воздух, требует двигаться быстрее, еще, еще. Ему нужен вихрь голых женских тел. И когда они опозоренные, униженные начинают изнемогать от бега, раздаются первые очереди. Этого не забыть. Этих уродливых красных клякс смерти на ослепительной чистоте белых русских лебедушек, эту боль, переломанного пулей белоснежного лебяжьего крыла. Этот нескончаемый припадок шакальей шизофрении, бесконечный буран тяжелого рока пулеметных очередей. И глаза жены. Огромные, в полнеба. В которых все: и боль, и ужас, и обида, и беспомощность, и надежда... А он. Он, как и сотни мужчин мог наблюдать за всем лишь из щелей вагонов и грызть, грызть зубами толстые вагонные стены, срывая ногти о равнодушие металлических каркасов. Последнее, что помнил он, прежде чем рухнуть в костер беспамяतства, были распахнутые ее глаза, в которых медленно угасали последние проблески такой обещавшей быть долгой и счастливой жизни. Где-то рядом, с зацелованными пулями затылком и плечиками лежала и его доченька.

Николай упал на колени, обхватил руками лицо, уши и завыл. Беззвучно, про себя, в очередной раз взрывая душу криком отчаянного, бесслезного горя. Отец Афанасий подошел к несчастному.

— Ну, будет. Будет, сынок. Господь с тобой. Вспомни Иова. Ему-то горше было. Ну, прошу тебя. Пойдем, пойдем помолимся вместе.

Сынок. А ведь они с Николаем ровесники. Сейчас, в этот вот миг не улыбаются губы отца Афанасия. Скорбь и глубокое сострадание лучатся с монашеского лица. Господи! Господи мой! Не за себя прошу, не о себе плачу. Я, грешный раб Твой милостей Твоих не достоин. Прошу, умоляю. Умоляю Тебя, Господи, не оставь сего раба Твоего. Призри на боль его, сколько ран в душе его, сколько рубцов незаживающих на чистом этом сердце. Уврачуи раны, утиши боль, угаси огонь страданий. Помоги ему, Господи. Помоги, милосердный Боже!

Рыдает отец Афанасий. В голос рыдает. И, о чудо. Вдруг из глубины обожженного болью сердца вырывается сперва рык, затем стон, затем крик. И вот слезы. Целительные слезы нечеловеческого горя начинают потоком лить по сухим, истрескавшимся, словно земля в таджикской пустыне, укрытым стихарем бороды щекам. Николай плачет, как ребенок. А после, его обессиленного, почти невесомого уносит отец Афанасий в келью. На сегодня кончились его послушания. Слава Тебе, Господи! Слава Тебе, Господи, за все!

5.

Это не волки вышли в лунную ночь на беспощадную свою охоту, не бесчисленные рати ринулись в рассветном блеске мечей истреблять друг друга, не воронье слетелось стеной во все небо на послебитвенное пиршество. Это многотысячная тень человеков движется по улицам мирного российского города, чтобы в неистовой злобе смести, растерзать, затоптать памятник самому доброму, самому человеческому, самому милосердному из всех живших после Христа людей. Памятник святому Николаю. Николушке-угоднику, как стари зовут его в русских весях. Что, почему, зачем? Чем так разозлил этот ЧЕЛОВЕК этих людей? А может правильней, кто разжег в их сердцах бесконечный пожар ненависти? Вот толпа уже на площади, которую кто-то, ради забавы, назвал некогда Площадью Дружбы. Их сотни, сотни, сотни. У них нет лиц. Лишь черные пятна ненависти под шляпами, папахами, фуражками, кепками и платками. Они кричат. Все разом, сливая каждый выкрик в общий непрерывный вой злобы, словно единая тысячеголосая глотка выстреливает в случайных жалких прохожих и в отражения жизни на стеклах попадающих-ся на пути многоэтажек очереди звуков, слов, бессмысленных фраз...

Крик, гул, вой становятся пронзительней, перерастая в визг истерической метели, кружащей вихрем над осколками растерзанного памятника, над воспоминаниями о погибшей дружбе или площади, носившей это название.

А селевой поток ненависти несется дальше. Разве накормишь жадное, завистливое, ненасытное чрево злобного ослепления одним единственным памятником? Нет. Мало. Памятника мало! Нужно поглотить саму память. О вере, об истории, о культуре, о земле. Сожрать, припивая кровью и слезами брошенных на заклание жалких. Несется поток. По городам, станицам и аулам. Не остановить. Слепым не показать, глухим не рассказать, безумных не вразумить...

О, братья мои. Белокрылые мои. Синеглазые мои. О, как плачет на иконном золоте пылающего храма Богородица, поливая дождем бесценных Своих слез русые ваши головы. О, как стынет кровь по берегам моих вен от тоски, горя и бессилия помочь вам, братья. О, как высок, как печален и как долг хоровод уходящих в небо безвинных душ. Они плывут туда, в тихую светлую гавань. Где нет мести, нет войны, нет сирот, нет вдов, нет огня и воды. Где нет теней и смерти. Где. Есть. Только Любовь. Только. Любовь. Любовь...

6.

— Ах ты, Боже мой! Ну, чем же им Николушка-то, угодничек Христов не угодил? Прямо так и скинули?

— Скинули, матушка. Взрывчатку заложили и скинули. А потом лопатами на мелкие сотни кусочков. А пьедестал оставили. Может своего кого установят.

— А ты, Георгий, видел, как ломали-то?

— Сам не видел. Куда? Там люди, живущие в домах вокруг площади, к окнам боялись подойти. Не то что...

— И чего ж они — несчастные — хотели? Неужто золото искали?

— Какое золото?

— Ну, когда Феликса в Москве на Лубянке сбрасывали, кто-то пустил слух, что именно в нем и хранится золото партии. Единой глыбой, а сверху выкрашено хорошо. Может и здесь та же история?

В разговор игуменьи Серафимы и частого паломника Георгия вмешивается отец Афанасий:

— Нет, матушка, здесь другая история. Здесь сошлись вместе, как те крушители, зависть, жадность и злоба. Ну, не дает покоя кому-то, что рядом совсем люди лучше живут. Работают, продукцию хорошую получают, туризм развивают, строят чего-то. А у этих ничегошеньки-то нет. Нахапали себе все, что можно и нельзя: недра, лес. Дома трехэтажные понастроили, иномарки купили. И что? Как были пустышками, мыльными пузырями, так ими и остались. Вот и грызет их сердца жаба греха. А как лучше всего ублажить свою жадность, подогреть свою злобу, напитать зависть? Всего-то надо выбросить лозунг националистический и чуть-чуть религиозный. Вот толпа уже на улице. Вот люди уже в стадо обернулись.

— Ах, батюшка? А чем же это им угодничек, Николушка не угодил? Ведь самый мирный, самый добрый, самый жалостливый святой. Даже мусульмане его почитают. Вот, в Турции, аж три памятника ему установлено.

— Злоба слепа. Ненависть убивает память. Они, кричащие, что памятник христианскому святому оскорбляет их национальные и религиозные чувства, но ослепленные и оглохшие забыли, что прадеды их были христианами, что разрушили они тем самым память о своих же предках.

— А ведь многие из них называют себя историками, деятелями культуры, интеллигенцией, наконец.

— Да. Интеллигенция памятники созидает. Не крушит. Крушить — удел быдла. — Это ввязался в беседу трудник Николай.

— Так ты, Георгий, давно из города?

— Второй день.

— И что, очень там беспокойно?

— Очень. Там такое творится. Я почему и пришел. Я предупредить пришел. Они скоро здесь будут. Это точно. Им золото нужно, камешки разные — оружие покупать. Вот они и идут сюда, клады искать.

— Я все-таки горец, хоть и христианин. Кое какие разговоры слышал, кое-какие мысли подслушал.

— А что же милиция, власти, войска? Это же бунт!

— Вот именно.

— Ха. Среди тех, кто крушил памятник Святителю, были и люди в милицейской форме. Или в гражданском, но погоны у них есть и большие. Я знаю.

— Да-да, — Николай едко усмехнулся, — А Москва не решается вмешиваться. Она с Чечней-то расхлебать кашу не может. Куда ей остальной Кавказ? Москве легче в очередной раз нас бросить. Вы, ребяташки, не дети

уже, сами за себя постоять должны. Уж мне-то это знакомо. Мне мой город до смерти своей не забыть и после смерти тоже.

— Ну вот что, — батюшка все также улыбается губами, но глаза его пытаются не выдавать тревогу и печаль, — Георгий, ты, брат, отдохни с дороги, а завтра возвращайся в город. Спаси, Господи, тебя за весточки. А нам, сестры и брат Николай, нужно думать, как защитить обитель от непрошенных гостей. Что там у нас, матушка Серафима, Сережкино ружье-то осталось, целое?

— Целое, батюшка. Николай с ним по весне козочку горную добыл на продажу. А я с тех денег для обители справила...

— В порядке значит ружьишко? Так. А еще пяток лет назад нам один военный газовый пистолет подарил.

— Верно. Полковник. Спецназовец. Он у нас почти неделю молился. И так плакал все дни. Так плакал. Военный, элита, можно сказать, нашей армии, а плакал, как дите беспомощное. Есть пистолет, есть. В сейфе кажется.

— Вот что, мать игумения, и сестры, и Николай. Помощи, скорей всего, нам ждать не от кого. Хотя человека в город мы пошлем, но надежда пока только на Бога. А посему придется нам самим стать на защиту древней обители нашей. Так всегда в истории российской было. В самый трудный час за веру, Отечество, за землю нашу первыми шли монахи воины. Илья Муромец, Пересвет с Ослябю, защитники Сергиевой лавры, Псковско-печорские иноки, патриарх Ермоген, патриарх Тихон. И тысячи других. Бог весть их имена. Теперь вот наш черед пришел. Постоим же, как деды и прадеды наши, за Христа и Богородицу, за церковь нашу Православную, за землю нашу русскую. Давай, мать игумения, отслужим службу с акафистом Пресвятой нашей Владычице перед чудной иконой ее Державной. А потом сообща подумаем, как защитить монастырь от поругания.

Поздно вечером, после келейной молитвы мать казначея почувствовала внутреннее беспокойство. Ой, ты, Боже мой, чтой-то не так на душе, не мирно. Уж не стряслось ли чего? Тут бы на покой прилечь, завтра, небось, на полуночицу вставать ранехонько. Да только какой уж тут отдых, если по сердцу черным селезнем тревога крылья купает. Встала матушка Сергия, пошла на просфорню взглянуть, здесь же все, рядом, в скальных пещерах. Все здесь: И храм, и кельи, и трапезная, и ризница. Правда ризница только называется так. Все пограбили. ТЕ. Безликие. В двадцатые годы, затем в шестидесятые. Так, на всякий случай. Затем перед самой перестройкой еще одни наведывались. Ну а вдруг? Все растащили, до последней дощечки. Теперь монастырская ризница выполняет роль кладовки. Временно, конечно. Бог даст, и опять здесь появятся архиерейские облачения, дорогие потиры и ослепительной красоты иконные оклады.

Идет матушка Сергия, молитву шепчет. Нет. Все спокойно в обители. А на душе все тот же селезень. Свернула к пещерному храму. А шажки-то у нее слабенькие. Годы! Бесшумно ступает. И ведь не обмануло сердечко-то. Беда. Беда и есть. Ходит по храму человек. Чужой. Торопливо ходит. Свечкой церковной сам себе светит. Мешок у него. В этот мешок он иконы складывает, утварь, подсвечник на плечо поднял. Тяжело ему, а столько еще всего унести надо.

— Ну и что же ты, охальник, удумал?

Человек от неожиданности подсвечник уронил.

— Кто таков? Как сюда попал? Тю, да никак Георгий? Вот те и приютили змеюку.

— Вот ведь, ведьма слепая. Узнала. А ведь я тебя теперь убью и со скалы скину. И никто, никакая милиция не придет разбираться. Ну, вот чего тебе не спалось? Все это у вас все равно заберут. Не я, так другие. Не сегодня, так завтра. Да что тебе, дуре, объяснять. Вот рипидой медной тебя и порешу.

— Поставь на место святую рипиду. И мешок оставь.

Новый голос. Звонкий, девичий, но твердый, тверже стен храмовых.

— Это еще кто?

Из темноты пещеры под крылья свечного освещения на Георгия надвигалась молодая инокиня Ольга. В руках у нее двустволка. Если бы знать вору, что до ухода из мира жила Ольга в Сибири у самых берегов Байкала-батюшки, что отец и дед ее были промысловиками, да и она то отцу, то деду подсобляла на охоте. Стреляла. Ой, ты, Боже мой, как! Ни одной шкурки не подпортит. Точно в глаз зверю. Но вор этого не знал, хотя, по правде сказать, и не нужно было ему знать это. Решимость монахини окатила его кипятком похлеще любых подробностей биографии. Все выложил на храмовый пол. До копия и до копеечки.

— Это все.

— Ей... Ей Богу.

— Не погань Имя Божие смрадными устами. Ну, что стоишь? Пошел отсюда.

Георгий, втянул голову в плечи, и, прикрывая лицо левой рукой, отчего обернулось оно в совершенно темное пятно, попятился к выходу. Когда по каменным ступеням в ночи запели пьяную песню его шаги, мать казначея, во-звившаяся на полу у брошенного мешка, открыла храмовую кружку, сгребла, не глядя, мелочь и бумажки, и почти бегом заковыляла вдогонку за вором.

— Эй, подожди. Да не бойся ты. Вот возьми.

— Не надо.

— Возьми, говорю. У нас ведь и правда отберут. Сумма здесь смешная, но на билет до твоего города хватит. Бери и уезжай отсюда.

— Простите меня.

— Не у меня прощения проси. Не меня ты обидел. Хватит ли тебе теперь жизни, чтобы прощения-то заслужить? Вот ведь как, несчастный ты человек. А теперь уходи и забудь сюда дорогу.

Мать Сергия развернулась и заковыляла в обитель. В храме у позорного мешка все также с двустволкой стояла Ольга.

— А ты, мать, того, не струсил. И как с ружьишком обращаться не забыла. Ужель стрельнула бы? Да неужто? Человек все-таки. Не зверь.

— Этот человек пять минут назад тебя, мать Сергия, хотел подсвечником по голове и со скалы вниз.

— Так то оно так. Но ведь все равно человек. Смогла бы?

Смогла бы? Неужели смогла бы? Этот вопрос смертоносной медвежьей лапой схватил ее однажды за горло. Да так, что не продохнуть, ни жалостью не откупиться, не сбежать, сломя голову, все равно куда. А было это каких-то пять лет назад.

А было это каких-то пять лет назад. И была Оленька в меру весела, в пору красива, вдосталь здорова, в самый раз скромна. Ну, всем взяла девка. И если бы не жизнь в таежной глухомани, от женихов отбоя бы не было. А так, женишки ее все только кедры да медведи. Но и это не особо угнетало Оленьку. Отец привязал ее к тайге, и все свободное время проводила она на тропах, среди гольцов и распадков. Соболя промышляла, рябчика постреливала, кедрач собирала, брусничкой запасалась. Жимолость любила. Так, чтобы горкой в ладошке инее жевать, а придавить языком, небом и зубами и, не спеша, проглатывать сок. А уж коли к реке выйдет — пропал день. Сядет на бережку и будет сидеть, разговаривать. Река надежна. Река девичьих секретов не выдаст. Так и день просидит. А рябчик тютю. И соболек тоже, и кунька. Чудачка, право. И вдруг изменилось все. Забрала тайга отца. Насовсем забрала. Может медведь заломал, может в болоте пропал, может с лихим человеком добычу не поделил. Кто знает? Тайга, поди, вон какая! Попробуй разгадай ее тайны! Так два года и прожили с матерью и младшей сестренкой. А после мать сошлась с мужиком из леспромхоза, туда к нему семьей и переехали. Оленьке уже почти двадцать исполнилось, сестренке шестнадцать. Сестренка учиться собралась в Иркутске, в техникуме, но это осенью, а сейчас готовиться надо. Школьные предметы, поди, все позабывала в таежной-то глуши. А Оленька учиться не хочет. Чего людей смешить в такие-то годы. От отца ей досталась двустволка, и продолжала она жить тайгой. И все бы ничего, да отчим оказался мужиком похотливым, и до вина беленького охоч. Бывает, конечно, и такое, но если бы он только по вдовушкам бегал или там по разведенкам, ну, на худой конец, к незамужним старым девам, а то ведь стервецу молоденьких подавай. Достал через знакомых видюшник и кассеты похабного содержания и решил падчериц своих к «искусству» приобщить. Оленька после первых же кадров вспыхнула вся, чуть в экран стулом не запустила. Горячая. А Вика — младшенькая — смутилась, конечно, но не так уж, чтобы...

Ушла Оля на воздух и сестренку с собой уволокла. Как можно девушке, девочке почти, такую гадость смотреть? Однако, время прошло, и как-то, воротясь из таежных странствий, застала Оленька свою сестренку вместе с отчимом у того самого экрана, где... Ой, и не перескажешь. Сидят себе, наблюдают. Вика раскрасневшаяся, но глазки не прячет. А отчим слюной истекает, из ноздрей пар, дышит часто, как паровоз. Ну и дала им Оленька разгону, с отчимом серьезно поругалась, обещала матери нажаловаться. Вику даже прилепнула маленько, чтобы про честь свою девичью не забывала. А еще через день и вышло. Мать в ночную ушла, она в котельной оператором работала. Дочери спать улеглись. Да только не спится чего-то Оленьке. Слышит, сестренка тоже ворочается.

— Чего не спишь-то?

— Сама не знаю... Живот чего-то... Крутит. Сходить в уборную что ли?

— Сходи. Только куртку накинь. Прохладно на дворе.

— Я быстренько. А ты спи. Спи, Олечка, все будет хорошо.

— Конечно хорошо. Делов-то.

Сестра убежала. А Оленьке все не спится. Вспомнился отец. Как они вместе соболя промышляли, как ловушки ставили, хитрые капканы пря-

тали. Как учил ее отец стрелять по стеклянным бутылкам. Как... Однако, что-то долго Вика не возвращается. Уснула что ли в уборной? Ночи свежие, так и простыть недолго. Оля забеспокоилась. Вдруг из памяти явственно всплыли слова Вики: «Все будет хорошо». Что хорошо-то? Ой ты, Боже мой. Что же такое делается-то? Оля встала, натянула свитер, сняла со стены отцовскую двустволку, проверила патроны и пошла во двор. В коридоре, что ведет ко входной двери, есть еще дверь, в спальню отчима. И вот показалось Оленьке, что раздаются оттуда голоса. Приглушенные. Так и есть. Мужской и женский.

— Ну, что ты, не бойся. Все будет хорошо.

— Не надо, пожалуйста, не надо.

— Как это не надо, как это не надо? Ты сама пришла, я тебя не тащил.

Ну, что ты?

— Я не знала, я не думала.

— Надо думать, надо. Большая девочка.

— Ну, не надо. Я боюсь.

Оля ногой резко распахнула дверь. Прожектор горячей керосиновой лампы осветил грязное. На отчимовой постели лежала голая Вика, в одних трусиках. Над ней, жадно дыша, пытался примоститься отчим, не имевший в этот миг вообще никакой одежды.

— А ну, встать! Застрелю гада!

Она решительно ткнула стволом в сторону противной, жирной, волосатой туши и взвела курки. Отчим не ожидал нападения. Сначала он даже испугался. Вика дико завизжала и, схватив первую попавшуюся одежду, бросилась к себе в комнату. Волна испуга отхлынула от глаз отчима. Он не был трусом. Наоборот, жизнь в тайге приучила его к опасным приключениям. Но такое было с ним в первый раз.

— Что, доченька, стрелять будешь? Ну, стреляй. Это просто. Как в рябчика или тетерева. Бах, только, и нет человека.

— Стоять! Не двигаться. Вы сегодня же уйдете. С нами вам больше не жить.

— Это куда же я уйду? Это ведь мой дом. Ты забыла, голуба? Мой. А кому не нравится, может катиться сам. Вот сестренке твоей очень нравится. Ну, чуть ломается, для приличия. А глазах-то огонек страсти так и горит, так и горит.

— Заткнись! Еще слово и буду стрелять.

— Стреляй! Ну! Стреляй, я сказал.

И тут Оля увидела его глаза. Эти глаза поразили ее. Они были абсолютно пусты. Ни страха, ни злобы, ни хитрости. Ничего. Это были глаза мертвого лося. Перед ней, надвигаясь на нее, был сейчас не человек. Кто? Не знаю. Кто-то другой. Говорят, что именно такая пустота в глазах — соучастник всех самых страшных преступлений. Такими глазами награждает дьявол серийных убийц, террористов, беспощадных бандитов. Кто знает, может и так.

И тогда Оля поняла, что стрелять необходимо. Иначе эта пустота сожрет и ее, и сестру, и мать, когда та вернется с ночного дежурства. Оля нажала на спусковой крючок... Дом сотрясся от выстрела, но еще не успел рассеяться дым, как она поняла, что промахнулась. Первый раз в жизни. Утром Оля ушла из дома. Навсегда. Звала сестру, но та, прорыдав всю ночь, решила

остаться. Ружье Оленька оставила Вике. На память. А вопрос: «почему она промахнулась и смогла бы все-таки попасть?» с тех пор неустанно следует за ней. Даже теперь, когда все мирское осталось за стенами обители, кроме имени, которое и в монашестве, так уж было угодно Богу, осталось прежним, даже теперь не отпускает девичье горло медвежья лапа этого жуткого, бесчеловечного вопроса. Неужели смогла бы? Неужели смогла?

8.

Долго ждать гостей не пришлось. Уже следующей ночью чужие забрались на хоздвор. Все хозяйство монастыря, курочки, огороды и даже коровка, естественно не могли разместиться в скальных монастырских пещерах. Хозяйственный двор пришлось устраивать в долине, на месте огородов древних поселенцев. Первые две насельницы обители, понимая, что не только восстанавливать монастырь, но и кормить себя им придется самим, сразу же принялись за строительство курятника, сарая, а затем, когда прибавилось сестер, и в обитель стали приходить трудники, понести послушания во славу Божию, был построен коровник и амбар.

После неудавшейся попытки обворовать обитель, отец Афанасий благословил сестер круглосуточно дежурить у входа в монастырь, а чтобы дежурство не было праздным времяпрепровождением, сестры посменно читали неусыпаемую псалтирь. Ну, а поскольку народная мудрость утверждает, что береженого бережет Сам Бог, рядом с очередной караульщицей неизменно находилась уже проверенная в деле двустволка. Из нее при необходимости нужно было палить в воздух, чтобы отпугнуть грабителей. Но ЭТИ оказались не из пугливых.

В эту ночь псалтирь читала инокиня Варвара. Женщина средних лет, потерявшая мужа и двоих детей в авиакатастрофе. Что поделать, если самолеты иногда падают, а материнской любви не хватает на то, чтобы уберечь своих чадушек на расстоянии? Почти полгода выплакивала боль несчастная мать, а когда слез и стонов не осталось в опустошенной груди, пошла в церковь. В первую попавшуюся. Не молиться, не свечи ставить, даже не с батюшкой поговорить, а... Пошла, потому что пошла. Одному Богу известно, почему понесли ее туда ноги. Так и стала ходить. Придет, станет в притворе, в самом углу, и стоит. Долго стоит. Целый день. Службы, молебны, все мимо нее. Просто стоит. Не плачет, не шепчет, не просит ничего. Через месяц только первый раз себя крестом осенила. И сама себе удивилась. Так, капелька за капелькой заполняли пустоту ее души горячие слезы восковой церковной радости. Так однажды поняла она, что другого дома, кроме дома Божьего у нее нет.

О том, что чужие на хоздворе Варвара поняла сразу. И еще она поняла, что это не мелкие жулики типа Георгия, а ТЕ САМЫЕ, которые пришли забрать у монастыря душу. Собака, кинувшаяся было защищать вверенный ей участок, заскулила, завизжала вдруг и разом оборвала тоскливо-жалостливую свою песню. Нет, не грабить пришли ЭТИ. Не грабить. Хоздвор занялся огнем. Весь сразу. Горело все: и амбар, и коровник, и сарайчики. Ах, ироды, что же вы коровку-то не убили? Теперь ей сердечной мучиться в огне. Сердце инокини вдруг переполнилось жалостью, словно вот, теперь, сейчас же должна она всеми силами невестребованной материнской

любви спасти от гибели бессловесных, кто так нуждается сейчас в заботе и помощи. И Варвара, плохо понимая, что делает, схватила ружье, взвела, как учили, курки и, не целясь, пальнула в самую гущу огня. Грохот, прокатившийся по всем монастырским пещерам, не испугал насельников и насельниц, нет. Здесь было другое. Каждый услышал в этом грохоте оборвавшийся внезапно смертельный крик набатного колокола. И тут же, не давая барабанным перепонкам опомниться, уши резанули частые, перебивающие друг друга, фальшивящие трели автоматных очередей. Беги прочь, ночная тишина, прячься в расщелины, глупая тьма, умрите, надежды на рассвет. Идет, харкая кровавыми плевками, ее чернота Пустота! Нет у нее имени, нет лица, нет веры. Но все имена, все лица, все веры всасывает она в свое ненасытное что-то. Упаси тебя Бог, встать на ее пути. Злоба, ненависть, зависть — это лишь жалкие слуги ее, питающей вавилонскими своими сосцами Некогого, кто возрастает до поры, но неминуемо придет однажды, чтобы занять трон, вами приготавливаемый трон, ничтожные знатоки истин и откровений. Вами!!!

Полночный концерт «калашей», цена билета на который исчисляется всего лишь жизнями, продолжался минут десять. ЭТИ дали понять, кто хозяин этой земли, но штурмовать обитель не стали. Пока. Они ушли до поры в свой сокрытый от человеческих глаз лагерь. А в монастыре, у пещерного входа продолжали литься к небесам живые звуки неусыпаемой псалтири. Их пел кто-то в ослепительно белом, распростерший нечто похожее на лебязьи крылья над черным и красным, над широко раскрытыми, полными любви, устремленными в вечность глазами инокини Варвары. И где-то на неведомую полосу неотмеченного на картах аэродрома, в этот миг приземлился забытый всеми самолет, на борту которого были они... Муж и дети.

9.

Решено было отправить Николая с предосторожностями в город, сообщить о случившемся в милицию, ФСБ, и, конечно же, в епархиальное управление. Здесь не простое ограбление. Здесь человека убили, не говоря уж о сгоревшем хоздворе. Инокиню Варвару схоронили на монастырском кладбище. Днем. Пока эти отсиживались в своих норах. Сестры не плакали. Варвару любили. Добрая она была, но несчастная. Сердце ее переполнялось неизрасходованной лаской и нежностью, нерастраченной любовью, но раздарить эти нежность, ласку и любовь было некому. Пусть же теперь ее ангельская душа мученицы сольется с бесконечным теплом и светом Настоящей Вечной Любви, там, у горного престола, где Серафимы прикрывают в благоговейном страхе глаза своими пернатыми ладошками. Как можно? Даже им не выдержать, даже им не постичь. Ведь это САМА ЛЮБОВЬ!

Отец Афанасий тоже не плакал. Но и не улыбался. Панихиду служил чинно, торжественно, словно провожал архиерея какого.

Упокой, Господи, убиенную рабу твою Варвару. Прости ей всякое согрешение и даруй Царство Твое Небесное!

Ох ты, горе горькое. Николай торопится. Эй, брат, надо бы чуть побережся. Береженого Бог бережет. Какая уж тут осторожность? Спешить надо. Скольких необыкновенных женщин он уже потерял на земле. Не смог уберечь, защитить. Жена, дочь, теперь вот Варвара. Ну что он за мужик?

Ведь назначение мужчины — защищать женщину, не давать ее в обиду, а он? Тогда, в своем городе должен был перегрызть вагонные стены, заслонить собой ослепительные тела расстреливаемых лебедей, принять в себя все пули, оборвавшие бесценность этих неповторимых жизней. Не смог. А теперь? Почему он спал, когда несла дежурство эта лучшая из лучших? Почему не стал железным щитом на пути свинцовых плевков жаждущих крови «калашей»? Что теперь рассуждать? Нужно спешить. Скорее в город. Там милиция, там справедливость. А почему, собственно, в город? Есть же телефоны в ауле. Аульчане — добрые люди. Мы мирно жили. Помогали друг другу. Правда, отец Афанасий благословил пробираться именно в город, но попробовать-то можно. Позвонить. Только позвонить. Не получится — побежит в город.

И так радостно вдруг стало на душе у Николая, что почти бегом пробежал он те сотни метров, что отделяли долину их обители от горного аула.

— Откройте, пожалуйста! Мир вашему дому! Мне бы позвонить.

Старик. Молчит. Смотрит под ноги, качает головой. Ладно, наверное, нет у него телефона, надо бежать к следующему дому.

— Откройте! Позвонить! Пожалуйста! Срочно.

Женщины, пряча лицо, разбегаются.

Третий дом, пятый. Наконец, в одном пустили его к телефону. Хозяин хмурый, глаза недобрые. Но что до того? Скорее. Скорее!

— Але! Милиция? Вот хорошо. На нас напали. Бандиты. Обстреляли из автоматов и пулемета. Убита женщина. Как знаете? Откуда? Я, трудник из монастыря. Напали сегодня ночью. Пока ушли. Но, наверняка, вернутся снова. Помогите! Помогите нам. Там пятеро женщин и священник. Нам не продержаться. Как? Уже принимаете меры? Ну, спасибо.

Николай ошарашено давит на рычаг аппарата. Несколько минут стоит в растерянности. Потом снова решительно набирает номер.

— Але! Это ФСБ? Дежурный? Говорит трудник из монастыря. Трудник. Ну, рабочий значит. Тружусь во славу Божию. Да. Так вот, этой ночью на наш монастырь совершенно бандитское нападение...

Николай осекся на полуслове. Чья-то рука придавила рычаг телефона, а в спину ему уперлась твердая пасть смерти.

— Ну что, монах, не достучался? Вас разве в церкви не учили, что стучать нехорошо?

Тупой удар в затылок опрокинул Николая на пол и замутил сознание.

Очнулся в коровнике. Рядом неподвижно стояла, настороженно глядя глубоким черным глазом на нового соседа, пегая коровенка. Николай хотел приподняться, но не смог пошевелить связанными за спиной руками. Застонал. Сильно болел затылок. Коровенка шарахнулась в сторону.

— Не бойся, милая, не враг я тебе.

Коровенка не отвечала. Недоверчивый глаз ее все также пронзал чужака.

— Ну, что ты сердишься на меня, сестра? Я поневоле здесь.

Сестра. Надо же! Животное он назвал человеком. А и есть ли здесь люди? Что-то, кроме вон той коровенки, в последние часы попадались только животные. Вот опять идут. ЭТИ.

— Очухался, гад? Вставай, пошли, генерал ждет.

Николай встал. Его грубо толкнули сзади. Потеряв равновесие, он упал лицом на дверной косяк. Боли особой не почувствовал, хотя из разбитого носа и губ потекло теплое и соленое, слишком велика была обида. Сказано,

прощай врагам своим и даже люби их. Но ведь это о людях. А ЭТИ? Кто они? Неужели им можно простить смерть дочери, беззащитной жены, доброй монахини Варвары? Простить? Нет! Нет!! Только бы развязали руки. Вот тогда... Тогда...

— Стоять, доходяга!

Перед ним... Впрочем, лица его Николай не видел. Солнце било нещадным зноем в разбитые нос и губы, слепило глаза. Николай опустил голову.

— Что, брезгуешь? Брезгуешь, сука? Ничего. Не долго осталось. Взять с тебя нечего. Ты даже не монах, а этот, как у вас там, трудник. Раб значит. Раб Божий. А вот наказать тебя надо. Пришел на чужую землю и стучишь на хозяев. Так поступают ваши свиньи. Как свинью мы тебя и зарежем.

— Сам ты свинья. Ублюдок. Со старухами да со связанными воюешь.

— А ты хочешь, чтобы я тебя развязал, да? Один на один, как мужчина с женщиной? Я с рабами и скотиной не дерусь. А хочешь, я тебя отпущу? К монашкам твоим или свиньям, кого там из них ты дручишь?

ЭТИ хохочут. Им очень смешно. Эх, только бы одну гранату. Вот бы и он посмеялся.

— Ну, хочешь на свободу? Я не шучу. Мое слово — закон. Сними с шеи знак шайтана и втопчи его в грязь. Тогда, может быть, я тебя и помилую.

— Это крестик-то знак шайтана? Сам ты шайтан и ублюдки твои — шайтаново племя. И...

Страшный удар под дых свалил его на землю. На голову, спину, позвоночник, грудь, живот, обрушилась злоба Сапогов.

— Снимешь крест или нет?

— Нэ сному... — разбитыми губами с трудом выдавил Николай.

— Ну и ... с тобой. Кончайте его.

Последнее, что к удивлению своему успел еще живым взглядом увидеть Николай, пока голову его отрезали от плеч, были глаза, губы, нос, того, кого ЭТИ называли генералом. Оказывается, все-таки он человек. Хотя... Ой, мамочка, как больно-то...

10.

Дежурный по городскому управлению милиции положил трубку.

— Банда. Напали. Монастырь. Нам бы их заботы. Подумаешь, пятеро монашек. Тут сотни гибнут. Авось их Бог им поможет. Эй, Измаил, как там у этих христиан, которые монахи, они для мира умерли?

— Точно.

— Вот и не будем им мешать. Своих забот выше головы. Асланбек опять войны хочет, а я дом сыну строить начал. Теперь какая стройка? Вот скоты эти приезжие. Ехали бы к себе. Вот житуха пошла бы.

— А кто б тебе тогда дом строил?

— Верно. Пусть сначала построят, а потом катятся.

Друзья засмеялись и начали новую партию в нарды.

11.

Генерал пил спирт. Закусывал свежей бараниной и мягким лавашом. Случай с монастырским гонцом омрачил настроение. Вот гад, сдох не как

скотина. Гордый. Не так с ними нужно. Не так. Надо раздавить. Заставить дерьмо лизать и благодарить за такую милость. Слезно, искренне. А этот, получается, за веру свою помер. За Ису своего мученическую смерть принял, и он помог ему в этом. Тфу! Шайтан.

— Эй, Саид, гони еще спирту!

В дверь постучались.

— Кто там еще?

— Асланбек, это мы. Мир тебе.

— А, старики. Уму-разуму меня учить пришли? Ну-ну.

В комнату вошли старейшины аула. Делегация.

— Асланбек, мы посоветовались и решили, что не надо тебе монастырь трогать.

— Я сам решу, что мне трогать, а что нет.

— Вот как ты заговорил? Разве так велит нам шариат? Разве мудрость старших уже ничего не значит для воинов аллаха? Хочешь ты войны с неверными — войю. Но эти вот — божьи люди, они не воюют...

— Божьи? Это слуги шайтана. Дьяволово семя! Не воюют? А кто стрелял в моих людей? Голуби? Беркуты? Бараны? Идите, отцы, с миром. Я уважаю ваши седины. Но и моему терпению может прийти конец.

— Замолчи! Ты горец. И живешь среди горцев. Не дело нарушать законы горцев. Люди отвернутся от тебя. Многие уже и так ропщут. Зачем ты убил гонца? Он пришел к нам в дом без оружия. За помощью. Нужно было хотя бы дождаться, пока он покинет аул. Теперь гнев аллаха обрушится на всех нас.

— Довольно. Сыт я вашими советами.

— Асланбек, люди рассержены. Если ты себяставишь выше аула, не будет тебе сюда дороги.

— И кто же мне помешает?

— Асланбек!..

— Ладно! Виновные в смерти гонца будут наказаны. Пусть все знают — Асланбек не бандит, а воин справедливости. Эй, Саид, собирай людей. Всех.

Через полчаса на площади у бывшего сельсовета собрались почти все жители аула. Старики стояли степенно, с некоторой обидой, что некто посмел потревожить их покой. Женщины стояли в стороне, щебетали про меж собой о женских своих делах, временами бросая любопытные взгляды на центр площадки. Дети бегали всюду, создавая атмосферу всеобщей суеты и неуправляемости. Наконец, из дома, где временно квартировался, вышел Асланбек в сопровождении своих волков-воинов. Последними на площадь привели двоих: хозяина дома, из которого звонил Николай, и бандита, отрезавшего голову монастырскому гонцу.

— Жители аула, — начал Асланбек, — Мир вам! Мы воины гнева, а не бандиты. Мы волки, а не шакалы. Мы несем свободу и справедливость. Мы знаем законы горцев, мы чтим законы шариата. Эти двое нарушили наши законы. Первый — нарушил закон горцев, он предал гостя. Второй — нарушил закон шариата. Он зарезал барана против канонов, не на восток и без молитвы. Слушайте же, жители вольного аула, правоверные мусульмане! Гнев аллаха да обратится на головы этих предателей. Я приговариваю их к смерти.

Несчастных вывели к краю площади, к стенду, где до сих пор красовался цинковый барельеф Ленина. Четверо бородатых солдат равнодушно передернули затворы «калашей». Хор очередей поднял в небо стаю воробьев. Казненные, так и не поняв, в чем их вина, молча рухнули наземь. В цинке барельефа и жести стенда остались сиять солнечными спицами маленькие отверстия. Все произошло очень быстро. Старики стояли все так же важно и чуть сердито. Женщины скоро обменивались своими женскими секретами, временами бросая любопытные взгляды на два застывших человеческих тела, мальчишки, прекратившие было на секунду свою суету, снова забегали, заиграли, засуетились. Асланбек обратился к старейшине:

— Ну как, вы довольны? Не забудьте похоронить.

Старейшина развернулся и пошел прочь, бросив «генералу» на прощанье одно лишь слово:

— Дурак!

— Что? Это мне? Да я...А идите вы все.

Асланбек плюнул, выругался и зло зашагал в дом, пить спирт.

12.

Вечером Асланбек отправил четверых своих солдат в монастырь.

— Сделать все тихо. Головы неверных воткните на шесты в долине. Переройте все. Мне нужно золото, серебро, медь.

— А иконы ихние?

— Доски тоже берите. Только древние, за которые можно выручить зелень. Все остальное сжечь! И быстрее. Завтра утром уходим из аула. Как они мне все здесь надоели. Придет время и эти мне ответят за все. Нос вздумали задирать. Рабы!

Четверо преданных тенью скользнули по скалам. Первые звезды на небе вечером им путь не укажут. Женские руки слезой материнской им спины не греют. Волчья стая не сможет их гордых признать за своих. Спит монастырь под прикрытием ангельских крыльев. Только молитва, как ладана дым, поднимается к звездам. И в небесах, где-то там, в неизвестности, старцы седые. Плачут и молятся тоже, и счету им нет. Четверо черных скользят и не знают, не знают, что не аллах их по скалам ведет, и не гнев, и не воля. В черные мертвые руки вырастают стволы автоматов. Четверо загнанных тенью скользят в никуда.

Вот и обитель. После ухода Николая отец Афанасий благословил сестер разобрать каменные ступени висячей над пропастью лестницы.

— Прибудет помощь, тогда снова соорудим ступени. Так, матушка Се-рафима?

— Так, отче, так. Волнуюсь я что-то. За Николая. Пора бы уж и вернуться ему. Не случилось бы чего.

— Упаси Бог! Молись, матушка, молись. Господь нас не оставит. А коли суждено нам здесь... Так ведь не за сокровища же, которых нет. За Христа, матушка, за Христа.

— А что, отче, я все спросить хотела. Я про сокровища-то эти, будь они неладны, много чего слышала. Неужто и вправду они есть?

— Сокровища-то? И есть и нету, — батюшка улыбается, — Те, которые ищут, ну, золото там, алмазы, другие камни, так этого добра тут

точно нет. Точно! Уж и так перелопатили пещеры эти за тысячу лет вдоль и поперек. Да и откуда им тут взяться-то? Пираты какие, разбойники здесь что ли укрывались? Нет, мать игуменья. Сокровища здесь неземного происхождения. Сокровища духа! А уж этот-то клад ни один бандит у нас отнять не сможет.

— И то правда, отче. Однако правильно ли мы поступаем, что оборону затеяли? Оружие вот в руки взяли. Наше ли это дело?

— Как отцы церкви говорили: Люби врага своего, но гнушайся врагов Божиих и сокрушай врагов Отечества. ЭТИ — враги и Богу нашему, и Отечеству, стало быть, Святой Руси. Вспомни, как монахи во Псковских пещерах сокрушали воинов польского короля Стефана Батория. А Троицкая лавра преподобного Сергия? Сколько месяцев билась с захватчиками? А кто первым, до Минина и Пожарского пошел Москву от поляков освобождать? Знаешь? Опять же лаврские монахи. У нас, правда, не монахи, а монахини, но ведь за веру же стоим, за Христа и за Отечество. Так-то, матушка.

А ночь уже надела камуфляж.

Осколки тлеют звездных фитилей...

Тише, прошу вас, тише. Дайте до поры покой горным хрусталикам уснувшего речноглазья. Подождите, еще немного, не спешите разорвать барабанные перепонки каменных расселин. Дайте поспать вершинному эху, не будите зарю огненных вспышек. Успеете. Все равно ведь пришли за этим. Но пусть еще крохи мгновений поддержат зыбкость тишины, ибо пока еще не окончилось время молитвы. Но вот последняя слеза, сорвавшаяся со щеки добротой устлавшей прожитые годы игуменья, пробуравила песок пещерного пола, обжигая песчаный холод изумленной вечности. Пора. Время двинулось. Вперед ли, вспять ли? Господи, не остави нас грешных.

Отец Афанасий слышал, как один из ЭТИХ запел песнь последнего своего, некрестного восхождения. Слышал. Не мог не слышать натренированным слухом бывшего десантника. О, Боже мой, зачем Ты оставил нас? Да минует меня чаша сия!

*А чугунные перила уже стонут в нетерпении.
О, и как же далека ты, русская земля...*

А этот безлицый уже совсем рядом, легко поднимает он по висячей лесенке невесомое тело.

— Стой! Это территория женского монастыря. Вход поста...

— Та — та — та — та! — огрызнулись перила.

— Та — та — та — та — та!! — повторило эхо.

— Та — та — та — та — та!!! — отозвались скалы.

— ТА — ТА — ТА — ТА — ТА!!! — заплакало небо.

— ТА — ТА — ТА — ТА — ТА — ТА — ТА... — рассыпались брызги убитой ночи.

И тогда отец Афанасий, почти не целясь, бросил навстречу черному струю газового пистолета. ЭТОТ, неожиданный отпора, потерял равновесие и с дурным криком рухнул вниз, в объятья каменных когтей смерти. А «калаши» продолжали заливаться, но уже не победно, а осторожно и даже, пусть не покажется это смешным, испуганно. Пули сыпались горным ливнем, превращая в прах песчаные своды древней мудрости скал. Но сто-

ял у входа в обитель невидимый никому ангел-хранитель, принимая на себя этот ливень свинцовой грозы. И не пролилась кровь духовника. Но тени не ушли. Огнем подствольных гранатометов разрывает им память песня приказа Асланбека:

— Все... Сжечь... Головы... Неверных... Воткните... На шести... Сжечь!.. И быстрее!..

Волкам ли бояться газовых пуль? Воинам ли небесного гнева страшиться смерти? На клочки неверных! И вот кошкой взлетает по трепещущему чугуну в пещеру новая тень, и уже лежит, в страхе прижавшись к камням, в углу бесполезный пистолет, и вцепились друг в друга в смертельной схватке две черноты: чернота тени и чернота монаха. В какой из них спряталась правда? Не просто сломать десантника, пусть даже и бывшего. Но руки, но тело, как отвыкли вы от ратного дела! Как предательски слабеют натренированные когда-то мышцы. А ЭТОТ крепкий, сытый, сильный уже чувствует на губах знакомый привкус победы. Кончено. Вот сейчас, еще мгновение и вырвет он из мертвой уже груди жалкого слабое его сердце. Ах, как сладок этот миг. Ах как...

Выстрел в упор из охотничьего ружья сносит голову ликующего почти победителя.

— Оленька... Господи... Спасибо.

На пол пещерного притвора, рядом с тяжело дышащим батюшкой, рухнули двое: безголовый пришелец и сотрясающаяся от рыданий инокиня.

Смогла. Все-таки смогла. Как же это СТРАШНО... Господи, мой, Господи. За что проклял Ты грешную душу несчастной рабы Твоей? За что обрек на гибель недолюбившее, многострадальное ее сердечко? Господи, Боже мой, за что?

— Ну, хватит, хватит, рыдать. Дело надо делать. Помолись и стреляй. Вот еще разлеглась. Ты, отче, как, жив?

Это мать игумения подобрала газовый пистолет и наугад, еле удерживая оружие в немолодых руках, посылала заряд за зарядом туда, где скулят без ускользнувшей из лап добычи оставшиеся в живых тени шакалов.

Отец Афанасий, с трудом отдышавшись, подобрал «калашников» пришельца и огласил долину утвердительно: «Мо-на-стырь не-при-сту-пен».

И двое уползли в ночь. Уползли. Не бойся, утро, смело распахивай врата солнцу. Сегодня праздник. Сегодня новый день венчается с жизнью. Так выстели же ему путь цветами бессмертия.

А черная инокиня все также безутешно плачет, словно маленькая, глупенькая девчушка. Не тревожьте ее. Пусть поплачет.

13.

Пора было уходить. Так решили на духовном совете. То, что ЭТИ вернутся снова, не было никаких сомнений, только теперь их озлобленных, раздраженных кровью будет гораздо больше. Теперь их не интересуют мнимые сокровища, теперь они придут мстить, и мстить жестоко. И горсть секунд, оставшаяся до этой мести, таяла на глазах. Пора было уходить. Но не привычным путем — лестницей и долиной, там, наверняка их ждут. Не стоит искушать Бога, повторяя путь Николая. Значит, придется идти наверх, через скалы. Это почти невозможно. И хотя в советские времена

альпинисты-профессионалы, соревнуясь в этих местах, повбивали крюки, прокладывая себе тропки по отвесным скалам, пройти по этим тропкам женщинам, хоть и в монашеских одеяниях... Нет-нет. Это невозможно. Но разве есть другой выход? Отец Афанасий, едва придя в себя после поединка с пришлым, сам лично проделал путь наверх и скинул веревку с вершины. Следом поднялась Ольга. Она все также была безутешна. Навыки таежной охотницы, конечно,годились, но поднималась по скале она механически, не понимая от горя, что делают ее ноги и руки. Слава Богу! подъем прошел благополучно. Затем почти на руках вытянули мать казначею. Сестра Мария поднялась сама, непрестанно твердя молитву. А с инокиней Марфой случилось непредвиденное. На середине пути веревка застряла. Все усилия вытянуть монахиню были тщетны. Отцу Афанасию пришлось спускаться. Ничего, ничего, сестренка, сейчас все поправим, сейчас все будет хорошо. Сейчас... О, этот камень. Ведь ходили по нему альпинисты. Может это эхо ночного боя дало трещину в каменных нервах? Может это рана от шальной пули пробила бронежилет скальной твердыни? Камень рухнул. А вместе с ним сорвался духовник. Страховка выдержала, но удар о скалу был сильным. Отец Афанасий потерял сознание... Бегство предательского камня освободило веревку, и Марфа смогла подняться. Но как же неумолимо бежит время? Вот его уже совсем не осталось в горсти для спасения. А как же духовник, игуменья? Слава Богу! Отец Афанасий пришел в себя. Лицо его разбито. Грудь болит, и почти плетью висит левая рука.

— Ну, как ты, отче? Сильно зашибся? Подняться-то сможешь?

— Нет, матушка, — виновато улыбаясь, — Отползлся я. Уходить вам надо. Немедленно. Они вот-вот здесь будут. Уходите, я прикрою.

— Правильно, отче. Пусть уходят. А я с тобой останусь. В своей обители. Стара я уже по скалам-то лазать. Да и мой это дом. Другого нет. Эй, сестры, уходите! Это я, ваша игуменья, вручаю вас в руки Игумении Небесной. Идите с Богом.

— Сергия, слышишь меня? — это голос духовника, — За сестер перед Богом отвечаешь. Идите. Благослови вас Господь. Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа...

Ветер резким порывом метнул по трауру скорбной долины отголосок рыданий четырех женских голосов. Господи! Только бы они дошли. Прошу Тебя, прошу Тебя, Боже мой, не остави их. Пусть пройдут они по отвесным гребням, по острым клыкам каменной смерти невредимыми. Пусть обретут покой в новой обители, где нет войны, где нет злобы. Где только ладан, только молитва, и шелест белоснежных перьев над тайной золотой чаши во время вечной Литургии жалких, убогих, но верных. Господи, не остави их...

А ЭТИ уже тут.

Бой был недолгим. Да и можно ли это назвать боем?

14.

Серый рассвет не предвещал покоя истерзанной гонениями душе. Он шел сюда из пределов некогда священной империи, преследуемый издевательством язычников и презрением иконоборцев. Сколько дней длился

его путь? А и важно ли это отшельнику? Если и в дождь, и в снег, и в нещадный зной одежда его — черная полуистлевшая, многократно штопанная риза, а обувь — окаменевшие мозоли, да вздувшиеся сине-зеленые вены? Если картой ему уже много полнолуний — звезда, подобная той, что вела некогда восточных мудрецов в чужие земли на поклонение неведомому Богу? Если пищей ему ягоды да травы, да студеная вода горных ключей? Несколько раз было хотел он оборвать путь в неизвестность, построив шалаш или маленькую келью, соорудив крохотную церквушку из самодельного креста, древнего, доставшегося от почившего аввы антиминос, да единственной сохранившейся у него Богородичной иконы, но не лежало сердце к избранным местам. Не слышала душа пений ангельских или других каких знаков, что вот оно, то самое, где и есть окончание его пути по земле и начало лестницы к небесам. Так и шел он, нисколько не сомневаясь, что идти нужно. Туда. На север.

На север. Века спустя его путем пойдут десятки, сотни монахов. На север, где сквозь толщу льдов и колючий бархат снегов, сквозь туман гнуса и ковры болот пробивается свет от единственного Света, таится мудрость надвременной Премудрости. Где есть что-то настоящее, вечное, искреннее, что погрязло, забыто, осмеяно на лицемерном, тщеславном юге. На Север! На Маковец, на Белое озеро, на острова Ладоги, на Соловки... В холод, в вечную зиму, в погибель неминуемую, где тепло душе, где весна на сердце, где после тяжких трудов грезится спасение. Но все это еще только будет. А пока он первый. Египетские пустыни и скиты Дамаска, побережье Малой Азии и горы Армении, роскошь Царьграда и нищета разоренной Палестины — все это было позади, за спиной, и оглядываться назад не нужно. Что-то его ждет впереди?

Так шел он, забывая время и расстояния, пока этим серым, неприглядным утром не встретил на пути мрачную, высокую и неприветливую стену окаменевшего песчаника. Препятствие не остановило бы странника, он продолжил бы путь, обходя неприступность скал, но внезапно взгляд его коснулся темного зева пещеры, приютившейся строго посреди скалы, между вершиной и подножием. И в этот самый миг словно пронзила все тело, всю сущность отшельника молния озарения: «Вот оно»...

Значит здесь. Монах подошел к каменному отвесу, погладил холод и сырость неукротенной скалы, упал на колени и, умерев для всего живого, что окружало его, для леса, травы, беркутов, вольно паривших в далеком поднебесье, для журчания потока и свежести обжигающих брызг, для золота солнца и синевы неба, погрузился в долгую и слезную молитву. И когда последние слова молитвенного диалога вознеслись от сердца к Богу, серую мрачность погибшего осеннего неба прорезали огненные струи воскресшего солнца. Здесь!!!

Труден путь по отвесной скале. Не знает скиталец веревок и страховок, но не знает он и что под ногами, внизу остается страшная пустота, пугающая пропасть гибели. Что ему до этого? Ведь впереди то самое, ради чего пустился однажды в путь. Хотя теперь не имеет значения и сам путь, и камни, норовящие увернуться из под ног и унести безумца в преисподнюю обрыва, и ровная без трещин гладь скалы, и кровь, обильно текущая из-под сорванных ногтей. Он лезет все выше и выше. Туда, где нет славы, нет власти, нет утех. Где только скалы, небо и Бог. Он был первым.

15.

«Генерал» Асланбек склонился над еще живым отцом Афанасием. В его лице кроме ненависти, едва заметны проблески любопытства, и даже, нет, это только показалось. Но показалось же! Даже легкая тень восхищения.

— Живой? Ты, однако, удивил меня. Я ожидал увидеть солдата, крепкого воина, а ты всего лишь жалкий монах. Но воевал хорошо. Не знаю, зачтется тебе в твоём раю или как там, но четверых моих людей ты унесешь на тот свет. И монашек своих ты ловко увел. Перехитрил меня. Ну, что же, я уважаю достойных противников. Ты настоящий мужчина, хоть и монах. Тебя не будут мучить. И резать голову. Ты заслужил легкую смерть.

Асланбек достал из-за пояса пистолет и несколько раз выстрелил в лежащего.

По небу текли равнодушные облака. Беркуты, равнодушные к безумной пляске огня, в очередной раз пожирающего древнюю пещеру, продолжали выслеживать свою добычу. И лишь в незамутненных глазах бегущего сквозь время потока на один миг отразилось, а может это опять показалось, как страшные, бородатые солдаты черного «генерала» вытянулись, отдавая дань уважения дорого продавшему свою жизнь русскому монаху.

И где-то очень далеко. За сотни и сотни километров. На Севере. В пробуждающемся от многолетней спячки монастыре, в этот самый миг. Просто так. Сам по себе. Ударил печально и радостно одинокий колокол.

16.

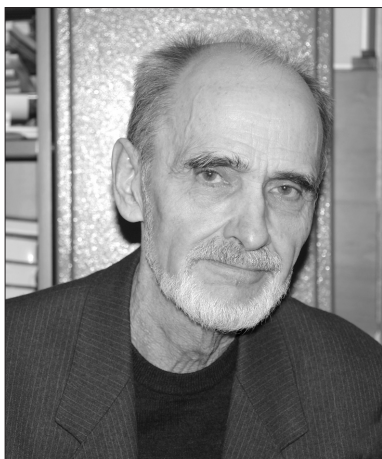
Он выгреб из кармана последнюю горсть зерна. Каким-то чудом эти зернышки сохранились в ненадежности ветхого монашеского карманчика. С завидным упорством цеплялись они за дырявое, пронизываемое ветром и холодом сукно, словно мечтали о чем-то необыкновенном, о вечной жизни, о празднике сказочного урожая, о тесте, дышащем сквозь вязкую ноздреватость, о караване с хрустящей, сладкой корочкой, пахнущим так, что голова колесом, а сердце барабаном. Но ничего этого не было. Сухой, потемневшей и почти окаменевшей ладонью он безжалостно, до последнего зернышка выгреб остатки подаренной где-то в Иберийском селении сердобольной старушкой пшенички. И бросил драгоценные грезы зерен в свежерытую пустоту неглубокой могилки, ископанной среди каменного равнодушия заповедной долины. Он бросил в холодную грязь последнее, что оставалось у него из пищи. Сумасшедший! Теперь ты погибнешь. Нет. Сдохнешь. Сдохнешь, как истощенный, больной шакал. Безумец, зачем умирающий обреч ты на смерть невинность преданных тебе зерен? Бессмысленно, бесполезно, бесцельно. Глупец! Жалкий, жалкий, жалкий!!!

Зерно погибло.

Напрасно обильно поливал его после слезами младенец — вольный ребенок непокоренных гор. Зерно погибло...

А весной был первый урожай.

ПОЭЗИЯ

Василий КАЗАНЦЕВ

«СОКРОВЕННАЯ ЛЕСА ДУША»

Василий Иванович Казанцев — родился в деревне Таскино (Томская область) в 1935 году в семье крестьян-переселенцев. До 1952 года безвыездно жил в своей деревне. В 1957 году окончил филфак Томского университета и работал учителем. Окончил в Москве Высшие литературные курсы. Автор около двадцати книг стихотворений. Очень высоко ценил поэзию Казанцева Вадим Валерьянович Кожин. К одной из книг поэта он написал предисловие. **Живет под Москвой, в Реутове.**

* * *

Деревья эти зацветают,
Когда им будет пятьдесят.
А до того любви не знают.
Когда же жить-то, жить хотят?

Любовь их поздняя оплатит
Все годы счастья, бед, побед.
Ее на всю вполне им хватит
Оставшуюся тыщу лет.

* * *

Воздушно-тонкая листва
Воздушно-тонкого овала
Воздушно-тонкие слова
Воздушно-тонко прошептала.

Какая сила в них была,
Лесная птица разъяснила.
А что и птица не смогла,
Моя душа договорила.

* * *

Простодушной рисовки — ни тени
У тугих, округлившихся ив.
Но какая воздушность оленья,
Но какой стрепетинный порыв.

Да пред кем рисоваться? В молчащей,
Отделенной от мира всего,
В темной этой, затерянной чаще
Нет же, нет же совсем никого.

Разве лишь из-за светлого клена
Сокровенная леса душа
Так восторженно, так изумленно,
Так влюбленно глядит не дыша.

* * *

Река небыстрая скользила
По опустелому леску,
Река струистая сквозила
Подобно белому песку.

И так доверчиво плескалась,
И так застенчиво текла,
И так приветливо смеялась,
Так улыбалась, что казалось,
Не в блеске солнечном плескалась,
А блеском, блеском тем была.

* * *

Березы в лесу блестели
Берестой белой своей.
Но листья вдруг пожелтели —
И стало
Еще
Светлей.

И быстрые дни летели —
Осенних ветров быстрее.
И листья все облетели.

И стало
Еще
Светлей.

И пели, кружась, метели.
И много промчалось дней.
И новые листья взлетели.
И стало
Еще
Светлей.

* * *

По ивам, по елям,
по соснам, по кленам,
По ярким, ветвистым,
тенистым, густым,
По ярким, пятнистым,
сквозистым, зеленым,
По ярким,
по блеском густым залитым,

Промчался, блестящий,
промчался, сквозящий,
Промчался, шумящий,
шуршащий, густой,
Промчался, рябящий,
свистящий, гудящий,
Дождь яркий, дождь солнечный,
дождь проливной!

ПОСЛЕ ЛИВНЯ

Листва взлохмаченно клубиста,
И, шелковистая, она
И шелестяща, и слоиста,
И, ввысь глядящая, она

И серебриста, и волниста,
И, ввысь летящая, она
И густо мглиста, и тениста,
И ярких, жарких искр полна.

* * *

Войду я в лес густой, блестящий,
И, возносясь, передо мной
Листвы воздушно шелестящей
Вдруг заблестит, взовьется рой.

Но краше той листвы блестящей,
Светло клубясь, передо мной

Лесных теней во мгле сквозящей
Вдруг заблестит, взовьется рой.

А краше, краше тех сверканий
В сквозящей этой мгле лесной —
Моих лесных воспоминаний
Вдруг заблестит, взовьется рой.

* * *

Душой взыскательно-пристрастной,
Соединившей глубь и высь,
Скажи: «Мгновенье, ты прекрасно».
Но не скажи: «Остановись».

И в высший,
в высший миг блаженства —
И в высший! — радостью дыша,
Немыслимого совершенства
Все будет, будет ждать душа.

* * *

Эти вбок отнесенные ветви,
Эти ветви протяжной волной —
Будто ровно струящийся ветер,
Будто ветер над летней землей?

Этот ровно струящийся ветер,
Этот ветер над летней землей —

Будто вбок отнесенные ветви,
Будто ветви протяжной волной?

Устремленные, длинные ветви
Над цветущей, над летней землей.
...Это времени, времени ветер,
Ветер медленной, длинной волной?

* * *

Ночь пролетела. И в утренний лес
Вновь я вошел. Предо мною
Вид неизменный, знакомый исчез.
Все предо мною — иное.

— Это светлее сверкнула сосна, —
Птица пропела лесная.
— Это пришла, прилетела весна, —
Птица пропела другая.

— Это другой, незнакомый предел, —
Пискнула пеночка-кроха.
...Ветер чуть слышно пропел, прогудел:
— Это

Другая
Эпоха.

* * *

И свет уклончивый и краткий,
И переменчивая мгла
Вдруг брызнут молнией догадки,
Что жизнь уже, уже прошла.

Что кончилось, умчалось время,
Что кончилась, промчалась жизнь,
Жизнь унеслась — и в то же время
Еще не начиналась жизнь.

Гравюры А. П. Остроумовой-Лебедевой

ПОЭЗИЯ

Борис ОРЛОВ

«ПРОЗРЕВШЕЕ СЕРДЦЕ МОЕ...»

Борис Александрович Орлов — член Союза писателей России, капитан 1-го ранга, лауреат премий «Золотой кортик», имени К. Симонова, им. В. Пикуля, автор 15 книг стихов, председатель Правления Санкт-Петербургского отделения Союза писателей России. **Живет в Кронштадте.**

ПАСТЫРЬ И ПРОРОК

Деньги — не богатство.
Бедность — не порок.
Иоанн Кронштадтский —
Пастырь и пророк.

Он просил молитвой
Каяться господ,
Но взрастил элиту
Нам чужой народ.

Каины да хамы,
Бесы да скоты
Разрушают храмы,
Жгут в кострах кресты.

Вместо дружбы братской
В душах тлен и прах.
Иоанн Кронштадтский
Служит в Небесах.

О насущном хлебе,
О любви славян
Молится на Небе
Отче Иоанн.

Свет богоугодный
Брежит над страной.
Вождь почти безродный,
Край почти родной.

В веру путь, как в гору,
Густ и темен лес.
Но ведет к собору
Православный крест.

* * *

*Иеромонаху
Александру (Фауту)*

Дом высок и просторен,
И псалмами согрет.
Патриаршье подворье,
В окнах — ангельский свет.

Позабыв про невзгоды,
Я, ни молод, ни стар,
Пью намоленный воздух,
Как целебный нектар.

На подворье приходим,
Чтобы душу спасти.
Заблудившись в народе,
Ищем к Богу пути.

* * *

Плетемся к кресту от звезды,
Плутая во мраке кромешном.
Все меньше под небом святых,
А больше порочных и грешных.

Устали не жить, а играть,
Фальшивых ораторов слушать.
За истину легче отдать
Святую, чем грешную душу.

* * *

*Отними у меня Россию —
Что останется у меня?*

Виктор Смирнов

Ты пришел нас грабить, подлый тать?
Будешь проклят, а не вписан в святцы.
У меня Россию не отнять —
Я не раб, чтоб без нее остаться.

Не на кого злиться и пенять:
Наши судьи — предки и потомки.
У меня Россию не отнять —
Велика... не сухари в котомке!
Я на вспышки злобы и огня
В бой пойду, чтоб с недругом сразиться.
У меня Россию не отнять
Потому, что я — ее частица!

* * *

Станция. Старый автобус. Билетом
Обзаведусь. И отступит мороз.
Родина встретит лазоревым светом
Чистых снегов и пречистых берез.

Небо прозрачное высветлит душу,
Над горизонтом затеплит звезду.

Мартовский вечер. Подмерзшие лужи.
Кто меня ждет? И куда я пойду?

Встанет автобус. Тропинкой знакомой
Тени деревьев потянутся вслед.
И засияет над маминым домом
Детская память — Божественный свет.

* * *

*Памяти монахини бабушки Елены,
нянчившей меня в раннем детстве*

Уютен скромный уголок
Избы. В окошко солнце светит.
Я не один — со мною Бог,
Нет одиночества на свете...

Забыло скрип шагов крыльцо.
Икона. Свет лампадки зыбкий.

И Богородицы лицо
Слегка озарено улыбкой.

Молитва. Библия в руке.
Блится день закатной гранью.
И дремлет в Божьем уголке,
В клубок свернувшись, мирозданье.

* * *

Звякнула щеколда. И калитка
Скрипнула. И ожили сады.
Солнце, словно красная улитка,
Тихо выползает из воды.

Изменилась жизнь и панорама,
Не видны приметы детских мест.
Губы шепчут:
«Мама... Где ты, мама?»
Кладбище. Могилка. Русский крест.

* * *

Плавятся слезливо глыбы льда,
Чайки над проталинами кружат.
Оживая, мертвая вода
Обживает мартовские лужи.

Дождь и снег. Желаний круговерть.
Взад-вперед по небу тучи бродят.
И соединившись, жизнь и смерть
Ищут равновесие в природе.

* * *

Друг мой! Небесный мой брат.
Где же ты? Шелест берез.
Холмик. Кладбищенский сад.
Игрище птиц и стрекоз.

Майская синяя высь.
Белой черемухи ветвь.
Я тебя младше на жизнь.
Ты меня старше на смерть.

* * *

Птиц перелетная стая.
Облако с красной каймою.
Вечер. Дома зарастают,
Словно лишайником, тьмою.

Нашим сердцам не подвластны
Ни расставанья, ни встречи.
Что мимолетно — прекрасно,
Все мимолетное вечно.

* * *

Иеромонаху Александру (Фауту)

Хотя еще безумствуют химеры
И в грешных душах много пустоты,
Гуляет по России ветер веры
Христовой. Всходят золотом кресты.

Яснее память. Ярче предков лица.
Светлее храм. Пышнее каравай.
Россия куполами колосится —
Хранит Господь духовный урожай.

* * *

Не ливень, не северный ветер,
Не ворон, не злое зверье,
А голубь с оливковой ветвью —
Прозревшее сердце мое.

Являются светлые лица,
Забыты и злость, и раздор.
И сердце — библейская птица
Вьет в праздничном храме гнездо.

Дмитрий МЕДВЕДЕВ

**РОССИЯ,
ВПЕРЕД!***

* Материал взят с Официального сайта Президента России.

Публикуемая сегодня статья написана мной для того, чтобы довести до каждого из Вас, до всех граждан России мое представление о стратегических задачах, которые нам предстоит решать. О настоящем и будущем нашей страны. И пригласить всех, кому есть что сказать, к участию в дискуссии по этим темам. Ваши оценки, замечания и предложения будут учтены при подготовке Послания Президента России Федеральному Собранию. Практических планов развития нашего государства.

Дмитрий Анатольевич Медведев. Родился 14 сентября 1965 года в Ленинграде. Окончил юридический факультет Ленинградского государственного университета в 1987 году и аспирантуру ЛГУ в 1990 году. Кандидат юридических наук, доцент. В 1990–1999 годах — на преподавательской работе в Санкт-Петербургском государственном университете. Одновременно в 1990–1995 годах — советник Председателя Ленинградского городского совета, эксперт Комитета по внешним связям Мэрии Санкт-Петербурга. В 1999 году — заместитель Руководителя Аппарата Правительства Российской Федерации. В 1999–2000 годах — заместитель Руководителя Администрации Президента Российской Федерации. С 2000 года — первый заместитель Руководителя Администрации Президента Российской Федерации. В 2000–2001 годах — председатель Совета директоров ОАО «Газпром», в 2001 году — заместитель председателя Совета директоров ОАО «Газпром», с июня 2002 года — председатель Совета директоров ОАО «Газпром». С октября 2003 года — Руководитель Администрации Президента Российской Федерации. В ноябре 2005 года назначен Первым заместителем Председателя Правительства Российской Федерации. 2 марта 2008 года избран Президентом Российской Федерации.

Через несколько месяцев Россия вступает в новое десятилетие нового века. Конечно, рубежи времени и «круглые» даты имеют скорее символическое, чем практическое значение. Но они дают нам повод осмыслить прошлое. Оценить настоящее. И задуматься о будущем. О том, что предстоит каждому из нас. Нашим детям, нашей стране.

«Я приглашаю всех, кто разделяет мои убеждения, к сотрудничеству. Приглашаю к сотрудничеству и тех, кто не согласен со мной, но искренне желает перемен к лучшему».

Сначала давайте ответим себе на простой, но очень серьезный вопрос. Должны ли мы и дальше тащить в наше будущее примитивную сырьевую экономику, хроническую коррупцию, застарелую привычку полагаться в решении проблем на государство, на границу, на какое-нибудь «всесильное учение», на что угодно, на кого угодно, только не на себя? И есть ли у России, перегруженной такими ношами, собственное завтра?

В следующем году мы будем праздновать шестьдесят пятую годовщину победы в Великой Отечественной войне. Этот юбилей напомним нам о том, что наше время было будущим для тех героев, которые завоевали нашу свободу. И что народ, победивший жестокого и очень сильного врага в те далекие дни, должен, обязан сегодня победить коррупцию и отсталость. Сделать нашу страну современной и благоустроенной.

Мы, современные поколения российского народа, получили большое наследство. Заслуженное, завоеванное, заработанное упорными усилиями наших предшественников. Иногда ценой тяжелых испытаний и действительно страшных жертв. Мы располагаем гигантской территорией, колоссальными природными богатствами, солидным промышленным потенциалом, впечатляющим списком ярких достижений в области науки, техники, образования, искусства, славной историей армии и флота, ядерным оружием. Авторитетом державы, игравшей значительную, а в некоторые периоды и определяющую роль в событиях исторического масштаба.

Как мы распорядимся этим наследством? Как преумножим его? Какой будет Россия для моего сына, для детей и внуков моих сограждан? Каково будет ее место, а значит, и место наших потомков, наследников, будущих поколений россиян, среди других наций — в мировом разделении труда, в системе международных отношений, в мировой культуре? Что нужно сделать, чтобы качество жизни граждан России и сегодня, и в будущем неуклонно повышалось? Чтобы наше общество становилось богаче, свободнее, гуманнее, привлекательнее? Чтобы оно было в состоянии дать всем желающим лучшее образование, интересную работу, хороший доход, комфортную среду для личной жизни и творческой деятельности?

«Должны ли мы и дальше тащить в наше будущее примитивную сырьевую экономику, хроническую коррупцию, застарелую привычку полагаться в ре-

шении проблем на государство, на границу, на какое-нибудь «всесильное учение», на что угодно, на кого угодно, только не на себя?»

У меня есть ответы на эти вопросы. И прежде, чем их сформулировать, я бы хотел дать оценку нынешнего положения дел.

Мировой экономический кризис показал: дела наши обстоят далеко не самым лучшим образом. Двадцать лет бурных преобразований так и не избавили нашу страну от унижительной сырьевой зависимости. Наша теперешняя экономика переняла у советской самый тяжелый порок — она в значительной степени игнорирует потребности человека. Отечественный бизнес за малым исключением не изобретает, не создает нужные людям вещи и технологии. Торгует тем, что сделано не им, — сырьем либо импортными товарами. Готовые же изделия, произведенные в России, в основной массе пока отличаются крайне невысокой конкурентоспособностью.

Отсюда и большее, чем у других экономик, падение производства во время нынешнего кризиса. И запредельные колебания фондового рынка. Все это доказывает, что мы сделали далеко не все необходимое в предшествующие годы. И далеко не все сделали правильно.

Энергоэффективность и производительность труда большинства наших предприятий позорно низки. Но это полбеды. Беда в том, что, похоже, это не очень волнует владельцев, директоров, главных инженеров и чиновников.

Как следствие — на уровне глобальных экономических процессов влияние России, прямо скажем, не так велико, как нам бы хотелось. Конечно, в эпоху глобализации влияние любой страны не может быть абсолютным. Это было бы даже вредно. Но возможности нашей страны должны быть значительными, подобающими исторической роли России.

Демократические институты в целом сформированы и стабилизированы, но их качество весьма далеко от идеала. Гражданское общество слабо, уровень самоорганизации и самоуправления невысоки.

С каждым годом нас становится все меньше. Алкоголизм, курение, дорожно-транспортные происшествия, недостаточная доступность многих медицинских технологий, экологические проблемы сокращают жизнь миллионов людей. А наметившийся рост рождаемости пока не компенсирует убыль населения.

«Мы сумели собрать страну, остановить центробежные тенденции. Но проблем еще очень много. Включая самые острые».

Мы сумели собрать страну, остановить центробежные тенденции. Но проблем еще очень много. Включая самые острые. Террористические атаки на Россию продолжаются. Жители республик Северного Кавказа просто не знают покоя. Гибнут военные и работники правоохранительных органов, государственные и муниципальные служащие, мирные люди. Конечно, эти преступления совершаются при поддержке международных бандгрупп. Но

давайте признаем: ситуация не была бы настолько острой, если бы социально-экономическое развитие юга России было по-настоящему результативным.

Итак, неэффективная экономика, полусоветская социальная сфера, неокрепшая демократия, негативные демографические тенденции, нестабильный Кавказ. Это очень большие проблемы даже для такого государства, как Россия.

Не стоит, конечно, сгущать краски. Делается многое. Россия работает. Она уже не то полупарализованное полугосударство, каким была еще десять лет назад. Все социальные системы функционируют. Только этого недостаточно. Ведь они лишь воспроизводят текущую модель, но не развивают ее. Не изменяют сложившийся уклад жизни. Сохраняют пагубные привычки.

Добиться лидерства, полагаясь на нефтегазовую конъюнктуру, невозможно. Надо понять, прочувствовать всю сложность наших проблем. Откровенно обсудить их, чтобы действовать. В конце концов не сырьевые биржи должны вершить судьбу России, а наше собственное представление о себе, о нашей истории и о нашем будущем. Наш интеллект, трезвая самооценка, наша сила, чувство собственного достоинства, предприимчивость.

Называя пять приоритетов технологического развития, предлагая конкретные направления модернизации политической системы, меры по укреплению судебной власти и противодействию коррупции, я исхожу из моих представлений о будущем России. И ради этого будущего считаю необходимым освобождение нашей страны от запущенных социальных недугов, сковывающих ее творческую энергию, тормозящих наше общее движение вперед. К недугам этим отношу:

1. Вековую экономическую отсталость, привычку существовать за счет экспорта сырья, фактически выменивая его на готовые изделия. Элементы инновационной системы создавались — и небезуспешно — Петром Великим и последними царями, и большевиками. Но цена этих успехов была слишком высока. Они достигались, как правило, чрезвычайным напряжением сил, на пределе возможностей тоталитарной государственной машины.

«Не сырьевые биржи должны вершить судьбу России, а наше собственное представление о себе, о нашей истории и о нашем будущем. Наш интеллект, наша сила, чувство собственного достоинства, предприимчивость».

2. Вековую коррупцию, с незапамятных времен истощавшую Россию. И до сих пор разъедающую ее по причине чрезмерного присутствия государства во всех сколько-нибудь заметных сферах экономической и иной общественной деятельности. Но дело не только в избыточности государства. Бизнес тоже не безгрешен. Многие предприниматели озабочены не поиском талантливых изобретателей, не внедрением уникальных технологий, не созданием и выводом на рынок новых продуктов, а подкупом чиновников ради получения «контроля над потоками» перераспределения собственности.

3. Широко распространенные в обществе патерналистские настроения. Уверенность в том, что все проблемы должно решать государство. Либо кто-то еще, но только не каждый на своем месте. Желание «делать себя», достигая шаг за шагом личных успехов не является нашей национальной привычкой. Отсюда безынициативность, дефицит новых идей, нерешенные вопросы, низкое качество общественной дискуссии, в том числе и критических выступлений. Общественное согласие и поддержка обычно выражаются молчанием. Возражения очень часто бывают эмоциональными, хлесткими, но при этом поверхностными и безответственными. Что ж, и с этими явлениями Россия знакома не первые сто лет.

Приходится слышать, что нельзя полностью вылечить хронические социальные болезни. Что традиции непоколебимы, а история имеет свойство повторяться. Но когда-то и крепостничество, и повальная неграмотность казались неодолимыми. Однако же были преодолены.

Что касается традиций — их влияние, конечно, значительно. Но они, вписываясь в каждую новую эпоху, все же претерпевают изменения. Некоторые из них просто исчезают. Да и не все они полезны. Для меня традиции — это только неоспоримые ценности, которые надо беречь. Это межнациональный и межконфессиональный мир, воинская доблесть, верность долгу, гостеприимство и доброта, свойственные нашему народу. А взяточничество, воровство, умственная и душевная лень, пьянство — пороки, оскорбляющие наши традиции. От них следует избавляться самым решительным образом.

И, конечно же, современная Россия не повторяет собственное прошлое. Наше время по-настоящему новое. И не только потому, что оно течет вперед, как всякое время. Но и потому, что открывает перед нашей страной и перед каждым из нас огромные возможности. Такие возможности, которых не было и в помине двадцать, тридцать, тем более сто и триста лет назад.

«Чем «умнее», интеллектуальнее, эффективнее будет наша экономика, тем выше будет уровень благосостояния наших граждан. Тем свободнее, справедливее, гуманнее будет наша политическая система, общество в целом».

Впечатляющие показатели двух величайших в истории страны модернизаций — петровской (имперской) и советской — оплачены разорением, унижением и уничтожением миллионов наших соотечественников. Не нам судить наших предков. Но нельзя не признать, что сохранение человеческой жизни не было, мягко скажем, в те годы для государства приоритетом. К сожалению, это факт. Сегодня впервые в нашей истории у нас есть шанс доказать самим себе и всему миру, что Россия может развиваться по демократическому пути. Что переход страны на следующую, более высокую ступень цивилизации возможен. И что он будет осуществлен ненасильственными методами. Не принуждением, а убеждением. Не подавлением, а раскрытием творческого потенциала каждой личности. Не запугиванием, а заинтересованностью. Не противопоставлением, а сближением интересов личности, общества и государства.

Мы действительно живем в уникальное время. У нас есть шанс построить новую, свободную, процветающую, сильную Россию. И я как Президент обязан сделать все от меня зависящее, чтобы этот шанс был использован нами в полной мере.

В течение ближайших десятилетий Россия должна стать страной, благополучие которой обеспечивается не столько сырьевыми, сколько интеллектуальными ресурсами: «умной» экономикой, создающей уникальные знания, экспортом новейших технологий и продуктов инновационной деятельности.

Недавно я определил пять стратегических векторов экономической модернизации нашей страны. Во-первых, мы станем одной из лидирующих стран по эффективности производства, транспортировки и использования энергии. Разработаем и выведем на внутренние и внешние рынки новые виды топлива. Во-вторых, сохраним и поднимем на новый качественный уровень ядерные технологии. В-третьих, российские специалисты будут совершенствовать информационные технологии, добьются серьезного влияния на процессы развития глобальных общедоступных информационных сетей, используя суперкомпьютеры и другую необходимую материальную базу. В-четвертых, мы будем располагать собственной наземной и космической инфраструктурой передачи всех видов информации; наши спутники будут «видеть» весь мир, помогать нашим гражданам и людям всех стран общаться, путешествовать, заниматься научными исследованиями, сельскохозяйственным и промышленным производством. В-пятых, Россия займет передовые позиции в производстве отдельных видов медицинского оборудования, сверхсовременных средств диагностики, медикаментов для лечения вирусных, сердечно-сосудистых, онкологических и неврологических заболеваний.

Следуя этим пяти стратегиям лидерства в сфере высоких технологий, мы будем также уделять постоянное внимание развитию наиболее значимых традиционных отраслей. Прежде всего агропромышленного комплекса. Каждый третий из нас проживает на селе. Доступность современных социальных услуг для сельских жителей, рост их доходов, улучшение условий их труда и быта всегда будут нашим приоритетом.

«Хочу огорчить сторонников перманентной революции. Спешить мы не будем. Спешка и необдуманность в деле политических реформ не раз в нашей истории приводили к трагическим последствиям. В то же время не обрадую и тех, кого полностью устраивает статус-кво. Перемены будут. Они будут постепенными, продуманными, поэтапными. Но — неуклонными и последовательными».

И, само собой разумеется, Россия будет хорошо вооружена. Достаточно, чтобы никому не пришло в голову угрожать нам и нашим союзникам.

Эти цели реалистичны. Задачи, поставленные для их достижения, сложны, но решаемы. Детальные, пошаговые планы движения вперед в указанных направлениях уже разрабатываются. Мы будем поощрять и стимулировать

ровать научно-техническое творчество. Прежде всего поддержим молодых ученых и изобретателей. Средняя и высшая школы подготовят достаточное количество специалистов для перспективных отраслей. Научные учреждения сосредоточат основные усилия на реализации прорывных проектов. Законодатели примут все решения для комплексной поддержки духа новаторства во всех сферах общественной жизни, создания рынка идей, изобретений, открытий, новых технологий. Государственные и частные компании получают всемерную поддержку во всех начинаниях по созданию спроса на продукты инновационной деятельности. Иностранным компаниям и научным организациям будут предоставляться самые благоприятные условия для строительства в России исследовательских и конструкторских центров. Мы пригласим на работу лучших ученых и инженеров из разных стран мира. И, главное, мы будем объяснять нашей молодежи, что важнейшим конкурентным преимуществом являются знания, которых нет у других, интеллектуальное превосходство, умение создавать вещи, нужные людям. Как писал А. С. Пушкин: «Есть высшая смелость: смелость изобретения, создания, где план обширный объемлется творческой мыслью». Изобретатель, новатор, ученый, учитель, предприниматель, внедряющий новые технологии, станут самыми уважаемыми людьми в обществе. Получат от него все необходимое для плодотворной деятельности.

Инновационная экономика возникнет, конечно, не сразу. Она часть культуры, основанной на гуманистических ценностях. На стремлении к преобразованию мира ради лучшего качества жизни, ради освобождения человека от бедности, болезней, страха, несправедливости. Талантливые люди, стремящиеся к обновлению, способные создавать новое и лучшее, не прилетят к нам с другой планеты. Они уже здесь, среди нас. И об этом недвусмысленно свидетельствуют результаты международных интеллектуальных олимпиад, патентование за рубежом изобретений, сделанных в России, и настоящая охота, ведущаяся крупнейшими компаниями и университетами мира, за нашими лучшими специалистами. Мы — государство, общество и семья — должны научиться находить, растить, воспитывать и беречь таких людей.

Считаю технологическое развитие приоритетной общественной и государственной задачей еще и потому, что научно-технический прогресс неразрывно связан с прогрессом политических систем. Считается, что демократия возникла в Древней Греции, но в те времена демократия существовала не для всех. Свобода была привилегией меньшинства. Полноценная демократия, утвердившая всеобщее избирательное право и юридически оформленное равенство всех граждан перед законом, демократия для каждого возникла сравнительно недавно, каких-нибудь восемьдесят—сто лет назад. Демократия стала массовой, когда массовым стало производство самых необходимых товаров и услуг. Когда уровень технологического развития западной цивилизации сделал возможным всеобщий доступ к элементарным благам, к системам образования, медицинского обслуживания, информационного обмена. Каждое новое изобретение, улучшающее качество жизни, дает дополнительную степень свободы для человека. Делает условия его существования более комфортными, а социальные отношения более справедливыми. Чем «умнее», интеллектуальнее, эффективнее будет наша экономика, тем выше будет уровень благосостояния наших граждан. Тем свободнее, справедливее, гуманнее будет наша политическая система, общество в целом.

«Никто не проживет нашу жизнь за нас. Никто не станет за нас свободными, успешными, ответственными. Только наш собственный опыт демократического строительства даст нам право утверждать: мы свободны, мы ответственны, мы успешны».

Распространение современных информационных технологий, которому мы будем всячески содействовать, дает беспрецедентные возможности для реализации таких фундаментальных политических свобод, как свобода слова и собраний. Для выявления и ликвидации очагов коррупции. Для прямого доступа к месту практически любых событий. Для непосредственного обмена мнениями и знаниями людей всего мира. Общество становится открытым и прозрачным как никогда. Даже если это не нравится правящему классу.

Политическая система России также будет предельно открытой, гибкой и внутренне сложной. Она будет адекватна динамичной, подвижной, прозрачной и многомерной социальной структуре. Отвечать политической культуре свободных, обеспеченных, критически мыслящих, уверенных в себе людей. Как и в большинстве демократических государств, лидерами в политической борьбе будут парламентские партии, периодически сменяющие друг друга у власти. Партии и их коалиции будут формировать федеральные и региональные органы исполнительной власти (а не наоборот), выдвигать кандидатов на пост главы государства, руководителей регионов и местного самоуправления. Они будут иметь длительный опыт цивилизованной политической конкуренции. Ответственного и содержательного взаимодействия с избирателями, межпартийного сотрудничества и поиска компромиссных вариантов решений острейших социальных проблем. Соединят в политическое целое все части общества, граждан всех национальностей, самые разные группы людей и наделенные широкими полномочиями российские земли.

Политическая система будет обновляться и совершенствоваться в ходе свободного соревнования открытых политических объединений. При сохранении межпартийного консенсуса по стратегическим вопросам внешней политики, социальной стабильности, национальной безопасности, основ конституционного строя, охраны суверенитета нации, прав и свобод граждан, защиты права собственности, неприятия экстремизма, поддержки структур гражданского общества, всех форм самоорганизации и самоуправления. Подобный консенсус существует во всех современных демократиях.

В этом году мы начали движение к созданию такой политической системы. Политические партии получили дополнительные возможности влиять на формирование исполнительной власти в субъектах федерации и муниципалитетах. Смягчены формальные требования по ряду вопросов партстроительства. Облегчены условия выдвижения кандидатов на выборах в Государственную Думу. Законодательно установлены гарантии равного доступа к государственным средствам массовой информации парламентских партий. Принят и ряд других мер.

«У нас нет «новых» судей, как нет «новых» прокуроров, милиционеров, сотрудников спецслужб, чиновников, бизнесменов и т.д. Нужно создать нормальные условия работы для действующего правоохранительного корпуса, решительно избавляясь от проходимцев».

Не всех устраивают темпы нашего движения в этом направлении. Говорят о необходимости форсированного изменения политической системы. А иногда и том, чтобы вернуться в «демократические» девяностые. Но возврат к парализованному государству недопустим. Поэтому хочу огорчить сторонников перманентной революции. Спешить мы не будем. Спешка и необдуманность в деле политических реформ не раз в нашей истории приводили к трагическим последствиям. Ставили Россию на грань распада. Мы не вправе рисковать общественной стабильностью и ставить под угрозу безопасность наших граждан ради каких-то абстрактных теорий. Не вправе приносить стабильную жизнь в жертву даже самым высоким целям. Еще Конфуций заметил: «Нетерпимость в малом разрушает великий замысел». Мы «наелись» этого в прошлом. Реформы для людей, а не люди для реформ. В то же время не обрадую и тех, кого полностью устраивает статус-кво. Тех, кто боится и не хочет перемен. Перемены будут. Да, они будут постепенными, продуманными, поэтапными. Но — неуклонными и последовательными.

Российская демократия не будет механически копировать зарубежные образцы. Гражданское общество не купить за иностранные гранты. Политическую культуру не переделать простым подражанием политическим обычаям передовых обществ. Эффективную судебную систему нельзя импортировать. Свободу невозможно выписать из книжки, даже если это очень умная книжка. Мы, безусловно, обязательно будем учиться у других народов. Будем перенимать их опыт, учитывать их успехи и просчеты в развитии демократических институтов. Но никто не проживет нашу жизнь за нас. Никто не станет за нас свободными, успешными, ответственными. Только наш собственный опыт демократического строительства даст нам право утверждать: мы свободны, мы ответственны, мы успешны.

Демократия нуждается в защите. Как нуждаются в защите основные права и свободы наших граждан. Защите прежде всего от коррупции, порождающей произвол, несвободу и несправедливость. Мы только приступили к формированию такого защитного механизма. Его центральной частью должен быть суд. Нам предстоит создать современный эффективный суд, действующий в соответствии с новым законодательством о судостроительстве и опирающийся на современное правопонимание. Нам также предстоит избавиться от пренебрежения к праву и суду, которое, как мне неоднократно доводилось говорить, стало нашей печальной «традицией». Но при формировании новой судебной власти недопустимы скачки и кампанейщина, равно как и болтовня о том, что сама система сгнила и проще набрать новый судебный и правоохранительный корпус, чем изменить их. У нас нет «новых» судей, как нет «новых» прокуроров, милиционеров, сотрудников

спецслужб, чиновников, бизнесменов и т.д. Нужно создать нормальные условия работы для действующего правоохранительного корпуса, решительно избавляясь от проходимцев. Нужно учить правоохранителей охранять и защищать права и свободы. Справедливо, четко и эффективно разрешая конфликты в правовом поле. Необходимо устранить неправовое влияние на судебные акты, какими бы соображениями оно ни диктовалось. В конечном счете судебная система сама способна разобраться, что в интересах государства, а что отражает шкурный интерес коррумпированного бюрократа или предпринимателя. Необходимо прививать вкус к правовой культуре, законопослушанию, уважение к правам других, включая такое важное, как право собственности. Именно суды при широкой общественной поддержке призваны очистить страну от коррупции. Это сложная задача. Но выполнимая. У других же стран все получилось.

Мы будем делать все возможное для нормализации жизни людей на российском Кавказе. Экономические и гуманитарные программы для юга страны будут в ближайшее время пересмотрены и конкретизированы. Будут разработаны отдельные и очень четкие критерии эффективности работы руководителей государственных структур по проблемам Кавказа. Это касается прежде всего федеральных и региональных министерств и ведомств, ответственных за качество политики в сфере промышленного производства, финансов, социального развития, образования, культуры. В то же время правоохранительные органы продолжают подавление бандгрупп, стремящихся запугиванием и террором навязать населению некоторых кавказских республик свои бредовые идеи и варварские порядки.

«Жить не по средствам — безнравственно, неразумно и опасно. Нужно подтягивать экономику, чтобы больше зарабатывать. Не просто получать только потому, что нефть в какой-то момент подорожала, а именно зарабатывать».

Негативные демографические тенденции должны быть замедлены и остановлены. Повышение качества медицинского обслуживания, стимулирование рождаемости, безопасность на дорогах и производстве, борьба с пандемией алкоголизма, развитие физической культуры, массового спорта должны стать и стратегическими, и при этом повседневно решаемыми государственными задачами.

Какую бы сферу ни затрагивали преобразования, их цель в конечном итоге одна — повышение качества жизни в России. Создание условий для обеспечения граждан жильем, работой, медицинской помощью. Забота о пенсионерах, защита детей, поддержка людей с ограниченными возможностями — прямая обязанность властей всех уровней.

В речах российских политиков часто звучит напоминание о том, что согласно нашей Конституции Россия — социальное государство. Это действительно так, но не следует забывать и о том, что современное социальное государство — это не раздувшийся советский собес и не спецраспределитель с неба свалившихся благ. Это сложная, сбалансированная система эконо-

номических стимулов и социальных гарантий, юридических, этических и поведенческих норм, продуктивность которой в решающей мере зависит от качества труда и уровня подготовки каждого из нас.

Общество может распределять через государство только то, что зарабатывает. Жить не по средствам — безнравственно, неразумно и опасно. Нужно подтягивать экономику, чтобы больше зарабатывать. Не просто получать только потому, что нефть в какой-то момент подорожала, а именно зарабатывать.

Мы будем повышать эффективность социальной сферы по всем направлениям, уделяя повышенное внимание задачам материального и медицинского обеспечения ветеранов и пенсионеров.

Модернизация российской демократии, формирование новой экономики, на мой взгляд, возможны только в том случае, если мы воспользуемся интеллектуальными ресурсами постиндустриального общества. Без всяких комплексов, открыто и прагматично. Вопрос гармонизации отношений с западными демократиями — это не вопрос вкуса или каких-то личных предпочтений тех или иных политических групп. Наши внутренние финансовые и технологические возможности сегодня недостаточны для реального подъема качества жизни. Нам нужны деньги и технологии стран Европы, Америки, Азии. Этим странам нужны в свою очередь возможности России. Мы крайне заинтересованы в сближении и взаимном проникновении наших культур и экономик.

Конечно, не бывает отношений без противоречий. Всегда найдутся спорные темы, причины для разногласий. Но обидчивость, кичливость, закомплексованность, недоверие и тем более враждебность должны быть исключены на взаимной основе из отношений России с ведущими демократическими странами.

У нас много общих задач, среди которых такие безусловно приоритетные и касающиеся буквально каждого жителя Земли, как нераспространение ядерного оружия и снижение риска неблагоприятных техногенных изменений климата.

«Не ностальгия должна определять нашу внешнюю политику, а стратегические долгосрочные цели модернизации России».

Мы должны уметь заинтересовать партнеров, вовлечь их в совместную деятельность. И если для этого нужно что-то изменить в самих себе, отказаться от предрассудков и иллюзий — так следует и делать. Речь, конечно, не идет о политике односторонних уступок. Безволие и некомпетентность не могут дать ни уважения, ни благодарности, ни выгоды. Это уже было в нашей недавней истории. Наивные представления о непогрешимом и счастливым Западе и вечно недоразвитой России неприемлемы, оскорбительны и опасны. Но не менее опасен и путь конфронтации, самоизоляции, взаимных придирок и претензий.

Не ностальгия должна определять нашу внешнюю политику, а стратегические долгосрочные цели модернизации России. При этом Россия, оставаясь одной из ведущих экономик, ядерной державой и постоянным членом Совета безопасности ООН, должна открыто и прямо говорить о своей по-

зиции, отстаивать ее на всех площадках. Не юлить и не приспособливаться. А в случае угрозы собственным интересам — решительно защищать их. Мне уже доводилось говорить о таких принципах нашей внешней политики в августе прошлого года.

Наряду с активной работой на западном направлении мы должны углублять сотрудничество со странами ЕвразЭС, ОДКБ, СНГ. Это наши самые близкие, стратегические партнеры. У нас с ними общие задачи по модернизации наших экономик, обеспечению региональной безопасности, более справедливому устройству мирового порядка. Мы должны также развивать всемирную кооперацию с нашими партнерами по линии ШОС и БРИК.

У российского народа, как у каждого великого народа, яркая, героическая, вызывающая уважение и восхищение и в то же время — противоречивая, сложная, неоднозначная история. По-разному воспринимают нас разные люди и разные страны. И многое еще предстоит сделать для защиты нашего исторического наследия от искажения и политических спекуляций. Мы должны смотреть на свое прошлое трезво. Видеть в нем и грандиозные победы, и трагические ошибки, и примеры для подражания, и проявление лучших черт национального характера.

В любом случае мы будем внимательны к своей истории, будем ее уважать. Уважать прежде всего роль нашей страны в поддержании сбалансированного мирового порядка на протяжении многих веков. Россия всегда, на всех этапах своего становления стремилась к достижению более справедливого мироустройства.

Не раз именно Россия оказывала покровительство малым народам, столкнувшимся с угрозой порабощения или даже уничтожения. Так было и совсем недавно, когда режим Саакашвили совершил преступное нападение на Южную Осетию. Не раз разрушала авантюристические планы претендентов на мировое господство. Россия дважды выступала в авангарде великих коалиций: в XIX веке — остановившей Наполеона, в XX — разгромившей нацистов. И в военное, и в мирное время — если справедливое дело требовало решительных действий — наш народ приходил на помощь. Россия всегда была верным союзником на войне и честным партнером в экономических и дипломатических делах.

В будущем Россия будет активным и уважаемым участником всемирного содружества свободных наций. Достаточно сильной для того, чтобы оказывать существенное влияние на выработку решений, имеющих глобальные последствия. Чтобы не допускать чьих-либо односторонних действий, которые могли бы нанести ущерб национальным интересам и негативно сказаться на наших внутренних делах. Снизить уровень доходов россиян, повредить их безопасности.

Для этого мы уже сегодня вместе с другими странами добиваемся реформирования наднациональных политических и экономических институтов. Целью такой модернизации является развитие международных отношений, учет интересов как можно большего количества народов и стран. Установление таких правил сотрудничества и разрешения споров, в основе которых были бы современные представления о равенстве и справедливости.

Таковы мои взгляды на историческую роль нашей страны, на ее будущее. Предлагаемые мной ответы на вопросы, касающиеся каждого из нас.

Я приглашаю всех, кто разделяет мои убеждения, к сотрудничеству. Приглашаю к сотрудничеству и тех, кто не согласен со мной, но искренне желает перемен к лучшему. Нашей работе будут пытаться мешать. Влиятельные группы продажных чиновников и ничего не предпринимających «предпринимателей». Они хорошо устроились. У них «все есть». Их все устраивает. Они собираются до скончания века выжимать доходы из остатков советской промышленности и разбазаривать природные богатства, принадлежащие всем нам. Они не создают ничего нового, не хотят развития и боятся его. Но будущее принадлежит не им. Оно принадлежит нам. Таких, как мы, абсолютное большинство. Мы будем действовать. Терпеливо, прагматично, последовательно, взвешенно. Действовать прямо сейчас. Действовать завтра и послезавтра. Мы преодолеем кризис, отсталость, коррупцию. Создадим новую Россию. Россия — вперед!

СЛОВО РЕДАКЦИИ

В России печатное слово правителя страны с древних времен привлекало особое внимание народа. Так, например, Поучения Владимира Мономаха, Указы и Обращения Петра I и Екатерины II остались в истории, как свидетельства диалога высшей власти с обществом, как исторические подтверждения стремления монарха почувствовать, услышать мнение и отклик тех, кому он поклялся служить верой и правдой. В XX веке, особенно в его конце, руководители государства охотно переняли упрощенную западную манеру — устных публичных выступлений, от которых не остается никаких материальных свидетельств, которые по своей форме не годятся для запоминания и обсуждения. К счастью, в последнее время возобновляется вековая русская традиция письменных посланий руководителей страны ко всем социальным группам общества. Стратегическая статья Президента РФ Дмитрия Медведева «Россия, вперед!» касается каждого из нас, так как содержит концепцию развития России на ближайшее будущее.

В рамках предложенного Президентом всенародного обсуждения, мы бы тоже хотели, не ставя перед собой задачу подробного анализа всей статьи, высказать свои пожелания и замечания по отдельным пунктам. Во многом мы согласны с большинством представленных тезисов. В частности, с тем, что необходимо постепенно отказываться от «унизирующей сырьевой зависимости», что «не сырьевые биржи должны вершить судьбу России», а наше собственное инновационное производство, наша наука, имеющая богатые традиции в создании новых технологий. Отрадно слышать, что руководство страны одним из приоритетов называет развитие традиционных отраслей, в первую очередь агропромышленного комплекса, то есть обращает свое внимание на многострадальное российское сельское хозяйство. Радует, что, хотя и очень кратко, упоминаются проблемы армии и, особенно, ее перевооружения, которое, по нашему мнению, невозможно будет провести при уменьшении роли государства, за счет которого только и может осуществиться инновационный прорыв, не посильный никакому частному предпринимателю.

Нам кажется, что роль государства в период кризиса, должна наоборот усиливаться, особенно в выполнении им непосредственных функций, обеспечивающих законность, порядок, передовую систему образования, защиту семейно-нравственных приоритетов и традиционной русской культуры.

С душевной болью приходится констатировать, что во всей статье — культура, как основное гуманитарно-этическое направление, ни разу не упоминается, в то время как спорту отводится значительная воспитательная роль. Такая перестановка акцентов с духовного на телесное человеческое качество возможна ли в стране с величайшими традициями духовной классической культуры, воспитавшей не одно поколение не только русских людей, но и представителей многих мировых цивилизаций? Сегодня, когда мы являемся свидетелями уничтожения с помощью СМИ остатков нравственности, особенно в молодежной среде, когда искусственно насаждаются разврат и пьянство, искажаются исторические факты, необходимо говорить о незамедлительном преображении духа российского общества. Лишенный исконной духовной составляющей своего бытия такое общество не сможет решить ни одну задачу, поставленную в статье Президентом РФ. Ведь известно, что Россия, каким бы социальным строем не управлялась, никогда не жила только материальными интересами, всегда находилась на стыке неба и земли, всегда стремилась к истинной человечности и духовной целостности. А в этом стремлении, кроме Русской Православной Церкви, ей способствовала русская культура, в особенности русская литература, которая главенствовала в мире тогда, когда развивалась в соответствии с Евангельской истиной: «Ищите прежде Царствия Божия, и все остальное приложится вам».

На наш взгляд особое внимание следует отдельно уделить русской литературе, потому что очевидно к концу первого десятилетия нового тысячелетия оживление ритма ее великой симфонии, в которой яркие творческие личности и значительные события возникают не по календарю, а вследствие объективных исторических причин, связанных в последнее время с необходимостью усиления особой нравственной роли России в апостасийном мире. Россия будущего в статье Президента РФ Д. А. Медведева представлена тезисно, как будто в виде устойчивой каркасной конструкции, которой необходимо обрести не только материальной оболочкой в результате достижения всех перечисленных Президентом целей и задач, но для жизнестойкости требуется наполниться духом, что невозможно без национальной культуры и литературы.

Надеемся, что опубликованная в нашем журнале статья Президента вызовет интерес у наших всероссийских и зарубежных читателей и желание поделиться своими мнениями. А наше мнение о том, что самое главное для блага России кратко и образно можно выразить словами замечательного русского писателя Владимира Крупина, произнесенными им на XIII Всемирном Русском Народном Соборе: «Главное — любить Россию, Отечество, — другого не будет. Нет у нас запасной Родины, тут нам жить и умирать, тут оставлять память о себе. Родина-мать, Мать-сыра земля, матушка Россия — это навсегда».

Редакция журнала «Родная Ладога»

Национальная БЕЗОПАСНОСТЬ

**Шейх-уль-Ислам Талгат
ТАДЖУДДИН,
Верховный
муфтий России**

**«РУСЬ
ПО ПРАВУ
НАЗЫВАЕТСЯ
СВЯТОЙ...»**

*Из материалов
Всемирного Народного
Русского Собора*

В России тюркские народы являются вторым этносом после славян, а мусульмане второй конфессией после православных. Это заставляет нас с особым вниманием относиться к культуре, вере, обычаям, языку русского народа. Корни российского государства уходят глубоко в прошлое, и это прошлое у нас общее. Тюрки вместе с индоевропейскими племенами, одним из которых было племя древних россов, испокон веков долгие тысячелетия осваивали бескрайние просторы Евразии, степи и леса, реки и просторы. Каждый квадратный метр современной России — это исторический памятник. Здесь повсюду наши святыни, погосты, могилы предков. Повсюду древние знаки, символы духовного завета.

Но ценнее всех богатств России, важнее всех научно-технических до-

Шейх-уль-Ислам Талгат Сафа Таджуддин, Верховный Муфтий России, Председатель ЦДУМ России — родился в г. Казани в 1948 г. имеет высшее богословское образование. Учился: Бухарское духовное училище «Мир-Араб», Каирский богословский университет «Аль-Азхар» (АРЕ), по окончании которого был назначен первым Имам-хатыбом Казанской Соборной мечети. Затем был избран муфтием и председателем Духовного Управления мусульман Европейской части СССР и Сибири (ДУ-МЕС). В 1990 г. был избран председателем Управления международных связей мусульманских организаций СССР (с 1991 года Ассоциация внешних связей мусульманских организаций), председателем которой является по настоящее время. На V съезде мусульман Муфтию Талгату Таджуддину было присвоено духовное звание Шейх-уль-Ислам. Он является официальным представителем от мусульман России в крупнейших зарубежных и общественных исламских организациях («Организация Исламская Конференция», ЮНЕСКО, Европейская лига мусульман и др.). **Живет в Уфе.**

стижений наших предков и современников, прекраснее всех уникальных художественных произведений, основательнее всех созиданий российских зодчих есть у нас великая Божия благодать — уживчивость наших народов друг с другом, веротерпимость. Это богатство нами от древних родов наследовано и его надлежит беречь. И это есть результат многотерпеливого, сотнями лет творимого подвига предков. Ибо мы знаем, что не все в истории сожития российских народов было гладко. Не в одночасье на нас эта благодать свалилась, а по крупицам собрана в пыли веков, и не одним былинным героем, а каждодневным, будничным осмыслением бытия многих людей, от лощенных макушек царей до растрескавшихся пяток тружеников нашей Отчизны.

В разные периоды нашей бескрайней истории, столь же бескрайней, как наши земли, наш славянско-тюркский евразийский союз существовал под разными политическими, государственными, религиозными и цивилизационными системами. Возникали и исчезали царства и ханства, каганаты и княжества, империи и государства. С XV века миссия объединения Евразии окончательно перешла к русскому народу под знаменами Православия.

По воле судьбы русский народ и Православная Церковь приняли древнюю эстафету наших предков и двигались на Восток не как колонизаторы и узурпаторы, а как носители Божиего Завета. И не империю строили народы России, а сообща Евразию, наш общий евразийский дом. И мы, представители неславянских народов России, российские мусульмане, мы именно так осознали и восприняли это движение к Востоку, этот державостроительный импульс. Не покоренные и завоеванные, но вступившие с великим русским народом в великий духовный союз, стали по сути одним народом, созидателями общей государственности, носителями единой этики.

Поэтому мы, мусульмане, не просто гости на вашем Соборе, мы братья, самые близкие родственники, ваши соратники в деле созидания великой державы.

Сегодня мы живем в непростое время, хотя когда оно было простое. Кое-кто на Западе упорно хочет столкнуть христиан с мусульманами, славян с неславянами, ндоевропейские народы с тюрками и семитами. Коварные архитекторы так называемого «нового мирового порядка» понимают, что пока они не посеют среди нас рознь, пока не разделят то, что веками объединялось и собиралось, их планам не суждено сбыться, пока мы все будем отстаивать нашу самобытность, наши духовные ценности, нашу культуру и наши цивилизации перед лицом уравнительного, плоского, размывающего нравственные и духовные константы глобализма.

Древний циничный принцип «разделяй и властвуй» действует, увы, и поныне. Зная коварные геополитические навыки Запада, не стоит удивляться и тому, что во всем действует у них двойной стандарт. С одной стороны, еретические экстремистские секты так называемого «исламского радикализма», не имеющие с традиционным Исламом ничего общего, искусственно поддерживаются и оснащаются для решения геополитических задач Запада. А с другой, против этой угрозы, созданной ими самими, стратеги Запада призывают объединяться «христианскому миру». Их задача внести раскол. Но мы, последователи традиционного Ислама, прекрасно понимаем смысл этой зловещей игры и надеемся, что великий русский народ, его духовные и светские правители также прекрасно знают этому цену.

Мы, мусульмане России, исповедующие традиционный Ислам, верны нашей традиции, Корану и одновременно Государству Российскому! У нас нет более близких, нежели русский народ и Православная Церковь. У нас общая судьба, и на основании верности ей мы сможем не допустить размолвок и недопонимания, предотвратить и сорвать зловещие планы тех, кто любой ценой стремится нас посорить. Этого не будет никогда.

Однако для того, чтобы сплотить российских мусульман в этой непростой ситуации, мы должны усилить позиции традиционного Ислама. Семьдесят лет все это было под запретом. Некоторые нас обвиняют: почему мусульманское духовенство не смогло противостоять проникновению ваххабизма, экстремизма в нашу страну? Потому что с 1943 года одно-единственное учебное заведение было в Бухаре, и на 70 миллионов мусульман в СССР было 50 студентов. Сегодня тысячи и тысячи мусульманских общин в России. Не было сил противостоять, но все-таки, слава Богу, в подавляющем большинстве смогли. Если российские мусульмане вернут хотя бы в незначительной степени сокровищницу своего древнего наследия, узнают правду о своей истории, они никогда не станут жертвами заезжих проповедников новомодных ересей типа ваххабизма, талибана и т. д., камуфлирующих свою реформаторскую сущность под защиту Ислама и ведущих к экстремизму, террору, крови, разрушению основ исламской веры, исламской этики. Религиозный экстремизм процветает только на почве духовного невежества. Истинное углубление в религию приводит к просветлению и святости, а не к ярости, интригам, продажности, жестокости и бандитизму. Во всех этих чудовищных проявлениях виновата не вера, но ее отсутствие, ее симуляция.

В этом вопросе, как и во многих других, мы полностью поддерживаем позицию Православной Церкви: духовное образование должно стать неотъемлемой частью общего образовательного процесса. Только знание основ традиционных для России конфессий Православия и Ислама, а также иудаизма, буддизма, даст нам гарантии духовного взаимопонимания, сохранения и укрепления межнациональных, межконфессиональных уз, связующих всех россиян.

Еще один важный момент. На примере Русской Православной Церкви мы видим, насколько важно в духовной сфере сохранение духовного единоначалия. Благодаря соблюдению иерархии, Русское Православие сохранилось даже в самые тяжелые годы испытаний и трагедий, а «врата ада не одолели Церковь». Не будь этого священноначалия, страшно даже представить себе, что ожидало бы православных христиан России.

Ислам имеет иное видение религиозной иерархии, но, тем не менее, священный Коран призывает нас к покорности и смирению Богу, Его посланнику и власть предержащим, к единству и гармонии, ибо само слово «ислам» можно перевести как покорность Создателю, мир и гармония. Поэтому последователи традиционного Ислама, а таких в России подавляющее большинство, слава Богу, должны сегодня восстановить традицию, вновь сплотиться в единую структуру, покончить с рознью и разделением, принесенными извне. А на самом деле этого раскола вообще нет. Есть только буря в стакане среди двух, трех десятков людей, которые считают, что они представляют мусульман России. 99,99 % мусульман в России

Всевышний и духовенство, слава Богу, смогли охранить от проникновения ваххабитских идей.

Добрый пример в Русской Православной Церкви. Если единоначалие спасительно для наших братьев православных христиан, почему бы и нам не последовать этому доброму примеру? Только так мы сможем на деле эффективно противостоять тем духовным и политическим болезням, которые подчас, увы, сеют и в нашей среде.

Еще одна тема, которую я хотел бы затронуть. Это тема национализма. Сегодня, увы, в России еще остаются очаги, где тлеет эта духовная зараза, где легитимное стремление каждого народа к сохранению и развитию своей национальной особенности переходит в неприязнь к русским, в разговоры о «колонизации» и «исторической несправедливости». Это подчас затрагивает и мусульман.

Сразу хочу заметить, что за всем этим неизменно прослеживаются политические цели, интриги региональных князьков, которые таким образом выторговывают себе у центра политические и экономические льготы, а то и прямое действие враждебных России зарубежных сил и подрывных фондов. Сам русский народ, открытый для всех братских народов, дает нам пример добра, терпимости, удивительную способность привлекать к себе, включать в себя другие народности, не растворяя, не уничтожая при этом их особенностей. В этом мы должны следовать этому великодушному, нравственному примеру, оценить тот факт, насколько непопулярны и мало распространены среди русских шовинистические настроения, расизм, национализм, ксенофобия. Конечно, бывает и такое, но ни в массах, ни среди духовенства, ни у российских политиков широкой поддержки это не находит.

Я уверен, что наилучшим противодействием всем формам национализма является евразийское мировоззрение, и мы не случайно являемся одним из учредителей Общероссийского Политического Общественного Движения «Евразия». В евразийстве каждый народ России, представители всех традиционных конфессий могут найти себе достойное место, развить и утвердить свою самобытность, но не вопреки всероссийскому целому, а на его пользу, обогащая сокровищницу нашей общей евразийской культуры, великой евразийской цивилизации. Хочу также подчеркнуть, что евразийство исторически было создано именно русскими, горячими русскими патриотами, православными мыслителями, философами, историками, юристами, географами, этнологами. Мы, мусульмане, с радостью поддерживаем это движение, которое является по преимуществу именно русским и православным. И, вместе с тем, оно предлагает своего рода особую «Евразийскую соборность», где народы России и традиционные конфессии могут занять свое достойное, высокое и почетное место.

Вызывает сожаление лишь то, что эта высокая идея, это чистое начинание сегодня подчас становится жертвой нечистоплотных политических интриганов, которые присваивают высокое имя «евразийства» применительно к провокационным экстремистским организациям, не имеющим ничего общего с подлинным евразийством. Я имею в виду самозванную «Евразийскую партию России». Вчера она была партией благоденствия «Рафах» и под этим видом выступала на выборах в Госдуму. И вдруг она становится «Евразийской партией России». В этом мы видим не только авантюризм, но

изохренную диверсию тех зарубежных сил, которым процветание и укрепление Великой России, воссоздание Евразийского Союза смерти подобно. Тема неприятная, но я просто обязан предупредить высокое собрание об этой опасной подделке, дискредитирующей Ислам, тюркские народы, евразийскую идею.

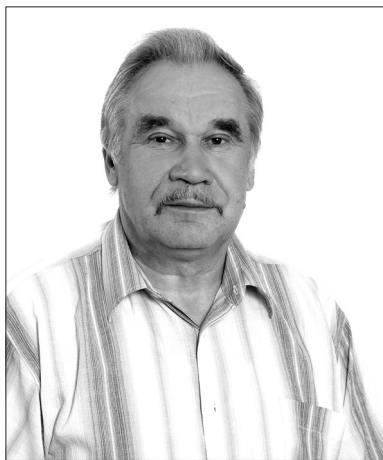
Я хотел бы подчеркнуть, что евразийство является наилучшим средством борьбы с национализмом, межконфессиональными конфликтами, теми деструктивными явлениями, с которыми постоянно приходится сталкиваться Российской государственности.

Мы предлагаем сформировать по итогам Всемирного Русского Собора в Москве Координационный центр неправительственных организаций социальной и духовной направленности с участием Отдела Внешних Церковных Связей Русской Православной Церкви, ЦДУМ России, Общероссийского Общественного Движения «Евразия» для координации действий здоровых сил общества, противодействия разного рода псевдорелигиозным группам, представляющим опасность для нашего общества, нашей страны. Такой Центр мог бы оказывать действенную помощь Президенту и Правительству в решении конфликтных ситуаций, возникающих на постсоветском пространстве, а также ориентировать и народ в Русском Народном Собрании.

И последнее. За плечами русского народа долгая и прекрасная история. Этот народ создал такие духовные, материальные, культурные и политические ценности, которым нет равных. Недаром русский народ называют народом-богоносцем. Только с верой во Всевышнего Творца, только с покорностью и волей к победе над силами зла можно было осуществить все это. А отношение мусульман к этому можно увидеть из известной татарской поговорки: если татарин разбогатеет, он еще раз женится, а если русский разбогатеет, он строит церковь.

Русь по праву называют Святой. И она свята не только для самих русских, но и для нас. Как свята земля, где мы родились и выросли, где становились людьми, преодолевали трудности, учились впервые возносить молитвы Господу миров. Мы и наши предки обильно полили эту землю потом и кровью, возделали с любовью и тщанием каждый ее клочок. Она не может не быть святой. Свята она для русского, но свята она и для татарина, башкира, мордвина. Святость нельзя делить, ее надо хранить, ей надо служить, непрестанно возвышая себя, чтобы быть ее достойным.

Я желаю всем вам побед и свершений, стойкости и мужества в служении Всевышнему, в укреплении государства, в осуществлении ежедневных, подчас незаметных, трудов и подвигов на благо великой России, нашей единой Отчизны, и благословение Всевышнего Создателя да способствует народам нашей великой Родины.

Чеслав КИРВЕЛЬ

«МИР БЕЗ РОССИИ»: ВОЗМОЖНЫЙ СЦЕНАРИЙ ПЛАНЕТАРНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

Чеслав Станиславович Кирвель — доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой философии Гродненского государственного университета имени Янки Купалы. Автор книг «Утопическое сознание: сущность, социально-политические функции», «Образы будущего: утопия и антиутопия в современном мире», ряда учебников и учебных пособий, многочисленных публикаций по философской проблематике. **Живет в г. Гродно, Беларусь.**

Сегодня с настораживающим постоянством появляются публикации об убыстряющемся вырождении государствообразующего русского этноса, о резком снижении его человеческого потенциала — его физической и моральной деградации. Речь идет даже о ползучем геноциде русского народа, в котором заинтересованы как некоторые влиятельные группы лиц в самой России (эндогенный геноцид), так и внешние силы, прежде всего современные глобалистские структуры, стремящиеся к установлению контроля над мировыми запасами минерального и углеводородного сырья (экзогенный геноцид). Выдвигаются прогнозы о том, как будет выглядеть мир в случае «интернационализации» российских недр, в первую очередь недр Сибири, в нарастающем количестве издаются книги о «мире без России» и т.п.

Действительно, мы являемся свидетелями протекания тяжелейших, драматически-апокалиптических процессов в недрах русской нации. Ее системная деградация — социологический факт. Самое быстрое убывание населения, его интенсивная депопуляция наблюдается именно на территориях, традиционно населенных русскими. Деморализация, потеря веры в свое историческое предназначение, кризис идентичности, формирование комплекса национальной неполноценности и уязвленного исторического сознания, общественная и политическая апатия, атомизация и эйскапизм становятся сегодня неизменными спутниками русской судьбы. Можно определенно утверждать, что мы сегодня сталкиваемся с феноменом практической реализации политики русофобии как внутри России, так и вокруг нее. «Впервые за сотни лет в России сложилась удивительная ситуация, ког-

да считается стыдным и позорным признавать, что ты русский, что Россия создана русским народом, что русские являются государствообразующим народом. Те же люди, кто осмеливается публично это заявить, немедленно попадают в разряд «русских фашистов» и «ксенофобов», и на них обрушивается вся мощь репрессивного аппарата. Вместо этого всем предлагается признать себя «россиянами» без роду и племени» [1, с. 216].

Проведем мысленный эксперимент. Предположим, что цель русоненавистников будет достигнута: русский народ утерять свою способность к осуществлению государствообразующих функций, деградирует, вырождается и окажется неспособным удерживать российскую государственность. Что же тогда будет? Какие же события и процессы развернутся на территории России и в мире?

Необходимо констатировать: исчезновение в России, как бы это ни было трагично, любого другого народа, кроме русского, само по себе не приведет к исчезновению страны. Исчезновение же русских неизбежно обернется концом России. Можно, конечно, дискутировать о том, в чем заключается суть русской идентичности. Но невозможно опровергнуть утверждение о том, что основой идентичности России как страны является именно русскость. В реальности, без державообразующей нации Россия как страна невозможна. Спросим, что связывает Дагестан, Калмыкию, Саха-Якутию, Башкирию, Алтай, Туву, Чечню и т.д. друг с другом? Ничего, кроме государствообразующего народа, заселяющего все пространство между ними и часть их собственной территории. Что случится, если эта связующая скрепа всех народов России в единое целое рухнет? Ответ один: хаос, всеохватывающий и невиданный.

Можно не сомневаться, что в случае реализации этого сценария территория России превратится в кипящий котел межконфессиональных и межэтнических конфликтов. В этой ситуации на авансцену событий неминуемо выдвинутся этнократически ориентированные князьки, сепаратные лидеры, бригадные генералы и т.п., которые будут стремиться как можно больше всего захватить, ничего не отдать и все поделить исключительно в своих интересах. На территории России развернется водоворот погромов и смут, начнутся бесконечные распри и разборки, беспорядки и гражданские войны. В построссийском хаосе никому из народов, лидеры которых в свое время так горделиво спешили самоутвердиться и как можно быстрее эмансипироваться от всякой опеки «старшего брата», не удастся сохранить себя в целостности и единстве, отсидеться и остаться в стороне от обрушившихся на них социальных катастроф и катаклизмов. Не исключено, что территория России превратится в гигантское кладбище многих народов, некогда населявших ее. В любом случае пострадают все. Смеем утверждать, что все те, кто сегодня роет яму под русский народ, способствуют, будь то посредством СМИ, национально-иммигрантского законодательства, финансово-экономической политики и т.п., его деградации и вырождению, ведут себя самоубийственно, подобно паразитам, которые гибнут вместе с организмом. Гибель русского народа, с большей долей вероятности, может обернуться смертью тех, кто эту гибель ожидал и кто ее готовил.

Наиболее трагичным, однако, в моделируемом варианте развертывания событий является то, что в послероссийский хаос неминуемо окажутся втянутыми все крупные мировые игроки, все региональные государс-

тва — гегемоны. Смута приобретет вселенский характер. Сначала правительства крупных государств (США, Япония, Китай и др.), соперничая друг с другом, будут пытаться управлять российскими территориями со стороны, стремясь превратить новообразованные карликовые государства в своих сателлитов с целью получения через них доступа к богатым российским водным, минеральным и энергетическим ресурсам. Действуя через сепаратных князьков, жадных и бессовестных «псевдо-генералов», выбивающих за границы все новые кредиты и постоянно развязывающих кровавые разборки и резню на построссийском пространстве, мировое «сообщество» наций будет стремиться поделить и использовать в своих интересах все территории России. Однако можно предположить с большой долей уверенности, что таким путем вряд ли удастся мировым державам реализовать все свои стратегические притязания в отношении российского наследства. Логика событий так или иначе потребует сначала, возможно, скрытого, а затем и прямого захвата («аннексирования») незащищенных и неустроенных российских пространств. И. А. Ильин в своей блестящей, содержащей в себе необычайно мощный провидческий потенциал работе «Что сулит миру расчленение России», говоря о неминуемом наступлении в России послебольшевистского хаоса, уже предсказывал такого рода ситуацию. Он писал: «Россия превратится в гигантские «Балканы»; в вечный источник войн; в великий рассадник смут. Он станет мировым бродилом, в которое будут вливаться социальные и моральные отбросы всех стран («инфильтранты», «оккупанты», «агитаторы», «разведчики», революционные спекулянты и миссионеры» — все уголовные, политические и конфессиональные авантюристы вселенной... Расчлененная Россия станет неизлечимою язвою мира» [2, с. 327].

В наше время, однако, ситуация значительно усложнилась. Сегодня все наиболее крупные государства обладают или способны в кратчайшие сроки овладеть оружием массового уничтожения, и при этом все они, кроме, пожалуй, России, Бразилии и Канады, начинают испытывать жесточайший ресурсный голод. В результате перед человечеством замаячила угроза передела мира. Россия — первый и наиболее вожделенный объект этого грядущего дележа (не будем забывать, что на ее территории сосредоточено более трети мировых сырьевых и энергетических ресурсов и немеренное количество обретающей все большую дефицитность, пресной воды). Можно себе представить, какая жесткая схватка начнется между всеми более-менее значительными государственными образованиями и центрами силы за раздел ее наследства после утери русским народом своей державности. Подобно сепаратным князькам и бригадным генералам, действовавшим ранее на внутрироссийской территории, правительства мировых держав ни в чем не пожелают уступить друг другу, всемерно будут пытаться осуществить раздел России исключительно в своих интересах и никому ничего не отдать («шарик»-то наш обшарен: все обсчитано, все измерено и всего оказалось мало). Данного рода ситуация скорее всего обернется вселенской бойней. Мир зальется кровью. Реализация этого сценария в лучшем случае обусловит наступление «темных столетий», как после падения Римской империи, в худшем случае обернется апокалипсисом, армагеддоном. Никому не удастся перевернуть русское наследство — все им подавятся.

Если, не допусти Господи, уйдут под воду или Англия, или Япония, или часть Юго-Восточной Азии — человечество выживет. Гибель России человечество вряд ли сможет пережить. Русские нужны миру. В своей действительности Россия «есть сущий *оплот европейско-азиатского, и потому и вселенского мира и равновесия*» [2, с. 327]. Без русских человечество утратит свое «удерживающее» начало, свое силовое и духовное равновесие. Существование сильной России — залог и условие мировой стабильности и устойчивости.

Всем народам, живущим на территории современной России, необходимо понять, что, несмотря на заманчивые перспективы, рисуемые этнократически ориентированными представителями их культурных и политических элит, они в одиночку, без русских, не смогут не только удержать свою территориальную целостность, экономическую и культурную независимость, но и, возможно, физически сохранить себя. При самом глубоком понимании проблем других народов России, очевидно, что судьбу страны невозможно определить без учета воли, прав и интересов 80 % населяющих ее русских. Другим народам надо осознать, что без возрождения и укрепления русского начала в развитии страны, чувства национального достоинства русских, их национального самосознания и культуры, все они не имеют исторической перспективы, что главный сегодня вопрос, требующий незамедлительного решения — это русский национальный вопрос.

Рассуждая обо всем этом, следует напомнить тем, кто стремится расчленить российское государство, о том, что в России «Власть содержала империю, а затем СССР за счет русского (то есть, русские + белорусы + малороссы) этнического ресурса. Правы те, кто называет Россию и СССР империями наоборот, где державообразующий народ не эксплуатировал окраины и их народы, а, наоборот, вкладывал в них средства, отрывая от себя, в ущерб себе» [3, с. 172].

В России самобытность наций и народностей, населяющих страну, тщательно оберегалась. «Финляндия, например, где официальным языком был шведский, несмотря на то, что 80 % населения составляли финны, только войдя в состав России в 1809 г., стала обретать свою национальную культуру. Уже во второй четверти XIX в. преподавание финского языка в школе стало обязательным. Недаром тогда чуть ли не в каждом финском доме висел портрет русского генерала Якова Кульнева, которого благодарные финны почитали как своего освободителя. Местные языки Лифляндии и Эстляндии, которые были полностью подавлены немецким, также возрождались с помощью России. В том же XIX в. аналогичный процесс произошел в Бессарабии. Благодаря русской помощи были восстановлены почти уничтоженные турками завоевателями болгарский, армянский, сербский языки» [4, с. 285—286].

В Советском Союзе в этом отношении можно сказать то же самое: в советское время около 100 народов, не имевших ранее своей письменности, получили ее от русских вместе с национальными учебниками и школами [5, с. 9—11]. Можно поэтому полностью согласиться с Н. Я. Лактионовой, когда она пишет: «Нет другой страны мира, которая, как Россия, умела бы вобрать в себя и синтезировать множество этнических культур населяющих ее народов, и поэтому для каждого из этих народов русская культура, как и собственно национальная, была своей. *Только через большую культуру*

массового уровня малый народ мог заявить о себе и быть услышанным в мире. Примеры можно множить. Мировую известность обрели грузинский кинематограф, книги Чингиза Айтматова, Фазиля Искандера, поэзия Муссы Джалиля, Расула Гамзатова и др. И все это были *высокие образцы глубоко национальной культуры*» [4, с. 286].

Думается, что элитам национальных республик и автономных округов России все это необходимо учитывать, как при осмыслении дальнейших перспектив развития своих народов, так и при выстраивании своей реальной политики в отношении державообразующей нации.

Сегодня некоторые ученые и политики видят, похоже вслед за И. А. Ильиным, спасение России в просвещенном русском национализме [1, с. 216]. Напомним, что И. А. Ильин самый краткий путь выхода России из «послебольшевистского хаоса» усматривал в становлении национально ориентированной власти, «которая возьмет в свои крепкие руки «бразды правления» ... и поведет Россию к единству, пресекая все и всякие сепаратистские движения в стране» [2, с. 335].

Современные многочисленные сторонники этой идеи подчеркивают, что на деле русский национализм был меньше всего этническим, а скорее, он всегда выступал в форме великодержавности, выполнял государствоохранительные функции. Особенность же текущего момента, согласно некоторым авторам, состоит в том, что ныне русский национализм, ввиду антирусской политики, дискредитации всего национально-русского, превращается из великодержавного в этнический. Так, В. Д. Соловей пишет, что сегодня мы являемся свидетелями проявления «глубоких массовых драматических процессов изменения русской идентичности. Впервые в русской истории — и это революционный сдвиг, поверьте, — русские стали осознавать себя как общность не надэтническую, страновую, государственную, имперскую, а именно как этническую. Происходит такая самоидентификация, как правило, в форме ксенофобии, через противопоставление себя другим. Это связано еще и с тем, что впервые в собственной истории (по крайней мере, за последние 500 лет) русские себя почувствовали очень слабым народом. В контексте большого времени они были народом успешным, одним из самых успешных в истории вообще, более преуспели только англосаксы» [6, с. 126, 127]. И это не удивительно: унижение национального достоинства народа, который, помимо всего прочего, составляет более 80 % от общего количества населения России, может обернуться любыми, даже самыми неожиданными, метаморфозами в его поведении. Вообще-то следовало бы помнить, что подвергать дискредитации великие народы, к которым наряду с немецким, английским и др., несомненно, принадлежит русский народ, опасно и недальновидно.

Заселяя новые необжитые или почти необжитые территории огромного евразийского континента, русские люди, несмотря на всю суровость климата, смогли там не только выжить, но и продемонстрировать необычайно быстрый рост населения и жизненную энергию. Об этом красноречиво свидетельствует таблица сопоставления роста числа населения в России и ряде стран Западной Европы, приведенная в книге нашего знаменитого соотечественника И. Солоневича «Народная монархия». В ней автор показывает, что население России по сравнению с главнейшими европейскими государствами росло так (в миллионах):

	1480	1580	1680	1780	1880	1895
Россия (только европейская)	2,1	4,3	12,6	26,8	84,5	110,0
Австрия	9,5	6,5	14,0	20,2	37,8	44,8
Англия (без колоний)	3,7	4,6	5,5	9,6	35,0	39,3
Франция (без колоний)	18,6	14,3	18,8	25,1	37,4	38,4
Италия	9,2	10,4	11,5	12,2	28,9	31,2
Испания	8,8	8,2	9,2	10,0	16,3	19,0

[7, с. 153]

Далее, И. Солоневич подчеркивает: «На протяжении тысячи лет, Россия последовательно разгромила величайшие военные могущества, какие только появились на европейской территории: монголов, Польшу, Швецию, Францию и Германию. Параллельно с этим рядом ударов была ликвидирована Турецкая империя. В результате этого процесса Россия, которая к началу княжения Ивана III, в 1464 году, охватывала территорию в 550.000 кв. км, в год его смерти — 1505 — имела 2.225.000; в 1584 (год смерти Грозного) — 4.200.000; к концу царствования Федора — 7.100.000; в 1613 (воцарение Михаила) — 8.500.000; в 1645 г. — 12.300.000; до Петра — 15.500.000; к 1786 (год смерти Екатерины II) — 19.300.000 и к концу царствования Николая II — 21.800.000 кв. км».

Кроме того, не следует забывать, что русский народ не только имеет склонность к выдвиганию новых мессианских идей, но и обладает способностью к колоссальным выбросам энергии, способностью в критические моменты истории, когда встает вопрос о судьбах страны, к максимальной мобилизации всех национальных и духовных ресурсов во имя достижения общенациональных целей. Последний выброс такой энергии продолжался с 1917 г. до середины 50-х годов [8, с. 43]. Наверное, не случайно мировая история постоянно отрабатывает свои загадочные маршруты на «теле и плоти» России, время от времени, превращая ее в гигантскую экспериментальную лабораторию человечества. Поэтому не исключено, что скоро Россия вновь сможет осуществить свой очередной выброс энергии и продемонстрировать миру беспрецедентный эксперимент: например, прорыв к духовно-экологической цивилизации, Россия, даже будучи униженной, остается могучей, будучи разграбленной, остается богатой. При этом, похоже, глубинные нравственные устои и архетипы народного сознания сохраняют в России свою силу, хотя намеренно и извращаются определенными политическими силами и средствами массовой информации.

А теперь, уважаемый читатель, скажите после всего изложенного, что у русских слабая историческая корневая система, сформировавшаяся в свое время в Новгородско-Киевской Руси, и что у них есть хотя бы малейшие основания для уязвленного исторического самосознания и комплекса национальной неполноценности, которые столь последовательно и массировано стремятся им навязать определенные внутренние и международные политические силы и управляемые ими средства массовой информации. Приведенные здесь факты и цифры напрочь выбивают почву из-под ног тех, кто хотел бы говорить о русском народе как народе-рабе, о его некоем особом сервильном (раболепном) комплексе. Эти аргументы, факты и цифры, как

бы кому это не нравилось, говорят скорее об обратном, о том, что русский народ является народом-гигантом, народом-богатырем.

Будущее покажет, какой путь своего развития изберет русский народ — национально-этнический или имперский. Мы полагаем, что на нынешнем этапе развития российского общества начнет доминировать национально-этническая идея, национально-этнический фактор. Не случайно сегодня великое множество российских авторов требует реабилитировать понятие «национализм» в его позитивно-конструктивном аспекте. В будущем, однако, при условии преодоления комплекса национальной неполноценности и уязвленного исторического самосознания, укрепления русского национального духа, обретение русским народом веры в свою историческую значимость и свое историческое призвание, вновь сработают извечные духовно-ментальные механизмы, и русский народ опять вступит на имперский путь развития. Есть все основания полагать, что вреда от этого не будет ни другим народам России, ни ее ближайшим соседям. Но это, конечно, дело будущего, которое многовариантно, любит сюрпризы и открывается нам далеко не полностью.

Заметим, однако, что нарисованный нами сценарий наступления эпохи «темных веков» вследствие евразийского хаоса и смуты, вызванных ползучим геноцидом русского этноса и утери им способности осуществлять государствообразующие функции, являет собой вероятность, которая не так уж и велика. Шансам на реализацию его противостоит множество факторов и прежде всего обладание исторически выработанной русским народом способности останавливаться на краю пропасти. Верим, что эта способность сработает и на этот раз.

В заключение заметим: все, что происходит в России, имеет прямое отношение к развитию белорусского общества и является чрезвычайно актуальным и для белорусского социогуманитарного знания. Надо отдавать себе отчет в том, что в случае реализации сценария наступления общемирового хаоса и смуты в результате теоретически вполне допустимой ситуации утери русским этносом своей государственности, в первую очередь пострадают ее ближайшие соседи. Если, не дай Бог, потонет корабль, имя которому Россия, то в образовавшуюся воронку будут незамедлительно втянуты все соседи и в первую очередь Республика Беларусь и Украина, как наиболее близкородственные русской нации народы. Поэтому перед всеми восточнославянскими народами стоит задача избежать такого рода развития событий.

Литература

1. Алкснис В. И. Место русских в России /В. И.Алкснис // Наш современник. — 2007. — № 9.
2. Ильин И. А. Что сулит миру расчленение России /И. А. Ильин // Собр. соч. — Т. 2. — Книга 1. — М., 1993.
3. Фурсов А. Русский успех в ретроспективе и перспективе /А. Фурсов // Москва. — 2007. — № 3.
4. Лактионова Н. Я. Мифы как инструмент разрушения /Н. Я. Лактионова // Социально-гуманитарные знания. — 2007. — № 3.
5. Россия, природа и судьба человечества /Н. Д. Беликов [и др.]; под ред. проф. Ю. Н. Куражковского. — Ростов-на-Дону, 1997. — С. 9—11.
6. Левый поворот // Свободная мысль. — 2005. — № 1.
7. Солоневич И. Народная монархия. — Буэнос-Айрес. — 1973.
8. Российская ментальность (материалы «круглого стола») // Вопросы философии. — 1997. — № 5.

Александр ДУГИН

РОССИЯ МОЖЕТ БЫТЬ ТОЛЬКО ВЕЛИКОЙ

Александр Гельевич Дугин — родился в 1962 г. в Москве. Кандидат философских наук; основатель идейного течения «неоевразийство», политолог (доктор политических наук), социолог (профессор Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, руководитель Центра консервативных исследований Социологического факультета МГУ), публицист, ректор «Нового Университета», лидер Международного Евразийского Движения (МЕД); владеет 9 языками. Автор многих научных статей и книг. **Живет в Москве.**

Понятие «Великое Государство» не является простой эмоциональной, националистической формулой бытовой политической речи. За этим понятием стоит очень конкретная геополитическая реальность. Сочетания «Великая Сербия», «Великая Россия», «Великий Израиль», «Великая Германия» и т.д. несут совершенно определенный исторический смысл, варьирующийся в зависимости от того, какая именно страна и какой именно народ стремится добавить к своему самоназванию прилагательное «великий». Сербия, к примеру, отличается от «Великой Сербии» не только территорией, хотя и ей тоже.

Понятие «Великая Сербия» имеет конкретный пространственный смысл; произнося это словосочетание, балканские политики подразумевают историческую формацию, образованную сербским царем Душаном Сильным, которая располагалась на территории нынешней Югославии, части Болгарии и захватывала северные регионы Пелопонесского полуострова, Македонию и Грецию. Это была своего рода сербская империя. Хотя она просуществовала недолго, но оставила в национальной психологии сербов неизгладимый след; до сих пор только сербы из всех балканских народов воспринимают себя как «имперский народ», и от этого их переживание нынешней национальной катастрофы носит столь драматический, надрывный, глубокий характер.

Но не только исторический прецедент владения обширными землями формирует концепт «великой державы». Это еще и внутренний идеал, сопряженный с уровнем национальной мечты конкретного народа. И даже несбыточные фантастические представления о грани-

цах такой «великой державы» много говорят о степени универсальности, обобщения, на которую способен данный народ пусть только теоретически — умозрительные границы всегда несут в себе очень конкретную информацию о качестве духовного национального идеала. Та же «Великая Сербия» представима (пусть в мечтах) как объединение балканских славян под эгидой Православия, с некоторой степенью терпимости в отношении католического меньшинства (хорватов и словенцев). Не менее, но и не более того. Когда же сербы начинают мыслить еще более глобально, выходит поговорка — «нас и русских 200 миллионов», то есть «Россия и есть следующая ступень за Великой Сербией».

Если у многих народов понятие «великой державы» остается на уровне потенции, нереализованного национального идеала, есть некоторые исключения, — исторические счастливицы, — которым удастся добиться своего на практике. Показательно, что Англия в своем официальном названии «Great Britain» («Великобритания») уже имеет этот атрибут. И действительно, эпоха «величия» Англии была отнюдь не эфемерной, англичанам принадлежало реально полмира, пока они не передали эстафету своему заатлантическому детищу. Максимальные же границы Великобритании (профильно морской державы), по представлению самих англичан, совпадают с береговыми зонами всех материков и простираются вглубь настолько, насколько позволит сопротивление аборигенов суши. Объем претензии приличный. Правда, сама Великобритания сегодня уже мыслит себя не через себя саму, а через США, полагая, что «их успехи, это наши успехи». И в смысле преемственности геополитической эстафеты, а также цивилизационного содержания проводимой США мировой политики, они совершенно правы. Greater Britain («еще более великая Британия») это и есть сегодня США.

Что же в таком случае «Великая Россия»?

В нашем языке уже есть термин, который в последнее время используется не часто, но несет очень глубокий исторический смысл. Это термин «великороссы». «Великороссами» традиционно называли восточных славян, живших в Московском Царстве, и в отличие от других православных братьев («малороссов» и «белорусов») никогда не терявших своей суверенной государственности и не подпадавших под политическую и религиозную власть инородцев и иноверцев. Название «Великороссия», таким образом, связывает воедино этнос, религию, территорию, ареал расселения, фактор государственной независимости (суверенности), что в целом и составляет культурный и исторический облик нации. Собственно «русские» именуются «великороссами» не столько по своей численности и не по объему занимаемых территорий, но именно по той причине, что им удалось воплотить в исторической реальности мечты об универсализации своего национального идеала. «Великая Россия», давшая этническое самоназвание великоросскому племени (кстати, в паспорте в графе «этнос» имело бы смысл вместо «русский» писать именно «великоросс» — тем, естественно, кто, на самом деле, великоросс; а вот в графе «гражданство» или «национальность» — «русский»: такими могли бы быть многие и не великороссы), это совершенно конкретная историко-пространственная и культурно-политическая реальность, которая должна рассматриваться как основа нашей специфической российской цивилизации, как общая матрица, из которой развились все

политические формации нашей истории — от самого Московского Царства через Романовых к Советскому Союзу и современной Российской Федерации. «Великая Россия» не условность и не миф — это вполне конкретная и строго фиксируемая ось нашего исторического бытия.

Однако все это относится к области прошлого, к области фундамента. Там мы видим и ценностный заряд, давший гигантскую энергию державо-строительству: идею единственного (после падения Царьграда) оставшегося подлинным христианства — Православной Веры; теорию «спасительного царства», «тяглого Государства», где гражданское и социальное служение неразрывно связано с общенациональной литургией спасения души (концепция «Москва—Третий Рим», св. Иосиф Волоцкий и т.д.); представление о русских как о народе-богоносце, Новом Израиле, несущем свет Веры всем отпавшим от истинной Церкви народам мира. И тот факт, что этот ценностный заряд удалось реализовать на огромном секторе географической, политической и этнической карты в глазах самих русских, — а еще более глубоко и неизбежно в глубинах национальной психологии — подтверждает нашу историческую правоту и обосновывает наше право следовать по этому пути в дальнейшем. Как бы этот изначальный заряд ни изменял своего внешнего выражения, — и в романовской секуляризации, и в атеистическом (внешне) мессианстве большевиков, — именно он оставался в течение веков путеводной звездой Великой России, делал ее Великой и субъективно и объективно. Что же означает «Великая Россия» сейчас? Только ли ностальгию по безвозвратно утерянному прошлому?

Ответить на это бесстрастно и объективно невозможно. То, что сегодня наше самосознание, наша Государственность, наше национальное чувство переживают глубочайший кризис, очевидно. Поэтому столь неадекватно воспринимается многими само выражение «Великая Россия». Раздаются голоса: «Слишком большую цену мы заплатили за эту дерзкую мечту... Слишком большими потерями дается участие в мировой истории в достойном и гордом качестве «великой державы»... Не пора ли остановиться и стать «нормальным Государством»...»

«Нормальное» (еще несколько лет назад говорили «цивилизованное», но теперь, когда ближе узнали далекий от идеала Запад, стало стыдно использовать эту унижительную для русских формулировку) Государство противопоставляется «великой державе» или «империи». Сегодня волна острой русофобии (свойственной периоду начала либеральных реформ) стала постепенно спадать, и идеи о том, что «России вообще не должно быть» (до чего договаривались ранние реформаторы), больше никто выдвигать не рискует. Вопрос только о том: или «нормальное» Государство или Великая Держава?

Очень корректная постановка проблемы. «Нормальное» противопоставляется «великому». Идет ли в таком противопоставлении речь только о территории? Нет, не только, но и о территории тоже. «Великая Россия» в будущем не должна быть меньше, чем «Великая Россия» в прошлом. И это очень серьезное положение. О каком величии и универсализме можно говорить, если мы умаляем наши геополитические позиции и, соответственно, сужаем пропорции нашего национального идеала?! Но вопрос о национальном идеале и его универсальности является здесь еще более важным,

нежели проблема территории. Основная грань между «нормальным» и «великим» проходит именно на уровне нашего духа, нашего самопереживания, нашей готовности и способности сказать другим народам «новое слово», даже не обязательно «слово», может быть, какой-то иной жест, знак... Но обязательно свое, глубинное, новое для всех остальных (и может быть, даже для самих себя).

Великодержавное чувство предшествует завоеваниям, аннексиям или союзам. Оно движет политической историей больших народов. Иногда исторический процесс поворачивается не в пользу реализации этого чувства, и тогда «великая держава» переходит в параллельный мир психологии, ностальгии, тайной, глубоко спрятанной воли. Но она никогда не исчезает окончательно. Мы ни за что не поймем состояния нынешних сербов, горделиво бросивших вызов всему миру ради суженой невесты своей, огненной Сербии, Сербии духа и просветленной национальной плоти («Я даю за тебя жизнь, отчизна моя... Знаю, что даю и за что даю...» — по словам великого сербского поэта). Сквозь турецкое тяжелое господство, сквозь отчужденный пресс формального социализма вырвалась из подсознания «Великая Сербия» — как реальность, как язык пламени, как автоматная очередь.

И не поймем мы израильских поселенцев, которым предлагается в ходе «мирного процесса» убираться назад (куда назад?), с земли, священная любовь к которой оживляла народ в тысячелетиях рассеяния, ведь параллельный «Великий Израиль» никуда не исчезал из еврейской души, из еврейской тоски, из беспредельного, озлобленного и изощрившегося в скорби горя. От Нила до Евфрата. Наяву ли, во снах... Но считаться придется. Пока жив национальный идеал сионизма, никто не может спать спокойно — ни враги, ни друзья.

И в Сербии, и в Израиле стоит тот же вопрос, что и в России: «великое» или «нормальное»? Идеальное или прагматическое? Героическое или торговое? Укорененное в земле или фланирующее по мегаполисам, напоминающим друг друга как серийные детали — Вашингтон, Париж, Москва, Тель-Авив, Гонконг (одинаковые рекламы, одинаковые Мак До, одинаковые тинэйджеры с серьгой в ухе и широких дегенератских штанах на роликах...)? Нормальный мир против Великого Мира. Россия родилась как нечто обреченное на величие, страстно этого величия жаждущее. Мы шли к этому, мы этого достигли, и пошли еще дальше. Наш национальный идеал возрастал от гордых, трудолюбивых и мирных белокурых славянских племен до солнечной Киевской государственности, до угрюмо святой неколебимой торжественно континентальной Москвы, до бюрократического, не совсем русского, но пространственно безудержного Петербургского периода, до высшей советской формы общечеловеческой мировой державы, где русский идеал справедливости, общинности, братства и счастья распростерся до масштабов планеты, вышел за ее пределы. Да, сейчас, горько, что советское величие рассеялось. Да, это безвременье пережить трудно. Но отказываться от нашей исторической миссии, от той наглядной последовательности, с которой мы — упорно, кроваво, тяжело, но все больше и больше — расширяем границы нашей земли и нашей истины, значит совершать чудовищное преступление: убийство национальной идеи страшнее геноцида. Прошлое учит нас: из каждого кризиса, временно

сжимаясь пространственно и духовно, русские выходят обновленными и окрыленными, делают новый бросок. Кровавый бросок, но дух истории питается кровью, как преображенной Кровью Господней питается душа христианина. Из монголо-татарского периода мы вышли континентальным царством. Смутное время спровоцировало лишь западные походы русских царей за освобождение православного славянства — наших малороссийских и белорусских братьев. Даже за потрясающей основы русской Веры катастрофой раскола последовало романовское движение в глубь Сибири, русский *Drang nach Osten*. И наконец, из кровавой бани Первой Мировой и Гражданской, из пепла восстала мировая Советская Держава, великая и непобедимая.

Да, сегодня мы пьем полынь поражения, на наших губах боль, они слегка дрожат. В наших глазах скорбь, недоумение, потерянности. Но в наших сердцах тайный свет, в наших снах Великая Русь, в нашей крови воют мертвые, породившие нас, завещавшие нам огромные пространства, которые должны стать еще огромнее, пока не заслонят солнце, и Луну, и звездное небо над нами, и паршивый, никем и никогда не соблюдающийся, навязанный коварным Западом «нравственный закон в нас». Нравственна только Родина, нет такой цены, которую жалко заплатить за ее величие.

Если Россия не будет великой, ее не будет вообще. Величие — наша великоросская сущность. Но тогда, пусть лучше ничего не будет. Без России мировая история немыслима. Тогда пусть кончается мир. Новая ценность пробуждается в тайне нашего бытия. Еще неоформленная, не произнесенная, не высказанная, но уже великая, уже раскаленная, без названия, без облика, без авторства, без подписи. Какая-то темная, огромная, воспаленная, невероятно сладкая, научная и пророческая, плотская, животная, с крыльями, пахнущая могильной землей и первыми лучами рассвета Истина. Истина нашего величия вопреки всему и всем, добродушного, жестокого, бесконечного величия, сметающего границы и государства, изливающегося от внутренней переполненности, страстности, одичалого кипения вовне, повсюду, на отуреченный Берлин и Токийскую биржу, на базары Эр-Рияда и колдунов Австралии...

Никто не может фактами обосновать право на величие. Новая Идея, призванная овладеть миром, не обязательно должна быть коммерчески привлекательной или теоретически обоснованной. Тонны книг по развитому социализму ничего не изменили — можно было бы и так. А телебашни, как известно, горят и падают. Гипноз и соблазн «нормальности» велик. Но это «PR» эфемерности.

Величие в «PR» не нуждается. Оно нуждается в воле и действии. И наши дети, братья, убивающие и умирающие за Родину, строят Россию не «нормальную», строят Россию Великую. И каждый выстрел их упорно сверлит брешь в толщах истории. Мы выбираемся из норы, куда оскользнулись. Пока медленно, неуверенно, неуклюже, хватаясь за сохшуюся траву по краям, вырывая ее с корнем, катясь назад. Но мы шевелимся — значит, мы живы.

На рубеже ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Александр КАЗИН

ПОСТМОДЕРН, РОССИЯ И КОНЕЦ СВЕТА

Александр Леонидович Казин — родился в 1945 г. в Смоленске. Окончил философский факультет ЛГУ. Доктор философских наук, профессор, автор многих статей, книг, посвященных проблемам философии искусства в русской и европейской духовных традициях. Член Союза писателей России. Живет в Санкт-Петербурге.

Слово «постмодерн» в последнее время употребляется даже слишком часто, однако — нравится это кому-то или нет — оно точно отражает характер нашей эпохи. Мы давно живем во времена всяческих «постов»: постиндустриализм, посткоммунизм, посткапитализм, постфилософия, постискусство... Осталась, пожалуй, еще «постжизнь», но и она, впрочем, не исключена.

КЛАССИКА, МОДЕРН И ПОСТМОДЕРН

Если крупными мазками обрисовать духовную ситуацию, в которой «цивилизованное человечество» сегодня пребывает, обнаружатся три точки отсчета: Восток, Запад и Россия. Восток, в предельном обобщении, — это родина мировых религий, прежде всего иудаизма и ислама, единый Бог которых — абсолют, творящий мир из ничего. Это религиозная классика, где творчество совпадает с творением, слово — со делом. Дело человека тут — исполнение закона (613 заповедей Моисея, шариат и т.п.).

Появление христианства на пространстве восточной классики означало переход к своего рода религиозному «модерну», где абсолют в лице Бога-Сына нисходит в мир с целью спасения твари (божественная жертва). Именно это было «для иудеев соблазном, для эллинов — безумием». Приняв на себя природу человека, Спаситель восстановил утерянные божественные качества твари, и прежде всего ее творческую свободу. Восток в целом этой жертвы не принял (распятие Христа), Европа же приняла христианство в рационально-юридической форме римского католицизма. В отличие от православного Востока, Запад свел вечность

ко времени, онтологические ценности — к инструментальным, соборность — к индивидуализму.

Сегодня Запад — это мощная самонадеянная (а как же — победа в холодной войне!) цивилизация, занятая непрерывным прометеевско-фаустовским экспериментом над самой собой. Однако в духовном плане Запад почти исчерпал себя. Применительно к нашей теме, такое состояние называется «постхристианством»: исчерпание абсолютизированной свободы, оказавшейся в религиозной пустоте. Нравственный предел постхристианской культуры (неразличение добра и зла) сегодня близок так же, как и экологический предел природы. Дальнейшая прогрессивная динамика Запада возможна только за счет глобального информационного, а затем и силового подчинения всего не-Запада стратегиям «открытого общества», что крайне опасно для остального мира.

ФИЛОСОФИЯ ПМ

Постмодерн (ПМ) возник как идеология мирового глобализма, направленная на разделение людей, стран и цивилизаций по милому принципу «пусть расцветают сто цветов». В плане истории идей ПМ вырос из позднего модерна, обозначаемого четырьмя крупнейшими именами: Маркса, Дарвина, Ницше, Фрейда. Марксизм провозгласил, что человека отныне следует понимать не как существо духовно-нравственное, а как существо практическое, материально-производительное. Философия, искусство, религия разоблачаются в марксизме как ложное сознание — как идеологические надстройки над соответствующим классовым базисом. Что касается Ницше, то он определял человека через биологическую волю к власти, а христианство презирал как прибежище слабых, как философию рабов, как *ressentiment*. Наконец, Дарвин прямо объявил человека потомком обезьяны.

При всем, казалось бы, отличии друг от друга, Карл Маркс (крещеный еврей), Фридрих Ницше (антихрист-ариец) и Дарвин (английский протестант) обозначили три стороны треугольника, вершину которого составила — уже в начале XX века — теория Зигмунда Фрейда. Фрейд еще ниже опустил человека: началом и концом человеческой психики оказался у него безличный половой импульс. Что касается культуры (в том числе религии и философии), то она предстала всего лишь барьером, воздвигаемым обществом на пути темных влечений. Фрейдовское «оно» — это подсознание безнадежного больного, душевный подвал которого кишит сладострастными пауками, против коих бессильны лекарства цивилизации. Если сказать кратко, Маркс изгнал Бога из истории, Дарвин — из природы, Ницше — из культуры, Фрейд — из человека.

Конечно, от таких родителей ПМ досталось тяжелое наследство. Европейская мысль стала прежде всего мыслью о мысли, а не о реальной вещи. Здесь, вообще говоря, и кончилась европейская философия — на позиции субъекта-космократора, для которого единственной реальностью оказывается он сам (в той или другой редакции). Начав со схоластики, западный человекобог заканчивает свой путь словесными играми — бесконечным узором «означающих» без «означаемых», знаков без предметов. Пришедший на смену интеллектуальному модерну постмодерн (вторая половина XX века)

ни о какой «истине» уже не заикался. Основным занятием Фуко, Делеза, Лиотара, Лакана и особенно Деррида стало само говорение (письмо) — нечто вроде шаманского камлания. Если Маркс, Ницше и Фрейд указали на зависимость истины от расположения человека в бытии (и тем самым предъявили права на свои, низовые истины взамен отвергнутого ratio), то постмодерн принципиально не высказывает никаких нравственных, эстетических и тем более религиозных истин. Он вообще ничего не высказывает: когда сказать по существу нечего, остается говорить о говорении, писать о письме — ситуация вялого Нарцисса, ловящего в зеркале ускользающее отражение, да и то без особой охоты. Впрочем, чем-то похожим заняты змеи, кусающие собственный хвост. Утвержденный исключительно на своем Я, «цивилизованный человек» XXI века стал не нужен Богу; не интересен он такой и самому себе.

КУЛЬТУРА ПМ

Кому из вас, уважаемый читатель, не приходилось терпеть назойливых приставаний разного рода сектантов, рыскающих по нашим улицам и квартирам в поисках неприкаянных душ? Лично я посылаю их обычно в Чикаго, просвещать тамошних «граждан мира», попутно напоминая о том, что Русь приняла христианство более тысячи лет назад, когда не то что о Чикаго, но даже о самой Америке никто не слышал. Если вы, увернувшись от этих лукавых ловцов, подойдете к книжному развалу на улице, то увидите там книги и буклеты всех оккультных сект мира, от астрологов до сайнтологов, которые посулят вам золотые горы на земле и небе — лишь бы вы отдали им свои умы и деньги. Если вы зайдете в кинотеатр или просто в театр — например, в «Театр Европы» в центре Санкт-Петербурга — то можете увидеть там голых актеров-мужчин, разыгрывающих, скажем, драму короля Лира. Не стоит удивляться: умные критики объяснят вам, что в искусстве (теперь это называется «артхауз») можно все, лишь бы было талантливо, а пуританские претензии к профессиональному арт-проекту давно пора оставить. Что же касается так называемого актуального (по-русски говоря, современного) изобразительного искусства, приведу описание опытного свидетеля: «Следующая акция, привлекавшая мое внимание, была акция обнаженной английской художницы Шинад Доннел, которая на квадрате пола, уставленном посудой, методично била ее деревянным молотком, <...> ее порезанные колени, руки, ступни кровоточили. Перформанс Шинад происходил «на фоне» кровавой и одновременно медитативной акции финского акциониста Пенти Отто Коскинена, который большим пальцем в анальном отверстии удерживал льющуюся из него кровь в течение полутора часов». В качестве справки добавлю только, что описание принадлежит профессиональному философу, а происходило сие на одном из регулярных летних фестивалей экспериментальных искусств в петербургском Конногвардейском манеже.

Особого упоминания заслуживает главная концептуально-информационная власть XXI столетия — телевидение. Нравится это кому-либо или нет, программная политика владельцев СМИ во всем мире стала сегодня не четвертой, а именно первой властью. Виртуальная реальность электроники — это жесткое дисциплинарное производство человеческой ТВ-массы,

формирующее подсознание миллионов. Либеральные сказки о непререживном (мягком) социуме давно пора бы оставить — перед лицом «бархатного» диктата видеоклипа, рекламы, универсального ток-шоу на оплаченную тему. Медиакратия (информационно-коммуникативная власть) — не страшилка карикатурных реакционеров, а стратегическое оружие анонимной глобализации. Французский мыслитель консервативного направления Ги Дебор (покончивший впоследствии с собой) назвал все это «обществом спектакля», где любая жизненная драма, вплоть до геноцида и войны (бомбардировки Сербии или Ирака, например) подается как материал для зрелища. Потребитель телекартинки — это житель сфабрикованной вселенной, внимание которого функционирует по правилам ее хозяев: чего нет на телеэкране или в глобальной компьютерной паутине, того и не существует. Постмодернистская культура XXI века — это культура призраков («фальшаков», «симулякров»).

Задумываясь о будущем подобного мира, не различающего больше добра и зла (чем не рай!), можно предположить следующее. Во-первых, весьма вероятна перспектива жесткого тоталитаризма («нового мирового порядка»), растущего именно на всеобщей относительности «пустых мест», оставшихся у «электронного народа» взамен совести и чести. Старомодное разграничение верха/низа может быть окончательно заблокировано идеологами и практиками медиакратии, замечательно встроившими ТВ-массы в психотронную социально-компьютерную систему. Во-вторых, возможна подлинная демонизация постхристианского человека, предсказанная такими мыслителями, как К. Н. Леонтьев, Л. А. Тихомиров, О. Шпенглер, Р. Генон — тотальное духовное раскрытие «мирового яйца» снизу для беспрепятственного воздействия на него темных сил. Это последовательный путь «левой руки» — практической социокультурной магии, которым идут, в частности, многие деятели евро-американской и российской рок-культуры. Путь этот отмечен психическими расстройствами, наркотиками, гомоэротизмом. Управляемый извне человек-робот как бы охлопывается, превращаясь в черную дыру. Упразднение образа Божия в людях при этом происходит решительно и бесповоротно.

ПОЛИТИКА ПМ

Итак, кризисные процессы в мировоззрении и культуре имеют место во всем мире. Недавно к ним прибавился коллапс финансовый. Произошел облом хваленной «невидимой руки рынка»: крупнейшие банки стоят в очереди за государственными деньгами. Налицо не просто экономический, а идейный и нравственный кризис (по-гречески — суд) спекулятивной банократии, меняющей виртуальные доллары на реальные ценности. Толерантность вместо истины — к чему это приводит? Еще несколько лет назад известный православный публицист диакон Андрей Кураев предсказал, что следующим президентом США будет одноногая негритянка нетрадиционной сексуальной ориентации. Сегодня мы видим, что он не сильно ошибся: в Белом доме поселился афроамериканец Барак Обама. Меньшинство всегда право перед большинством, индивидуальность как таковая заведомо выше интересов целого — такова сегодня лукавая политорректность либерализма, заменяющая ему не только общенародную

правду, но подчас простой здравый смысл. Проститутку в нынешней Америке нельзя назвать шлюхой (она «сексработник»), а извращенца — извращенцем (он уважаемый член общества). Профессора американских университетов подчас боятся поставить двойку представителю «латинос» или «африканос» — это может стоить им карьеры. Если индивидуализм отдельного человека заводит его в тупик эгоцентризма, то национальный эгоизм вырождается в шовинизм, то есть в своего рода псевдорелигию, где «мы» изначально лучше, умнее и успешнее, чем «они». Еще в 70-х годах XIX века К. Н. Леонтьев писал о национальной политике как орудии либеральной революции — ныне такую политику с антирусским уклоном мы наблюдаем в Прибалтике и на Украине, где под охраной полиции маршируют недобитые эсэсовские легионеры. Характерно при этом, что либеральная общественность всячески поддерживает национализм малых наций, тогда как национально-государственные идеи больших народов (за исключением, разумеется, США) обычно квалифицируются как историческая и религиозная мифология, сумма «большого вранья», возврат к тоталитаризму и т.п. Либералы всех мастей на дух не выносят никакой противостоящей им духовно-культурной целостности, будь то высокоразвитая личность или мощная религиозно-национальная традиция. Любому единству постмодерн объявляет войну. Чего стоит, к примеру, ирония наших доморощенных «граждан мира» по поводу праздника Дня народного единства 4 ноября, установленного Думой в честь освобождения Москвы от поляков ополчением Минина и Пожарского в 1612 году — уж очень им мешает наша историческая память.

Конечно, сама идея автономной (самозаконной) личности, как и идея национального государства реализованы в историческом масштабе сравнительно недавно — после буржуазных революций, поднявших на свои знамена лозунги гуманизма и цивилизованного — прежде всего экономического — национализма. В Европе это произошло в XVIII веке, в эпоху Просвещения, водрузившего в христианских храмах статую «богини разума» и порвавшего с идейной опекой католичества. За прошедшие с тех пор 250 лет индивидуализм и национализм проделали немалый путь — от революционной проповеди «самодостаточного» человека и народа до коричневых гримас национал-социализма в Италии, Германии и ряде других просвещенных стран. Европейцы периода модерна решили обойтись без Бога как индивидуально, так и коллективно, получив в результате распад личности (в марксизме и фрейдизме) и легенды «потребительского общества» в качестве национального идеала. В современном постмодерне понятия личности и нации считаются чем-то безнадежно устаревшим и даже не совсем приличным: помнится, на одном междunarодном семинаре докладчик обиделся, когда я спросил его, кто он по национальности. Какая там еще личность, когда человеком управляют сексуально-агрессивные импульсы его бессознательного? Какая там еще нация, когда имеются интерязык (англо-американский), интертелевидение (сотни каналов), интернет (миллионы файлов) и интердевочки (всех цветов кожи)? Вопрос, правда, в том, будет ли называться человеком то неизвестное пока существо, нечистое дыхание которого уже явственно доносится к нам из будущего.

АЛЬТЕРНАТИВЫ ПМ

Как следует из вышесказанного, тревожные очаги духовного распада распределены по лицу планеты неравномерно. Дальше всех в этом направлении продвинулась Евроатлантика — та высокоразвитая часть света, которую именуют сегодня «золотым миллиардом», и которая не только навязывает свои правила игры другим, не-западным народам и цивилизациям, но еще и отрицает право этих народов защищаться от культурного империализма макдональдсов и голливудов, как якобы единственно разумных и законных достижений общечеловеческого прогресса. Не надо, однако, забывать, что именно не-Запад составляет 5 миллиардов из 6 живущих на планете людей. В сегодняшнем мире закончилась холодная война между советским социализмом и западным капитализмом, но все очевиднее становится противостояние между старыми и новыми центрами силы многополярной ойкумены. Наряду с Америкой и Европой, такими центрами силы оказываются сегодня конфуцианский Китай, мусульманский Ближний Восток и православная Россия.

Что касается Китая, то эта древняя нация Земли (ханьцы) переживает в XXI веке свое второе рождение. Огромная по численности страна быстро растет как промышленный, финансовый и военный гигант, не говоря уже о единстве и сплоченности народа и государства. Нынешний Китай — это монолит, за прочность конструкции которого заплачено многими жизнями во время разгона танками «оранжевой» молодежной демонстрации на площади Тяньаньмынь в 1989 году. Как утверждают футурологи, к середине текущего столетия китайская коммунистическая империя достигнет фактического паритета с Соединенными Штатами по всем важнейшим показателям (если США еще до того не угодят в долговую яму). При этом, однако, нужно отметить, что конкуренция между Евроатлантикой и Китаем будет носить (и уже носит) скорее военно-экономический, чем духовно-культурный характер, так как КНР, вопреки собственным коммунистическим лозунгам, строит нечто вроде госкапитализма с восточной спецификой. Как выражались русские философы Серебряного века, социализм — это последняя правда буржуазности, и как раз такой «коммуно-капитализм» выращивается сегодня в Поднебесной. Не говоря уже о том, что личность в китайской культуре почти растворена в нации, а нация служит однопартийной атеистической сверхдержаве.

Несколько иначе обстоит дело на мусульманском Востоке. Цивилизация ислама — самая религиозно «горячая» на сегодня цивилизация мира — бросает вызов Западу именно в плане личного и национального начала. Мусульманские фундаменталисты не хотят идти вслед за Евроатлантикой к идолу свободы бездуховного человека и коммерчески понимаемой нации обывателей, бога которых зовут «окей». Вооруженные Кораном и джихадом, исламисты стремятся как бы обойти Запад по другой исторической дороге, или даже, по мере возможности, вернуть человечество в до-западное (до-модернистское) состояние. О серьезности этих претензий свидетельствует простая статистика: некоторые европейские города уже на треть мусульманские. К сожалению, нередко применяемые исламскими радикалами средства насилия в принципе не способствуют проповеди Корана в мировом масштабе.

Какая же роль в этих процессах предназначена России?

По всем признакам, едва ли не решающая. Дело в том, что Россия — не просто страна, а часть света, включающая в себя свой, российский Восток и Запад, Север и Юг. Российская жизнь как бы моделирует в себе общемировые культурные, формационные и национальные процессы. Россию населяют 140 миллионов человек, множество наций и этносов. Только в России водятся сразу и тигры и белые медведи. Именно в России народы существуют одновременно во всех общественных формациях, от феодализма до коммунизма и посткапитализма. Россия никогда не принадлежала ни Востоку, ни Западу. Ни тот, ни другой не признают ее подлинно своей. Ориентализация России («византийский» Киев, «татарская» Москва) оказалась столь же поверхностной, как и ее последующая петербургская вестернизация. В отличие от Востока, русская идея изначально включала в себя творческую активность личной воли (православный храм и икона есть взаимораскрытие Бога и человека, а не подчинение одного другому). Вместе с тем, в отличие от Запада, свобода личности на Руси никогда не доходила до культа автономного индивида, оставаясь, так или иначе, в рамках соборного целого (царство, империя, коммуна). Европейская свобода пережила ряд смертей — смерть Бога, смерть человека, смерть автора. Восточная душа по существу не любит индивидуальной свободы. Противоречие между безграничной волей, восточной традицией и западным персонализмом — это движущая сила нашей истории. Русской культуре присуще умение видеть лучшее, а не худшее в людях, и судить народ «не по тем мерзостям, которые он так часто делает, а по тем великим и святым вещам, по которым он и в самой мерзости своей постоянно вздыхает» (Ф. М. Достоевский). Это и есть наш ответ постмодерну. Имя русского означает не примитивную биологическую принадлежность (цвет кожи, форма носа и т.п.), а определенное национально-личное духовное качество, развернутое в истории. Есть русские славянского происхождения, есть русские скандинавского, тюркского или немецкого рода. Грузинский князь Багратион гордился тем, что он генерал русской службы, а еврей Пастернак — тем, что он русский писатель. Выражаясь модными словами, они были не просто «толерантны» к России или «адаптированы» к ней, а любили ее и посвятили ей свою жизнь. Русский — тот, кто любит Россию и свободно разделяет ее земную и небесную судьбу. Национальность вообще — и национальность русская в особенности — включает в себя сложный набор этнических, культурных и религиозных определений. Миру нужны личности и народы, способные на творчество и на жертву, а не только на производство собственного комфорта. Мотивация их деятельности восходит к идеалам, а не к интересам. Собственно, они и составляют ныне подлинную русскую аристократию — национальное собрание «творян». Новоизбранный Патриарх Кирилл решительно подчеркнул при своем вступлении на престол, что судьба России — это судьба православно-русской цивилизации: в этом ее общечеловеческая миссия.

ПМ И БУДУЩЕЕ

Все, что имело начало, будет иметь конец — это еще Платон установил. Представьте себе Шекспира, вечно сочиняющего свои драмы,

или хотя бы себя самого, вечно спешащего утром на службу, а вечером к телевизору. Это похуже достоевской бани с пауками. Постмодерн есть только наиболее очевидное свидетельство приближающегося финала модернистского эксперимента, начатого Европой в эпоху Возрождения. Предоставленный самому себе, человек оказался в конечном счете пустышкой — без истины, без красоты, без идеала, освящающего и осмысляющего его существование. Сегодня в странах, пораженных вирусом ПМ, уже нет религии, философии, искусства, науки в собственном смысле слова; есть более или менее похожая подделка (симулякр) под них. Недавно президент США Обама разрешил работу со стволовыми клетками эмбрионов (фактическое их убийство), а в Англии испытали первый образец машины для чтения мыслей — увлекательная перспектива, не правда ли? Во многих странах узаконен гомосексуализм, лет через 10 узаконят зоофилию, потом педофилию, потом некрофилию, и кончат людоедством — опять-таки Достоевский предсказал. Три месяца назад в Петербурге два молодых «гота» убили и съели девушку-«эмо». Люди, больные ПМ, противны самим себе.

Конечно, такой человек — и цивилизация таких людей — долго не протянет. Тем более, что она накопила горы оружия, а даже незаряженное ружье раз в жизни стреляет. Лет через 15–20 ядерная бомба может стать достоянием многих даже небольших стран, не говоря уже о мощных сетевых организациях, превосходящих иные страны и по территории и по бюджету. На горизонте уже видны признаки нанокрибвойн, испытываемые сейчас в играх разного рода геймеров и хакеров. Человечество всегда воевало, и нет никаких основания думать, что оно перестанет это делать в третьем тысячелетии. Опасность постмодерна в том, что, по сути, он есть практика постжизни, или попросту говоря, смерти. Да и что еще делать Нарциссу, пережившему самого себя? Конец истории, вопреки Ф. Фукуяме, может наступить не от всеобщего либерального умиротворения, а от войны всех против всех, предсказанной в Апокалипсисе. Постмодерн не дает этой войне реальной альтернативы, он только до времени маскирует, и одновременно разжигает ее. Подкладывает щепки во все мировые костры. Существует, правда, проект т.н. «мирового правительства», но он предполагает «электронный концлагерь» и новейшую помесь феодализма с рабовладением — на мой взгляд, выход не лучший. Настоящая защита от ПМ — а, значит, и от преждевременного саморазрушения человеческого мира — это вера в абсолютную реальность и ценность жизни, даруемой Богом. И продолжается она до тех пор, пока мы Его радуем. Как говорится, иного не дано.

Вопросы ТВОРЧЕСТВА

**Архимандрит
ТИХОН (ШЕВКУНОВ)**

СВОБОДА ИЛИ ОГРАНИЧЕНИЕ В ТВОРЧЕСТВЕ?

Существует ли ограничение в творчестве? Это личный вопрос каждого человека, который считает, что занимается творчеством.

На самом деле некие ограничения есть даже у Бога: Бог ограничен в том, чтобы каким-либо образом воздействовать на свободу человека. Человек сотворен свободным, и Бог, по учению Церкви, не вмешивается в наш свободный выбор. Бог через Священное Писание, обстоятельства жизни, внушения нашей совести предлагает человеку те или иные варианты решения жизненных, нравственных проблем, но Бог не «давит», не воздействует силой на человеческий выбор.

Для меня бесконечно более значим писатель, художник, который может поставить себе определенные рамки. С самого начала зарождения искусства, такие ограничения всегда существовали: например, единство времени, места и действия. Определенные ограничения и нравственная

Тихон, архимандрит (Шевкунов Георгий Александрович) — родился в 1958 г. в Москве. В 1982 г. окончил сценарный факультет Всесоюзного государственного института кинематографии по специальности «литературная работа». По окончании вуза стал послушником Псково-Печерского монастыря. В 1986 г. переведен в Издательский отдел Московского Патриархата. В 1991 г. пострижен в монашество в московском Донском монастыре. С 1996 г. — наместник Сретенского монастыря. С 1997 г. — архимандрит. Ректор Сретенской духовной семинарии. Руководитель издательства Сретенского монастыря и интернет-портала Православие.ru. Автор фильмов «Псково-Печерская обитель», «Гибель империи. Византийский урок», получившего премию Российской киноакадемии «Золотой орел» за 2009 г. Академик РАЕН. Награжден орденами прп. Сергия Радонежского II ст. и св. равноап. князя Владимира III ст. **Служит в Москве.**

самоцензура соблюдалась самим художником, чтобы творение стало истинным произведением искусства. И это были ограничения не только эстетические, но и, в первую очередь нравственные. Вспомним Канта — «есть две вещи, которые наполняют меня все большим благоговением: звездное небо надо мной и моральный закон во мне» — и этот моральный закон ставит совершенно определенные ограничения в любой деятельности человека. И горе тому человеку (кем бы он ни был, сантехником или писателем, художником), если он не ставит никаких ограничений для себя. Это ведет только к саморазрушению, к разрушению того мира, который существует вокруг него.

Существует такая точка зрения: художник, чтобы понять и правдиво описать жизнь во всей ее сложности и многообразии, должен входить и в область зла: совершать такие поступки или внутренне пережить и перечувствовать то, что обычный человек (а тем более верующий) просто не позволит себе. Но мы, увы, входим в область зла и помимо нашей воли: сам мир, по учению Священного Писания, во зле лежит. Как-то искусственно пытаться проэкспериментировать, вызывать зло, как Фауст вызывал Мефистофеля — совершенно ни к чему, это тупиковый вариант (что Гете, кстати сказать, и показал). Это показано и в истории Адриана Левертьюна в «Докторе Фаустусе». Специально вторгаться в область зла, куда Господом Богом вторгаться запрещено, — просто не мудро. И у Пушкина, и у Достоевского, и у Шекспира — берем сейчас самых великих — и так было столько слабостей и немощей (присущих каждому человеку), что им вполне хватило «естественного» по их жизни материала, чтобы разобраться в том, что такое зло и как его в литературе отразить.

Совершенно не надо было Федору Михайловичу глумиться над детьми, чтобы написать своего Свидригайлова, и Шекспиру не нужно было совершать всех тех злодеяний, что явлены в его трагедиях.

Напротив, в душе человека заложено нечто иное. В одном из древних патериков повествуется о житии великого подвижника, Макария Египетского, жившего в IV веке. Он рассказывал своим ученикам: «Однажды, когда я был еще мальчишкой, я шел по улице, и вдруг мимо меня пробежали соседские дети, где-то уворовавшие смоквы и уносившие их за пазухой. Несколько смокв упало — я подобрал их и съел. А теперь, когда я вспоминаю об этом, я сажусь и плачу. То есть он осознал приобщение себя к греху воровства и понял всю глубину этого греха.

Вовсе не нужно совершать преступления для того, чтобы лучше понимать человека и адекватно отразить природу зла. На мой взгляд, это чисто коммерческий прием западной массовой культуры: чтобы написать какой-нибудь дешевый бульварный романчик, **творец** (как они любят говорить о писателях и художниках), должен приобщиться к неким злодеяниям. Все это, конечно, полная ерунда. К несчастью, в сердце своем человек совершает столько преступлений, таит столько гнева, зла, столько недоброго, что людям, совершающим преступление (в том числе и нравственные) якобы во имя художественного творчества, никакого извинения — кроме покаяния — с точки зрения Церкви нет.

В юности я по множеству раз перечитывал Достоевского, Шекспира, русскую классику, очень любил английскую литературу. И вот однажды мне пришла в голову мысль: ведь самые лучшие произведения мировой литературы являются описанием **ошибок** тех персонажей, которые избра-

жены в этих книгах. «Царь Эдип» — роковая, фатальная ошибка Эдипа; «Гамлет» — гениальное описание ошибок Гамлета; «Король Лир» — тут уже просто хрестоматийно; «Евгений Онегин» — убийство Евгением Ленского и его неспособность оценить великую душу Татьяны Лариной; «Преступление и наказание» и т. д.

Эти произведения заканчиваются катарсисом — перед смертью или перед кризисом человек нечто прозревает, подходит — но только подходит — к какой-то высшей ступени — но у этой как раз ступени роман или трагедия кончаются. И я подумал: а где же положительный опыт человечества, где его искать? Или мы имеем только опыт ошибок: гениальные — подчеркиваю, несколько не собираюсь умалять значения названных и многих других произведений, действительно величайших созданий человеческого духа — описания ошибок людей? И накоплен ли вообще человечеством положительный опыт и есть ли книга, в которой он собран? Не в области точных или прикладных наук (ботаники и агротехники), а именно в области духа?

Конечно же подобные попытки были. Пробовал Николай Васильевич Гоголь написать второй том «Мертвых душ» — мы знаем, чем это закончилось. Пробовал и социалистический реализм создать образ положительного героя, и это закончилось ничем. Следовательно, художественное произведение, аппарат, которым пользуются писатели, не имеет потенциала, не имеет возможности для того, чтобы описать такого рода опыт человека. Не получается — или получается нечто такое, чему не веришь. Причем, многие из названных (и неназванных) великих писателей ставили своей целью изобразить именно положительного героя, пример для подражания, образец. Но не получилось — именно потому, что они были гениальными писателями.

На самом деле такой пласт духовного наследия существует. От него были насильственно отторгнуты целые поколения наших соотечественников. Это так называемая святоотеческая литература — жития святых, подвижнические, аскетические опыты — когда героем и самого произведения, которое читаешь, и, если можно так сказать, самой жизни становишься ты сам — и постепенно идешь по пути, который предлагают евангельские заповеди, который предлагают святые отцы. К этому порогу могут своими произведениями подвести наши великие писатели — дальше начинается восхождение, недоступное описанию средствами художественной литературы.

Миллионы людей вновь пришедших сейчас в церковь сумели сделать это с помощью наших великих классиков, которые заставили их задуматься, которые заставили их понять, что «вечные вопросы» — вопросы бытия, жизни и смерти, существования Бога, добра и зла — совершенно, на первый взгляд, не прагматичные, от которых можно легко отделаться, являются на самом деле самыми главными в жизни.

Это не означает, что мы сейчас, начав читать святых отцов — Игнатия Брянчанинова, Феофана Затворника, авву Дорофея или Антония Великого — сразу же станем резко набирать духовную высоту. Но на что реально можно надеяться, так это на то, что мы осознаем всю глубину падения человека, страшную реальность человеческой души — и тут уже начинается совершенно другая жизнь, которая как раз и не описывается средствами художественной литературы, даже той, которую мы называем великой классикой.

Что же касается собственно литературы, то сегодня очень часто ее призывают рассматривать безотносительно к ее духовно-нравственному содержанию, а по чисто эстетическим критериям.

По этим критериям можно высоко оценить и так называемую «разрушительную» литературу — произведения Кафки, Джойса, Беккета. Еще Пушкин писал: «Все, все что гибелью грозит, для сердца смертного таит неизъяснимы наслажденья». И порой те произведения, которые грозят душе человеческой гибелью, омертвлением, укоренением в самых низменных, страшных «ценностях» — сами по себе могут быть весьма эстетичны.

Таланты даются человеку и человек может их приумножить. Но смотря кому он эти таланты отдаст: Богу или дьяволу. Слово и художественное творчество обладают особой силой, но за них несут и особую ответственность. «Нам не дано предугадать, как наше слово отзовется» и в этой жизни, и в будущей. Спаситель сказал, что за каждое праздное слово человек даст ответ на Страшном суде. Повторюсь: и зло, и разрушение могут быть красивы, могут нести в себе некую эстетику, но для того и дан человеку разум, и жизнь дана — чтобы понять, что к чему. Человеческое существование на земле временно — зато, как человек прожил, чем он наполнил свою душу, с чем неразрывно сочеталась она, какие образы и какие силы оказались привиты к ней в течение жизни — от этого зависит и будущая участь человека, абсолютно неизбежная для каждого, и эстета, и простеца, и атеиста, и верующего. В первую очередь, замечу, — и жестче всего — отвечать придется людям верующим как познавшим эти духовные законы.

Вопрос о цензуре. Лично я, конечно же, за нее — и в религиозной области, и в области светской.

Цензура — это нормальный инструмент в нормальном обществе, который должен отсекал все экстремальное.

Что касается государственной цензуры, то рано или поздно к трезвому пониманию необходимости этого института в обществе придут. Вспомним, как Александр Сергеевич Пушкин в юности ругал цензуру и иначе как со словом «дура» ее не рифмовал. А впоследствии ратовал за цензуру.

Господь благоволил так, что сейчас возможности духовного познания практически для всех открыты, и каждый в течение жизни делает свой выбор: хочет он разбирается в этих вечных, как Достоевский говорил, «проклятых» вопросах или нет. Правда, кому-то кажется, что он разобрался — а на деле так ничего и не понял, а кто-то из тех, кто не хотел разбираться принципиально, в последний момент познал Истину, и Истина сделала его свободным. Булат Окуджава перед смертью принял крещение. Много лет назад его жена Ольга вместе с Олесей Николаевой приезжала к отцу Иоанну (Крестьянкину) в Псково-Печорский монастырь. В разговоре она посетовала, что муж ее не крещен, и не хочет этого. На что отец Иоанн спокойно сказал ей: «Не волнуйся, ты сама его окрестишь». Она была совершенно поражена и только спросила: «Как же я сама окрещу?» — «А вот так и окрестишь!» — «А как же назову его? Булат ведь имя неправо-славное?» — «А назовешь как меня — Иваном», — ответил отец Иоанн и заторопился по своим делам. И вот перед смертью Булат Шалвович позвал жену Ольгу и сказал, что хочет креститься. Он уже отходил, было поздно звать священника, но она знала, что в таких случаях можно крестить и без священника. Она лишь спросила его: «Как тебя назвать?» И он ответил:

«Иваном». И она крестила сама его Иоанном. И только потом вдруг вспомнила, что за много лет ей обо всем этом говорил отец Иоанн. Ин суд Божий, ин суд человеческий. И Господь правосудный и милосердный, бесконечно любящий каждого человека, дает все для спасения в вечности. Только мы сами по неразумию и по тупости своей не брыкались бы, и хоть иногда задумывались обо всем этом.

Когда я окончил Институт кинематографии, то вскоре приехал в Псково-Печерский монастырь и там практически остался. Но два года надо было отрабатывать на студиях, я метался между двумя мирами, и у меня тоже было много вопросов о творчестве: что это такое? как сопрягается оно с духовной жизнью? И тому подобное. Раз я спросил у отца Иоанна (Крестьянкина) о кинематографе: как к нему относиться? И он ответил: «Кино — это как язык. Языком можно сказать: «Слава Тебе, Господи!», а можно сказать: «Распни! Распни!». К несчастью, синематограф (он еще так, по-старому, выражался) чаще говорит: распни...» Наверное так же надо относиться к любому явлению художественной культуры: способствует ли оно спасению человеческой души или служит соблазном к гибели. Ответственность, конечно, огромная. И недаром апостол Иаков увещевал: «Братия мои! не многие делайтесь учителями, зная, что мы подвергнемся большему осуждению». И всякий берущий перо, пишущий и отдающий свое произведение в печать становится учителем, есть ли на это божественное призвание или нет.. Не задумываться об этом по крайней мере огромное легкомыслие.

Не хочет человек слушать ничьего авторитетного мнения — его дело. Тут одно из двух: либо человек познает мир средствами благословенными Богом — тогда он становится великим художником, и абсолютно свободен в своем творчестве: Бог дает ему эту свободу и гений. А все те, кто кричит о своей полной независимости от всего и вся, — они живут не в свободе, а в произволе, а произвол ничего хорошего еще не рождал: только бездарность. Серость, разрушение, грех. Но сейчас, к сожалению, очень многие упиваются и этим. Создана целая культура, точнее культ серости. По сути это — антикультура, явный духовный предтеча пустоты антихриста.

Есть еще такое явление, как роман «Мастер и Маргарита» или, возьмем более низкий уровень, фильм Скорсезе «Последнее искушение Христа» — то есть обращающиеся к христианской тематике, но трактующие ее либо в фантосмагорическом, либо в обывательском духе. О фильме вообще не стоит говорить, а роман Булгакова — безусловно очень талантливое произведение. Конечно, кого-то этот роман сбил с пути истинного духовного познания, а кого-то (и многих!) обратил на него, именно осознанием реальности духовной жизни. Вспомните слова того же Воланда: «А не надо никаких доказательств. Просто: в белом плаще с кровавым подбоем четырнадцатого месяца нисана...»

Ну, а если человек не исследует серьезнейшим образом вопросы веры и бытия Божия, если он останавливается лишь на том, что сын профессора Духовной академии Михаил Афанасьевич Булгаков решил гениально сфантазировать по поводу теологии и демонологии на бульоне раннего советского общества, — ну что же тут поделаешь... Если для кого-то булгаковский рассказ о Иешуа Га Ноцри и Пилате стал «евангелием» — такого человека можно только пожалеть. Во всяком случае, Булгаков писал не евангелие, не «евангелие от Воланда» как говорят некоторые искусствоведы, — он писал

совершенно другую книгу — злую, мудрую, интересную сказку (но, конечно, весьма опасную — именно для тех людей, о которых шла речь выше).

До того, как я стал послушником, пришел в монастырь, повторяюсь, я просто зачитывался Достоевским, очень любил классическую музыку, но как только я вошел в Церковь, то был потрясен, насколько мне все это стало неинтересным. Для меня открылся абсолютно другой мир, — и я с огромным удивлением обнаружил, что мне уже не хочется перечитывать эти книги, даже Достоевского и Шекспира, слушать эту музыку, даже Вивальди и Баха. И где-то лет двадцать я все это не воспринимал, как будто кто-то просто отсек это во мне, естественно и безболезненно. Передо мной открылись такие горизонты духовного мира, по сравнению с которыми все прежнее померкло.

Сейчас я снова пытаюсь перечитывать любимые старые книги. Признаться, это дается мне с трудом, но я остаюсь им бесконечно благодарен за то, что они подвели меня к единственной Книге Книг, которую можно читать всю жизнь.

ЦЕРКОВНАЯ ЛАВКА

Свято-Артемиево-Веркольского мужского монастыря

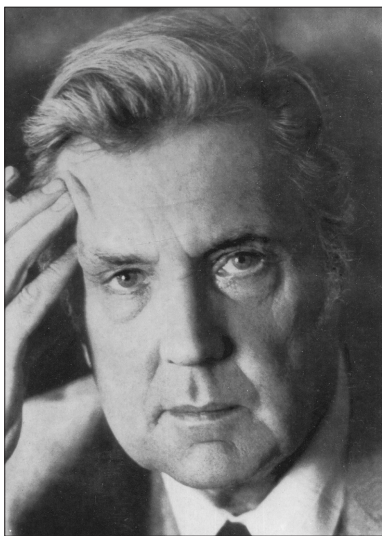
Санкт-Петербург,
Сенная пл., д.3.
Тел.: 8(812)570-22-23

Часы работы:

Пн	— с 10.00 до 19.00
Вт	— с 10.00 до 19.00
Ср	— с 10.00 до 19.00
Чт	— с 10.00 до 19.00
Пт	— с 10.00 до 19.00
Сбб	— с 10.00 до 18.00
Вскр.	— выходной
Двунадесятые праздники	— выходной

Здесь можно приобрести журнал «Родная Ладога»

Илья ГЛАЗУНОВ

МУЗЫКА ЗВУЧИТ

Илья Сергеевич Глазунов — родился в 1930 г. в Ленинграде. Ректор Российской Академии живописи, ваяния и зодчества. Действительный член Российской академии художеств, профессор, народный художник СССР, почетный член Королевских Академий художеств Мадрида и Барселоны, кавалер «Золотой медали Пикассо» награды ЮНЕСКО за вклад в мировую культуру. Лауреат премии Джавахарлала Неру, лауреат Государственной премии Российской Федерации. **Живет в Москве.**

Продолжаем публикацию литературных материалов народного художника Ильи Глазунова, посвященных важнейшим в наше время вопросам — вопросам художественного творчества. В своей многоплановой книге «Россия распятая» всемирно известный живописец задумывается над тем, для чего вообще живет художник, для чего творит, к чему стремится, — если не для удовлетворения своих временных амбиций, а во имя непреходящего — только тогда он приближается к истинным основам и вершинам творчества. Предлагаемое литературное повествование, кажется, не претендующее на серьезные научные обобщения, не изобилующее философской терминологией — по своей эмоциональной силе, сердечной правдивости, исконной русской духовной мудрости приближается к достойным образцам национального литературного творчества, всегда отличающегося особой силой художественного образа, которому автор верен и на живописном поприще. Подготовленный материал тем более интересен, так как посвящен музыкальному искусству.

По согласованию с автором, Ильей Сергеевичем Глазуновым, мы публикуем главы из книги «Россия распятая» (издательство «Голос-Пресс», Москва, 2008).

Напротив Русского музея, в бывшем здании Дворянского собрания, находится филармония. Как любили мы, уставшие от лекций, в приподнятом настроении входить в зал с роскошными колоннами и люстрами! Я с замиранием сердца ожидал мгновения, когда дирижер взмахом своей палочки вызовет к жизни невидимые миры волшебных созвучий,

подчиняющие волю человека так, как не может подчинить ее даже реальное физическое насилие. Музыка — самое магическое, самое могучее таинство человеческого духа. Не случайно еще в Древнем Египте музыка была под жестким контролем. Жрецов, понимавших ее великое воздействие на людей, а на Кавказе, в Абхазии, согласно древней традиции, музыкой лечили больных.

Бетховен утверждал, что главное для творца — быть добрым. «Чувства добрые я лирой пробуждал», — говорил наш Пушкин. Великий итальянец Джильи с детства помнил слова своей матери: «Если хочешь быть хорошим певцом, будь добрым человеком». И как же много зла в «современном» искусстве XX и XXI веков!

В век деградации мировой культуры стремление к духовному совершенству заменено погоней за материальными благами. Живопись порой доведена или до уровня рабского фотографирования мира, исключаящего дух творчества, или до ребуса без ответа в абстрактном формотворчестве, когда произвол «самовыражения», согласно диктату моды, выдается за свободу индивидуальности. Скульптура деградирует до так называемой инсталляции или муляжа из паноптикума или бессмысленное нагромождение из металлолома; «окаменевшая музыка» архитектуры заменена инженерной конструкцией, которая даже не функциональна. Чудо красоты женского тела низведено или до уродства, или до уровня порнографии. Все на продажу! «Деньги — товар — деньги!» Рынок...

* * *

Велико значение для мира музыкального наследия Европы и России прошедших веков. И сегодня мы не можем представить свою жизнь без музыки Баха, Моцарта, Бетховена, Вивальди, Альбини и других гениев. Мир обеднел бы также, если бы у него отняли творения русских национальных гениев — Чайковского, Рахманинова, Бородина, Мусоргского, Глинки, Скрябина, Римского-Корсакова — всех не перечесать. Мне особенно дороги православные русские церковные песнопения, которые не только являются мостом молитвы между Богом и нашим грешным миром, но и объясняют, что такое понятие Соборности, где все мы, разные, сливаемся воедино, молясь Всемогущему Господу, славя Его и прося Его, Человеколюбца, спасти и помиловать нас. Из глубины седой древности до наших дней проистекает живительная вода родников и святых источников русской народной души, позднее слившихся воедино с верой православной. Судьба русской церковной музыки, по моему убеждению, неотрывна от сопутствующего ей в храме творчества иконописцев допетровской Руси, а позднее русской религиозной живописи XIX века Васнецова и Нестерова. Но думаю, что митрополит Макарий и Иван Грозный были правы, когда Стоглавый собор 1555 года обязал русских иконописцев следовать канонам иконописания Андрея Рублева, ныне канонизированного Русской Православной Церковью. И памятно мне молитвенное восхищение древнего византийца, сказавшего о Сергии Радонежском, когда он побывал на Святой Руси: «Откуда в земле русской светильник сей?» Поистине велико духовное наследие Сергия Радонежского для русского народа и государства. Свыше семисот лет русская православная икона, как и церковное песнопение, не изменяли святоотеческим канонам.

Как святыню, храню я поморскую рукописную книгу XVII века, подаренную мне Федором Антоновичем Каликиным, моим наставником в понимании горного мира русской иконы. Небольшая, в черном кожаном переплете с медными застежками, она изумляет высоким мастерством графического искусства. Какие затейливые буквы, как радостно и чудно цветут причудливые травы на орнаментальных заставках! Над буквами, напоминающими клинопись, располагаются неведомые мне знаки.

«Это древнерусские ноты — крюки, — пояснил Каликин. — Сейчас всему миру известны великие художники Древней Руси, а наши Рублевы в музыке до сих пор в забвении. И фактически большинство наших музыкантов и композиторов их не знает, несмотря на то, что более ста лет некоторые наши ученые ведут работу по изучению великого наследия древнерусской музыки, имеющей многовековую историю. Ведь мало кто знает, что грозный царь Иван Васильевич был не только поэт, но и композитор. Сейчас даже в колокола запретили звонить, а когда-то все русские дети за честь считали петь в церковном хоре. Сам Суворов пел на клиросе!»

«Но неужели до сих пор никто не овладел тайной прочтения древнерусских нотных знаков?» — спросил я.

«Пока нет такого человека в мире, который постиг бы эту мудрость. Только нотная система уже второй половины XVII века доступна нам, да и то дальше кабинета ученых не идет», — сказал Федор Антонович сокрушенно.

И в самом деле, ученые спорили и спорят о происхождении, начале и путях развития русской средневековой музыки. Древняя Русь создала величайшую культуру, выраженную в зодчестве, литературе и живописи. Что мы знаем о церковной православной музыке? А на Руси ее любили и знали в ней толк. Например, былинного героя Василия Буслаева отдавали учить искусству пения. «Пение ему в науку пошло, а и нет таких певцов у нас, в целом славном Нове-городе супротив Василия Буслаева».

А Садко завораживал, подобно Орфею, своей чарующей игрою на гуслях людей, зверей и даже мир подводный!

*Не имел он золотой казны,
А имел он гусельки яровчатые...*

Напомню читателю, как мой знакомый поэт рассказал мне о старике, который в конце 60-х годов на Псковщине подарил ему свои гусли. Дарил и плакал: «Оставался я последний гуслиар, стар стал, света белого не вижу, умру скоро». Его дрожащие старческие руки последний раз любовно коснулись струн. «Ах вы, гусли, гусли-гусель-чики мои, заиграйте вы, гусли, при мне...»

В наши дни, правда, появились ансамбли гуслиаров, разодетые в якобы народные костюмы, придуманные современными дизайнерами и модельерами. Да что говорить! По сей день не воспроизведена и находится в забвении большая часть записанных еще от живших в те давние годы сказителей подлинных былин русского Севера. В Пушкинском Доме в

Ленинграде говорили мне, что даже есть записи Рябинина, портрет которого писал И. Е. Репин. По своему произношению, ритму и музыкальному звучанию наши древние былины напоминают поэмы Гомера и уходят в далекую древность бытия арийской прародины. Слушая в записи подаренные мне Индирой Ганди древнейшие гимны Ригведы, обращенные к Варуне, наши фольклористы из Московского университета подумали, что это старообрядческое поморское церковное пение и датировали его XVII веком. Есть о чем задуматься... Кстати отмечу, что абсолютно забытый великий русский ученый XIX века А. Д. Чертков, погруженный в историю древней славянской расы, немало написавший о славянах пелазгах и также славянах фраках, этрусках и даках, от которых многое заимствовали в своей культуре древние греки, утверждал, что Орфей был фраком по рождению. Сюжет странствий Орфея и его любви к Эвридике послужил Глюку для создания столь любимого мною с юности музыкального произведения:

*Потерял я Эвридику
Эвридики нет со мною...*

А многие художники-караваджисты Европы изображали драматическую сцену, где змея смертельно жалит возлюбленную поэта.

Напомню, что в древнейшие времена на Руси существовали две самостоятельные нотации (системы нотных знаков) — кондакарная и знаменная. Первая из них была совершенно забыта, и даже ключ к ней, по мнению исследователей, потерян. Вторая же имела гораздо большую жизненную силу и, пережив татарское иго, послужила основой для знаменной нотации (крюковое письмо). Советский музыковед В. Беляев утверждал, что знаменная, или столбовая, нотация является русским изобретением, «поскольку и по принципу ее строения и по значению ее знаков не сходна ни с греческой, ни с иными видами безлинейной нотации».

С конца XVII века началось активное проникновение на Русь западноевропейской культуры, что привело к столкновению двух ветвей культуры — старорусской и новой, европейско-католической. В иконописи это характеризуется явлением Ушакова, а в музыке появлением новой системы нотной записи, где напев излагался двумя нотациями — в две строки. Так называемые двое-знаменники дают ключ к пониманию древней нотации, как бы переводят «крюки».

Древняя Русь знала такое учреждение, как придворная капелла, члены которой назывались «государевыми дьяками». В XVI веке, например, пение входило в программу воспитания детей и юношества. В Москве существовала специальная школа пения Сильвестра Медведева. А известных новгородских «распевщиков» (певцов) Иван Грозный вызывал в Москву.

* * *

С великого Государя Николая I русское общество в лице своих лучших представителей национально мыслящей интеллигенции начало жадно собирать народные сказания, былины и песни.

Когда я думаю о народности музыкальной культуры, с благодарностью вспоминаю подвижников-пропагандистов народного хорового пения. Имена их все более и более забываются...

Одним из страстных пропагандистов истинно русской народной песни был Митрофан Ефимович Пятницкий. Как-то у букиниста мне встретилась книга, на обложке которой были изображены русские крестьяне в народных костюмах. Книга называлась «Концерты Пятницкого с крестьянами». Перелистывая ее, я еще и еще раз думал о том, как мало знаем мы об истоках нашей древней музыкальной культуры, а ведь песня — воистину душа любого народа. Не могу удержаться, чтобы не познакомить читателя с небольшими выдержками из этой, еще до революции изданной, книги.

«Вся музыкальная Москва приходила слушать концерты Пятницкого с крестьянами. Музыкальные критики помещали на столбцах московских газет восторженные отзывы: “Песни, исполняемые крестьянами, очень интересны и по словам и по напевам; среди них есть прямо жемчужины, но особенную окраску и значение они получают в народном исполнении...”»

«Громадная заслуга М. Е. Пятницкого именно в том, что он привез поющую деревню из медвежьих уголков сюда, в сердце России, оторванное от этих уголков. Песни удивительно стройно и хорошо поют, так поют именно для себя, в силу накопившейся в груди потребности — петь...»

«Искатели новых форм музыкального творчества забрели в тупик, запутались в хитрых комбинациях хроматических модуляций, энгармонических замен, гармоний на тоновой гамме и проч. Но они слепо не видят, что есть новая оригинальная область, открывающая огромные перспективы, — русская песня. Здесь могут быть найдены новые законы гармонии, дано новое направление искусству, здесь — новый источник вдохновений...»

Не правда ли, читатель, как злободневно звучат эти слова сегодня, когда мы живем в мире, где попорчены все проявления народного искусства, столь чуждые массовой безликости стандартов шоу-бизнеса.

В глухих, заброшенных деревнях, тогда еще хранящих живые предания далекой старины, Пятницкий отыскал и соединил вместе народную песню — и художников этой песни, живущих ее образами. Музыкальные полотна его хора, словно былины, напоминали слушателям, что русская земля рождает великих правителей и могучих богатырей, воплощений народного разума, духовной и телесной мощи. Песни изумительного хора всегда живут в сердце каждого, кто любит шум наших лесов, родное русское приволье лугов и полей, ясную гладь наших рек, кто сохранил идущее из глубины веков чувство молитвенного восторга перед красотой Божьего мира. Никогда не исторгнутся из души моей певучие и могучие старые русские песни и древние церковные молитвенные песнопения!

И еще одно важное обстоятельство. Благодаря деятельности Митрофана Ефимовича Пятницкого во многом разрушилось представление о примитивности и «несложности» русской песни. Русская народная музыка, как и всякая национальная культура, выработала в течение веков высокие и непреходящие художественные ценности.

Песня — правда, говорит народ. В старину русские крестьяне говорили музыкальным языком, близким к языку творцов древне-славянских песнопений, возносящих хвалу Всевышнему. Русский народ без помощи

иностранных учителей и книг создал целый ряд музыкальных средств, которыми по сей день пользовались наиболее серьезные и талантливые наши композиторы. Разве это не удивительно? Думается, ни у одного народа нет таких богатых в гармоническом отношении песен, как песни русские. Обстоятельство это — общепризнанный факт.

К сожалению, нас вынудили так удалиться от живительных истоков русской народной музыки. А какой фурор в начале XX века произвел оркестр балалаечников Андреева! Даже чопорный Лондон стоя аплодировал этому чуду нашей русской самобытности. А ведь именно у него «позаимствовал» тему Лары автор музыки к всемирно известному фильму «Доктор Живаго». Незадолго до революции наша национально мыслящая молодежь издавала нигде ныне не упоминаемый журнал «Вешние воды», где я прочел восторженную и обстоятельную статью о триумфе великого Андреева и его подлинно народных музыкантов.

Общеизвестны своим значением для мировой культуры русские сезоны в Париже, организованные Дягилевым. По сей день мы не осознаем, а иногда и не желаем признавать великую светоносную роль явления русской культуры, вдохнувшей новую жизнь в сумерки Европы.

...Будучи за границей в гостях у известного итальянского композитора, я услышал «русский реквием», то есть, по-русски, панихиду, записанную на пластинку, которую хозяин поставил специально для сравнения с реквиемами Моцарта и Верди. Пел хор белых казаков под управлением Жарова. Не могу передать всю силу впечатления от нашей православной панихиды по убиенным за Отечество на поле брани! Мужественная скорбь, рыдание народной души, вековое страдание по верным павшим сынам России... Мы были потрясены глубиной и строгой напевностью древних мелодий, столь близких высотой своего духа бесценным откровениям всемирной музыки.

Там много лет назад я узнал о том, что весь мир издает в пластинках «Сокровища мировой классики» творения русских, порою безымянных композиторов, о которых я никогда не слышал на Родине! Хорошо в свое время диктатура пролетариата насаждала воинствующее безбожие! Все, что связано с церковью, подлежало запрету и забвению... как опиум для народа! И мне тогда думалось: почему мы можем слушать, знать, исполнять и пропагандировать западную католическую религиозную музыку — и при этом предавать полному забвению свою православную русскую музыку средневековья?

К счастью, многое переменялось у нас с тех пор. Продаются пластинки и компакт-диски с русской и византийско-греческой православной церковной музыкой, от древних песнопений до XX века, когда в церкви пел ектенью великий Шаляпин. Строятся и реставрируются храмы и монастыри, работают иконописные артели. Уповаем, что пастыри русской православной церкви не допустят губельного для церкви Христовой «ереси ересей» — экуменизма, насаждаемого ныне в мире.

Меня когда-то хлестнул по сердцу афоризм Фридриха Ницше: «Каждый великий народ имеет великие песни. Но почему же русские имеют великие песни?» Типичное для немца высокомерие и нежелание признать за русскими право быть великими — даже в музыке...

Еще в советское время, особенно в годы войны и после нее, народ пел свои любимые песни, и с этим не могли не считаться ни советс-

кие композиторы, ни руководители идеологии. Сегодня все изменилось. У Ницше уже не возникло бы вопроса ни о великих русских песнях, ни о великом народе. Попса — стало понятие интернациональное; наши песни погребены в однообразно-безликом грохоте и примитивности хитов шоу-бизнеса, и сезоны Большого театра уже обычно не начинаются с оперы великого Глинки «Жизнь за царя» (переименованной в «Ивана Сусанина»). А ведь именно он первым воплотил живую мелодику великорусской песни в своей музыке. С него началась блистательная эра национальной русской оперы.

Отметая феерии солнечных итальянских опер-маскарадов, русские композиторы создали оперы-драмы, исполненные высочайшей духовности, обращенные к исторической памяти народа. И мне понятна творческая близость двух гениев музыки — Модеста Мусоргского и Рихарда Вагнера, открывших новые пути развития европейской оперы, черпающей вдохновение и многообразие замыслов в народном эпосе, сказаниях и легендах. Как до Сурикова у нас не было исторической народной драмы в живописи, так до Мусоргского не было народно-исторической музыкальной драмы. «Не музыки нам нужно, не слов, не палитры, не резца; нет, черт бы вас побрал, лгунов, притворщиков с *tutti quanti* (все прочие. — *И. Г.*) — мысли живой подайте, живую беседу с людьми ведите, какой бы сюжет вы ни выбрали для беседы с ним», — провозгласил Мусоргский. Музыка гениального композитора, стремившегося к изображению «тончайших черт человека», распахнувшего драму нашей истории, ширь души русской, явила огромный размах эпических характеров и стала совершенно новым и пока последним значительным словом во всемирной оперной музыке.

Под стать Мусоргскому гениальные композиторы Бородин и Римский-Корсаков, они, как и Чайковский, творцы бессмертной музыки, имена которых знают и восхищаются во всем мире.

Мистически одержимый Скрябин, которого я так любил в юности, верил в магическую силу искусства, способную изменить мир. Его «Прометей» и «Поэма экстаза» производили ошеломляющее воздействие на современников. Наверное, нечто похожее ощутил и художник Валентин Серов, слушая в Байройте оперу Р. Вагнера «Гибель богов». Побледнев, он сказал «Вагнер вплотную приблизился к постижению тайны жизни и смерти на земле».

Любя всей душой гениального Рахманинова, я все глубже понимаю, почему он, оказавшись в изгнании, оторванный от России, не смог создать больше ничего равного своим фортепьянным концертам. Так Антей, оторванный от родной земли, терял свои силы...

Я уже писал, что в моей мастерской во время работы всегда звучит музыка. Особенно я люблю слушать после русских композиторов Шумана, Франка, Грига, лишь недавно узнал, что «Венецианское адажио» Альбини, столь не похожее на другие его сочинения, он создавал, имея в руках старые византийские ноты, привезенные крестоносцами из разгромленного ими Царьграда.

Егор ИСАЕВ
**«ПОД СВОДОМ
ПАМЯТИ»**

Георгий Александрович Исаев — родился в селе Коршево Воронежской обл. После начала Великой Отечественной войны вместе со взрослыми рыл противотанковые рвы. В Красную Армию призван в 1943 г. Накануне своего 19-летия в составе войск 1-го Украинского фронта участвует в Берлинской наступательной операции, а затем в освобождении Праги. В 1950 году поступает в Литературный институт им. М. Горького и заканчивает его с отличием, работает в издательстве «Советский писатель», его избирают секретарем СП СССР. Произведения переведены на многие языки мира. Лауреат Ленинской премии, удостоен звания Героя Соц. Труда, награжден орденами Красного Знамени, Отечественной Войны и др. В период 1984–1989 годов избирался депутатом Верховного Совета СССР. Автор многих книг стихотворений. **Живет в Москве.**

От неба над страной
И до тетрадки школьной
Он весь берестяной
И великоглагольный.
Смысл без него немой,
И безымянны вещи...
Он с детства твой и мой,
И всенародно вещей.

О СЛОВАХ

Все слова, слова, слова...
Год семьи — не год, не два,
А года, года, года...
Это то, что навсегда.
Это больше, чем награда.
Агитировать не надо.
Был бы смысл и было б дело,
Был бы слог души и тела.

* * *

Как человек,
я не свалился с полюса:
Имею право собственного голоса.
Имею право собственного шепота.
Сдаюсь мечте и поклоняюсь опыту.
А если что — иду с копьём на змея.
Я — гражданин.
Я с детства честь имею.

ПЕРЕЧИТЫВАЯ «ТЕРКИНА»

Так скажу вам, судари,
Сердцем с-под руки:
Мы ребята с придурью,
Но не дураки.
Для добра открытые,
На поклон — поклоном,
Но... спросите Гитлера
И Наполеона.

ОСТОРОЖИСЬ, ДУША!

Опять, опять сомноженные силы
Всем Западом
придвинулись к России,
Грозятся с боевого рубежа.
Опомнись, ум, осторожись, душа!

РАЗВЕРСТКА

А нас в живых осталось меньше горстки
От всех фронтов. Такая, брат, разверстка.
Да, мы и тут, в кругу родных и близких,
И там, недалеко от обелисков.
Еще чуть-чуть, еще, еще полшага...
Нам вечный сон, а правнукам — присяга.

ИМ НЕФТЬ НУЖНА

Какое отвратительное свойство
Считать себя вершиной превосходства.
Им нефть нужна, им нужен свет и газ.
А нас куда? Их Северный альянс,
Он рядом вот. Уже без всяких призм
Видать его улыбчивый фашизм.

РАЗМАХ ЖУРАВЛИНЫХ КРЫЛЬЕВ

Согласен, друг: клин вышибают клином,
И не простым, причем, а журавлиным.
Такое тоже иногда бывает —
Беспамятство тем клином вышибают
В пути от человека к человеку,
Под сводом памяти от века и до века,
От войска Невского у озера Чудского
До Сталинградской армии Чуйкова,
У волжских круч, в окопах и руинах...
Такой размах у крыльев журавлиных.

СЕДОЙ АККОРДЕОН

За годом год идет, идет за вехой веха...
И вдруг как будто я свернул за угол века
И замер вдруг на переломе света:
Передо мной она, сама Победа,
Сидит на стульчике у каменных ворот.
Вокруг Москва торопится, снует, —
Гудят машины, плещется неон,
А он, мой друг, седой аккордеон,
Кричит на все лады и ордена:
Не забывайте, что была война!

ПОБЕРЕГИТЕ МУЖИКА

Не знаю, как там будет, а пока
Нет на земле главнее мужика.
В любом краю и при любой погоде
Он вместе с солнцем на земле восходит.
И отрицать такое было б глупо.
Поберегите мужика, главпумы.

СГОРАЕТ ДЕРЕВНЯ

По всей по России от края до края
Сгорает деревня, сгорает, сгорает, —
В чаду самогонном безмолвствуют клубы:
Погосты — на прибыль, роддомы — на убыль,
На убыль моторы, в раскройку гектары,
Под нож под убойный стада и отары...
Молчит колокольня в подспудном накале.
Одна телебашня всю зубоскалит.

НА КРАЙНИЙ СЛУЧАЙ

Даю совет на случай самый крайний
Как рядовой солдат и командир:
Уж если что — воюйте на экране,
А за экраном сотворяйте мир.
Иначе в свете будущих веков —
Ни матерей и ни материков.

ПРОСТОЕ ЖЕЛАНЬЕ

А скорость мне зачем?
Мне б только спозаранку
Найти бы где скатерку-самобранку.

И, взяв клюку, пройти бы шаг за шагом
По всем полям, по рощам, по оврагам,
И все родное удержать во взгляде
Не ради слов, а первородства ради.

СОГЛЯДАТАЙ НЕБА

Особой скорости мне, собственно, не надо.
Мне только бы уйти вдаль своего же взгляда:
За шагом шаг уйти и снова шаг за шагом
В безмолвие холмов и в клинопись к оврагам,
Родной страной пройти, объемля быть и небыль.
Я — человек земли и соглядатай неба.

ПОЭЗИЯ

Владимир СИЛКИН «НА ТРЕТЬЕЙ, ПОЧТИ МИРОВОЙ...»

Владимир Александрович Силкин — родился в г. Рязске Рязанской обл. в 1954 г. Заслуженный работник культуры РФ, секретарь Правления и председатель Комиссии по военно-художественной литературе СП России, заместитель председателя Правления Московской городской организации, член Исполкома Международного сообщества писательских союзов, директор Военно-художественной студии писателей Министерства обороны России. Лауреат многих международных и всероссийских литературных премий. Автор более 25 книг стихотворений, эссе, песен. Кавалер ордена Почета. Почетный гражданин города Рязска. Кандидат педагогических наук. **Живет в Москве.**

* * *

Встал, а осень под окном,
Хоть и не было намека.
В летнем модуле моем
От дождя намокли окна.

Все дороги развезло,
И на них танцуют листья.
Я не знал, что в этот год
Эту землю буду грызть я.

Через час начнется бой,
Будет дождь за ворот литься.
Что начертано судьбой,
То, наверное, случится.

Может быть, возьму в прицел
Я того, кто в друга целил.
Я в боях остался цел,
А мы столько соли съели.

Выходили из огня,
Выходили на растяжки.
Друг в горах спасал меня,
Друг поил меня из фляжки.

Не спасла его броня,
Не помог житейский опыт...
Долго ж целится в меня,
Хмурый снайпер из окопа.

ПАЦАНЫ

Нательных крестов не снимают
На этой войне пацаны,
И все-то они понимают
В невнятных оценках войны.

И все-то они понимают,
И все им уже не впервой,
В походных колоннах хромают
На третьей, почти мировой.

Кровь выплунут горные реки
И станут от счастья сиять,
Но горько, что будут калеки
В столичных подземках стоять.

Кого-то запишут в святые,
Кого-то увидят в аду,
Но будет единой Россия
В две тысячи этом году.

МОЗДОКСКАЯ МОЛИТВА

Виктору Верстакову

Молятся сержант и подполковник,
Льются слезы догоревших свеч.
Может, ведь, случиться и такое —
Им в бою придется завтра лечь.

Белый голубь на оконной раме
Внемлет им, стоящим в тишине,
И в Моздокском православном храме
Осеньет павших на войне.

Мнится мне, что он посланник Бога,
Чист как снег, как зимняя вода.
Божья птица, я прошу немного —
Не спеши забрать их навсегда.

ТИШИНА В ОТСЕКАХ

Светлой памяти экипажа АПЛ «Курск»

Захлебнулось Баренцево море
Мертвою титановой волной,
И Россия, черная от горя,
Мысленно в пучине ледяной.
Там еще стучат сердца с надрывом,
Там не верят в свой последний час,
И реактор заглушив до взрыва,
Умирая, думают о нас.
Не слышны в его отсеках крики,
Глушит боль щемящую волна,
И бессильно смотрит «Петр Великий»:
— Что же ты наделала, страна?

ЗЕМЛЯ И НЕБО

Борису Кудинову

Роняет небо самолеты,
И вновь погибшим нет числа,
А из-за туч взирает Кто-то
На наши скорбные дела.

Земля почти не отдыхает
От потрясений и невзгод,

Она лишь горестно вздыхает
Который год, который год...

Она пока народы носит
И остается нам родной,
Но срок придет, она же спросит:
— Да что ж вы сделали со мной?

РОДИТЕЛИ

Улетят перелетные птицы,
И разъедутся сотни гостей.
Ничего, поглядеть, не случится,
Лишь проводят в столицу детей.

Раздадут им соленья-варенья,
И прижавшись друг к другу в ночи,
Будут слушать сверчка и поленья,
Говорящие в белой печи.

ПОЕЗД

Памяти родителей

Серый поезд пронзает леса,
Растворяется искрами в поле,
И летят из него голоса,
Но такие родные до боли.

И я знаю, отец мой и мать
От меня навсегда уезжают.

Разговора никак не понять,
Рельсы — слов уже не приближают,

Снова сядут на хлеб и картошку,
Станут письма веселые ждать,
И глядеть сквозь пургу из окошка,
Где опять ничего не видать.

ДАЛЬ ЗОВУЩАЯ

Чем к родине ближе, тем дали светлей,
Тем больше тепла и свободы,
Все явственней слышишь средь сонных полей
Свое отшумевшие годы.

Случайно взглянул на чужой календарь —
Да я же из прошлого века,
В котором остались зовущая даль
И два дорогих человека.

Я раньше грустил, а сегодня тоска
Все зримей по отчему краю,
И камень свой я, как Сизиф, сквозь века,
К родному порогу толкаю.

ДО ПОРЫ

Не раз, умаявшись в пути,
Кляня себя, кляня дорогу,
Шептал я: «Господи, прости!»
И обращал молитвы к Богу.

И снисходила благодать
В мою измученную душу.
Готовый заново страдать,
Я Божий глас смиренно слушал.

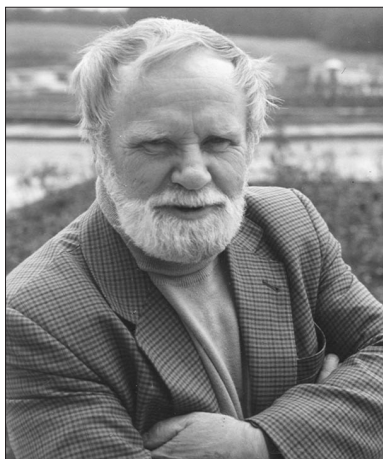
И сокращался долгий путь
В страданиях бранных понемногу,

И мне являлась жизни суть,
Что все под звездами — от Бога.

И птичий гомон на заре,
И лай собаки у овина,
И снег веселый в октябре,
И тонконогая рябина.

И смех звенящий детворы,
И пламень солнца на рассвете...
Все-все от Бога до поры,
До той поры, что Он наметил.

История и современность

Василий БЕЛОВ ДОГОРАЮЩИЙ ФЕНИКС

Василий Иванович Белов — родился в 1932 году в деревне Тимонихе Вологодской области. Учился в школе ФЗО, работал столяром, электромонтером, окончил Литинститут. Признанием его заслуг стало присуждение Гос. премии СССР, Гос. премии РФ в области литературы и искусства, награждение орденами — Трудового Красного Знамени, Ленина, «За заслуги перед Отечеством» и Преподобного Сергия Радонежского. Близ своей деревни Тимонихи он восстановил разрушенную церковь Успения. Собственноручно настилал полы, сделал по всем канонам престол, иконостас. В течение трех лет вкладывал свои сбережения в восстановительные работы. И сейчас в церкви открыт приход. **Живет в Вологде**, но часто и подолгу бывает в родной Тимонихе.

С чего начиналось уничтожение вековой крестьянской культуры? Конечно, с попытки окончательного уничтожения религиозного православного сознания.

Большевики наивно предполагали, что с физическим уничтожением православных священников и православных храмов исчезнет и православное сознание. Гражданскую войну они продолжили войной против Церкви, что неминуемо привело их к новому противостоянию с русским (и не только русским) крестьянством, а следовательно, и крестьянской культурой. Тысячи монастырей были переоборудованы в тюрьмы и концентрационные лагеря. Тысячи каменных церквей и соборов были взорваны и разобраны. Тысячи деревянных часовен были превращены либо в агитпункты, либо в ларьки для алкогольной торговли. Те культовые здания, что остались, были закрыты и осквернены.

Но храм для крестьянской общины (деревни, села, прихода) был средоточием жизни. Вокруг него формировались не только духовное поле, культурно-бытовая аура, но даже и чисто материальная, архитектурная среда. Вертикаль, венчающая деревенский пейзаж, являлась зримым, вполне осязаемым воплощением вертикали бытовой и культурной. Деревенские природно-стихийные певцы естественно участвовали в церковных хорах, изучали нотное пение, художники не только любовались церковной живописью, но и сами тянулись к творческому созиданию, к чему-то более высокому и совершенному. Суворин, редактор дореволюционной газеты «Новое время», в письме к философу и писателю В. В. Розанову напоминает, что лишить Россию православия — это все равно, что лишить каждую де-

ревню оперного театра. (В таком сравнении чувствуется смещение в иерархии ценностей, но оставим это на совести самого Суворина.)

Одной из главных задач большевистского Агитпропа, а также Союза безбожников, возглавляемого Ем. Ярославским, было разорвать годовое кольцо православных праздников. Для этого в сельский и городской быт всеми силами внедрялись новые атеистические праздники вроде дней международной солидарности. Затем, уже при Хрущеве и Брежневе, то и дело учреждались всевозможные «дни», вплоть до Дня торговли, милиции, нефтяника и т. д.

Надо признать, что задача, поставленная Ярославским, не была решена. Праздники, которые русским народом праздновались со времен св. Владимира, остались в народном быту. Их можно было уничтожить только вместе с самим народом, к чему стремились большевистские культуртрегеры, что, на мой взгляд, в значительной степени и произошло.

Отмена традиционных праздников в России была всего лишь частью централизованной борьбы с крестьянской культурой, проявляющейся в земледелии, в строительстве, в художественных промыслах, в семейном укладе, в песенном творчестве и т. д. Преследовались даже традиционная народная пляска и традиционные музыкальные инструменты. Но главный удар по русскому народному творчеству нанесли клубная деятельность и так называемая художественная самодеятельность. С помощью клубов, избчитален, «красных уголков» большевики взяли под властный централизованный контроль всю крестьянскую культуру да, пожалуй, и всю народную жизнь. Коварство заключалось в том, что клубная сцена тотчас разделила народ на исполнителей и зрителей. Если раньше такого разделения не было, если в уличном хороводе участвовали буквально все и это не противоречило лидерству и проявлению индивидуальной талантливости, то теперь большинству народа отводилась пассивная роль зрителей. Сцена, клубные подмостки четко противопоставили активного исполнителя и пассивного слушателя (зрителя). Эта активность меньшинства имела зачастую политический оттенок. Без уличного всенародного хоровода или гулянья творческие задатки большинства подсыхали на корню, вырабатывалось стойкое культурное иждивенчество. Другая (малая) часть населения, представленная так называемой «художественной самодеятельностью», развращалась под всеобщим вниманием, а под усиленным идеологическим контролем сверху быстро теряла свой культурный и творческий потенциал. С появлением радио и кинематографа клубная деятельность захирела и сузилась.

Особенно значительными оказались потери крестьянской культуры в музыкальной сфере и в сфере художественных промыслов. За короткий срок почти совсем исчезла великая стихия русского мелоса. Через кино, радио и телевидение была навязана иная музыкальная стихия, чуждая не только крестьянскому, но и всему народному духу, его менталитету, как принято сейчас говорить.

Традиция русской крестьянской общины совмещала (и очень прочно) бытовые, трудовые, религиозные, фольклорные особенности крестьянской жизни. Взаимосвязь, тесное и причудливое переплетение одного с другим, невозможность существования одного без другого — характерная черта всей крестьянской культуры. Труд не выделялся из быта в нечто самостоятель-

ное. Все бесчисленные формы и проявления можно смело назвать трудом, и, наоборот, большинство трудовых процессов на гумне, в поле, в доме имели фольклорно-бытовые и потому неназойливые черты, благодаря чему даже тяжелый мускульный труд приобретал свойство не тяжелой обязанности, а лишь повседневной привычки. И все это сопровождалось словесным, музыкальным, изобразительным и прочим творчеством, все дополняло и усиливало друг друга, образуя прочнейший монолит народной культуры. Сложная многокрасочность, «кристаллическое», так сказать, многообразие, многогранность составляющих ничуть не вредили единству. Наоборот — содействовали. Большевики в жажде *рационального упрощения* устранили многообразие крестьянской жизни. Сократились и выпцвели не одни только праздники, обеднели и сами будни. Молот технического прогресса довершил дело: крестьянская культура начала стремительно растворяться в едких растворах технической цивилизации. Коллективизация и нарочитая урбанизация, судорожная «тракторизация» и безграмотная химизация — все эти неестественные процессы были навязаны крестьянству извне, навязаны централизованно и весьма настойчиво. Насилие над крестьянской культурой, навязывание народу иного жизненного стиля, иных поведенческих мотивов отнюдь не ограничились периодом коллективизации и раскулачивания (1928—30 гг.). Менялись лишь формы угнетения и способы грабежа. Реквизиции, расстрелы и тюрьмы дополнились лесозаготовками, трудгужповинностью, налогами и поставками.

Война, разумеется, усугубила физические и нравственные страдания русского, украинского и белорусского крестьянства, ускорила его численное сокращение. Геноцид продолжался. Методы Розенберга (его теоретические изыскания и рекомендации оккупационным немецким властям) по сути не противоречили недавним действиям Кагановича на Украине и Юге России.

После войны сидевшие в ученых и управленческих креслах наследники Троцкого—Кагановича продолжили классовую линию по отношению если не ко всему крестьянству, то по крайней мере к народной, крестьянской культуре. В экономическом смысле эти деятели лишь трансформировали политику 30-х годов. Коллективизация продолжалась на ином уровне. Шло как бы перманентное раскулачивание. При Хрущеве государство раскулачивало уже не семьи, как бывало в 28—30-х годах, а раскулачивало, объединяло (коллективизировало) уже сами колхозы. Чуть позже по рекомендации группы ученых (под руководством академика Заславской) правительство объявило *неперспективными* многие тысячи крестьянских селений. Что значила эта псевдоурбанизация при жесткой плановой экономике — не так уж и трудно представить. В моем родном Харовском районе с 1950 по 1982 год число крестьян сократилось более, чем в два раза (в 1959 г. было 30,5 тысячи, в 1982 — 14,5 тысячи). Примерно за это же время (плюс военное время) в Вологодской области пашенная земля (несмотря на все возрастающее количество тракторов) сократилась на 400 тысяч га, заросло кустарником 250 тысяч га покосов, площади пастбищ, по данным ЦСУ, уменьшились с 815 тысяч до 317 тысяч га.

В послевоенной деревне условия стойкой оседлости были окончательно уничтожены. Вымирание и миграция крестьянского населения настоль-

ко ослабили общинные и семейные связи, что преемственность поколений в трудовом, нравственном и художественном воспитании молодежи совершенно исчезла. Сократилось число детей в семьях. Участились разводы, стала модной супружеская неверность. Ужасающую бедность правящие круги уравнивали массовым спаиванием: эта дьявольская симметрия создавала видимость социальной устойчивости. (Цифры, характеризующие потребление полугодным народом крепких алкогольных напитков, фантастичны). Нравственное и физическое изнурение крестьянства усилено было двойной, совершенно непосильной трудовой нагрузкой — днем надо было работать в колхозе (для содержания городов и рабочих поселков), вечером и ночью — на приусадебном участке (для собственного жизнеобеспечения). Но даже в такой обстановке, когда нечего есть, не во что обуться, когда физическая усталость и просто нет свободных минут, не обрывалось в нашем народе извечное стремление к добру и ко всему прекрасному...

Беспристрастной науке еще предстоит изучение интереснейшего явления в государственной политике пришедших к власти марксистов. Речь идет о постоянном несоответствии интересов большевистского Агитпропа экономическим устремлениям правительства. Это противоречие сказывалось повсюду и на каждом шагу. Почти все действия Союза безбожников, ЧеКа, движения «Синяя блуза», комсомола, юных пионеров и прочих более мелких подразделений Агитпропа, который насаждал так называемую «новую» и выкорчевывал так называемую «старую» культуру, шли во вред экономическому здоровью общества, хозяйственному благополучию государства. Экономические успехи, достигнутые не без помощи штурмовщины, кампанейщины, каких-то партизанских наскоков, то и дело оборачивались провалами, бесполезной тратой народной энергии.

Марксистская идеология вошла в жесткое противоречие с народной, в том числе с крестьянской культурой. Стройная многоступенчатая система идеологического оболванивания, руководимая космополитской верхушкой, опиралась на местных активистов. Умный и от природы талантливый активист испытывал мучительное чувство двойственности: на митинге говорил одно, дома или в гостях у родни — совсем иное. На семинаре в городе учат силосованию, дома в деревне приходится косить на сено и т. д. По этой причине талантливые активисты, искренне присягнувшие марксизму, частенько попадали в тюрьму, и на их месте тотчас же оказывались нечистоплотные авантюристы.

В 20–30-х годах централизованный симбиоз ЧеКа–Агитпроп родил отвратительную систему рабкорского движения. Полуграмотные и нравственно ущербные люди, оказавшись в тайных списках рабкоров, писали в редакции газет обычные доносы. Эти подлые сообщения печатались в газетах без подписи под различными псевдонимами. Такие печатные сообщения сопровождались немедленными репрессиями, реквизициями и даже расстрелами. От одной безграмотной записки какого-нибудь «Гвоздя» или «Шила» начиналась в сельской общине цепная реакция злобы и ненависти. Нравственные противоречия между честными и жуликами, между трудолюбием и ленью большевистская пропаганда выдавала за классовую борьбу в городе и в деревне.

Наряду с физическим развращением молодежи (спаивание, свобода добрых половых отношений, аборт) происходило развращение иного рода: нравственная порча духовно крепких, давно сложившихся личностей, например, *искушением властью*. В понимании русского крестьянина личная власть — весьма опасное дело. Здравомыслящий человек никогда к власти не стремился. Лишь в том случае, когда крестьянский сход (мир, общество) *приговаривал* человека к власти (староста, бригадир, председатель колхоза), лишь в таких вынужденных случаях духовно неопустошенный человек соглашался стать местным лидером, руководителем, т. е. обладающим властью. Разница между нравственным и безнравственным человеком весьма определенная, если говорить о личной власти: один искренне всеми силами отказывается, когда его ставят, например, в бригады, другой же напрашивается сам (либо стремится стать бригадиром тайно, с помощью интриг). Мир же (крестьянский сход, общее собрание) — прекрасно чувствует эту разницу и всеми известными ему средствами стремится поставить в начальники именно первого, а не второго. В нормальных условиях обуреваемый тщеславием и жаждущий власти замолкает, а между крестьянским сходом и крестьянским избранником происходит короткая, но достаточно драматическая борьба, похожая на ритуал крестьянской гостьбы, когда хозяин, поднося чарку, изо всех сил потчует гостей, а гости всячески отказываются пить (выигрывают все, а более всего — народная нравственность).

Древнейшие традиции крестьянского схода были вначале извращены с помощью института уполномоченных, затем и вовсе похерены, когда удобные и компактные хозяйства правительство объединило в громадные неуправляемые или перевело в совхозы, где, как на фабрике, действует непрерываемая власть директора.

От русского схода ничего не осталось, поскольку совхозные собрания проходили под руководством районных уполномоченных и милиционеров. Председатель колхоза был фигурой вполне трагической, потому что находился между антинародной властью и самим народом. Народ стремился поставить в руководители честного и опытного, но честный человек вынужден был обманывать вышестоящую власть. Иначе он бы не мог сохранить народное доверие и народное уважение. Такой человек либо очень скоро уходил с поста, либо развращался. Искушение властью выдерживал далеко не каждый. Поэтому в колхозах царил хозяйственная неразбериха, процветала кадровая обезличка, вызванная постоянной сменой кадрового руководства. Так, в моем родном колхозе за период с 29-го года по 70-й побывали в председателях более тридцати человек. Они сменялись чуть ли не ежегодно, причем вовсе не обязательно на годовом отчетном собрании. Колхозная действительность то и дело опровергала старые истины вроде той, что «на переправе коней не меняют». В деревне Тимонихе еще до войны в бригадирах побывал едва ли не каждый мужчина. (После войны бригада в Тимонихе исчезла, т. к. сократилась, а мужчины погибли, ни один с войны не вернулся.)

Итак, новая марксистская идеология оказалась для крестьянства смертельной, она и, вытеснила древнейшие разнообразнейшие проявления крестьянской культуры. От христианского прихода ничего не сохранилось, от

крестьянской общины остались одни отголоски, жалкие и тем не менее жизнеспособные росточки мощной и самобытной культуры.

Церковные и бытовые обряды, народные обычаи, существовавшие еще с дохристианских времен, копившиеся веками трудовые навыки, ремесла и художественные промыслы — все это было или уничтожено или обескровлено. Священника на селе заменил комиссар (позднее — парторг). Крестьянский сход уступил свое место митингу.

Индивидуальное соперничество в быстроте и качестве труда Сталин умело использовал для внедрения потогонного соцсоревнования, которое очень быстро выродилось в бессмысленную погоню за дурным количеством.

Возрастная и семейная иерархия подверглась дискредитации и осмеянию на государственном уровне. Женщин из всех сил пытались противопоставить мужчинам, молодежь — старикам, детей — родителям.

Нравственные понятия извращались даже с помощью экономических рычагов (налог с холостяков). Вспомним частушку недавних лет.

*Задумевшая подруга,
До чего мы дожили:
Которо место берегли,
На то налог наложили.*

Нынче способы уничтожения народной крестьянской и вообще национальной культуры завершились полной механизацией идеологической обработки. Кино, радио и телевидение сделали ненужными «красные уголки», «стенгазеты», «черные» доски. Теми же электронными средствами была свершена стремительная подмена богатейшей музыкальной и песенной крестьянской культуры эрзацами культурной химеры.

Произошло отчуждение народа от собственных культурных источников, и это отчуждение сродни отчуждению крестьянина от земли. В культуре, да и вообще в жизни, появились уже элементы и признаки резерваций, когда подлинным и массовым ценностям национальной (крестьянской) культуры придается как бы музейный, т. е. частный характер.

Внимательному наблюдателю нынешнее состояние дел в стране не внушает пока оптимизма: демократический натиск на крестьянскую культуру ничуть не слабее коммунистического.

Погром все еще продолжается.

Явственно видно, как догорают последние золотые перья сказочной птицы Феникс...

Юрий БОРОДКИН

СПАСЁННЫЙ ЧЕЛОВЕК

рассказ

Юрий Серафимович Бородин — родился 4 апреля 1937 года в Нижнем Новгороде. Окончил Литературный институт имени А.М. Горького. Двадцать один год возглавлял Ярославскую писательскую организацию. Был членом правления Союза писателей СССР, избирался секретарем правления Союза писателей России. Автор многих книг и журнальных публикаций. Широкую известность и множество откликов читателей получил роман «Кологривский волок», опубликованный в журнале «Москва», в «Роман-газете» и несколько раз переизданный. За этот роман автор стал лауреатом первой все-союзной премии ВЦСПС и Союза писателей СССР в 1981 году. Член Высшего творческого Совета Союза писателей России. **Живет в Ярославле.**

1.

Чтобы попасть в Заборское, надо проехать от станции несколько километров проселком, который тем хорош, что остается проезжим в любую погоду: просека сосновым бором песчаная. Когда машина вырвется на поле, покажется село, занявшее удобную, окатистую верхотинку. Если бы была в сохранности церковь, стоящая на окраине, то и совсем было бы приветно: не столько время тронуло ее, сколько сами сельчане запустили. Здесь многие годы хранилось зерно, стояла веялка, так что запылили, замусорили храм. Нынче им завладел местный лесопромышленник Николай Кондаков.

Когда в стране начался развал, не миновавший и колхозы, он смекнул, что в здешней стороне выгоднее всего заниматься лесом и околпачил председателя, купив по дешевке колхозную пилораму, стоявшую неподалеку от церкви. Потом добрался и до нее, поскольку она была как бы ничья, поставил в ней станок для резки брусков и штакетника, так что хрен редьки не слаще: как мусорили в храме, так и мусорят.

Если проехать еще километра два в левую сторону, то проселок уткнется в деревню Межники. Теперь уж неизвестно между кем и чем это место являлось межой, но лучшего поискать. Прямо за деревней сходятся овраг и речка Вочема, поросшая ивняком, ольхой, черемухой, так что деревня находится на стрелке.

Межниковцы держатся насыщенного места, потому что вода у них здоровая, и старики живут долго. Есть колодец, но любят брать ключевую: в тенистой прохладе оврага устроен небольшой сруб, выложенный по дну галькой, сквозь которую неутомимо пульсирует родник. Тут всегда висит на обломке ольхового

сучка банка. Как не поверить в чудодейственную силу воды, если на дереве прилажена икона Николая Угодника, издавна чтимого в Межниках! Да и церковь-то в Заборском построена в честь его.

В деревне как было, так и осталось домов двадцать, если не считать заново построенных дач, владельцев которых местные жители воспринимают как незваных пришельцев. Приезжают на машинах вовсе незнакомые люди, и все идут с канистрами на ключик.

Колесовы живут в Межниках с незапамятных времен. Рассказывают, один из них преподнес резной бурачок собственной работы с ключевой водой государю Александру Павловичу, когда тот проезжал через Заборное. Царь оценил умелчество дарителя золотым рублем, сохранить который не удалось, а надо бы.

Нынешние Колесовы занимают две соседние избы в центре деревни: родители остались в своей родовой избе, а молодые, Володя с женой Лидой и детьми перешли в кокину после ее похорон, поскольку была она одинокой. В ее тихом доме долгие годы не слышно было детского голоса, а тут зазвенели, загалдели, потому что у Володи с Лидой пятеро ребятшек. Это в наше-то бедственное время, когда другие с трудом поднимают одного ребенка, а уж родить второго остерегаются.

Бабы и старухи, как сойдутся на лавочке, так заведут разговор о Колесовых:

- Вон, девчонки-ти куда-то побежали, целый выводок.
- И сама Лидья вышла, трясут половики с маткой.
- Слышь, чего-то рассказывает да хохочет.
- С такой-то оравой, вроде бы, и не до смеху. И без того жить туго, а оне — ребенка за ребенком.
- Матка с батькой помогают.
- Володе все слава Богу.
- Тут жена должна остерегаться, а Лида тоже под стать ему, шибко спокойная. Кажись еще прибыль будет.
- Да неужели?! Это подумать только: целый детсад!
- Сегодня несет ведро воды, хоть бы что, и не подумаешь. Откуда ты знаешь-то?
- Догадываюсь, меня не обманешь.
- Ну это еще неизвестно.
- Вот помяните мое слово...

Кто посмеивался над Колесовыми, кто сочувствовал им, а некоторые и завидовали: большая семья всегда надежней. Лиду Бог здоровьем не обидел, рожает легко, и никогда не жалуется на судьбу. Живут бедновато, но дружно, не повысят друг на друга голоса. Когда не заглянешь в Межники, всегда у Колесовых сохнет на веревках множество белья.

2.

У Володи Колесова своя, особая судьба, и эта особенность проявилась с детства, когда Господь хранил его от смертельной беды. Мать, Фаина Егоровна, рассказывала:

— Володя-то у меня везучий. Наверно, потому что рожден по моим молитвам, желанный он был: я долго не рожала. Ему еще годика четыре

было, побежала я в обед искупаться на Вочему и его взяла. Ну, посадила его на бережок, говорю, сиди, не двигайся. Заплыла на середину реки, оглянулась — нет моего Вовки! Так сердце и оборвалось! Кинулась, что было силы назад, а он свалился с крутышка и захлебнулся! Вытащила на берег — мертвый парень-то! Вспомнила, что велят откачивать, положила его вниз животом и давай сжимать да разжимать грудь, вода и сошла из него, смотрю, зашевелился. Видишь, еще ребенком могла потерять его, он, вообще, какой-то везучий.

То попоздней был случай, уж годиков коло семи ему... Бабы перебирали в хранилище картошку, а мой деверь, брат Михаила Петровича, отвозил ее на посадку в поле. Вова-то катался с ним на телеге. Внутри хранилища было холодно, бабы сказали: «Вовка, поди попроси у дяди Алесана спичек». Дядя в это время дремал в телеге, Вовка не стал будить его, а вытащил из кармана фуфайки коробок, вошел в тамбур, где не было ветра, и попробовал зажечь спичку. Она обожгла ему пальцы, он и бросил ее, да угодил в льняную тресту, которой утепляли вход в хранилище. Дядя Алесан очнулся, обомлел, увидав в огне испуганного Вовку. Проскочил к нему и спас. А в хранилище бабы подняли панику, потому что дым повалил.

То уж трактористом работал, опрокинулся в Орешковском овраге, а гора там крутенная, трактор-то кверху колесами валялся. Опять как-то невредим остался. Ему Бог за его простоту помогает.

Это правда, Володя непритязателен, он не воспринимает как что-то обременительное свою большую семью и никому не завидует, даже предприимчивому одногодку Николаю Кондакову. В одной деревне росли, в одну школу бегали, но тот всегда стремился вверх: начал с комсомола, продвинулся до секретаря райкома, потом возглавил передовой колхоз, но тот начал хиреть, когда грянула перестройка. Вот тогда-то и надумал он торговать лесом, смело вернулся в Заборское и развернул дело: теперь у него — лесовозы, два трелевщика, камазы с прицепами, потому что гонит пиловочник в Москву.

И Володя Колесов, бросив трактор, пришел к нему на более надежный заработок. Что поделаешь — работодатель. Словом, не ровня они, хотя и однокашники. Володя стал одним из винтиков в механизме кондаковского предпринимательства: пихает доски под дисковую пилу да вяжет тонкой проволокой в пучки штакетник.

В последние годы многие потянулись к церкви, Володя тоже приобщился, стал навещать в райцентр, где действовал храм. Удивлялся этому даже отец. Как-то, глядя на закатное солнце за Вочемой, он поделился своими раздумьями:

— Я каждый раз смотрю на нашу межниковскую красоту и думаю: как же я буду там безо всего этого?

— Может быть, там еще лучше? — утешил Володя.

— Вряд ли... Никто этого не знает, — усомнился отец. — Ты вот молодой, а в Бога стал верить, у меня это как-то не получилось, а теперь уж чего спохватываться.

— Это дело добровольное.

— Нынче вдруг все верующими стали, только что проку-то? Кругом всякое мошенничество да разбой, — доказывал свое Михаил Петрович. —

Говорят, какой-то поп собирал людей в Заборском, просил Кондакова поремонтировать церковь.

— Велено освободить ее. Я тоже подсказывал Кондакову, мол, не дело хламостить в церкви, ведь грешим. Даже не верится, что рядом будет свой храм! Дай-то Бог!

В деревне Володю считают человеком не от мира сего. Где нынче найдешь мужика, который не курит и не пьет? Напарники по работе смолят сигарету за сигаретой, частенько затевают выпивку, а его и не пытаются завлечь в свою компанию. Если кто-то начнет подтрунивать, Володя не обижается, только посмотрит на взбодрившегося приятеля как-то проникновенно, и тому станет неловко под взглядом его безгрешно-голубых глаз.

3.

У Кондакова другой расклад жизни. Правда, люди видят только внешнюю ее сторону, дескать, хозяин, начальник, имеет дома и машины, немалые доходы. В селе за глаза его прозвали Колей-барином, а того не знают, как приходится изворачиваться да потрафлять разным чиновникам. Кто-то даже накатал анонимный донос в областную газету: «Выручайте! В нашем районе, в селе Заборском, все захватил в свои руки делец Николай Кондаков. Мало ему одного дома, еще большой особняк в своей деревне Межники построил. Две дорогие машины имеет. Наживается на продаже пиломатериалов. Как понаедут к нему охотники, да все с собаками, страшно на улицу выйти. Словом, настоящая мафия. Надежда на вас, разберитесь».

Приезжала корреспондентка, совсем молоденькая пичуга, а все признала, расписала, как следователь, и поместила перед статьей эту анонимку. Знать бы кто ее сочинил. Кондаков до сих пор, как встретится с кем-то из односельчан, так пытается определить: не он ли?

Как только согнало снег, явились две строгие дамы из областной инспекции по карантину растений, осмотрели кондаковское хозяйство и, не поддавшись на его обещания, составили акт, дескать бревна разбросаны по земле вокруг пилорамы, готовый пиловочник сложен в штабеля под открытым небом. Велели убрать гору опилок, устроить навесы.

А попробуй поговорить с лесничим или налоговым инспектором! И без того полно хлопот, да еще отец Георгий повадился в контору. Говорят, епархия направила, мол, сможешь восстановить храм, получишь приход, вот и старается. Высокий, с выразительными блестящими глазами, черной ухоженной бородкой, в которой искрится седина, он сразу приглянулся заборским бабам и старухам: они всегда любят, чтобы батюшка был видный. Не поскупились даже скинуться в шапку на ремонт храма, когда он призвал всех оказать посильную помощь. С колхоза нынче не лишку возьмешь, поэтому отец Георгий больше всего воздействовал на Кондакова.

— Николай Васильевич, когда начнем ремонт? — напоминал он при каждой встрече.

— У меня сейчас проверка за проверкой.

— Лето коротко, нельзя упустить время, главное успеть с крышей.

— Не знаю, не знаю... — отнекивался Кондаков. — Тут ведь надо порядком раскошелиться.

— Богоугодные дела не забываются людьми и Господом, так что деньги будут потрачены на доброе дело, — проникательно глядя в глаза Кондако-

ву, внушал отец Георгий. — Тем более, что храм Николы, вашего покровителя и заступника.

— Я руководил комсомолом, — не поддавался собеседник. — Чего уж теперь?

— Жаль. — В глазах священника отразилось неподдельное огорчение. — К Богу придти никогда не поздно. Я тоже был офицером, но все пересмотрел и понял, что спасение человека только в православной вере, ибо, как сказано у Иоанна: «Иисус Христос есть путь и истина, и жизнь для всех».

— Гм... скептически улыбнулся Кондаков, откинувшись к спинке стула и побарабанивая пальцами по столу. — Извините, я не очень понимаю, как может быть священником бывший советский офицер?

— Это — мой личный опыт, у других происходит по другому. Но дело даже не в том, каков священник, а в истине самой веры, вот в чем нельзя сомневаться.

— На то и разум дан человеку, чтобы размышлять. Я мог бы задать вам много вопросов, на которые не знаю ответов.

— Церковь Христова дает ответы на любой вопрос. Вот вы, наверное, изучали в институте разных философов, которые своим лжемудрствованием запутали друг друга и сбили с толку людей, и лишь Слово Божие ведет по правильному пути.

— Видите, как все просто у вас, а в жизни-то гораздо сложнее, — отстаивал свое неверие Кондаков. Его несколько раздражала сама манера пастырского спокойствия во время разговора, когда батюшка, сцепив руки на животе, покручивал туда-сюда большими пальцами. Однако пообещал:

— Ладно, займемся кровлей: большего этим летом не осилить.

— Не жалея, Николай Васильевич: что потратишь для церкви, то зачтется и вознаградится. Односельчане скажут спасибо и тысячу раз вспомнят благое деяние, — поблагодарил отец Георгий.

Поговорив с ним, Кондаков как бы продолжал полемику, ему казалось, что при желании он мог поставить в тупик служителя церкви, отвечавшего на любой вопрос спокойно-убедительно. «Бог с ним, мне своих дел хватает, — рассуждал он. — Все же, трудно отказать в такой просьбе».

После работы осмотрел церковь, прикинул что к чему. Крышу на ней самой можно было только покрасить, а над притвором сильно поржавела: требовалась полная замена. Черным железом нынче не кроют, оцинковка влетит в копеечку. Кроме того, надо поправить два покосившиеся креста на малых куполах, покрасить сами купола. Мало было забот.

Вечером вышел на свой балкончик, откуда виден весь противоположный порядок деревни, покатоое полько за огородами и Вочема, обозначенная ольховником. Жену не тянет сюда, а для него Межники — родное место. Только здесь и успокоишь сердце, немного расслабишься, приняв стопочку и обозревая окрестную красоту. Комары еще не донимают, повеяло летним теплом, и лист на березах развернулся полностью. Сладко пахнет черемухой, если выйти за двор — весь овраг белехонек.

Сдвоенное подворье Колесовых, как на ладони. Сколько грядок-то у них вскопано! Вон, копошатся всей семьей в огороде, Володя так старательно наковыривает лопатой, что рубаха выбилась из-под ремня. Лида тарыхает железными граблями туда-сюда. Крепкая баба, ноги гладкие, колени

круглые, грудь — во! Тепло Володе возле такой сдобы. Девчонки у них тоже приучены к работе, только не понятно зачем плодить нищету?

И все же Кондаков не хотел признаться себе, что в чем-то завидует своему одногодку, его многодетной семье: тот улей работает, который шумит. «А у меня все по-другому. Два дома построил — в обоих тишина, единственный сын и тот бездельник, поизбаловался в городе, — невесело размышлял Кондаков, посасывая сигарету. — Нина моя больна, в доме — скука».

По-за деревне прошло стадо коров, от него, будто ученая отделилась Басенка Колесовых и прямым ходом направилась к дому. Пропуская ее в заулочек, старшая Володина дочь Оля только открыла калитку. Всем хороша девка выросла: лицо круглое, румяное от солнца, стать — по матери, такая же плавная походка, белая коса меж лопаток качается, но в том-то и проблема: Игорь, когда приезжал на майские праздники, крутился возле нее. Конечно первые увлечения чаще всего проходят, а вдруг у них получится всерьез? Боже избавь, породниться с такой семейкой, это же целый табор! Нет, нет! Представить себе нельзя, чтобы Володя Колесов стал сватом. Как говорится, не того поля травка.

В закатный час, когда солнце совсем ослабело, скатившись за Вочему, он снова стоял на своем верху, соглашаясь с отцом Георгием в том, что следует помочь восстановить церковь в Заборском. «Верь не верь в Бога, а нельзя мне остаться в стороне от этого дела, — решил самолюбивый Кондаков, уже сейчас намечая торг с Богом. — Может быть, и в самом деле, Николай Чудотворец заметит мои труды».

С этой обнадеживающей мыслью он и уснул, как бы перепоручив часть своих забот покровителю.

4.

Приехали из района трое кровельщиков, сгрузили из грузовика листы оцинковки, живо соорудили прямо у церковной стены крепкий стол с железным уголком по краю, и закипела работа: один обстригает листы большущими ножницами, второй обстукивает их деревянным молотком, третий громче всех громыкает на крыше, целый день слышится стукотня на все село, но никто не сетует, потому что начато благое дело. Володя тоже привлечен к нему, поскольку Кондаков велел им с Арсеньевичем красить крышу.

Горячие настали деньки. Володя просыпался как-то легко часов в шесть, чтобы успеть покосить, после чего с праздником в душе отправлялся в Заборское, которое как бы обновилось вместе с церковью. Идет и не отпускает взглядом серебристо сверкающие кресты и оцинковку притвора, сочную зелень глав, радуясь тому, что причастен к созданию этой красоты, вдохновляющей всех односельчан. Говорят, сам архиепископ, узнав об успешной деятельности отца Георгия, выделил деньги на ремонт и обещал освятить храм.

Арсеньевич с самого начала заявил:

— Ты, парень, полезай наверх: я боюсь, голова закружится, буду размешивать и подавать тебе краску.

Володя и не возражал, ему нравилось одному хозяйничать на крыше: никто не приглядывает, не торопит. Сначала, прикрепив кисть к шесту, обновил какой-то особой краской, похожей на берлинскую лазурь, главы, засверкавшие

совсем первозданно, теперь дошел черед до самой крыши. Он и отдыхать редко спускался вниз, сядет на прогретое солнцем железо и любуется с высоты широкими заборскими окрестностями: вон, пылит по проселку легковушка, а впереди тяжело идет на подъем кондаковский левовоз; колхозное стадо жмется к реке, потому что пастухи не пускают его на поле, у моста мельтешат ребята — купаются; белой ленточкой легла дорога к Межникам, и вся деревня как на ладони. Внизу — село с его суетой, а здесь, под сенью вековых берез, подступивших со стороны алтаря, словно бы другой мир, недоступный другим людям. Особенно хорошо, если на какое-то время перестанут барабанить по железу кровельщики, тогда можно услышать в шелесте листвы как бы невнятный шопот: может быть так разговаривают с нами какие-то духи. А еще можно сосредоточиться и усмотреть в белых облаках, плывущих между крестами, то скачущую лошадь, то великана, надувающего щеки, то седобородого старца. Володе представляется, что сам Николай Угодник одобрительно наблюдает оттуда за его работой, он не спешит, тщательно прокрашивает по два раза стыки между листами кровли: это ведь не что-нибудь, а храм Божий, и люди уже сейчас приходят подивиться на его обновление.

Арсеньевич тоже одобрял старания напарника. Сели покурить на травку поодаль от церкви, так чтобы видно было результаты своей работы.

— Любо посмотреть! — сказал он, щурясь на купола из-под сдвинутой на глаза серой кепки.

— Порядок! — согласился Володя.

— Я, считай, в церкви-то и не бывал толком, а ты крест носишь.

— Все же он оберегает человека.

— Ну, у тебя мать набожная, — сам же объяснил Арсеньевич. — Меня вот берет сумление: неужели все души умерших возносятся туда? — Воздел глаза к небу и ткнул вверх большим заскорузлым пальцем.

— Куда же еще? Там — просторно, солнце играет, — просто объяснил Володя.

— Какая, к примеру взять, у меня душа? Мы люди незаметные.

Действительно, Арсеньевич тщедушен, у него щетинистое лицо, заостренный нос, какие-то птичьи узко посаженные глаза, весь он прокурен и проспиртован, поэтому, конечно, тесновато душе в таком ерешном теле, но Володя ободрил напарника:

— Это ты зря, перед Богом все равны.

— Ну, хорошо, если там — жизнь вечная, то зачем мы здесь-то маемся?

— Наверное, чтобы заслужить такое спасение.

Арсеньевич был склонен умствовать в этом роде, особенно под хмельком. Володя старался находить свои объяснения на его вопросы. После перекура он продолжал свои тихие размышления и работу на крыше, не ведая, что его поджидает беда. Стал спускаться с ведром и кистью вниз и вдруг поскользнулся на перекладине, испачканной краской, мотнулся и, увлекая за собой лестницу, полетел в сторону. Бабы, убиравшие мусор из церкви, буквально заверещали, увидав падающую лестницу и сорвавшегося с нее Володю.

Он угодил на черемуху, и это спасло его: ветки затормозили падение. Когда к нему подбежали, увидав поцарапанное окровавленное лицо, думали, что он и не жилец, но нет, застонал, зашевелился.

Сам Кондаков откуда-то появился бледный, всполошенный, стал распоряжаться, велел положить Володю на заднее сидение машины. Его внесли

в медпункт, а часа через полтора он вышел на своих двоих, к изумлению любопытных, толпившихся у крыльца. Правда, медичка вела его под руку, вторая рука была забинтована и подвешена на привязь. Возле ссадин на лице видны были желтые пятна иода. Медсестра села в машину вместе с ним, велела везти в райбольницу.

— Я как раз отошел к ларьку, взять курева, иду обратно, еще люблюсь, как хорошо церква-то стала выглядеть, — рассказывал Арсеньевич. — Смотрю, лестница валится, и Володька летит с нее, даже понять не мог, как все это произошло! Меня так холодом и обдало, бегу, а ноги подкашиваются: каюк, думаю, парню! А он, вишь, поднялся.

— Мы вышли с носилками, глядь, чуть ли не на нас лестница падает, а он-то с треском рухнул в черемуху, — добавляли свое бабы. — Заорали с испугу.

— Я не думала, что он живой останется.

— Под счастливой звездой родился.

— Такой уж он есть, Володя Колесов, спасенный человек, — вернее всех высказалась одна из старух, знавших его с детства. — Смирный он, не как нонешние, таких-то Господь любит.

— Он же церковь красил, чего же Бог допустил, чтобы он упал? — недоверчиво хмыкнул хмельной отпускник, топтавшийся здесь с прилепленной к нижней губе сигареткой. Такие типы ни во что не верят.

— Нам посылаются испытания, которые по силам человеку, — не сдавалась старуха.

— Ничего себе, испытание — грохнуться с лестницы! — куражился отпускник, поправляя белую кепочку.

— Но ведь Господь и спас его!

— Слыхали мы эти сказки! Отмахнулся мужик, видя, что его резоны опровергаются, и вялой походкой двинулся к центру села. Стали расходиться и другие...

В больнице поправили перелом и снова забинтовали руку. Володя лежал тихо, не жалуясь на боль, снова и снова переживая момент своего падения: чему быть, того не миновать. С чувством вины думал о своей семье, знал, что кто-то приедет к нему сейчас.

Вошла Лида, взволнованная, бледная. Села, осторожно прикоснувшись к больной руке.

— Володенька, что с тобой?

— С лестницы упал.

— Боже мой! Смотри-ка, лицо-то все поранил! Как ты оплошал-то, милый мой?

— И сам не знаю... Главное, жив остался.

— Больно руку-то?

— Терпимо. Еще на бедре — синяк.

— Зачем ты согласился на эту опасную работу? Кондаков привык везде пихать тех, кто поговорчивей.

— Тут винить некого. Ты не волнуйся, все заживет. Главное, я вас подвел в самую горячую летнюю пору, — успокаивал он жену.

— Об этом не думай, мы управимся. Я до вечера побуду с тобой, а утром Олю пришлю.

— Не надо, я ведь, слава Богу, ходячий и под присмотром, — не желая обременять семью, отказывался Володя. Только теперь, глядя в любимые

глаза, ощущая заботливое прикосновение Лидиных рук, чувствуя ее оберегающую близость, он по-настоящему поверил в свое спасение.

Ночью, несмотря на то, что боль в теле немного унялась, он не спал, думал о своей многолетней семье, снова и снова вспоминал гибельный полет: ведро и кисти — в одну сторону, он с лестницей — в другую. Как еще лестницей не придавило, да и так мог испустить душу, только каким-то чудом остался жив. Глядя в полутемный угол, он шептал про себя: «Господи, благодарю Тебя! Не допустил Ты моей смерти, потому что пожалел ребят. Нельзя им без меня. И Лиду пощадил: замаялась бы одна-то с ними. Прости меня, видно, чем-то грешен...»

СОРАТНИКИ

Наше время. Антология современной поэзии России: Стихотворения, биографические статьи, библиография/ Сост. Б.И. Лукин. — М.: «Издательство литературного института им. А.М. Горького»; Нижний Новгород: «Вертикаль. XXI век», Литературный фонд «Дорога жизни», 2009. — 416 с. (Серия «Наше время»).

*Автор проекта, составитель
и председатель редколлегии
Б. И. Лукин*

Этим уникальным по содержанию томом открывается серия «Наше время». Ее составят антологии современной литературы, посвященные творчеству писателей, родившихся в шестидесятые годы XX века.

В первый том «Современная поэзия» включены произведения тридцати трех поэтов. В обширные подборки, охватывающие весь творческий путь авторов — с первых публикаций и до наших дней, — включены и насыщенные глубокими философскими раздумьями сочинения, и интимно-лирические стихи.

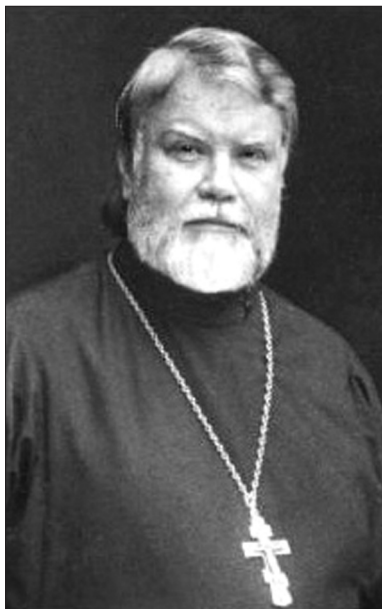
Биографические статьи от первого лица и фотографии авторов привносят ощущение личной встречи с писателем, откровенных бесед тет-а-тет.

Библиографический материал, помещенный в приложение, позволит исследователям и любителям современной литературы получить более полную информацию о жизни и творчестве поэтов, чьи произведения включены в данное издание.

Рекомендуется как учебный материал для преподавателей и студентов-филологов.

Антология поэзии адресована самому широкому кругу любителей словесности.

Священник
Ярослав ШИПОВ

ЛЕСНАЯ ПУСТЫНЬ

рассказы

Священник **Ярослав Алексеевич Шипов** — родился в 1947 году. Закончил Литературный институт в Москве. Работал в журналах «Литературная учеба», «Наш современник», в издательстве «Современник». В 44 года стал священником. Поднимал приходы в Вологодской обл. О. Ярослав — автор рассказов и повестей «Путешествие на линию фронта» (1981), «Шел третий день» (1984), «Западная окраина» (1986), «Уездный чудотворец» и др. В конце 90-х состоял в редакционной коллегии журнала «Наш современник». **Живет в Москве.**

ЛЕСНАЯ ПУСТЫНЬ

Местность, в которой я когда-то служил, сильно пострадала от злодеяний, ниспосылавшихся русской деревне. К примеру, целый сельсовет со всеми населенными пунктами был опустошен ради некоего укрупнения, и обширные земли его в конце концов заросли непроходимым лесом. Конечно, годные срубы были своевременно увезены, но старья оставалось немало, и почерневшие хоромы, оседая и заваливаясь, медленно умирали.

Сохранился в селе и храм. Каменный, сильно поврежденный. Последний его настоятель был расстрелян и теперь молился о нас в сонме новомучеников российских. Храмом этим заинтересовался известный монастырь: искали место для уединения — для скита то есть. Вот мне и выпало сопровождать пожилого иеромонаха, присланного провести исследование. Договорились с леспромхозом: две бутылки — тому, четыре — этому, — и получили в свое полное распоряжение вездеходный «Урал». Дело было весной, но поздней: снег сошел и даже в лесу зеленела первая травка.

Тяжелый грузовик медленно полз по давно не езденой дороге, разставшей кустарником. Временами путь преграждали стволы упавших деревьев, и тогда мы останавливались, шофер вытаскивал из кузова бензопилу, чтобы расчистить проход и ползти дальше. К полудню, когда преодолели километров десять-двенадцать и, значит, еще столько же оставалось, случилась поломка. В наших условиях совершенно неприемлемая. Шоферу надо было возвращаться за необходимой запчастью, а мы были определены в крепкую избушку, вроде охотничьей, сложенную однако не охотниками, а пастухами: вдоль лесного ручья некогда простилались замечательные

луговины. Кое-какие продукты у нас имелись, водитель оставил пакет, который ему собрала жена, и мы взялись обихаживать новое пристанище, понимая, что вылазка наша сегодняшним днем не ограничится и ночевать придется именно здесь.

К счастью, печка была вполне исправна, а в сенцах сохранились сухие дрова. Нары, правда, были ничем не покрыты, но мы с батюшкой сошлись на том, что твердое ложе целительно для здоровья. Подмели, проветрили, растопили печь, поставили на нее закопченный чайник, принесли брусничного листа для заварки, разложили на столике перед оконцем еду, помолились и приступили к трапезе.

До чего же вольно, до чего хорошо нам было! Никуда не надо спешить, никаких сроков пред нами — времени словно и вообще нет. А уютно — как бывает лишь детям «в домике», где-нибудь под столом.

Поразмыслив, придумали обустройство постелей: наломали тонких еловых веточек, и взбили такие перины, что о целительности голых досок, пришлось забыть. Потом пошли прогуляться.

Был прекрасный весенний вечер — тихий, теплый, искрилась мелкая, не кусачая мошкара, тянули вальдшнепы. Я рассказал отцу Дионисию — так звали иеромонаха — об этих куличках, о тяге, и он, человек городской, даже, пожалуй, сугубо городской, слушал с искренним изумлением. Попалось сыроватое, грязное место с отпечатком медвежьих лап. Я попросил батюшку не наступать на звериный след, а пройти рядом.

— Это что — языческая примета? — спросил он.

— Да какое уж тут язычество, — говорю, — просто в следующий раз придет, и, глядишь, нашу деликатность оценит. А если затопчем его следы, может расценить как вызов. Он тут, наверное, за хозяина. Вот, смотрите! — Я показал задиры, сделанные на стволе огромнейшей ели.

Отец Дионисий не понимал.

— Встал, — говорю, — на задние лапы и ободрал дерево, чтобы все видели, какой он большой.

— Так это он до такой высоты дотянулся?

— Ну да, — говорю.

И мой напарник запросился домой.

В избушке было тепло. Помолившись, мы легли на веточки и быстро уснули. Среди ночи нас разбудил мощный медвежий рев.

— Как паровоз, — сказал отец Дионисий, — и по-моему, паровоз этот приближается... Он избушку-то не ломает?

— Не должен.

— Что же он так ревет?

— Обнаружил наше присутствие и дает понять, кто здесь самый главный.

— А теперь ворчит.

— Это по-стариковски, по-доброму.

— Вы меня все успокаиваете и успокаиваете, а я, знаете, не достиг высот преподобного Сергия или преподобного Серафима, чтобы запросто пообщаться с медведем. — И начал шептать молитву.

Я, конечно, тоже ничего не достиг и потому сожалел, что мы не захватили с собой ни фонаря, ни свечки: если бы окошко излучало свет, было бы куда безопаснее. Судя по следам, зверь был непомерный какой-то и при

желании мог, конечно, раскатать старенькую избушку. Оставалось надеяться лишь на его рассудительность, да на молитвы иеромонаха.

Мишка ушел, но заснуть мы уже не могли — переговаривались. Отец Дионисий рассказал, что в монастыре недавно — лет пять, а прежде работал редактором. Причем, в нотном издательстве. Я никогда не встречал нотных редакторов и потому стал с интересом расспрашивать его. Он же, явно обрадованный тем, что погибельная напасть миновала, говорил охотно и весьма живо.

— Как же, — спрашиваю, — редактировать музыкальные тексты? Сверять с какими-то эталонными образцами, как при переиздании литературной классики?

— Не обязательно, — отвечает отец Дионисий, — я ведь, когда гляжу в ноты, слышу их, и если возникнет какое-то несоответствие, исправлю. Классика ведь невероятно гармонична, она — от Бога. А кроме того, я ведь окончил консерваторию — пианист, много играл, много слушал... Исполнительская карьера не сложилась, стал вот редактором. Но основные фортепианные тексты знаю до мелочей: скажем, некоторые бетховенские сонаты могу на бумаге воспроизвести по памяти. Не говоря уж о шопеновских вальсах или мазурках. Конечно, иногда что-то вызывает сомнение, приходится уточнять, но не часто.

— А двадцатый век?

— Первая половина — потруднее, там еще только все разваливалось, все перемешано — надо сверять, а потом гармония совершенно исчезла и пошли диссонансы — чем страшнее, тем лучше, редактор может пропустить любую чушь — автор все равно не заметит. Большинство произведений и исполнялись-то по одному разу. Знаете, в нашей музыке конца двадцатого века есть несколько ритуальных имен. Их, как пароль, то и дело повторяют те, кто ненавидят гармонию, те, кто по определению Господню, не могут принести доброго плода. Попросите их напеть хотя бы три мелодии из сочинений ритуальной кучки, и они сразу умолкнут. Мне в прежней жизни не раз доводилось завершать такие дискуссии предложением: вы мне — три мелодии восхваляемого сочинителя, а я в ответ — тридцать мелодий Чайковского или Верди, или Бетховена, Шопена, Шумана, Баха... Сразу начинается: это совершенно иная музыка, концептуальная... Она, действительно, концептуальная — в плане идеологическом или даже духовном: гармония — от Бога, а разрушение гармонии — от... сами знаете от кого. Вот, собственно, и вся «концептуальность».

Он помолчал, а потом осторожно спросил:

— А медведь больше не придет?

— Не должен.

— Да кому он вообще чего должен? — И мы рассмеялись.

— Куда все исчезло? — вздохнул отец Дионисий.

— Что — «все»?

— Да все... Когда я учился, мы ходили на Рихтера, добывали записи Каллас, ездили в Ленинград на Мравинского... Их давно уже нет, но все, что появлялось потом, даже для сравнения с ними непригодно... Впрочем, давайте спать, а то скоро, наверное, шофер придет.

Утром шофер не пришел. Мы доели остатки хлеба и ждем: он между прочим, должен был принести провизии на весь день. Потом насобирали

сморчков и сварили их в котелке — получился обед. Пошли гулять: обнаружили развороченный муравейник, и я рассказал отцу Дионисию о пристрастии медведя к муравьям. Батюшке понравилось, что маленькие муравьи, защищаясь, могут укусить огромного зверя прямо в нос, и он воскликнул: «Молодцы!». Воскликнул, наверное, слишком громко, потому что медведь, почивавший на другой стороне ручья, проснулся и, круша деревья, бросился прочь. Там было много гниловатых берез, и они разлетались с треском, словно от взрыва.

— Что это? — растерянно спросил отец Дионисий.

— Испугался. — Я поведал ему о пугливости могучего зверя и предложил перейти ручей, чтобы взглянуть на свидетельство медвежьих испугов. Он отказался.

Других приключений в этот день не случилось, вот только отсутствие шофера вызывало недоумение. Ужинали пустым брусничным чаем.

Ночью снова раздался медвежий рев, но на сей раз «паровоз» удалялся и удалялся от нас, пока не затих совсем.

— Куда это он? — спросил батюшка: — Неужели мы его так напугали?

— Не похоже.

— А обидеться он не мог?

— Не должен. — И мы опять рассмеялись.

Утром пришел шофер. Повинился, что опоздал на сутки — искал запчасть по всему району. Дал нам еды, починил машину, и мы тронулись дальше. Когда пришлось пилить очередное поваленное дерево, обнаружили следы двух медведей: огромные — нашего и поменьше — какого-то незнакомого, чужого. Стало быть, прогонял чужака.

— Тогда ладно, — успокоился отец Дионисий, — а то я уж думал, что мы его чем-то обидели.

— Бо-ольшой, — покачал головой шофер, — но прежде здесь обитал вообще безразмерный. Охотники зимой заходят в избушку, а он — там, спит. Вместо берлоги.

— И что? — взволновался батюшка.

— Что-что? Подстрелили. Вторая шкура в стране.

— А первая где?

— Первая где-то... не помню.

Отец Дионисий растерянно посмотрел на меня, и я, скрывая улыбку, отвернулся.

К полудню добрались. Осмотрели храм — довольно обычную постройку конца девятнадцатого века. Стены внутри были закопченными, как после пожара.

— Отчего это, — спросил отец Дионисий, не выпускавший из рук фотоаппарата.

— Да тут году, наверное, в семидесятом художник с писателем ездили — иконы собирали. Тогда почему-то и загорелось.

Обратный путь пролетели быстро и без приключений. От бани иеромонах отказался, мол, и так два дня потеряли — некогда. Я спросил его о впечатлении.

— Храм-то легко восстановить. Жаль, конечно, что все кругом заросло и ни одного строения не осталось — даже переночевать негде. Пусть начальство решает: настоятель наш — дальний родственник этого священ-

номученика, внучатый племянник что ли. Но вообще, поездка была замечательная, особенно — жизнь в избушке. Настоящая пустынька, я бы и поселился в ней.

— А как же, — спрашиваю, — медведь? Вдруг завалится вместо берлоги?

— Не должен, — смеется отец Дионисий, и мы прощаемся.

МЕДАЛЬ

По окончании стажировки, иеромонаха Евгения направили в глухое село, да еще и жилье перепало за три километра в полупустой деревне. Изба оказалась старинной, большой и поначалу отцу Евгению необыкновенно понравилась: он любил все старинное и традиционное. Правда, начало это выпало на теплую осень, зато зимой, когда углы ветхого сруба покрылись изнутри густым инеем, молодой батюшка загрустил: сколько ни топи, изба в миг выстужалась. Кровать пришлось переставить вплотную к печи, а спать — в шапке-ушанке, завязанной под бородой. Однако невзгоды он претерпевал стойко: ни одной службы не отменил и на требы ходил безотлагательно. Бывало, заметет за ночь дорогу, а он рано утром — еще и бульдозер не прошел — пробивается через сугробы к храму — торит трехкилометровую тропу. И в таком геройском подвижничестве молодой иеромонах отслужил долгую зиму, что вызвало у немногочисленных прихожан благодарное чувство. И вот, когда уже началась весна, и потеплело так, что изба, наконец, просохла, отец Евгений впервые в священнической жизни своей столкнулся с грубой-прегрубой клеветой, которая показалась ему столь значительной, что он впал в отчаяние.

Его обвинили в сожительстве с некоей Анимаисой.

— Это кто? — растерянно спросил он у старухи-соседки.

— Как — «кто»? Баба!

— Уже неплохо для нашего времени, — признал иеромонах, — да хоть кто она есть-то?

— А помнишь, в магазине балакала?

— Пьянехонькая такая?

— Она.

— Ужас! — отец Евгений вспомнил безобразно пьяную тетку, которая донимала всю очередь матерной болтовней.

— Ужас не ужас, а ночевать к тебе в четверг приходила.

— Да откуда ж вы это взяли?

— А — говорят! — победно заключила она.

И поведала, что муж у Анимаисы сидел, но в четверг преждевременно воротился. А дома у нее был сварщик с газопровода. Муж зарезал сварщика, хотя и не до смерти: одного забрали в больницу, другого — обратно в тюрьму. Ну, Анимаиса к монаху и подалась.

Батюшка представил поножовщину лихих мужиков, лужу крови, врача со шприцом, милиционеров с наручниками и несчастную Анимаису, которая после всего выпитого и всего случившегося отправляется в ночь за три километра пешком, чтобы обольстить незнакомого человека.

— Бред какой-то, — заключил иеромонах.

— А — говорят! — обиделась старуха-соседка.

Отца Евгения эта напраслина так придавила, что он словно постарел. И до середины лета жил придавленным и постаревшим. На преподобного Сергия поехал в Лавру. Поисповедовался, а потом рассказал о своих скорбях. Старенький игумен спокойно сказал:

— Медаль.

— Что — «медаль»? — не понял отец Евгений.

— Считай, что заработал медаль, — пояснил игумен: — На орден эта клеветка не тянет, а на медаль — вполне. Так что иди и благодари Господа.

— Господи! Как здорово-то! — воскликнул отец Евгений.

Вернулся заметно помолодевшим. Отслужил благодарственный молебен и бросился совершать новые подвиги, навстречу грядущим медалям и орденам.

ВЕЛИКАЯ ФОРМУЛА

На приходе у отца Виктора была достопримечательная прихожанка. Кромешно своенравная и капризная. Конечно, таковые есть на любом приходе, а в масштабах страны их и вовсе не сосчитать, но здесь случай особый, связанный и с чудесами, и с научным открытием.

Начать надо с того, что приход у отца Виктора небольшой — сельцо потихоньку вымирает вместе со всем Отечеством. И внезапно, которые время от времени совершала приходская звезда, буквально потрясали жизнь малочисленной общины. Как-то раз отец Виктор не выдержал и призвал народ к совместной молитве об «умирении Антонины» — таково было ее святое имя. И тогда случилось первое чудо: взбалмошная Антонина пришла в храм и пред всем народом покаялась. Надо было начинать службу, но все стояли и молчали, переживая благоговейность момента.

— Какая же ты все-таки молодец, Тонька! — всхлипнула одна из тетешек.

И тут выяснилось, что покаяние было только половиной чуда: Антонина мрачно поведала, что ей приснился покойный батюшка, который и велел сделать все то, что она сделала. Отец Виктор — священник немолодой и многоопытный — не переносил разговоров о снах и потому, вздохнув, пошел начинать службу.

А между тем покойный батюшка Антонины — протоиерей Никандр — в пятидесятые годы был здесь настоятелем. Детей своих воспитывал он в строгости и благочестии, и старшие все остались при Церкви: сыновья — священники, дочери — матушки, а младшая — Антонина — после смерти отца ступила на стезю общественной деятельности и вознеслась до высот председателя сельсовета. И вот теперь, выйдя на пенсию и овдовев, она принесла в храм диковинную свалку, накопившуюся в ее душе. Она умела читать по церковно-славянски, с детства помнила обиходные песнопения — а голос у нее был чистый и приятный, словно и неповрежденный временем. Все это сочеталось с таким самодурством, что ни о каком послушании, ни о какой кротости применительно к ней и упоминать неловко. Например, разучив с прихожанками какие-то стихиры или тропари, она могла не явиться на службу, будь то хоть двенадцатый праздник, и потом долго не появлялась. Пообещав договориться с трактористом, чтобы на Пасху расчистить снег вокруг храма, она и сама не приходила, и буль-

дозер не присылала, так что крестный ход брел по насту, проваливаясь в сугробы. Все эти внезапности она объясняла обидами то на отца Виктора, то на кого-то из прихожан, а обиды, известное дело, достойнейший плод тщеславия. Попытки утихомирить ее неизменно наталкивались на бусловные возражения, дескать, она, не жалея сил, старается для всех, всем помогает, всех выручает, а неблагодарный народ не ценит ее заслуг, и не отвечает взаимностью.

Бедствия продолжались до тех пор, пока отец Виктор не призвал приход к соборной молитве за Антонину. Молились-молились и домолились: свершилось то самое чудо из двух половинок. Но хватило его ненадолго: Антонина рассорилась с тетушками из хора, забрала тексты песнопений и снова исчезла. Опять, значит, смута, смятение, скорби. Прихожане усугубили молитвенное прошение, и чудо повторилось: отец Никандр явился своей непутевой дочери в страшном сне и так бранил, так бранил ее, что она не решилась произнести в храме сказанные им слова. Однако и это чудо оказалось весьма кратковременным.

У Антонины от прежней начальственной жизни остался домашний телефон, и ей иногда звонили по церковным вопросам. И вот однажды, не спросив отца Виктора, она назначила жителям отдаленной деревни день для крещения младенца, а батюшка в этот день уехал на похороны. Получилось нескладно. Отец Виктор отругал Антонину, а она в ответ пообещала, что вообще не будет использовать личный телефон для церковных надобностей. На том расстались.

Тяжелое наступило время.

— Уж и не знаю, какие еще молитвы читать для ее окорота, — вздыхал батюшка.

Одна из старух, помнившая давность, убеждала:

— Вся надежда на отца Никандра: уж он кру-ут, так кру-ут был!

— То есть, чтобы вас, баб, к порядку призвать, мужики должны уже с того света являться? — оторопел батюшка. — Уже и на том свете нет покоя от вас? Отец Никандр дважды снился ей, и чего?

— Ну, исправлялась ведь, хотя и ненадолго. Думаю, он пока не сильно строжал ее, все-таки младшенькая, жалеет, а надо призвать его для решительного разговора. Кру-утой батюшка был, властей не боялся: ему — что райком, что исполком — с паперти мог вытолкать. Они все церковь хотели закрыть — не дал. А потом увезли его на допросы, а возвратили в гробу — такая история. Может, он вообще мученик, просто до него еще черед не дошел: еще с довоенными — разбираться и разбираться...

Опять молились, молились... Дня через три Антонина пришла: лицо землистое, глаза долу. Похоже, на сей раз отец Никандр был решителен. Много чего сказал он своей младшенькой, но главное — вывел формулу. Назвав Антонину «вздорной бабенкой», втолковал, что «вздорность — это дурь, помноженная на энергию, сугубо женское свойство». Прямо так и сказал. И Антонина все это передала приходскому сообществу. Но сообщество нисколько не задумалось по поводу формулы: оно было восхищено новым чудом. А вот отец Виктор задумался. Сжав бороду в кулаке, он тихо произнес: «Ве-ликая формула».

Антонина с тех пор не чудила, а отец Никандр ей уже и не снился. Видать, не было надобности.

УКАЗАНИЕ

Хоронили старушку. Зимой. Кладбище старое, тесное, между оградками не протиснешься. Худощавые рабочие пролезли еще к могиле, а полнокровный бригадир стоял возле нас, на асфальтированной дорожке. Народу было немного — человек десять. Это вместе со мной и тремя певчими. Служим, а я думаю: как же гроб-то через эти узкости тащить? Да и вообще: для чего оградки существуют? На новых кладбищах их нет, на старинных — тоже, когда ж все это уродство появилось? В двадцатом веке, наверное... Частокол из металлических прутьев, крашенных преимущественно голубой и серебряной краской. Разве что нашему брату удобно — есть, куда кадило повесить, оно всегда под рукой.

Пожилая родственница тяжело вздыхает:

— Тесно у вас тут в Москве, — вероятно, приезжая, — в метро — толкучка, в магазинах — толкучка, и покойники — в эдакой-то тесноте...

У певчих — пар изо рта, усы и брови заиндевели. Певчие стараются: один из них — внук старушки, и приятели, не щадя глоток, по-братски поддерживают его. «Со святыми упокой...» Снимаю с ближайшей оградки кадило и только теперь замечаю на камне за прутьями знакомое имя...

Я ведь крестил эту женщину. Лет пятнадцать назад. И было ей тогда немного за сорок. Как-то раз еще она приходила исповедоваться и причащаться. А потом меня перевели на другой приход, и я больше не видел ее и ничего не слышал о ней...

Бригадир шепчет сзади:

— Долго еще?

— Пять минут, — отвечаю, не оборачиваясь.

Я понимаю, что он замерз и работяги замерзли, и провожающим немноготу: они притопывают ногами, словно пританцовывают на месте. А певчие — хоть бы что: голосят себе, да так чисто, так проникновенно. Я предлагал отпеть у нас в храме, но событие происходило на другом конце города, ехать к нам было очень уж далеко, а проситься к кому-то еще они не захотели.

Вот и все: бригадир вколачивает гвозди и зовет худощавых. Воздев гроб над головами на вытянутых руках, они медленно продираются между оградками...

Оказывается, она уже третий год обитает здесь... Рядом со своим отцом: он был писателем, довольно известным в сороковые-пятидесятые годы. Наверняка лауреат главной тогдашней премии. Здесь же и мать... Помнится, ни мужа, ни детей у моей знакомой никогда не было... Выходит, что у нее вообще никого не осталось? И кто же о ней теперь помолится? Тем более, что окружение у нее было совсем не церковным... А то и не православным... Может статься, я один только и ведаю о ее крещении. Но тогда получается, что на всей земле, кроме меня, за нее, действительно, некому помолиться...

Мы ведь могли служить отпевание чуть сзади или чуть впереди, и я бы повесил кадило на другую оградку... Но остановились, а точнее — были остановлены — именно здесь: потому что, понятное дело, нехорошо, если за крещеного человека некому помолиться. Совсем некому...

С тех пор я и поминаю ее. Неукоснительно.

ОВСЯНОЕ ПЕЧЕНЬЕ

Случается, самые обыкновенные фразы, сказанные по пустякам, становятся, что называется, учительными. Важен момент, в который произносятся эти простые и, быть может, неинтересные фразы. Если момент подходящий, то и расхожие слова, употребляемые нами по несколько раз на дню, могут обрести особый смысл и даже вызвать некие, более или менее содержательные, размышления. А вот удобоприменительность момента — вопрос загадочный и легковесному объяснению не подлежит. Тут уж все: как получится...

Однажды, второго февраля мы отмечали у отца архимандрита очередную годовщину Сталинградской битвы, в которой он принимал самое героическое участие. Батюшка был известен крайней строгостью по отношению к себе и безграничной доброжелательностью ко всем остальным людям. Его уже донимали всякие немощи, так что из кельи он выходил редко, разве только на службу иногда: помолиться со всеми, причаститься... Жил, можно сказать, в молитвенном уединении. Но Сталинградскую победу отмечал неуклонно. И всякий, кто помнил, что именно произошло второго февраля сорок третьего года, мог зайти к нему. Празднование совершалось в полном согласии с традицией, начало которой, как мы понимали, было положено еще на передовой. Каждому вручались две мятые алюминиевые крышки от термосов: в одной — сто не сто, но граммов пятьдесят фронтовых, в другой — специально приготовленная закуска: зеленый горошек в собственном соку, перемешанный с мелко нарезанным соленым огурчиком. Мы выпивали крышечку «за победу!», подкреплялись кулинарным изыском и пиршество завершалось. Хозяин кельи в этом занятии не участвовал по привычной склонности к аскетизму. Да тут еще присоединился к нему молоденький пономарь, пришедший с одним из священников: он строго отверг предложение и взирал на все с видимой осуждательностью.

Рассказывать про войну отец архимандрит не любил:

— А чего там рассказывать? Наступаем, отступаем, окапываемся. Опять наступаем. Того убило, этого ранило. Того похоронили, этого — в госпиталь. Другого убило, меня ранило. Его похоронили, меня — в госпиталь. Подлечили — опять: наступаем, отступаем, окапываемся. Война — дело неинтересное, — и улыбался.

Обычно такие встречи проходили в разговорах о всяких церковных новостях: где чего построили, кого куда перевели по службе, но тут батюшка вдруг спросил, а из нас-то кто-нибудь бывал в Сталинграде? Оказалось, что, кроме меня, никто.

— В какие, — спрашивает, — времена? Наверное, Волгоградом назывался уже?

— В начале пятидесятых, — говорю, — самый что ни на есть Сталинград.

И ему, не выдавшему город с февраля сорок третьего, стало так интересно, что он потребовал от меня полного описания.

Мы с отцом плыли тогда по Волге на пароходишке — еще колесном: в ту пору по Волге ходило немало таких судов, на плаву был даже «Яхонт» — реликвия с кормовым колесом. А буксиры так почти все были колесными: знаменитые черно-рыжие, непомерно широкие, из-за выпирающих по бортам колес.

Сталинград спешно восстанавливался, была уже построена парадная лестница на берегу Волги, над развалинами тут и там поднимались дома, ходил трамвай. Мы доехали до Мамаева кургана и взобрались на него. Курган был усыпан позеленевшими гильзами. Я насобирал их, а отец, просмотрев, выбросил все немецкие: «Может, пулями из этих гильз убило кого-то из наших». Всюду по сторонам виднелись могильные холмики: где с жестяной звездой, где с табличкой, а где и без ничего. Местами в траве белели россыпи костяного крошева...

Другой батюшка рассказал, что один из его родственников — дядька что ли — был ранен под Сталинградом и потерял ногу. И просил, если кто окажется в тех краях, поискать — может, найдется, а то протез ему надоел.

Отец архимандрит слушал с почтительной благодарностью, воспринимая наши истории как подарки, как посильное приношение к празднику. Приношение Сталинграду.

Тут я вспомнил еще рассказы матери: с выездной редакцией «Комсомолки» она попала в Сталинград вскоре после освобождения. Надо было налаживать выпуск газеты и одновременно заниматься детьми: в городе оказалось неожиданно много детей — тысячи детей, загадочным образом переживших зиму на линии фронта. Когда прошлым летом ребятишек собирали на берегу и начали перевозить через Волгу, немцы старательно разбомбили переполненную баржу с красным крестом. Жуткое это событие нарушило план, и ребятишки порасползались. И вот теперь их собирали, откармливали, лечили. Для самых мелких — «детские сады»: выберут среди развалин место поровнее, посадят человек двадцать в перевернутые немецкие каски, а над всем — девушка-боец с автоматом. Она — и воспитатель, и заведующая, и завхоз, и охранник. Днем солдаты приносят еду, а на ночь малышей укрывают в ближайшем подвале: там есть тюфяки, одеяла и печка-буржуйка.

Летом на другом берегу Волги устроили пионерский лагерь — дети жили в шатровых солдатских палатках. Для развлечения и боевой подготовки то и дело проводились военные игры. Как-то заметили, что один парнишка уклоняется от военных игр, и пристыдили его, обвинив в трусости. В ответ он неохотно предъявил медаль «За отвагу» и сказал, что с деревянным автоматом бегать не будет, ну, а если понадобится, сможет и оборону организовать, и наступление. Сообщили военруку-инвалиду. Тот пришел, побеседовал и велел отрока больше не трогать: «Свой парень — фронтовик», — но при этом выглядел заметно встревоженным. Той же ночью оба фронтовика по-разведчески незаметно пробрались за территорию лагеря, и мальчонка сдал свой тайник — до утра топили в реке пистолеты, гранаты, боеприпасы, с помощью которых и предполагалось организовывать хоть оборону, хоть наступление.

А первого сентября открыли первую школу: ремонт закончили только к утру, сильно пахло сырой штукатуркой. Присланная из Москвы молоденькая учительница начала урок. Она торжественно поздравила всех с разгромом немецко-фашистских войск под Сталинградом, с открытием первой школы, с началом учебного года, а потом стала называть фамилии учеников и расспрашивать о родителях. Дети отвечали: «Отец погиб на войне, мать угнана в Германию... Отец погиб на войне, мать убита в бомбежку... погиб... убита... убит...». Учительница выбежала в коридор и, прижавшись лицом и

всем телом к невысохшей еще стене, даже не зарыдала, а завывала — истощенно, пронзительно. Девушки-штукатуры, стоявшие у дверей, тоже плакали. А когда вышедшие из класса ученики стали всех успокаивать, завывали и девушки, и общий вой достиг какой-то невероятной силы и высоты. Учительница, перемазанная в штукатурке, обессилено сползла на пол. В конце концов ребята всех успокоили, взрослые вытерли слезы, отмыли учительницу и занятия благополучно продолжились. Вот, собственно, и все, что я мог рассказать...

Мы уже пили чай. Тут-то и прозвучали необременительные слова, которые для присутствовавших гостей — исключая, пожалуй, пономаря — стали уроком. Казалось бы: после таких бесед — и совсем пустой лепет... А вот поди ж ты!

Батюшка, как всегда в этот день, предложил овсяное печенье — оно напоминало ему какие-то галеты военной поры. Строгий молодой человек сказал укорительно:

— В постные дни — не ем.

А была не то среда, не то пятница.

— Почему? — робко спросил хозяин.

— У нас его продают в коробках, а на коробках написано, что в состав входит яичный порошок, потому и не ем.

Батюшка улыбнулся и тихо сказал:

— А у нас его продают в пакетах, и на пакетах ничего не написано, так что я — ем.

Вот и все простые слова.

Через несколько дней отец архимандрит принял схиму. А юноша с отличием окончил семинарию и стал священником. Служил на одном приходе, на другом, на третьем, теперь, кажется, на пятом или шестом: ни с кем не уживается, всех поучает, и все у него как-то внешне, внешне...

А мы, тогдашние гости, при случае любим угостить друг друга овсяным печеньем и всякий раз вспоминаем: «на пакетах ничего не написано, так что я — ем».

ТОСКУЮЩИЕ ПО НЕБЕСАМ

Освятил самолет. Небольшой, частный, принадлежащий богатому человеку. самого предпринимателя не было, меня сопровождали его помощники. И вот, когда все закончил и спустился на бетон, проходивший мимо дядька сказал:

— Ничего себе!

Остановился, осмотрел меня с головы до ног:

— Священник на нашем аэродроме впервые. Полетать не желаете?

— Вообще-то, — говорю, — я часто летаю.

— Так то пассажиром, а я приглашаю за штурвал...

— Вы серьезно?

— А чего там? Во-он стоит, — он указал на маленький самолетик, — мне его с полчаса погонять надо, вдвоем веселее.

Я спросил своих провожатых — их такая отсрочка даже обрадовала: они хотели провести уборку салона. Правда, взволновались:

— А не опасно?

— Уж слишком, — говорю, — красивая смерть: наверное, не заработал.

Сели в кресла, самолетик затарахтел и поехал. Инструктаж оказался непродолжительным: «Вот так — вверх, а вот так — вниз». Взлетели, дядька кричит: «Бери штурвал!». Сжал я рукоятку, а он снова кричит: «Да не напрягай руку, держи свободно!». После чего откинулся в уголок, и что-то поет. Иногда показывает рукой: выше, ниже, я выполняю.

Под нами переполненная автодорога, кварталы жилых домов, высоковольтка. Поворачиваю налево. Надо круче, инструктор дожимает рычаг. Теперь внизу коттеджный поселок: кирпичные дома с башенками. Следующий поворот: брошенные свинарники, зарастающее кустарником поле, потом лес, в глубине которого усадьба с зеленой крышей — вероятно, дача вельможи. Еще раз налево, и вижу наш аэродром, некогда военный, а теперь коммерческий, снова шоссе, дома... Летаем и летаем по квадрату. Я уже пригляделся к тому, что под нами, смотрю вдаль: видна Москва, хотя мутновато, в дымке.

— Ты сколько еще сможешь летать? — спрашивает инструктор.

— Пока не кончится горючее, — отвечаю: пусть, думаю, провожатые не дождутся меня и уедут, только бы летать и летать.

Он согласно кивает, коротко машет рукой, словно отмахиваясь от всего земного, и опять заваливается в угол кабины. Потом вдруг командует:

— Давай на аэродром: диспетчер передал, что сто пятьдесят четвертый садиться будет.

Жаль, конечно, но приходится освобождать зону большому самолету. Нахожу взлетно-посадочную полосу.

— Выравнивай, выравнивай, держи курс.

— Можно сажать? — спрашиваю в шутку, а сам думаю: скажет «сажать» — надо будет как-то выполнять приказание.

— Ишь разбаловался! — и перехватывает рукоятку.

Садимся, заруливаем на свое место, тишина.

— Ты с какого года? — спрашивает инструктор.

Я отвечаю.

— Салага. Я на полтора года старше. Служил на Дальнем Востоке, потом вышел в запас, вернулся домой и теперь катаю и обучаю всех желающих... А ты когда впервые самолет увидал?

— Да был совсем маленьким: жили на Хорошевском шоссе, у Центрального аэродрома, самолеты прямо над головой взлетали, садились...

— Слушай, и я там же!

Оказалось, что мы были почти соседями, однако и дома наши, и школы находились по разные стороны Хорошевки. Он рассказал еще, что через дырку в заборе лазал на Центральный аэродром, чтобы из ящиков, в которые выбрасывали отработавшие свой срок детали, добывать «штуки» — тумблера, маленькие подшипники. Я тоже ходил за «штуками», но не через дырку в заборе, а под шлагбаумом на проходной: отец моего одноклассника был летчиком, и они жили в бараке неподалеку от самолетной стоянки. Я говорил часовому: «К майору Матвееву», — и меня всегда пропускали. Тогда на Ли-2 американское оборудование заменяли отечественным, и выбрасывалось много всякого хлама. Было мне в ту пору семь лет.

— А ты про дыру-то не знал что ли?

— Не знал.

— Через нее солдаты в самоволку ходили... Ну, тебе, конечно, зачем, если друг прямо на аэродроме жил. Счастливый...

— Это тебе повезло — взлетел, а я, видишь, на земле остался.

— Не скажи: твое дело тоже в небеса направленное, тоска по небу, может, с тех Ли-2 и началась. Слушай, а давай я тебя обучу летать: получишь лицензию, насчет здоровья не беспокойся — медсправку сделаем...

— Хорошо бы, конечно, только добираться до вас — замаешься, полдня потратить надо.

Подъехала машина с провожатыми. Я поблагодарил своего соседа.

Расстались мы, как старые друзья.

БИЗОН И ФУФУНЧИК

Отец Гавриил совсем стар. Добираться до храма ему тяжело, но он всегда приезжает заранее, минут за сорок. Потом появляется пономарь, следом — диакон, молодые священники и, наконец, перед самым началом службы — настоятель. Отперев дверь, отец Гавриил обходит иконы, и перед каждой молится о своих чадах: о недужных, скорбящих, неудобобучащихся, непраздных, пребывающих во вражде... Просит и для себя: кончину безболезненную, непостыдную, мирную. Говорит: «Господи, дай помереть здоровеньким!». Он пока еще может служить, и потому считает себя вполне «здоровеньким», притом, что хворей у него — не счесть, и лекарства приходится есть горстями. Но эта просьба не главная — главная в алтаре. Зайдя в алтарь, отец Гавриил медленно и неуклюже — ноги болят — совершает земные поклоны, с молитвой «Господи, прости и помилуй» прикладывается к престолу и начинает зажигать лампадки. Исполнив обязанности пономарские, приступает к диаконским: расставляет на жертвеннике сосуды, находит нужное евангельское чтение, после чего усаживается в уголок и дремлет. Минут пять или десять, пока никого нет. В алтаре тихо, теплятся огоньки разноцветных лампадок, и для старого батюшки это теперь самые счастливые мгновения. Блаженство. «Так бы и помереть», — мечтает отец Гавриил.

Сегодня воскресный день. Пономарь прибегает пораньше, и начинается колготня: надо разжечь кадило, открыть вино, принести просфоры, посмотреть апостольское чтение и прокимен. Он еще почти отрок — только-только школу окончил, но дело знает хорошо — в алтаре с пятилетнего возраста.

— А что, батюшка, — говорит пономарь, — голова после вчерашнего концерта у вас не болела?

— Ужас, — отвечает отец Гавриил, вспомнив, как из-за рок-концерта, устроенного на Красной площади, вчера во время всенощного бдения дребезжали окна.

— Просто — новая культура, — снисходительно объясняет пономарь. — Вам, к примеру, нравится консерватория, а современной молодежи — рок.

— Так то оно так, только в консерватории после концертов ни шприцы, ни окурки на полу не валяются, да и нужду под себя там никто не справляет. Мне утром встретились соседи из Василия Блаженного — тащили от храма два мешка мусора.

— К ним на территорию во время концертов вроде не пускают.

— Что с того? Поклонники «новой культуры» могут и через ограду перебросить.

Приходит диакон, несет со свечного «ящика» записки:

— Ну, такого я еще не видал: «О здравии администрации президента» и «О упокоении новопреставленных Фуфунчика и Бизона». Зашел, говорят, прилично одетый человек, написал эти записки, а на «ящике» заупокойную не принимают — требуют святые имена. А он свое: «Бизон и Фуфунчик — святее быть не может. Правильные, — мол, — пацаны, но позавчера их застрелили». Отвалил денег и уехал на машине с мигалкой. Похоже, рядом работает — сосед.

Кто-то хочет переговорить с батюшкой. Отец Гавриил выходит: пожилой мужчина просит поменять крестных родителей своего сына.

— Это невозможно, — отвечает отец Гавриил, — а в чем, собственно, дело?

— Толян — крестный отец — завязал, а Надежда — мать крестная — совсем спилась: рюмку хлопнет и под стол валится, так что пить с ними невозможно. Лучше уж Валерку и Катерину.

Батюшка какое-то время втолковывает горемыке насчет восприемников, но тут появляются молодые священники, настоятель, и отец Гавриил возвращается в алтарь: приходит время Божественной литургии.

«ЕХАЛ Я ИЗ БЕРЛИНА...»

Когда началась война, Борьку пристроили денщиком к важному командиру. Сашку пока не надо было пристраивать — годов не хватало. А он взял да и убежал. В местечке говорили, что во всем виноват священник, с сыном которого Сашка был дружен. Дескать, ходил к ним в дом, портился, портился и со временем испортился до того, что выкинул этот неумный фортель и воюет теперь на передовой.

Был он балагуром, шутником, слегка разгильдяем, а такие в окопах ценятся. Правда, за достоинства он однажды и пострадал. Прибыв как-то с донесением в штаб, Сашка решил перед обратной дорогой слегка вздремнуть — день выдался жарким, и бойца разморило. Только устроился в тенечке под деревом, подходит офицер: «Ты, брат, с передовой?.. Чего там у вас нового?.. Совсем ничего?.. Жаль... Да мы тут, корреспонденты, сидим и который день никаких новостей — ничего передать не можем, начальство ругается». А по всему фронту тогда, действительно, было затишье. Уснул Сашка, но его опять разбудили: пришел другой корреспондент. Потом — третий. Разговаривать с ними доблестному воину надоело, и он брякнул: «Фон Бока в плен взяли». Третий убежал. Потом приходили еще какие-то, может, даже первый и второй, переспрашивали, и Сашка, не открывая глаз, сквозь сон отвечал: «Взяли, взяли... Фон Бока... да». А корреспонденты бросились на узел связи, созвонились с Москвой, там проверили, сказали: дезинформация. И тут Сашку разбудили всерьез — двое автоматчиков. Объясняться пришлось в особом отделе. А он только и мог сказать: «Они спать не давали». «Что мне с тобой делать?» — спросил особист. «Отправьте домой, товарищ майор, в смысле на передовую», — попросил Сашка. «Опять шуточки? Отправляю, но сначала сортир вымоешь до полного блеска, а то эти корреспонденты

все загадили». «Разрешите выполнять, товарищ майор?» «Выполняй. Потом доложишь мне — я проверю».

Война Сашкина протекала, на его взгляд, великолепно: всего три ранения и те — легкие, он даже в тыловые госпитали не попадал. И с перевязанной грудью, и с подвешенной на шею рукой, и с костылем, дальше медсанбата не отлучался. Заслужил две «Отваги», «За освобождение» и «За взятие» городов и вывел название своей части непосредственно на рейхстаге.

У Бориса баталия оказалась совсем иной: всегда при генерале, при теплых штабах, а уж наград — без счету. Но и Борис получил ранение. Обидное — в самом конце войны. Когда их танковая колонна вошла в очередную чешский город, и Борис, сидя на броне рядом со своим генералом, готовился ловить букеты цветов, как это было доселе, кто-то открыл огонь. Командующий спрятался в люк, Борис вниз головой нырнул следом, однако карманы галифе у него были набиты всякими боевыми трофеями, и он застрял, так что нижняя половина туловища с дрыгающими ногами осталась над танковой башней. Вражеская пуля попала в такое место, что ранение сделалось вдвойне обидным. Бориса наградили орденом, какового у него еще не было, и отпустили домой. Пользуясь штабной связью, он разыскал младшего брата, и они договорились возвращаться на родину вместе.

Ехали в литерном поезде, в прекрасном вагоне, отдельном купе. Сашка пригласил офицеров и пировал, рассказывая без умолку байки и анекдоты, а Борис ничком покоился на верхней полке, с трудом опрокидывая подносимые стопари. Когда все разошлись и Сашка рухнул, чтобы уснуть, Борис похвастался, что везет с собой целый вагон добра. Свесив голову, он говорил про дворцы и замки, где размещался на постой генерал, про музейные ценности, антикварное оружие, напольные часы, обещал поделиться... Младшему брату это было совершенно не интересно и он захрапел.

На другой день празднование победы продолжилось: все так же сидели за столом офицеры, все так же лежал на верхней полке Борис. Он никак не возражал против гостей — гости помогали ему спуститься, когда настала надобность. И вот в какой-то момент, когда Сашка из купе отлучился, офицеры стали обсуждать слух о проверке, которая будто бы ожидает всех то ли в Бресте, то ли где-то еще. Дескать, энкавэдэшники устраивают жестокий шмон, и один генерал уже лишился звезд всего за пульман трофеев.

Борис попросил снять его и потихоньку ушел в направлении хвостового вагона. Отсутствовал долго — часа два, так что о нем уже все забыли. Вернулся измочаленный, с двумя сабельками в руках. Сабли затолкали под стол, раненого подняли на полку, и все продолжилось своим чередом. Ночью голова, свесившаяся с полки, заплакала: всех здешних стрелочников до конца дней процветанием обеспечил. Младший брат, не выразив несколько сочувствия, опять захрапел.

А в Бресте никакой проверки и не случилось.

Борис хотел застрелиться. Офицеры успели отнять наградной пистолет и спрятали его внизу — благо раненый самостоятельно не умел спуститься.

В общем, доехали сабельки да напольные часы, которые не удалось вытолкнуть из вагона по причине болезненности задних мышц.

После войны братья оказались в Москве: Сашка стал водителем автобуса, а Борис — хозяйственником в министерстве. На семидесятилетии старшего брата, когда вспоминали о войне и дошли до возвращения в литерном

поезде, Сашка между прочим обмолвился, что это он и пустил слух про шмон. Борис долго смотрел на него с недоумением, а потом произнес:

— Зачем?

— Ты ж мне спать не давал: только глаза закрою, а ты про всякую ерунду.

— Ничего себе «ерунда» — целое состояние!

— Да пропади оно пропадом, — и зевнул.

Тут начался привычный и утомительный разговор о том, какой вред приносят знакомства с батюшками.

РУЧЕЕК

В ранней молодости отец Тимофей работал печатником: центральные газеты печатал. И вот как-то появляется под потолком ротационного цеха растяжка: «Увеличим производство на три процента». В честь очередной годовщины социалистической революции. Тимофей спрашивает начальника цеха, как мы можем увеличить производство на три процента, если тираж изданий строго ограничен, и всякий перерасход бумаги приводит к взысканиям и денежным вычетам. Начальник цеха махнул рукой: мол, отстань.

Через неделю добавляется новый призыв: «Увеличим на четыре процента» по поводу съезда не то партии, не то профсоюзов. Тимофей снова спрашивает, а ему снова: отстань.

Однако третье воззвание, появившееся в связи с юбилеем союза молодежи, привело молодого человека в полное недоумение: добавилось еще три процента, и выходило, что в сумме надо было перевыполнить план аж на десятину. Он растерялся: куда выбрасывать тонны лишних газет?

Ему объяснили, что выбрасывать ничего не придется, и ни одной лишней газеты никто не напечатает, но поддерживать «передовые почины» надо: глядишь, выиграем «социалистическое соревнование» и получим вымпел. Чистой воды лицемерие и фарисейство. То, что, по мнению отца Тимофея, со временем и развалило социалистическую державу. Однако молодой печатник отказывался понимать общепризнанный политес.

Впоследствии, учась в семинарии, Тимофей познакомился с жизнеописанием Ростовского митрополита Арсения, известного дерзкими выступлениями против императрицы Екатерины, разорявшей монастыри, и очень полюбил этого необыкновенного владыку. Кстати говоря, для Тимоши отыскалась и своя Екатерина — секретарь комсомольской организации Катька, устроившая собрание.

Наборщица Катька собиралась вступать в партию. И все у нее для этого было: женщина, рабочий класс, из комсомола, — прямейший путь без затруднений. Но ей хотелось чего-нибудь возвышенного, громкого, хотелось идеологических достижений. Вот и взялась она за Тимофея. Дескать, был порядочным человеком: организовал Клуб туристов и водил молодежь в походы; возглавил эстрадный оркестр, под который проходили все праздники, и сам прекрасно играл на аккордеоне, особенно, песни военных лет, — а потом вдруг опустился до предательства. Обличала, обличала его с трибуны, и все очень высоким штилем: насчет морали, идейности, а он, сидя в каком-то ряду, слушал. Потом призвала его встать и спросила:

— Ты что, против линии Центрального комитета нашей организации?

Парень пожал плечами:

— Ну, а если эта линия — полная глупость?

И Катька сорвалась на визг:

— Комсомольский билет на стол!

Билета у Тимофея при себе не было, и он молчал, не понимая, что надо делать.

— На стол! — еще раз взвизгнула Катька, глаза ее победно блистали.

И тут в наступившей тишине из глубины зала вылетело:

— Ты что-ль ему этот билет давала?

Все обернулись: в дверях стояли несколько чумазных печатников совсем не комсомольского возраста. Собрание было открытым, и они пришли поддержать своего. И вот единственная в этом мужском цеху работница возразила комсorghу. Катька в ответ переспросила:

— А что: ты что ли давала? — И это было неосторожно с ее стороны: русский язык, как известно, безгранично щедр на двусмысленности.

Работница вновь:

— А ты давала?

Зал содрогнулся. Это был не хохот, это были рыдания. Причем, как только они затихали, слышались все те же встречные вопросы двух типографских тружениц, и рыдания снова охватывали зал. Тимофей стоял посредине и, поворачиваясь то к одной, то к другой, ждал, чем дело кончится. Народ, исплакавший от смеха все слезы, стал расходиться.

С Катькой случилось то, что случилось бы с полководцем, который, призывая воинов к смертной битве, выехал перед ними на белом коне, указал саблей в сторону неприятеля, и вдруг неуклюже свалился бы в грязь.

И хотя собрание завершилось пустым весельем, в протокол было вписано «единодушное осуждение» с передачей личного дела в райком.

Однако через несколько дней, как раз во время Тимошкиной смены, на первых полосах всех газет появилось сообщение об освобождении от должности первого секретаря того самого Центрального комитета, с линией которого Тимофей был не согласен. Печатники хлопали его по плечу, Катька заискивала и шептала: «Ну, если у тебя наверху свои люди, и ты все знал заранее, предупредил бы, чтобы не выставять меня в неприглядном свете». Но никаких связей у Тимошки не было — он вообще воспитывался в детском доме.

Директор издательства пригласил к себе в кабинет, где у него гостил приятель космонавт. Рассказал о Тимошкиной принципиальности, и космонавт, слегка нагрузившийся коньяком, одобрил:

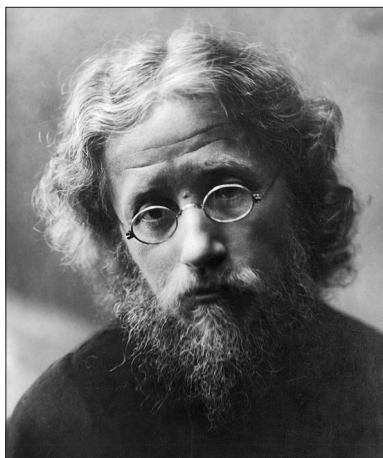
— Такие люди партии очень нужны — они, как прозрачные ручейки, вливающиеся в мутный поток. Я прямо сейчас готов дать рекомендацию.

— Слабый из меня ручеек, — вздохнул Тимофей и попросил отпустить его — надо было работать.

— Твое здоровье, — сказал космонавт, поднимая фужер.

С этого времени Тимошка стал неудержимо стремиться поближе к сущности бытия, чтобы, значит, без фарисейства.

Так, собственно, он и стал отцом Тимофеем.

**Протоиерей
Борис
НИКОЛАЕВСКИЙ**

ДУХОВНЫЕ БЕСЕДЫ*

Протоиерей Борис Николаевский (1884-1954) последние годы своей жизни служил в Свято-Троицком храме в Лесном. В этот период отец Борис записал свои духовные размышления, касающиеся вопросов, волнующих его прихожан. Эти размышления составили содержание «Духовных бесед».

«Духовные беседы» подготовлены к публикации С. Н. Корытиным и Н. Б. Егоровой и печатаются по благословлению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II.

*Окончание. Начало в № 1, 2, 3, 4 за 2008 г. и № 1, 2, 3 за 2009 г.

По Православному учению, **высшее благо, которым мы могли бы быть истинно блаженными**, есть Святое общение с Богом — Богообщение.

От Господа Бога, Всесвятого и Всеблаженного, вся радость, все счастье, и близость к этому счастью делает и человека в какой-то мере счастливым. И только в этом есть истинное счастье. И больше нигде.

Из желания быть в общении с Богом истинным христианином предпринимаются все труды и подвиги, и только то дело считается *истинною жертвою, которое совершается из этого желания*.

Среди этих подвигов особенное место занимает молитва как средство общения с Господом Богом. Ведь в молитве мы непосредственно беседуем с Господом, высказывая Ему нашу просьбу, нашу хвалу, наше благодарение. Потому-то и слышим часто в речах о молитве, что самая молитва нередко бывает дороже того, чего мы просим.

Молитва нас ставит близко-близко к Господу Богу, а эта самая близость может дать нам все. (Но об этом много раз говорил я вам.) При этой близости не мыслится ничего чуждого нравственности, ничего корыстного. Блаженство жизни и состоит в святости безграничной и никогда не пренемаемой.

Святитель Василий Великий говорит: «Только невежественные люди и миролюбцы, не зная природы самого добра, часто называют блаженным то, что не имеет никакой цены: блаженство, здоровье, блистательную жизнь, — а это все по природе своей не есть добро, потому что не только все исчезает и изменяется на противоположное (бедность, бо-

лезни, горькую жизнь), — но и еще обладателей своих (ни богатство, ни здоровье) не сделало добрыми... Потому блажен тот, кто стал причастником благ, неотъемлемых никогда...

А также блага только в Боге и от Бога.

...Первое неизбежное условие, чтобы достигнуть этого блага, есть исполнение Евангельских заповедей, самое ревностное, самое старательное, с самоотречением, без саможаления, не взирая на все трудности, с болезненным отвержением всех собственных желаний».

И скажет себялюбца: «Постоянное отвержение своих желаний... борьба с собою... самоотречение... без жалости к себе... — Какое тут счастье? Это ли блаженство?»

А вот здесь и заключается одна из тайн духовных.

Учение Христа Спасителя есть учение о самоотречении и любви к Богу и ближнему; уничтожение самолюбивого «я — сам», себялюбия, самосожаления есть главная задача жизни всякого христианина. А если этот узкий, горький, трудный путь самоотречения проводится твердо, неуклонно, ради послушания Господу, во имя добра, — то в какой-то момент этой полной трудов жизни он разрешится в бескорыстный восторг перед Богом, заставляющий человека жить только для Бога и видеть только Бога, позабывая и о себе, и обо всем.

Бог есть любовь, и христианство — которое есть «*подражание* Божественной природе» — высшее благо полагает только в любви (святой Григорий Нисский). Вот здесь и тайна духовной жизни по православному пониманию этой духовной жизни.

Эта тайна состоит в том утешительном радостном сознании, что добродетельная жизнь — святость — неразрывно связана с удивительной радостью, счастьем, блаженством. И это всегда так — даже в каждом отдельном добром деле. По Православному учению, добродетель и (если хотите так назвать) награда за нее — тихая радость, всегда идут вместе, неразрывно связаны одна с другой.

А если человек еще на земле должен достигнуть святости, а с ней вместе Богообщения, то, значит, и блаженство его должно начаться еще здесь, на земле.

Святой Григорий Нисский говорит: «Благо Божие не отделено от нашей природы и не стоит где-нибудь далеко от решающихся искать его: оно в каждом, неведомое и сокрытое, когда заглушается заботами и удовольствиями жизни, и снова находимое, когда мы обратим на него внимание».

Святой Иоанн Златоуст, исходя из тех же побуждений, определенно говорит так: «Никак нельзя представить вечную жизнь только самым последним выводом из всей земной жизни человека, выводом, который достигается лишь после смерти».

Наш общий учитель епископ Феофан Затворник в своей книге «Начертание христианского нравоучения» пишет так: «То неверно, если бы кто стал думать, что если Богообщение поставляется последней целью человека, то человек сподобится его после, в конце всех трудов своих. Нет, оно должно быть всегдашним, непрерывным состоянием человека, так что, если нет общения с Богом, если оно не ощущается, то человек должен сознаться, что он стоит вне своей цели и своего назначения. Состояние, когда человек сознает себя в Богообщении, есть единое истинное состояние человека,

есть единый решительный признак присутствия в человеке начала истинно-нравственной и духовной жизни».

А если Богообщение всегда должно быть присуще человеку, то вечная жизнь как состояние души человеческой может начаться для избранных и в здешней жизни, и продолжаться, и развиваться даже за гробом. Православное учение и признает вечную жизнь лишь продолжением жизни настоящей.

Это учение имеет твердое основание в Священном Писании. Яснее всех других священных писателей эту мысль развивает св. ап. Иоанн Богослов, все писания которого могут быть названы проповедью о вечной жизни в смысле святого общения с Богом. По его творениям, вечная жизнь не зависит от условий пространства и времени и велика своим внутренним богатством. Вот его слова, которые мы уже разбирали:

Верующий в Сына (уже здесь, на земле) имеет жизнь вечную (Ин. 3, 36). *Мы знаем, что уже теперь перешли от смерти в жизнь, потому что любим братьев; не любящий брата пребывает в смерти* (Ин. 3, 11). *Ядущий Мою плоть и пьющий Мою кровь имеет жизнь вечную, и Я (как будто в силу этого) воскрешу его в последний день* (Ин. 6, 54). *Никакой человек не имеет жизни вечной, в нем пребывающей* (то есть прямо не имеет вечной жизни здесь, на земле, как своего душевного состояния).

Видите, как твердо стоит наше Православное учение о спасении!.. Оно полностью основано на Евангелии, на учении святых отцов. (Я указал Великих Святителей и Учителей: Василия Великого, Иоанна Златоустого, Григория Нисского, которые жили еще тогда, когда не было ни католиков, ни протестантов, а была Единая Нераздельная Святая Апостольская Церковь.) И учение Православной Церкви и есть ничем не поврежденное учение Святой Апостольской Церкви.

Самые наши противники западные богословы признают, что мы — православные — сохранили учение древней Церкви без изменения, только, по их пониманию, это есть наш существенный недостаток, так как, говорят они, у вас, у православных, нет никакого прогресса.

А мы и рады тому, что нет у нас такого прогресса, как, например, у католиков, которые 80 лет тому назад на Ватиканском Соборе объявили своего Папу непогрешимым — новым Богом, выходит, так как про людей св. ап. Иоанн Богослов говорит: *Никто не чист от скверны, хотя бы всего один день жил на свете*.

Следовательно, человека непогрешимого быть не может. А Папа не только непогрешим, а, как я говорил на прошлой беседе, Божеские права себе присвоил: переводит людей после их смерти из чистилищ в Рай... Храни нас Господь от такого прогресса!

Протестанты Православного учения, которое сейчас было нам предложено, не признают и предлагают свое, и об этом я тоже сегодня кратко скажу.

А сейчас dokonчим нашу речь о православном понимании вечной жизни. Это учение можно коротко выразить так, как оно выражено у Свят. Патриарха Сергия: «Получить вечную жизнь не значит перейти из земной жизни в загробную жизнь, а значит приобрести *известное душевное расположение*».

А какое это расположение? *А искреннее стремление все делать для Господа, полную бескорыстную, себя позабывающую любовь к Господу*.

В этом, я давно уже говорил, — верх христианского совершенства, полное раскрытие в себе образа Божия.

Ясно, что такое настроение не появится в человеке внезапно, сразу, а растет и растет понемногу. Патриарх Сергий так буквально и говорит: «Вечная жизнь не получается, а постепенно *растет в человеке*».

Запомните, братья-христиане, эти слова, в них ясный ответ на многие недоумения и вопросы.

Святые отцы и полагают жизнь человеческую непрерывным развитием. Начало полагается здесь, на земле, а продолжение — за гробом, а конца не будет: конец — бесконечен: ведь мы должны стать совершенными, как совершен Отец наш Небесный, а для этого нужна и жизнь бесконечная.

Когда об этом читаете и слушаете, может возникнуть и такой вопрос: что же значат речи в Священном Писании об открытии какой-то совершенно особенной жизни и что это открытие произойдет после Страшного Суда и всеобщего Воскресения?

Это надо понимать так, что здесь, на земле, нет полного раскрытия вечной жизни, которая в будущей жизни раскроется во всей полноте. И почему так? Причин тому очень много.

В этом мире живет зло, вражда, себялюбие, в этом мире продолжает господствовать смерть. И это одинаково: как в жизни всего мира, так и в жизни каждого отдельного человека. Начало греха — плоть — всегда остается в человеке, всегда его искушает, всегда препятствует человеку быстро и легко стать святым. Поэтому и познание Бога, и получение блаженства небесного не может быть здесь, на земле, совершенным. Нужно нашему земному миру обновиться, извергнуть из себя все греховное, чтобы потом во всей полноте и совершенстве воспринять в себя грядущее Царство.

Это и понятно. А вот дальше слушайте внимательно. Патриарх Сергий пишет так: «В этой нужде обновиться смысл разрушения мира, в этом *и смысл смерти каждого отдельного человека*». Вдумайтесь в эти слова: «в этом смысл смерти каждого человека».

По разуму Святых отцов, смерть человека состоит в разложении человека на составные элементы, чтобы потом он мог встать обновленным. Святой Епифаний Кипрский в своей книге «Об ересях» пишет так:

«Сделал горшечник горшок, а он оказался плохим, неудачным. Что же он делает?»

А сомнет всю глину снова в бесформенную массу и начнет делать новый горшок, уже без прежних недостатков. Так и тело человека заразилось грехом. В нем появились болезни, немощи, прихоти; само-испорченное — оно начало портить и душу человека.

Господь и попускает смерть.

Тело человека разлагается, снова обращается в землю, все части его снова перемешались.

В будущее Воскресение Господь из этого материала сделает новое тело, светлое, чистое, свободное от прежних недостатков. Это новое тело уже не будет мешать душе в ее стремлении к Богу».

Вот для чего человеку нужно умереть. И не подумайте, что это измышления человеческие! Слова эти основаны на Слове Божиим, и сказаны они в объяснение слов апостола Павла: *Есть тела небесные и тела земные, но иная слава небесным, иная слава земным.*

Так и при воскресении мертвых: сеется в тлении, восстает в нетлении. (1 Кор. 15, 40—42). Ст. 42: Сеется в уничижении, восстает в славе, сеется в немощи, восстает в силе. Ст. 44—45: Сеется тело душевное, восстает тело духовное. Так и написано: Первый человек Адам стал душею живущей, а последний Адам есть дух животворящий. Ст. 47: Первый человек из земли перстный, второй человек Господь с Неба. Ст. 48: Каков перстный, таковы и перстные, и каков небесный, таковы небесные. Ст. 49: И как мы носили перстного, будем носить и образ небесного.

Видите, как Православное учение строго согласно со Священным Писанием! А это и есть самое главное для нас...

Таково учение Православной Церкви о загробной жизни и о возмездии (воздаянии) за жизнь земную. Главное тут то, что жизнь за гробом есть продолжение земной жизни — развитие тех задатков, которые человек насадил в себе. Задатки эти — семя вечной жизни — так и остались и будут дальше развиваться, только условия для этого развития будут иные.

У протестантов и католиков совсем не так. Они говорят о резкой и полной противоположности земной и загробной жизни. Здесь, говорят они, — работа, а там — зарплата; здесь тяжелые, часто непосильные труды, «узкий путь», — а там — только наслаждение для одних и гибель для других.

Такое учение нужно протестантам для того, чтобы на нем обосновать свое учение о доброделании из-за награды; догмат о невозможности общения со святыми; догмат о бесполезности молитв за умерших. Они так говорят об умерших: «Если они веровали, то они спасены и наши молитвы им не нужны. А если не веровали, то погибли, и никакие наши молитвы им не помогут».

Ведь у католиков и протестантов высшее благо не в нравственном добре, а в самоуслаждении, и добро считается только средством для самоуслаждения. По их пониманию, мало того, что человек станет святым и в будущем веке будет проходить святую жизнь. Им нужна награда еще сверх того за все труды и лишения, которые человек понес на земле при стяжании святости.

Здесь забыта та простая истина, что для всякого, кто стремится к истине, самая эта истина и будет наградой, потому что для нее он только и трудился. Ведь услаждение, удовольствия, приятности, радости для себялюбца так понятны и приятны. А истина? «Что мне до нее?» — думает такой человек.

«Что есть Истина?» — сказал Пилат в ответ на слова Господа Иисуса Христа: *Я пришел, чтобы свидетельствовать об истине...* Что греха таить: ведь, по существу, и мы такие: хотя мы и не протестанты, но про себя (потихоньку) так же думаем.

Для всякого себялюбца загробная жизнь представляется совершенно новой, совсем не похожей на привычную жизнь земную. Ведь в земной жизни он ценит лишь то, что ему приносит удовольствие, сладость, приятно и радостно. Это ему понятно. К этому он стремится, в этом получает всю радость и счастье свое. И все это после смерти остается по эту сторону гроба, для умершего исчезает бесследно...

Нет там ни мягкой перинки, ни нежащей подушки, ни тепленького одеяльца... Совсем не нужна хорошо обставленная квартира, все эти письменные столы, мягкие диваны, кресла, портьеры, картины, зеркала.

Там нет заботы раздобыть более выгодную работу, неинтересен туго набитый карман... Деньги — царь нашей жизни — там потеряют всякую цену. На них ничего не достанешь: ни модного платья, ни изящной обуви, ни шубы с лисьим воротником. Не устроишь вечеринок, ни вкусного обеда с водочкой и разными винами, пирогами и всякой гастрономией, что так радует себялюбца — любящего хорошо пожить.

По смерти нет свадеб; ни жениться, ни замуж выходить, все сладости и радости семейной жизни — все это прошло бесследно.

А что говорить о сладкой конфетке, пирожных, тортах — все исчезло. Ни на именины, ни на день рождения, на пирушку, на выпивку умерший друзей не пригласит и сам не явится на приглашение. Ни в театр пойти, ни на музыку, на футбол болеть. Прогулки в парк, дома отдыха — все это было, прошло и быльем поросло, как говорит пословица... (Можете еще сами продолжить эту речь).

Посмотрите кругом себя и скажите себе, что у вас из всего этого после смерти останется... И неутешительна будет речь ваша. Все, что для себялюбца было радостью и утешением, — все исчезнет. А что же останется? — А иного ничего себялюбец не знал и знать не хотел, вовсе не интересовался этим.

Учение религии о жизни загробной он в корне отрицает. Добро, святость, блаженство Богообщения — для него то же, что музыка для глухого. И если ему еще сказать, что ему предстоит побороть свое злое настроение, побороть свои греховные привычки, что ему предстоит тяжелая борьба с самим собою, борьба упорная — и до самого конца жизни, а в виде награды ему укажут, что он будет добрым и святым, больше ничего, — себялюбец, конечно, отвернется от такого учения. Ведь нужно много страдать, чтобы стать добрым, причем это самое добро, которого себялюбец и боится, — и будет его наградой.

Такие речи себялюбца убедить не могут. А ведь мы знаем, какая участь ждет такого молодца. Ведь жалко его... А без него его спасти нельзя. Следовательно, надо как-то образумить человека, иначе он погибнет...

Вот для такого-то настроения и нужно указать на результаты, на итоги жизни его. Будешь исполнять заповеди Божии, учение Евангелия — и на том свете будет тебе хорошо. А если будешь жить так, как жил: о Боге, о смерти, о спасении не думал, если не захочешь послушать зова Божия — тогда пеняй на себя: жди вечной муки с демонами... Пусть хоть страхом горьких и вечных страданий человек будет в разум приведен. И описание райских блаженств праведных туда же направлено: оторвать человека от греха и приблизить к Господу обещанием вечного счастья загробного...

Св. Григория Нисский в своей книге о написании псалмов говорит: «Душа, не приготовленная опытом и не привыкшая так думать, не может в Божественных истинах *видеть что-то доброе*»... А что вовсе неизвестно, хотя бы оно было и прекраснее остального, того мы пожелать не можем, потому что сердце наше к нему не лежит.

Почему для не вкусивших чистого и Божественного удовольствия необходимо надобно придумать нечто такое, почему были бы приняты и уроки добродетели, будучи увлечены и услаждены каким-нибудь увлекающим чувством. Так и врачи горькое лекарство услаждают медом, чтобы его принимал больной. Вот такую-то «сладостию меда» и является учение о награде

за добродетель, хотя сила-то не в награде, не в самой сладости, а в добре, которое эта сладость делает привлекательным для грешника.

А тут является вопрос: а нет ли тут обмана? благовидно ли так поступать?

Нет, никакого обмана здесь нет... Ведь и раньше я приводил вам речи св. Исаака Сирина и епископа Игнатия Брянчанинова о Страхе Божиим, страхе смерти, мук наказаний, как о причинах, побуждающих человека к добродетельной жизни. И говорилось так, что это страх вводительный, для начинающих жить в добре. Человек начнет жить по заповедям Божиим из-за страха наказаний, а потом, в какой-то момент его трудов (он и сам не заметит, когда) этот страх вводительный перейдет в страх сыновний, когда человек-подвижник исполняет волю Божию уже не потому, что боится наказаний, а потому что боится оскорбить ставшего для него дорогим, его Любимого, Ласкового, Доброго Отца Небесного; боится оскорбить уже из любви к Нему, боится потерять Его любовь.

Страх мук и наказаний и есть, как называет Апостол, духовное «млеко», от которого человек доходит до «твердой пищи», до Любви к Господу. А как это совершается? — это нам неизвестно. *Любовь Божия изливается в сердца человеческие Духом Святым*, говорит Апостол. Тогда уже внимание человека устремлено не на самоуслаждение, ни на себя, ни на свои удовольствия, а на Господа Бога, о Котором Одним человек и радуется.

Теперь понятны станут слова Патриарха Сергия: «Понятие возмездия в устах святых писателей и отцов Церкви употреблялось только в смысле предварительном, только, чтобы быть понятным *обыденному настроению*». Это все подтверждается массою выписок из Святоотеческих творений.

Если вдуматься во все сказанное, то выходит, что протестанты в учении о спасении жизни застряли на первой ступени школы христианской жизни и дальше не пошли. Остановились на предварительном учении о наградах и возмездиях, а до величественного, прекрасного учения о Жизни Святой, ради любви к Господу себя позабывающей, так и не дошли. И это так грустно, чтобы не сказать страшно... Ведь дело касается вечного спасения!

Патриарх Сергей, заключая этот отдел, пишет так:

«Таким образом, все дело спасения представляется в следующем виде: человек здесь, на земле трудится, работает над собой, созидает в себе Царство Божие и через то теперь же начинает мало-помалу делаться причастником вечной жизни, насколько он имеет сил и способностей для этого причастия; после же того, как злое начало будет окончательно изгнано, в век грядущий, человек, наконец, увидит Бога лицом к Лицу, будет пользоваться вечной жизнью, во всей бесконечной полноте.

Нравственное обновление человека таким образом существенно связано с вечным спасением: последнее не особое какое-нибудь действие, не получение чего-нибудь нового, а только совершенное раскрытие, осуществление тех начал, которые заложены и *развиты были человеком в настоящей жизни*»...

Таково учение Православной Церкви, изложенное притом Патриархом Православной Церкви. Здесь, как видите, ни о наградах, ни о заслугах — и речи нет...

Иногда меня спрашивают баптисты: «А как же забыть слова Господа Иисуса Христа: *И пойдут они в муку вечную, а праведники в жизнь*

вечную (Мф. 25, 46)? Здесь же ясно сказано, что праведники на том свете награждаются, а грешники за грехи свои несут наказание. Как об этом учит Православие?»

Очень ясно и просто говорит об этом святой Ириней Лионский в V книге творения под названием «Против ересей».

«Пришествие Сына Божия будет для всех, но будет иметь целью Суд в отделение верных от неверных, потому что и верующие веруют по их собственному выбору, и не соглашающиеся с Учением Сына Божия *не соглашались по собственному выбору*.

Тем, которые пребывают в любви к Богу, Он дарует общение с Ним. Но общение с Богом есть жизнь и свет и наслаждение всеми благами, какие есть у Него.

На тех же, которые по собственному выбору удаляются от Бога, Он налагает разъединение с Собой, которое они выбрали по собственному соглашению. Но разъединение от Бога есть смерть, тьма, лишение всех благ. Будучи лишены всего этого, они испытывают разные наказания. Однако Господь Бог не наказывает непосредственно Сам, но это наказание упадет на них потому, что они лишены всего того, что составляет благо.

Все равно, как слепой или ослепленный лишен наслаждения светом, но не свет причиняет ему горе за слепоту, а эта самая слепота причиняет ему несчастье».

Если человек устроил себя по Образу Божию, к Господу Богу стремился, исполнял заповеди Его, всем сердцем любил Господа и искренне желал всегда быть с Любимым Отцом Небесным — он справедливо и получит радость вечную общения с Господом. Другой, наоборот, ненавидел Господа, отвращался от Него, бежал от Света, желая скрыться во тьме, — Господь по справедливости даст ему то, чего он так искренне искал.

Все св. отцы одинаково объясняют, что человек получает то, к чему себя определил.

Хорошо говорит Патриарх Сергей: «Таким образом, каждый получает то, *к чему приготовлена его душа*».

По представлению преп. Макария Египетского, земная жизнь со всеми ее трудностями и страданиями имеет чисто воспитательное значение: приготовить душу, дать ей возможность быть пригодной для Небесного отечества, быть по своему настроению и по своим желаниям родственной ему. Возмездие, по мысли преподобного Макария, состоит в усвоении душою того, к чему она всю жизнь стремилась. Таким образом, и в этом учении Православия как нет противоречия с предыдущим, так нет и никакого намека на награды за труды человека.

Все протестантские секты и католики представляют дело так, что невозможно для правосудного Бога простить ни одного греха без того, чтобы за него не было уплачено или добрыми делами на земле, или страданиями за гробом.

А как же понимать такое место — Лк. 23, 43—44: *И сказал (разбойник) Иисусу: помяни меня, Господи, когда приидешь во Царствие Твое. И сказал ему Иисус, истинно говорю тебе, ныне же будешь со Мною в раю*.

Ведь разбойник при жизни земной разбойничал, не был подвижником благочестия, а по смерти, по Слову Господа, оказался в раю? Чем же он уплатил Правде Божией? (Некоторые секты протестантов и договорились

до того, что говорили: разбойник должен после смерти страдать. Так где же? В раю, что ли?)

Видите, как блуждает ум человеческий! Все секты еретические за всю историю христианства никак не могут согласовать Любовь Божию и Правосудие Божие. Между тем святой апостол Иоанн Богослов говорит просто и ясно: *Бог есть любовь*.

А пророк Давид говорит совсем наоборот: «Праведен Господь — правду возлюбил, *правоты виде Лице Его*».

Еретики и стали в тупик, и началась бесконечные измышления, чтобы как-то выйти из положения.

По закону правды человеческой каждый поступок имеет свою ценность сам по себе и никогда не потеряет своей ценности, сколько бы лет ни прошло с момента его совершения и хотя бы все люди забыли о нем. Поэтому разбойник, хотя и покался, но должен нести наказание за свои преступления, а праведник, пусть он и согрешил, за свою праведность имеет снисхождение к себе.

Это человеческие мысли. А вот говорит Господь:

Мои мысли — не ваши мысли, ни пути Мои — не ваши пути. Но как небо выше земли, так пути Мои выше путей ваших, и мысли Мои выше мыслей ваших (Исаия, 55, 8—9).

А какие же Твои мысли, Господи? Слушайте, бедные грешники, утешительные для нас слова Господа Бога:

Ищите Господа, когда можно найти Его, когда Он близко... Да оставит нечестивый путь свой и беззаконные помыслы свои, и да обратится к Господу, и Он помилует его, и к Богу, ибо Он многомилостив (Исаия, 55, 7).

А вот как Господь говорит через пророка Иезекииля (Иезек. 33, 10—16):

И ты, сын человеческий, скажи дому Израилеву: вы говорите так: преступления наши и грехи наши на нас, и мы истаиваем от них: как же можем мы жить?

Скажи им: Живу Я, говорит Господь Бог, не хочу смерти грешника, но чтобы грешник обратился от пути своего и жив был. Обратитесь от злых путей ваших: для чего умирать вам, дом Израилев.

И ты, сын человеческий, скажи сынам народа твоего: праведность праведника не спасет в день преступления его, и беззаконник за беззаконие свое не падет в день обращения своего, равно как и праведник в день согрешения своего не может остаться в живых за свою праведность.

Когда Я скажу праведнику, что он будет жив, а он понадеется на свою праведность и сделает неправду, то все праведные дела его не помянутся — и он умрет от неправды своей, какую сделал.

А когда скажу беззаконнику — ты смертью умрешь, а он обратится от грехов своих и будет творить суд и правду.

Если этот беззаконник возвратит залог, за похищенное заплатит, будет ходить по законам жизни, не делая ничего худого, то он будет жив и не умрет.

Ни один из грехов его, какие он сделал, не помянутся ему, он будет жив. А сыны народа твоего говорят: «неправ путь Господень» — тогда как их путь неправ.

Я полагаю, что этих записей достаточно, чтобы ясно стало все величие Слов Всемогущего.

Дивны Слова Твои, Господи! И как непохожа правда Божия на правду человеческую!..

Святой Иустин мученик изъяснял вышеприведенные слова пророка Иезекииля и добавил: «Потому-то нам Господь Иисус Христос сказал: *в чем найду вас, в том и буду судить*, Господь всегда Один и Тот же и всегда желает спасения людей. *“Господь всем хочет спастися и в разум истины прийти”*».

Господь — не человек, чтобы преследовать за прошлые грехи. Грешник никогда не должен отчаиваться, а искать и ждать, молить Милосердие Божие. Нет греха, который сможет победить Бесконечное Милосердие Бесконечно Милосердного Бога.

Аминь.

Не любите мира, ни того, что в мире

Не любите — значит, не прилепляйтесь всем сердцем, не отдавайте всю душу — до того, чтобы все прочее забыть, не привязывайтесь к вещам, к удовольствиям земным... Думайте, что это все ненадолго. Ударит час смертный — и все оставите неизвестно кому...

Вот я приду домой, сяду у стола своего, посмотрю на книжки мои и думаю: кому-то все останется?... Я так оберегал вас, ценил, хранил, а может быть, после меня вами печки растоплять будут...

Приду сюда в храм, читаю молитву, входя в храм, и думаю: «А может быть, в последний раз... я больше этого храма не увижу, и слушателей моих не увижу никогда...».

И больно сожмется сердце...

Еду в трамвае, смотрю в окно и думаю: и меня не будет на земле, а люди все так же будут суетливо ходить туда и сюда, так же и магазины будут открыты и будут покупать, торговать, спориться, и трамваи, и автобусы побегут, а меня и праху не будет. Грустно, грустно станет...

А между тем память о смерти так полезна, так спасительна! Это такая крепкая узда на прихоти и похоти наши... Недаром сказано: «Помни о смерти, и вовеки не согрешишь». В самом деле, как тут грешить — когда я, быть может, через час на Суд Господень встану!

Вот для чего сказаны мои слова предыдущие...

Я не зову вас все бросить и в пустыню идти. Этот путь далеко не всякому уготован. Я хочу, чтобы у вас каждый шаг, каждая дума ваша была обвешана памятью Божией, чтобы все от Господа исходило и к Господу все возвращалось...

Вот сейчас придете домой, будете снимать пальто, калоши и скажите себе мысленно: «Благодарю Тебя, Господи, что все это Ты мне дал и сейчас даешь. Да будет благословенно Имя Твое!..» И так при взгляде на каждую вещь вашу. А если придет мысль у вас, что того-то нет у вас, — не горюйте, не досадуйте. А скажите Хозяину жизни нашей: *Да будет Воля Твоя, Господи!*

Начинаете работу, скажите: *Господи, благослови!*

Окончите работу, скажите: *Благодарю Тебя, Господи, за помощь мне!*

И будет ваша мысль вся связана с памятью Божией. А это знаете что? А это путь к тому Богообщению, о котором мы уже два месяца говорим.

Господь Иисус Христос нам завещал: *Ищите Царствия Божия прежде всего, остальное все приложится вам.*

А это, когда в душе человека царствует Бог; все мысли, все чувства, все желания наши — все угодные Богу, а это как же иначе называется?..

А это и есть *святость*.

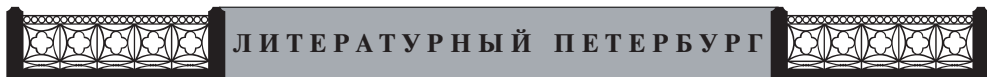
Вот вы боитесь слова «святость»... Говорите: где нам? Очевидно, вы при слове «святой» думаете о святом Серафиме Саровском, о Святителе Николае, которые чудеса творили...

А между тем степеней святости очень много. Вот вы у меня спрашиваете: как прогонять помыслы разные, которые лезут в голову и мешают молитве? Я вам всегда говорил и сейчас скажу, что уже то, что вы стремитесь прогонять неугодные Господу помыслы, это уже есть какой-то шаг к святости (большой шаг или малый — не знаю).

А отгонять помыслы можно и должно только молитвой Иисусовой... Теперь обратите внимание на слова Господа: *Ищите Царствия Божия прежде всего, остальное все приложится вам.*

Остальное все — это и хлеб, и пальто, и калоши, столы, стулья и постели и проч. Следовательно, вещи наши не являются препятствием ко спасению, если относиться к ним надлежаще. Главное — это угодить Господу, а хлеб, платье, одежда — все пошлет Господь. *Потому что Отец ваш Небесный* (говорит Господь Иисус Христос) *знает, что вы имеете нужду во всем этом* (Мф. 7, 32).

Не стремитесь же ко всему этому до того, чтобы забывать Господа. Не любите мира, ни того, что в мире.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПЕТЕРБУРГ

Гравюры А. П. Остроумовой-Лебедевой

Игорь ТЮЛЕНЕВ

«ПРОВОДЯТ РУССКИЕ УЧЕНЬЯ»

Игорь Николаевич Тюленев — родился 31 мая 1953 года в сплавно́м посёлке Новоильинский Пермского края. Член Союза писателей России с 1989 года. Закончил Высшие литературные курсы при Литинституте им. Горького (семинар Юрия Кузнецова). Автор 17 поэтических сборников, вышедших в Москве, Перми, Ставрополе, Париже. Лауреат премии журнала «Наш современник» и Все-союзного литературного конкурса имени Николая Островского и других литературных премий. **Живет в Перми.**

* * *

Катерок бежит по Каме,
Катерок везет меня
Мимо папы, мимо мамы,
Мимо завтрашнего дня.

Догорает день вчерашний
За Кудыкиной горой.
Чайка, падая отважно,
Зависает над водой.

Я за борт бросаю пряник:
Пусть размочит и сожрет.
Правый берег после пьянок
Ствол смертельный наведет.

Взвизгнет в поле пилорама,
На курок нажмет стрелок.
Пряник с чайкой примет Кама,
Похоронит между строк.

Мимо мамы, мимо папы,
Мимо дорогих могил,
Катерок, как на эстапке,
Между двух эпох застыл.

* * *

Плоты по Каме не сплавляют,
Здесь редко катер проплывет.
По берегу от мая к маю
Старушка древняя бредет.

При ней холщевая котомка
С цветной веревочной тесьмой.
В ногах клубится собачонка,
А выше выдох: — Боже мой!

Куда ты собралась, родная,
В какие дальние края?
Она молчит не отвечая,
Как мать и Родина моя.

НАРОД

Подкошенный реформами
Под корень, как сосна,
Народ ложится вовремя,
Валяясь допоздна.

Покуда он валяется,
В стране идут дела:
Правительства сменяются,
Звонят колокола.

Тоску задавит скука,
Родную песню — крик,
Жужжит над ухом муха...
Но к ней мужик привык.

Знай спит себе, заезженный,
Ненадобный казне,
Беззубый, обезвреженный,
Не стойкий к новизне.

Родной до безобразия,
До клетота в груди.
Эх-ма, европа-азия,
Смотри не разбуди.

УХОД ИЗ АЗИИ

Уходят русские, уходят
От винограда и чинар.
Уносят русские, уносят
Терпение и Божий дар.

Без них и Родины лишили,
Земли, где легли отцы.
Так братья младшие спешили,
С началом не сошлись концы.

Да, мы тоннели били в скалах,
Дабы хватило всем воды.
Ушли, а за спиной остались
Ракетодомы и сады,

Столицы, университеты,
Безбедное житье-бытье,
Орел и решка у монеты —
Две стороны — одно литье.

Нам в спины гнусное кричали,
Камнями падали слова,
Как сквозь шпигруты нас гнали,
Зато в следах росла трава,

Деревья, щебетали птицы,
Но я об этом говорил.
Вы наши позабыли лица,
Я слово «дружба» позабыл.

Прощай советское застолье,
Содружество литератур.
Как никогда, сегодня больно,
Что хочется уйти в загуд.

Живите, как Господь положит,
Своим умом, своим трудом,
А старший брат вам не поможет,
Он строит заново свой дом.

ГОРНЫЕ УЧЕНЬЯ

И взмыл орел с душой Кавказа,
Под крыльями пронесся гул.
Передается, как зараза,
Микроб войны. Вошли в аул...

Стоят железные деревья
С тяжелым именем самшит.
Груз Махоммадова ученья
На саклях, словно снег лежит.

Идут с канистрами горянки,
Торгуют огненной водой.
Внизу грызут долину танки,
И лейтенантик молодой

Сидит на башне бронтозавра,
Глядит на молодых особ,

И невдомек ему, что завтра
Его друзья положат в гроб...

Жизнь лейтенанта на пределе,
Взревет, как дизельный движок,
И вот он сам уже в прицеле —
Смерть нажимает на курок...

На гусеницах нет резины.
Раздражены силовики,
Что долго робкие грузины
Заржавленные трут штыки.

Проводят русские ученья
У раненых войной границ.
И тень орла, как свет вечерний,
Касается славянских лиц.

ЛИОН

«Россия, Сталин, Сталинград...»

К. Симонов

Пантагрюэль, Гаргантюа, Вийон.
Фартовая поэтов каста!
Насмешкой острой враг сражен —
Поэты побеждали часто.

Ну, минимум раз пять на дню.
Язык души, как соус чили...
И с белошвейками игру
Нешуточную заводили.

Я в эти же попал края,
С Европы сдунув позолоту.
Вы все мне были бы друзья!
Когда б в живых застал всего-то...

Но вышел в зал и стал читать
Стихи про русские морозы,
Про русский штык... Кривила «знать»
Парфюмом пахнущие рожи.

Был прав наш Симонов тогда:
«Так вот оно лицо врага!»

В том зале узком, словно склеп,
Увидел трезвыми глазами
Я, свору тех, кто жрал наш хлеб,
Но пел чужими голосами.

Сидели здесь не на бобах,
В лицо мне, хмыкая, мычали.
Как челобитную, в зубах
Бренд диссидентства зло держали.

Я мог бы просто прыгнуть в зал,
От бати эти кулачища!
Но я друзьям пообещал
Не драться с выродками лично.

Тогда я вспомнил наугад —
«Россия, Русь...» — Нет, не годится.
«Россия, Сталин, Сталинград!»
А Сталина любой боится.

* * *

Вот, поди, разберись, где хлеба, где полова,
Где гранит, где болото...
Далеко отбежала Российская мова
От Державного брода.

Потекли по России монголы да турки,
Все не русские реки.
Казачи, где же сабельки ваши да бурки?
Лезут в окна абреки.

Иноземных глаголов блудливая челядь
Срежет ваши лампасы.
В силу лавы казачьей никто уж не верит:
— Это все приамбасы...

Нет, не все... Потому что по русскому полю
Скачут — Аз, Буки, Веди.
Нет, не все, потому что за русскую волю
Гибнут русские дети.

СТЕПЬ

О ней мог Шолохов писать,
Такие краски растирая! —
Что не прибавить, не отнять,
Как солнце у Родного края.

Полынь — столетняя трава
За горизонтом ищет небо,
И тут, и там растут слова,
И хлеб растет, и люди хлеба.

BEPA

Я был в деревне летом пастухом,
Ременный кнут стрелял,
 как парабеллум,
Козленок прыгал вслед за мотыльком,
Луг наполняя бляньем и белым
Горячим пухом... Снег и монастырь,
И козий сыр, из погреба настойка...

Овчинами завешена Сибирь,
В овчине тонет голосок ребенка.

Но помнит мир, как много лет назад
Толпились пастухи перед пещерой.
Звезда сияла, и младенца взгляд
Жизнь наполнял Надеждою и Верой.

СЕЛЬСКАЯ БИБЛИОТЕКА

В тиши лесных библиотек
Разгадывал я тайну жизни,
Десятилетний человек
Во глубине родной Отчизны.

Меня любовью насыщал
И Радонежский, и Саровский.

Здесь, у начала всех начал,
Где хмурился пейзаж неброский,

Как в Слове помыслы чисты,
Как аккуратно пыль сдуваешь...
Шуршат страницы, как листы
В раю... Вот-вот про все узнаешь.

ФОТОГРАФИЯ

Лесной поселок. В окнах Кама.
И у завалинки втроем —
Отец с сестренкой, рядом мама,
А я сбежал за окоем.

Вернуться в круг былой стараюсь,
Скользя по жизненному льду...
И все же, сколько не пытаюсь,
В тот объектив не попаду.

САД

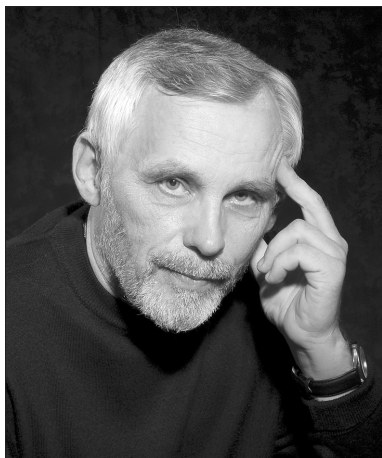
В багрец и золото...
Вот осени начало.
Холодным духом веет от строки.
Дабы костям продутым полегчало —
На печки спешно лезут старики.

Проходят все отпущенные сроки,
Проходит все...
Да и любовь, мой друг.

Из птиц — одни сороки-белобоки,
Не улетели за теплом на юг.

Горячим чаем разогреем плоть,
Возьмем лопату, черенки от вишни.
Сад разобьем,
И может быть, Господь
Нас ненароком в том саду отыщет.

ПОЭЗИЯ

Виктор ПЕТРОВ

**«Я С ДОНА,
А ЗНАЧИТ,
КАЗАК!»**

Виктор Сергеевич Петров — автор многих сборников стихотворений. Лауреат Всероссийской Шолоховской премии (1996) и премии журнала «Юность» (2001). Член Союза писателей России. Главный редактор журнала «Дон». **Живет в Ростове-на-Дону.**

СЕНО

Через город возят сено
Поутру грузовики.
Им вослед глядят, краснея,
Городские мужики.

По своей, чужой ли воле,
Но осели в городах —
Летом хочется до боли
Видеть травы на лугах.

Отличишь в толпе их сразу,
Хоть примет особых нет:
Помедлительнее разве,
Да в глазах нездешний свет.

Постоят. Пойдут, сутулясь.
Не мешай им вспоминать!
Будет долго среди улиц
Запах луговой блуждать.

РОДНЯ

Сельский вечер
пахнет свежим сеном,
На крылечке — вся моя родня.
Та родня, что с карточек по стенам
Не мигая смотрит на меня.

Для меня родня — и суд и совесть,
Перед ней за все держу ответ.
Я фамильную листаю повесть
От начальных незакатных лет.

Дед Василий,
ты сидишь, плечистый,
Будто не отпело воронье,
Грамотеем был и гармонистом —
Что-то есть в моей крови твое.

Уронила руки на передник
Плакальщица, бабушка моя.
Твой я, Харитоновна, наследник:
Приручаю песню-соловья.

Дядя мой — веселый, как на фото,
Жизнь твоя — падучая звезда:
В сорок пятом
не вернувшись с фронта,
Молодым остался навсегда.

Разговор идет о том, об этом,
Про нескладное житье-бытье.
Помогает мне родня советом,
Говорит решение свое...

Если заболит душа от ссадин,
То опять в один из вечеров
На крыльцо моя родня присядет
Да и спросит, как я жив-здоров?

ДОНЧАК

Борису Куликову

Степь ушла в небеса... Я в Москву
не за новыми песнями — с песней,
что, быть может, иных интересней,
ведь слова собирал, как траву.

Я бездонный колодец копал,
чтоб вода их живила, как чудо,
если сушь неизвестно откуда
за околицей сеяла пал.

Сорок трав — простоты не простой —
народились под сердцем кургана:
разнотравье ни поздно, ни рано
я собрал... Пейте певчий настой!

Преогромен московский казан,
где кулеш голосов и моторов.

У Москвы, может, собственный норов
Но я с Дона, а значит, казак!

По обличью такой же, как все,
тем отличен я — личность донская,
что за мною, искру высекая,
ходит конь, как ходил по росе.

Не миражный дончак... Всюду конь!
Объяснить не под силу такое.
Наисамое что есть донское
подойдет и торкнется в ладонь.

Не сбивает с пути колготня:
хоть назначьте бесценную цену,
не пойдет в циркачи на арену —
посерьезней дела у коня.

* * *

Полудикий табун за рекой —
гривы длинные, ржание, храп...
Я, какой-никакой, хуторской,
это Гера — заезжий арап;
он прикупит соседский курень
да и втридорога запродаст,
не заметив плакучую тень
возле белых, загубленных астр.
Я хожу, я смотрю на людей,
но под вечер к Задонью гребу:

что мне «ящик», а в нем лицедей —
лицедея видал я в гробу!
Мне бы только табун отыскать
и арканом словить жожака —
волчью сыть, эту дикую статью,
неклейменную плоть далека.
А потом — непонятней всего! —
перерезать арканную нить
и, рукой не коснувшись его,
отпустить, как себя отпустить.

РАКЕТНЫЙ ДИВИЗИОН

На петлицах моих бородинские пушки
пью березовый сок
и напиться еще бы!..
Боевое дежурство, лешачьи чащобы,
а по осени
Пушкиным грезят опушки.

ВЕЩИЙ СОН

Николаю Тuroверову

Вознесенье пасхального гуда,
только взор упадает во тьму...
Этот сон, я не знаю, откуда,
этот сон, я не знаю, к чему:
скачет лошадь, убитая лошадь,
мимо русских кладбищенских плит;
след копытный — свечение площадок,
дым встает и к востоку летит
против сильного ветра — в пределы,
где невмочь и терпеть и любить...

Белый флаг — мое белое дело,
золотая рассыпалась нить;
ну а дым — все чернее, чернее,
развевает, как искры, шитво:
я на родине, только не с нею,
как мне жить, если всюду мертво!..
Окровавилось бранное стремя
и загнало казачьих коней.
Кто стоит, ожидая расстрела?
Тот, кто родину любит сильнее.

* * *

Метель хмельна, как сватья!
Чу, гомон у двора...
Втроем заходят братья:
«Ну, как живешь, сестра?»

Неразговорчив тоже,
подсядет к ним свояк,
а братский спрос все строже:
«Сестра, живете как?»

Она их привечает,
сажает вокруг стола.
Сама не отвечает.
«Сеструха, как дела?»

С лихвою в доме злата,
с лихвою серебра.
Сидят в гостях три брата,
глядит на них сестра.

Качает ребятенка
и думает свое.
«Ну, как тебе, сестренка,
замужнее житье?»

Так что же, не улыба,
потерянно молчишь?
Как тягостная глыба
сугулит братьев тишь.

* * *

Всю ночь реки большое тело
вздыхало в схватках родовых,
наутро — тихо розовело
в закраинах береговых.

И я следил с веселой грустью,
у весноводья на краю,
как торопились льдины к устью,
перегоняя жизнь мою.

А от излучины течение
всесильностью стремнинных вод
несло речное облегчение —
новорожденный ледоход.

На берегу легко дышалось
и так хотелось одного —
чтоб все на свете начиналось
и не кончалось ничего!

ПОЭЗИЯ

Алина МАЛЬЦЕВА

«ДЛЯТСЯ ЖИВЫЕ БЫЛИНЫ»

Алина Матвеевна Мальцева — родилась в с. Ново-Меловое, Курской области. Окончила Ленинградский политехнический институт им М. И. Калинина, работала инженером-конструктором. Автор десяти книг стихотворений. Член СП России. Живет в Санкт-Петербурге.

* * *

Древо в небесную почву
ветви стремится высоко,
словно она их потчует
облачным молоком.

Выше и выше струится
по вертикали ствол, —
солнца золотая зеница
светлой ведет верстой.

Ветер бежит по листьям,
словно бы по весам,
чутким к дыханию жизни,
к зорким над ней небесам.

КОСТЕР И НИЩИЙ

Во мгле во всю пылал огонь
и воспевал свое горенье,
видать, к исходу лета он
своим гордился назначеньем:

бродяга на огонь глядел
и грел замерзнувшие пятки.
Огонь то радостно радел,
то угасал, играя в прятки.

И вновь по хворосту скакал,
в искристой пляске куролеся,
и весело салютовал
чернеющему поднебесью!

А искры падали гурьбой
в свое горящее жилище.
Своею счастливы судьбой,
сошлись они: костер и нищий.

* * *

Гуляет небо бесконечное
над горькой родиной моей.
Но бродит сила, бродит вечная
в нас — от былинных от корней...

И с этой силой, кровной, вольною,
душе послушна, не уму,
уйду гулять в поля раздольные,
подвластна Богу одному.

* * *

Желтеет родная природа,
слагая свои письмена...
До осени этого года
сподобилась выжить страна.

На землю упавшие беды —
как тяжкие гири дорог,
но входят небесные веды
в мой самый душевный народ.

И путь вознесенный, далекий
народа — на вышних крылах —
парит под всевидящим Оком,
и свет созревает в умах.

И длятся живые былины,
к духовному строя мосты.
И, силою Божьей хранимы,
нательные светят кресты.

* * *

Конек деревянный
на теремной крыше:
он будто в пространство
взмывает все выше.

А в тереме тихом
не слышен хозяин,

но сутью и ликом
из русских он, знаю.

Пусть кружатся тучи
и льются напасти, —
взмывает все круче
конек сквозь ненастье...

* * *

Большое видится на расстоянии.
Сергей Есенин

Я тебя, Петербург, полюбила
на далеких, чужих, островах.
И любви этой нежная сила
не иссякнет, пока я жива.

Только здесь, на другом полушарье,
в непонятной далекой стране
весь ты, весь, с белоночной шалью
стал нужнее, любимее мне.

Сколько времени я потеряла,
не приняв тебя сердцем своим!
Проходила дворцы твои, залы,
озирала их взором пустым.

Чувством теплым смывает усталость:
Петербургу — сторицей воздать!
Да не сможет, увы, моя старость,
что смогла б моей юности даль...

* * *

— Ну, что же, ласковое, здравствуй, —
я Средиземному шепчу,
вверяюсь твоему я царству,
обняться я с тобой хочу!
Прими привет от Лукоморья,
где воздух звонче, холодней,

суровые восходят зори —
приметы родины моей.

Я признаю морскую силу,
что память северных озер
и мной любимую Россию:
тебя с ней мой знакомит взор.

Пусть ласков, да не узнаваем
заморский твой морской язык.
А солнце — русским караваем
горит, — и светел мира лик...

* * *

Пепельным видится лед, —
солнце его выжигает.
Вздулся у речки живот,
паводок речка рождает!

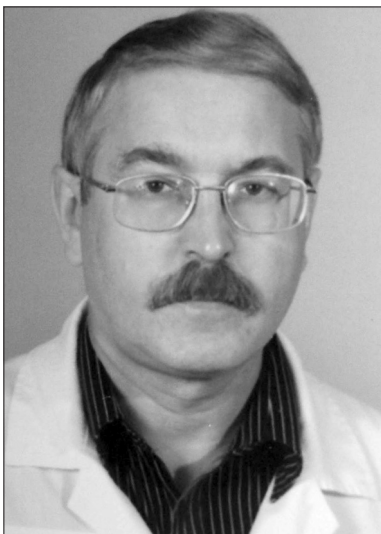
Крутится в лунках вода,
сквозь ледяные глазницы
пялится ввысь.
Не беда:
сможет на волю пробиться!

Сроки близки перемен:
речка светло заструится...
Так же ли кончится плен
духа в телесной темнице?

В ПОСЛЕДНЕМ ВАГОНЕ

В последнем вагоне кидает, трясет,
в последнем вагоне не дремлет народ.
Но ехать в таком, все равно, — благодать:
в окошках подвижный простор наблюдать
и слева, и справа; сквозь радужный сон
мечтать, словно в детстве, догнать горизонт.
И сердце ликует, и сердце поет!
В последнем вагоне веселый народ.
Все стороны света в едино слились, —
связала их куполом общая высь.
Но если взял поезд обратный разгон,
становится первым последний вагон.

Сергей Бехтеев. Царь

**Владимир
НЕВЯРОВИЧ**
ЦАРЬ И ПОЭТ

*К 130-летию со дня
рождения русского
поэта С. С. Бехтеева*

Владимир Константинович Невярович — писатель, поэт, православный публицист, член Союза писателей России, лауреат Большой литературной премии России, директор благотворительного Бехтеевского фонда, бехтеевед. Автор около 17 книг. Родился в 1952 году в Воронежской обл., детство и юность провел в г. Задонске, Липецкой обл. Выпускник Воронежского медицинского института. Долгие годы разрабатывал основы православной психологии и психотерапии. Автор первой в России книги («Терапия души», 1997), посвященной православной психотерапии. **Живет в Воронеже.**

Вся многовековая жизнь представителей древнего рода Бехтеевых в России проходила под знаменем ревностного служения Отечеству. И если бы существовал какой-то особый табель рангов российских дворянских родов на верность стране своей, Бехтеевы по праву заняли бы в нем самое достойное место. Впрочем, таковых служивых и беззаветно преданных Отчизне родов на Руси было, конечно же, немало, иначе не сложилась бы и не воссияла в том величии, доблести и славе наша некогда могучая и непобедимая держава — матушка-Русь, вселенское христианское Царство.

Как сказано в Родословной книге Бехтеевых, *«**фамилии Бехтеевых многие Российскому Престолу служили в разных чинах и жалованы были от Государей в 7135/1627 и других годах поместьями...**»*

В каждый конкретный период российской истории Бехтеевы занимали места на передовой — в наиболее, пожалуй, значимых для страны стратегических направлениях. Так, при Государях Иоанне Васильевиче Грозном и Феодоре Иоанновиче служили они воеводами, гонцами (посланниками), при Императоре Петре Алексеевиче значились в списках подвижников и жертвователей флота. Флотскими офицерами были (согласно архивным данным и служебным спискам Военно-морского архива) порядка десятка представителей рода Бехтеевых, включая отца, дядей и деда поэта. В период освоения земель русских и развития в стране сельского хозяйства (а не надо забывать, что Россия традиционно до Октябрьского переворота 1917 года

была страной, прежде всего, сельскохозяйственной, аграрной) Бехтеевы были среди преуспевающих помещиков-землевладельцев, которые, кроме земледелия, занимались также скотоводством, строили в своих имениях мукомольные, маслобойные, крахмальные, конные заводы. Были известны Бехтеевы и достойным общественным служением: избирались губными, мировыми судьями, комиссарами, председателями, гласными, активно участвовали в земских делах, дворянских собраниях. Не боялись они никогда отстаивать правду даже пред Царями, с риском для жизни своей. Так, елецкий «боярский сын» Ивашка Бехтеев ставит свою подпись (ропись) на письме ельчан Царю Михаилу Федоровичу с жалобой — на кого бы вы думали? — на родного дядю Царя Великого боярина Ивана Никитича Романова, разорившего ряд елецких крестьянских семей.

Против произвола силы и вседозволенности протестует, с немалым риском для собственной жизни, и один из офицеров, принадлежавших к роду Бехтеевых, близко знавший Гавриила Державина. Тот Бехтеев, живший во времена Екатерины II, жалуется влиятельному вельможе на отца фаворита самой Императрицы светлейшего князя шефа кавалергардов Платона Александровича Зубова (15.11.1767—7.04.1822), несправедливо захватившего заложенное бехтеевское имение.

Иногда Бехтеевы приближаются к Царскому Двору, становясь церемониймейстерами, обер-провиантмейстерами, надворными, статскими, тайными советниками, камергарами, дипломатами; один из Бехтеевых, Федор Дмитриевич (1716—1761), был первым учителем будущего Императора Павла I. Отец поэта, Сергей Сергеевич Бехтеев, состоял членом Государственного Совета и был лично хорошо знаком с Государем Императором Николаем Вторым, который долгое время держал у себя на столе одну из книг Бехтеева-старшего, сверяя по ней намечаемый ход реформ в сельском хозяйстве. А две родные сестры «Царского гуслира» (Екатерина и Наталья) удостоивались почетного места при Дворе, становясь фрейлинами Их Императорских Величеств; третья же сестра Зинаида («Зиночка»), в замужестве Толстая, была подругой и любимицей Государыни Императрицы Александры Федоровны.

Занимали достаточно высокие чины Бехтеевы и среди военных. Так, Алексей Дмитриевич Бехтеев из Задонского уезда ушел в отставку в чине генерал-майора; также генерал-майором числился, согласно памятной книжки Воронежской губернии за 1912 год, помещик Задонского уезда владелец Конских заводов деревни Воскресенки Петр Васильевич Бехтеев. Позднее в Петербурге на улице Троицкой (ныне ул. Рубинштейна) в доме № 29 проживала генеральская вдова Александра Георгиевна Бехтеева. Многие Бехтеевы служили в элитных Царских полках, таких, к примеру, как Кавалергардский и лейб-гвардии Семеновский полки. Отдельные же представители рода проявляли себя с самой лучшей стороны в сыском деле и жандармерии. Несмотря на не столь большую в масштабах России известность, некоторые из Бехтеевых роднились с весьма знаменитыми в области промышленности и земледелия фамилиями. Так, один из Бехтеевых (Владимирской ветви), Александр Алексеевич Бехтеев (1795—1849), был женат на Прасковье Григорьевне Демидовой, дочери представителя знаменитой династии магнатов промышленников-металлургов Григория Демидова.

Портрет Бехтеева из книги
«Два Письма с автографом»

Упомянуты в письменных источниках Бехтеевы и в связи с их близостью к ярчайшим светочам нашего литературного слова. Фамилия Бехтеев звучит в мемуарной литературе, посвященной Ломоносову, Грибоедову, Гоголю, Державину, Островскому и ряду других знаменитых наших писателей и поэтов. В дневниках Павла Дмитриевича Дурново (1804–1864; мужа А. П. Волконской, дочери министра Императорского Двора князя П. М. Волконского и Софьи Григорьевны, в доме которых Пушкин снимал последнюю квартиру) Бехтеев называется в числе русских колонистов в заграничном немецком городе Аахене, куда прибыл и Н. В. Гоголь (запись от 3 июля 1836 года). Иван Петрович Бехтеев (1790?–1853) упоминается в мемуарах как переписчик первой из известных рукописей А. С. Грибоедова «Горе от ума» («бегичевского списка»), при этом им написанный текст именуется «бехтеевским списком», а сам Бехтеев называется другом (а по другим сведениям, двоюродным братом)

Бегичева, в имении которого и была написана комедия «Горе от ума». В мемуарной литературе сообщается также, что летом 1823 г., когда создавались третий и четвертый акты комедии, А. С. Грибоедов бывал у И. П. Бехтеева в селе Пружинках Задонского уезда Воронежской губернии и мог поведать задонскому помещику некоторые подробности своих творческих замыслов. Эта дополнительная осведомленность Бехтеева, вероятно, и нашла свое отражение в перечне действующих лиц комедии, указанных им в списке, но отсутствующих в так называемом «музейном автографе». Наш прославленный русский драматург Н. А. Островский (1823–1886) в одном из писем, относящихся ко второй половине марта 1868 года, передает адресату из Москвы привет от Бехтеева, что, несомненно, свидетельствует о близких взаимоотношениях последних (*Кроме того, есть интересные сведения о том, что Бехтеевы некогда роднились с родом Островских. Так, женою умершего в 1700 году помещика Андрея Островского была некая Степанида, дочь Бехтеева. См. Архив Государственного Совета, том третий. Царствование Императора Александра I (1801–1810) Санкт Петербург 1878 с. 499*). В репертуаре Малого театра за 1860–1870 гг. значится одно-

актовая комедия А. С. Бехтеева «Три косточки». Неясно, правда, какого именно Бехтеева и имеет в виду Островский в упомянутом выше письме.

В результате недавних изысканий москвички Ирины Германовны Лильп удалось установить **родство Бехтеевых с Писаревыми**. Вот что в частности написала мне Ирина Германовна в письме от 1.11.2008 г.:

«Здравствуйте, Владимир Константинович!

Сообщаю Вам интересные сведения. Все сомнения насчет публициста и критика Д. И. Писарева (1840 г.р.) отпали.

В 1922 г. вышла книга: Д. И. Писарев. 1840–1856. Авт. Е. Козанович. Наука и школа. 1922.

Там сказано: “А.И.Писарев в 1759 г. (он р. в 1742 — И. Г.) был вах-мистром Новгородского драгунского полка, затем поручиком. Женат законным браком на Степаниде Дмитриевне Бехтеевой (прапрапрадед поэта Сергей и отец Степаниды Дмитрий были, как выясняется, родными братьями — В. Н.). С ней прижил сына Ивана Александровича — это дед Д. И. Писарева”

Я продолжаю — Иван Александрович Писарев (р. 1780), у него жена Прасковья Александровна Чаплыгина. Бракосочетание в Ельце в 1802 г.

У них сын Иван Иванович Писарев, р. 1819, жена с 1839 — Данилова Варвара Дмитриевна. Бракосочетание в 1839 г. в с. Ивановское Елецкого у.

У них сын — Дмитрий Иванович Писарев — р.1840 в с. Знаменское Орловской г.»

Упоминание о дальнем родстве рода Бехтеевых и Писаревых имеется и в неизданных пока мемуарах Алексея Бехтеева (родного брата поэта).

В дореволюционной России Бехтеевы всегда принадлежали к правому консервативному крылу, были истово верны Престолу и долгу своему, очень много полезного сделав для Отчизны и народа Российского. К сожалению, древний и могучий дворянский род этот был рассеян великой смутой XX столетия и фактически исчез с лица Российской земли. Потомки рода Бехтеевых ныне проживают в основном за рубежом (в Европе и Южной Америке); остались, правда, отдельные представители, преимущественно дальнего родства, и в России. *С некоторыми из них удалось в последнее время наладить контакты и получить новые, поистине бесценные материалы, касающиеся истории рода Бехтеевых и жизни поэта-монархиста.*

На протяжении многих веков древний дворянский род Бехтеевых верой и правдой служил Царю и Отечеству. Царелюбивый дух был присущ предкам поэта, передался он, конечно же, и потомкам. Любить и почитать Царя в семье будущего царского поэта было делом совершенно естественным, как естественно вдыхать чистый свежий и полезный здоровый воздух. В Государственном архиве Воронежской области сохранились копии Царских указов по Бехтеевым, начиная от Императрицы Екатерины Алексеевны до Государя Императора Александра III, причем некоторые из указов были собственноручно писаны, другие подписаны лично рукой Самодержцев.

Восприемником при крещении сына Леонида и дочери Надежды у одного из родственников поэта по Землянской линии, полковника Александра Семеновича Бехтеева, был в Санкт-Петербурге сам Государь Император Александр II, о чем гласит заверенное подписями и печатями свидетельство. В Государевых Указах о дозволении ухода с военной службы нередко присутствуют слова Высочайшей благодарности за добросовестную службу, адресованные отличившимся представителям рода Бехтеевых. Строго следуя дворянской традиции, все Бехтеевы мужского пола определялись, еще в юности (а часто и с детства), на военную службу. Некоторые из Бехтеевых, начиная с деда поэта и его братьев, выбирали военно-морское поприще, на которое вступали уже с девяти-двенадцатилетнего возраста. Мальчиков отдавали в Петербургский Морской кадетский корпус, закончив который, проходили они все положенные ступени воинской лестницы, становясь гардемаринами, мичманами, и, наконец, морскими офицерами. Несколько представителей рода Бехтеевых участвовали в дальних плаваниях и легендарных морских сражениях, за что были жалованы боевыми наградами. 27 лет отдал Морскому Флоту дедушка поэта (тоже Сергей Сергеевич Бехтеев (1799–1887).

Иные же воспитывались в сухопутных, шляхетских кадетских корпусах, служили в Кавалергардах, в Лейб-гвардии, в Уланских, Кирасирских полках, иногда в Жандармерии. Так, полковник (он же плац-майор) Александр Семенович Бехтеев занимал должность главы жандармерии Воронежского губернского управления, а также высокие посты в жандармском ведомстве в Петербурге. Впрочем, те немногие представители из известных нам ныне Бехтеевых, что привлекались к сыску либо к жандармской службе, до этого проходили, как было тогда принято, армейское воинское поприще, где заслуживали добрую репутацию боевых офицеров.

Безусловно, в семье и среди родственников, еще мальчиком, Сергей Бехтеев слышал захватывающие рассказы о Наваринском сражении, о Польской, Балканской, Финской кампаниях, о Великой Отечественной войне 1812 года, об иных сражениях и походах доблестной Русской Царской Армии.

Все это я описываю для того, чтобы были более явственно видны истоки того героического характера и царелюбивого верноподданнического духа, что столь обильно почивали на одном из последних представителей старинного дворянского ратного рода Бехтеевых, каковым был бывший кавалергард, корнет, участник Белого сопротивления Сергей Сергеевич Бехтеев.

Любовь и преданность к Царю и Его Августейшей Семье ярко проявилась у поэта еще в лицейские времена. В 1897 году Сергей Бехтеев после энных лет учебы в Училище Правоведения (которое он, вероятно по каким-то причинам, не закончил) поступает в знаменитый и славный своими традициями Императорский Александровский Лицей, в стенах которого пробудет шесть лет. По словам автора статьи о Бехтееве в журнале «Дворянство» (Париж) Ю. Ртищева, опубликованной в мае 1968 года, в Лицее Бехтеева «числили как настоящего поэта».

Именно здесь 11 марта 1900 года молодому лицеисту Сергею Бехтееву будет доверено прочесть стихи-приветствие собственного сочинения Высочайшим Особам — Государю Императору Николаю II и Государыне Императрице Александре Феодоровне — при первом посещении Их Величествами стен Александровского Лицея.

Известны некоторые подробности того неординарного события в жизни поэта.

«О Высочайшем приезде было объявлено заранее. Товарищи Сергея Бехтеева попросили его прочесть приветствие в стихах. Стихотворение было написано как грамота, на пергаменте, старым русским орнаментом. Внизу, на золотом шнурке, висела печать с изображением герба Лицея — «Сова и Лира». Точная копия такого приветствия была помещена в музей, вставленная в красивую рамку. Когда Их Величества прибыли в Лицей, то все воспитанники были собраны в большой зале, и Сергей Бехтеев прочел свое приветствие:

*Не солнце с выси заблистало,
Не в небе вспыхнула заря —
Судьба нам счастье даровала:
Мы видим нашего Царя.
Не сон ли то? С ступеней Трона
Высокий Гость нас посетил
И, будто солнцем с небосклона,
Он наши стены озарил.
И все гремит, несутся клики,
Ликуют юные сердца,
И наши чувства так велики,
Что счастьем нет для нас конца!
Мы рады видеть бесконечно
Монарха образ всеблагой,
Да воссияет же Он вечно
Нам путеводною звездой.
Пусть то, что Царскою любовью
Здесь нам даровано сейчас,
Мы, став людьми, добудем кровью
И верной службой много раз.
Пусть счастье видеть Лик любимый,
Услышать Голос дорогой
Вновь даст нам труд неутомимый
На пользу Родины Святой.
Пред нами длинная дорога,
Вступили в путь мы лишь вчера,
Но мы кричим уже с порога
Царю с Царицею — Ура...*

Государь поблагодарил всех и особенно юного поэта».

Итак, юный лицеист Бехтеев удостоился чести не только зреть в непосредственной близости воочию Царя Николая II Александровича, но и в его присутствии прочесть от имени лицеистов приветствие Высоким Особам (при посещении 11 марта 1900 года Государем Николаем II и Государыней Александрой Феодоровной Императорского Александровского Лицея). А такое счастье, согласитесь, выпадает в жизни лишь избранным. И Сергей Бехтеев это особое избранничество ощущал в душе на протяжении всей жизни. Воспоминания о той незабвенной встрече отражены поэтом в стихотворении «Святой Царь»:

*Скажу я по долгу, скажу я по праву,
Да ведает русский народ:
Я видел России величье и славу,
Державного солнца восход.
Я видел Святого Царя на Престоле,
Обласкан радушно Им был,
В дни сказочной жизни, в дни истинной воли
Сыновне я с ним говорил.
И очи Царевы любовно глядели,
И голос Монарший звучал,
Как песня волшебная нежной свирели,
Как сладостно плещущий вал...*

Ницца, 4 октября 1942 года.

Во время пребывания в Лицее молодой поэт удостоился также чести сделать фотографию Императрицы Марии Феодоровны — Высочайшей попечительницы Лицея (с ее позволения и по просьбе своих товарищей лицестов). Снимок, который получился очень удачным, был увеличен и художественно оформлен в виде особого адреса, на левой стороне которого были нарисованы розы, а на правой — приветствие в стихах по поводу приезда Императрицы в Лицей, сочиненное Бехтеевым:

*К Твоим стопам, моя Царица,
Несу я дар ничтожный свой.
Пусть эта скромная страница
Падет любовью пред Тобой;
И лиры юной песнопенье
Да прозвучит, Тебе открыв
Мечты тревожной восхищенье
И сердца пылкою порыв.
В тот день, когда в стенах Лицея
Тобой наш праздник просиял,
К Тебе приблизиться не смея,
Вдали я, трепетный, стоял.
И вспомнил я, как в дни былые,
В дни ранней юности своей,
Два всем портрета дорогие
Хранил я в комнатке моей.
И на одном из них, как ныне,
С улыбкой милой простоты
Была и Ты, моя святыня,
Царица, Ангел доброты!
И вот нежданно пред собою
Я тот же Образ увидал,
И пред улыбкой неземною
Я очарованный стоял.
Передо мной, как в сновиденье,
Блеснули дивные черты,*

*И это светлое виденье
Была для нас, Царица, Ты!
И блеском огненной зарницы
Твой Лик я робко начертал,
И Образ матери-Царицы
Семье лицейской передал...*

Как повествует далее Ю. Ртищев, «Императрица Мария Федоровна пожелала, чтобы лицеист С. Бехтеев доставил ей портрет. В назначенный день (6 апреля 1901 года — В. Н.) Сергей Бехтеев отправился в Аничковый дворец. Князь Шервашидзе провел его к Императрице в ее маленькую гостиную. Когда он с подношением проходил через зал, к удивлению всех дам, собравшихся для представления Императрице, [он] был принят первым. Императрица ласково встретила его и благодарила за портрет, которым осталась очень довольна и соблаговолила написать “Мария” на точной копии портрета, по просьбе лицеистов». Эту копию в красивой рамке поместили в Лицее в комнате под названием «Каменка», ибо в ней находился камень от здания

Государь Николай II

первого Лицея в Царствование Императора Александра I. В этой же комнате лицеисты, по окончании обучения, по традиции разбивали лицейский колокол, который звонил им на протяжении шести лет. То же осуществили и лицеисты бехтеевского выпуска. При прощании с товарищами поэт прочел тогда им свое стихотворение «Лицейский колокол», многие из присутствующих плакали... «В разговоре с Сергеем Бехтеевым Государыня, узнав, что он пишет стихи, которые будут скоро напечатаны в его первом сборнике, пожелала иметь таковой. Как только сборник вышел из печати, он был в красивом переплете послан Императрице в Гатчину и милостиво принят». Тот первый свой сборник стихов, который был издан в 1903 году, молодой поэт посвящает Государыне Марии Феодоровне. Средства, вырученные от продажи книги, были пожертвованы поэтом на нужды Царскосельско-

Императрица Александра Федоровна

«Стансы» и «К друзьям», где воспевается Государь Император Николай I. Но никто из известных русских поэтов, даже лучших времен, расцвета и процветания Русского Царства, не высказал в своих царских стихах столько искренних сыновних чувств и не выразил такой преданной любви к Монарху, как поэт XX века — века крушения и гибели Российской Империи — Сергей Сергеевич Бехтеев! Поэтому неслучайно Сергея Бехтеева еще при жизни современники нарекли «Царским поэтом», «Царским гусяром» (по имени одного из его поэтических сборников, изданных на чужбине в 1934 году).

Согласно поэтической подборке итоговых книг поэта «Святая Русь» (четыре самостоятельных выпуска, пятый поэт не смог завершить в связи со своей кончиной), непосредственно Царской теме посвящено более десятка стихотворений. Немало стихов, написанных в честь (и в память) Государя Николая II и Его Венценосной Семьи, а также других русских Царей, находим и в других поэтических сборниках Бехтеева. Однако при всей масштабности Царская тема все же не занимает доминирующего места в его творчестве, существенно уступая в количественном отношении таким темам, как «Православие» и «Россия» («Святая Русь»). Впрочем, дробление глубоко цельной и органичной поэзии Сергея Бехтеева на отдельные искуст-

го ремесленного приюта. С. С. Бехтеев очень жалел позже, в эмиграции, что не смог вывезти из России дары Императрицы Марии Феодоровны, в числе которых было очень красивое эмалированное Пасхальное яйцо с вензелем Императрицы, подаренное ему на Пасхальной неделе в Гатчине, куда он ездил с поздравлением...

Нам известен целый ряд русских стихотворцев, начиная с М. В. Ломоносова, Г. Р. Державина, В. А. Жуковского, графа А. К. Толстого и кончая А. С. Пушкиным, которые были лично знакомы с Царями и посвящали Им возвышенные поэтические произведения. Вспомним хотя бы державинские оды «Фелица» и «Изображение Фелицы», написанные в честь Государыни Екатерины II, пушкинские

венно выделенные тематические блоки, конечно же, весьма условно и едва ли правомерно...

В стихах, посвященных святому Царю-Страстотерпцу Николаю II, Бехтеев художественно запечатлевает дивный христоподобный Образ последнего Русского Православного Государя. Его улыбку он сравнивает с улыбкой Небесного Ангела, в Царских очах видит кротость и смирение. Царским глазам, столь запомнившимся почти всем из тех, кто удостоился счастья их лицезреть в жизни, поэт посвящает проникновенное и трогательное стихотворение:

*Кто видел в жизни только раз
Сиянье кротких Царских глаз,
Тому их век не позабыть
И Тех очей не разлюбить...
Глаза, которым равных нет
В греховном мире слез и бед...
Царские глаза.*

Ницца, 1929 год

После насильственного отречения Государя Николая II от Престола и последовавших за тем пленения и ссылки Царской Семьи в Сибирь поэт остается по-прежнему верен Царской присяге и долгу, как и возвышенным Царским идеалам. Октябрьский переворот 1917 года не только не поколебал, но и укрепил его искренние чувства верноподданного к низвергнутому Государю. Вскоре стали оправдываться и поистине пророческие поэтические слова поэта о грядущей победе кровавой стихии в родной стране и гибели Белой Святой Руси. Осенью и зимой 1917 года через графиню Анастасию Васильевну Гендрикову, которая приходилась родной сестрой последнему Орловскому губернатору Петру Васильевичу Гендрикову (бывшему сослуживцу Бехтеева по Кавалергардскому полку), поэту удается переслать Царственным Мученикам в Тобольск несколько своих стихотворений («Молитва», «Россия», «Верноподданным», «Святая ночь», «Боже, Царя сохрани»).

Каждый из перечисленных стихов по-своему характерно отличителен и таит в себе глубокий смысл, в котором раскрываются и верноподданнические чувства поэта к любимому монарху, и слова утешения Царственным Страдальцам, и вера в грядущее воскресение Державной Руси. В некоторых из перечисленных выше стихов звучат — опять-таки! — пророческие строки-откровения:

*Владыка мира, Бог вселенной!
Благослови молитвой нас
И дай покой душе смиренной
В невыносимо смертный час.
И у преддверия могилы,
Вдохни в уста Твоих рабов
Нечеловеческие силы
Молиться кротко за врагов!*

Елец, 1917 год

*Императрица Мария
Федоровна, художник В. Е. Маковский*

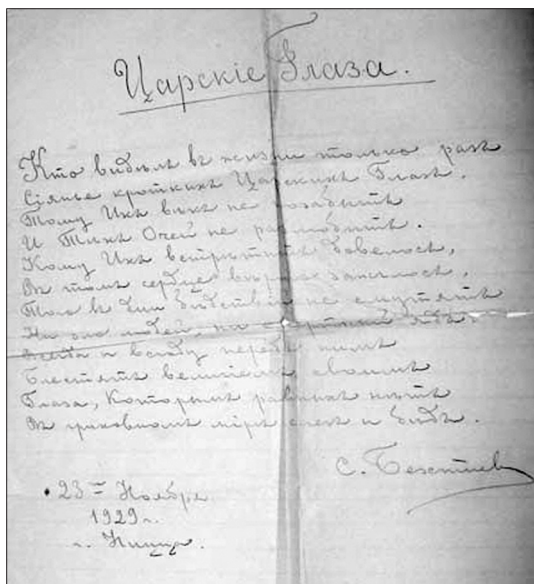
ла бехтеевскую «Молитву» на почтовую открытку с репродукцией картины Барбьеры «Христос» и послала это проникновенное стихотворение доблестному русскому воину полковнику (а с 1920 года генерал-майору) А. В. Сыробоярском, который в годы Первой Мировой войны проходил лечение в Ее Величества лазарете Царского Села.

Авторство стихотворения «Молитва» долгие годы ошибочно приписывалось целому ряду лиц, в том числе самой Великой Княжне Ольге и даже Государыне. *«Однако после первой публикации “Молитвы” в 1920 году в “Воле России” в Праге, а затем в сборнике стихов Бехтеева в Мюнхене в 1923 году этот вопрос прояснился».*

Глубокий и всесторонний разбор «Молитвы» сделан в статье «След поэта С. С. Бехтеева на литературно-краеведческой карте Липецкой области» доцентом Елецкого Государственного Педагогического института (ныне Государственного Университета имени И. А. Бунина) Софьей Васильевной Красновой (к сожалению, не столь давно почившей). Вот, в частности, что она пишет: *«Стихотворение (“Молитва”), написанное за месяцы до убийства, поражает предчувствием его неотвратимости, состраданием и стремлением поддержать душевные силы обреченных на жестокую расправу. Оно проникнуто искренностью глубоко верующего человека и создано в традициях и по законам канонических молитвенных текстов... каждая*

Вы, быть может, знаете, что листок со стихотворением «Молитва», переписанный рукой Великой Княжны Ольги, старшей дочери Царя, был найден среди вещей расстрелянной Царской Семьи (в английской книге с названием «*And Mary Sings Magnificat*»). Эту книгу, с изображением на бумажной обложке поющей Святой Девы, которой аккомпанируют два Ангела, подарила своей дочери Государыня Императрица Александра Феодоровна, сделав на оборотной стороне обложки надпись: «В. К. Ольге 1917 г. Мама. Тобольск»). Стихотворение «Молитва» поэт посвятил Великим Княжнам Ольге и Татьяне. Но не все, вероятно, осведомлены, что и сама Государыня Александра Феодоровна собственноручно переписала

строфа Бехтеева озаглавлена мольбой: “Пошли нам, Господи, терпенье”; “Дай крепость нам, о Боже Правый”; “Терпеть позор и униженья, Христос Спаситель, помоги!”; “Владыка мира, Бог вселенной, благослови молитвой нас”; “И дай покой душе смиренной”; “Вдохни в уста Твоих рабов Нечеловеческие силы Молиться кротко за врагов!” Каждое из заклинаний сопровождается неповторимым призывом Божества, что придает стихотворению усиливающийся патетический настрой: от привычного в разговорной речи, обыденного обращения к Богу — “Господи” — к более возвышенным: “Боже Правый”, “Христос Спаситель”, “Владыка мира, Бог вселенной”...

Царские Глаза
(подлинный текст Бехтеева)

Далее Софья Васильевна сообщает один немаловажный факт, касающийся бережного сохранения высоких поэтических творений в поэтической народной памяти: «Несколько лет тому назад, в начале девяностых годов, студентами ЕГПИ (Елецкого Государственного Педагогического института) во время фольклорно-краеведческой практики, проходившей в деревнях и поселках Елецкого района (Соколье, Черкасы, Чибисовка, Ериловка, Акатово и др.) среди фольклорных молитв, духовных стихов была обнаружена и записана анонимная “Молитва” С. Бехтеева. Ее народнопоэтический вариант идентичен оригиналу, лишь с небольшими разночтениями: “В годину буйных, мрачных дней” (бурных); “Дай крепость нам” (стойкость); “Терпеть позор и униженья” (оскорбления). Необходимо отметить широкую распространенность стихотворения как устно-поэтического духовного текста».

Как указано в сноске к стихотворению «Святая Ночь», сделанной самим поэтом, «за стихотворения “Святая ночь” и “Боже, Царя сохрани” автор получил высочайшую благодарность и сообщение графини А. В. Гендриковой о том, что при чтении этих стихов Государь “неволью прослезился”».

Уже находясь в сербской эмиграции, в очень сложный для себя жизненный период, испытывая грубые нападки со стороны агрессивного русского беженства, в ответ на смелые их разоблачения в редактируемой поэтом газете «Русский Стяг» Бехтеев пишет пронзительные стихи, воскрешающие тот памятный эпизод:

Я ненавиستن вам!.. Скажите, не за то ли,
Что к правде я открыто призывал,
Что, обличая ложь и гнет кровавой воли,
Безумье наших дней я смело бичевал,
Разоблачая зло и козни темных сил...

Стихотворение заканчивается словами:

*Чего ж мне ждать... мне ничего не надо,
Мне то дано, чего не снилось вам,
Те слезы Царские — бесценная награда,
Алмазы дивные к последним орденам...*

«Царские слезы (Мой ответ моим врагам)»

Не имея возможности защитить Царя оружием и освободить его из плена, поэт прибегает к помощи единственно возможной в то время действенной силы — своего поэтического отточенного, как кинжал, огненного слова. Стихи Бехтеева наверняка сыграли свою положительную роль, укрепляя души Царственных Мучеников в их непомерных страданиях и вдохновляя их на подвиг Царской Голгофы.

Сергей Сергеевич Бехтеев — единственный из известных нам русских поэтов XX века, удостоившихся чести Царского благодарения за стихи, как и Царских слез при их прочтении.

Царские стихи Бехтеева — образец особого вида доселе еще неведомой возвышенной и прекрасной русской поэзии, воспевающей русских благочестивых Царей, Помазанников Божьих, Собирателей и Охранителей Державы Российской.

Следует отметить, что в поэтическом творчестве Сергея Бехтеева представлены стихи, посвященные не только Государю Императору Николаю II, но и другим Российским монархам: Петру I Великому, Александру I Благословенному, Николаю I, Александру III Миротворцу — см. стихи «Царский пример» (1937), «Царь-Всадник» (1924), «Царь-Рыцарь» (1925), «Царская тайна» (1938), «Солдатские похороны» (1947), «Царь-Богатырь» (1943).

По сути дела, поэтом создана некая поэтическая «Царская галерея» Русских Царей (нечто подобное, но с помощью красок, ныне пытается осуществить в Санкт-Петербурге художница-иконописец («Царский изограф») Ксения Владимировна Вышпольская — автор одного из первых портретов Сергея Бехтеева, написанных в России, который помещен на обложке книги о Бехтееве под названием «Певец Святой Руси», изд. «Царское Дело», 2008).

Наконец несколько стихотворений поэт посвятил Великому Князю Кириллу Владимировичу, провозгласившему себя в 1924 году Всероссийским Императором. Из них одним из самых ярких, пожалуй, является стихотворение «Император» (дата написания мне неизвестна). Здесь следует уточнить, что поначалу Бехтеев всей пылкой душой русского патриота-монархиста однозначно воспринял Кирилла Владимировича как нового Императора Всероссийского, став в ряды Его истовых верноподданных («кирилловцев», или «легитимистов»). В дальнейшем, однако, позиция и взгляды Сергея Сергеевича претерпели существенное изменение, чему были весьма веские причины. После возникших разногласий с Кириллом Владимировичем и последовавшего затем разрыва их отношений (по крайней мере, с 1929 года) Сергей Бехтеев уже не относил себя к сторонникам и верноподданным «Императора Кирилла I», о чем сохранились весьма достоверные устные свидетельства (к примеру, Ксении

Федоровны Безак, ныне проживающей в США, а в молодости лично знавшей Сергея Бехтеева, ибо поэт снимал квартиру у ее родителей и был старостой домового Храма во имя Державной иконы Пресвятой Богородицы. Этот храм был создан стараниями семей Безак и Бехтеевых, Сергея и Натальи, и по юрисдикции принадлежал Московскому Патриархату). В силу малой известности стихотворения «Император» приводим его полностью:

*Не в латах, одетых в порфиру,
Не с Царским алмазным венцом,
Явился он гордому миру
С спокойным и светлым лицом.
Ему не играли фанфары,
Пред ним не сверкали штывы,
Не шли под штандартом гусары,
Не строились грозно полки.
Вокруг его Царского трона,
Пленяя нарядами взор,
Толпясь, не спешил для поклона
Ликующий радостный Двор.
В кровавое смутное время,
Седое, как пенистый вал,
На плечи тяжелое бремя
Он смело и кротко принял.
На подвиг святой и великий
За Русь и за Веру Христа
Он вышел под буйные крики,
Слуга и Защитник Креста.
Он вышел без гнева, без страха,
Взывая к стыду бунтарей,
Наследник венца Мономаха
И барм Православных Царей!
И дрогнул в Кремле узурпатор,
И голос молвы подхватил:
«Да здравствует наш Император,
Наш Царь Благоверный Кирилл!»*

Одним из наиболее ярких и гимнографических произведений в поэзии Бехтеева является стихотворение «Царь», написанное в 1923 году в Сербии и посвященное «дорогому брату А. С. Бехтееву». Это произведение, впервые опубликованное в 31-м номере газеты «Вера и Верность» за 1924 год, чем-то перекликается со знаменитой Молитвой Русского народа «Боже, Царя храни». Стихотворение «Царь» является, несомненно, не только подлинным шедевром бехтеевской православно-патриотической лиры, но и драгоценной жемчужиной всей Русской Царской поэтической гимнографии! Каждая строка этого стихотворения вызывает в душе чувства восхищения и гордости нашими Великими Державными Вождями и Царством Русским, процветающим некогда на протяжении веков!

Вот заключительная часть того монументального величественного гимна:

*Царь — это Солнце блистательной славы;
Царь — это гордость страны,
Грозная сила могучей державы,
Страшной врагам без войны.
Царь — это вера и правда святая;
Звон златоглавых церквей,
Русь богомольная, Русь вековая
Дедов... отцов... сыновей.
Царь — это вдовы отертые слезы,
Труд безмятежный в глуши;
Царь — это лучшие, светлые грезы
Любящей русской души!*

Один из современных поэтов не столь давно написал: **«Нам нужны поэты и Цари»**. Да, поистине так, ибо подобные молитвенные поэтические строки по внутренней силе своей сопоставимы разве что с ядерным оружием колоссальной мощи! **А ведь подлинно Царских поэтов до Бехтеева в России, пожалуй-то, и не было! Были лишь придворные.**

Стихам Бехтеева нехарактерно уныние, как и упаднический дух, напротив, они бодрь, жизнеутверждающе светлы и оптимистичны. Поразительно, но в самые сложные и страшные периоды жизни его поэзия находит в себе силы противостоять злу твердой верой в грядущие победы. И все же, несколько удивляет другое. Исследователи творчества Бехтеева справедливо отмечают элементы некоторой раздвоенности и расщепленности по отношению к судьбе Государя Императора Николая II. С одной стороны, уже 12 сентября 1920 года в стихотворении «Дни покаяния» поэт, призывая ко всеобщему всенародному покаянию, восклицает, обращаясь к России:

*Кайся в клятвопреступлении,
Кайся в зверском убиении
Царской праведной Семьи!..*

Та же констатация скорбного факта прослеживается и в стихотворении «Они пройдут»:

*И вспомним мы о позабытом Боге
И об убитом Ангеле Царе...*

Ялта, 1920 год

Наконец после прочтения книги Пьера Жильяра в 1921 году создаются стихотворения «Цареубийцы», «Евангелист», «Венценосец» (1922), «Царский крест» (1922) и ряд других со столь же однозначной оценкой мученической кончины Царской Семьи и исключительно сильным поэтическим выражением произошедшей трагедии. Но уже в начале 1923 года в его стихах появляются такие строки:

*Не может сердце отказаться
От веры в Промысел благой;*

*От веры в то, что Он, Пресветлый,
Рассеяв тягостную тьму,
Вернется, радостный и светлый,
Опять к Престолу Своему...*

«Наша вера»

Королевство СХС, 30 января 1923 год

Та же сказочная вера в чудо спасения Царя от смерти присутствует и в единственном из известных нам ныне прозаических произведений Бехтеева, названном им «Православной сказкой»; и в другом стихотворении с тем же названием, написанном в том же году в Новом Футоге и посвященном матери, Наталье Алексеевне Бехтеевой (это стихотворение, кстати, создано за год или даже чуть менее до ее смерти, последовавшей 21 мая 1923 года в Берлине). И, наконец, в тот же период (и даже чуть раньше того) создается стихотворение «Он жив!», которое поэт посвящает «любящим, верящим и надеющимся». Концовка этого произведения, исходя из названия, вполне предсказуема:

*Оставьте мрачные и горькие сомненья:
Он жив! Он жив! молитесь за Него!*

Новый Футог, 1922 год

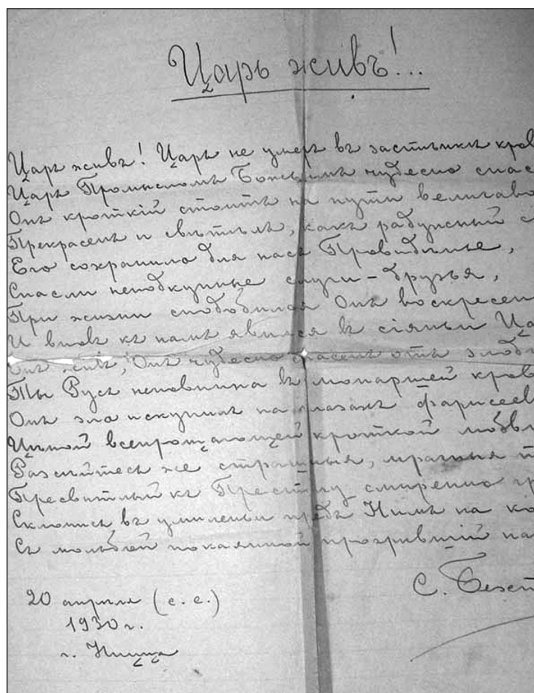
Поэт никак не может смириться с горькой правдой, которую, принимая разумом, тут же отвергает душой. Эта борьба ума и души, сознания и подсознания, чувствуется и в дальнейшие годы. И даже в снах, которые, как считают психиатры, нередко отражают желаемые сюжеты, поэт видит порой спасенного Государя:

*Мне снился сон: отверзся Божий храм,
И вышел Он с Семьею на ступени;
И дрогнул мир, и к Царственным стопам
Упал народ со стоном на колени...*

«Православная сказка»
Новый Футог, 1922 год

Однако суровая правда была далека от чаяний поэта и тщетных надежд всех любящих Царя и уповавших на его спасение (а таковых все же было еще немало на белом свете).

Палачи не упустили из своих рук несчастные жертвы. Тем не менее, как известно, и Мать расстрелянного Царя Николая II Государыня Мария Феодоровна до конца своих дней продолжала верить, что хоть кто-нибудь из Семьи Ее сына смог избежать казни и спастись. Великая Княгиня Ольга сказала как-то княгине Лидии Леонидовне Васильчиковой, приехавшей осенью 1918 года в Крым: «Я знаю, все думают, что мой старший Брат убит, но у Мама имеются сведения, что Он жив». Согласно воспоминаниям той же Васильчиковой, известный оптимизм Императрицы Марии Феодоровны, возможно, объяснялся тем, что приехавшая в Крым жена члена Государственного совета Федора Николаевича Безака Елена Николаевна Безак передала

Царь жив!

(подлинный текст Бехтеева)

телефону и сказал, что сейчас ему звонил граф Альвенслебен и сообщил ему, что сейчас он будет у Безака и передаст ему какое-то очень важное известие. Этот Альвенслебен — бывший дипломатический чиновник германского министерства иностранных дел. В эпоху гетманства он, будучи призван по мобилизации, состоял при главнокомандующем Эйхгорне, а затем — Кирбахе. Бабушка его была русская, как он сам говорил, кажется, графиня Киселева. Он был вхож в русские круги и считался монархистом и русофилом. Я отправился к Безаку, куда вскоре приехал Альвенслебен. Разговор наш шел с ним в присутствии четырех лиц. Альвенслебен сообщил нам, что Император Вильгельм желает во чтобы то ни стало спасти Государя Императора Николая II и принимает к этому меры... Во время этого разговора Альвенслебен предупредил нас, что между 16 и 20 июля (по новому стилю) распространится слух или известие об убийстве Государя; что слух этот или известие не должен будет нас беспокоить: как и слух, имевший место в июне, он будет ложный, но что он необходим в каких-то целях именно Его спасения. В то же время он просил нас держать разговор с ним в секрете, делая наружно вид, что мы верим известию о смерти Государя» (Российский Архив. С. 269).

Эту же историю (известную ей со слов отца) несколько раз по телефону передавала мне почти слово в слово Ксения Федоровна Безак (кстати, правнучка вдовы А. С. Пушкина Натальи Гончаровой от второго брака ее с генералом Ланским). По ее рассказу, при официальном сообщении о гибели Государя Николая II Альвенслебен на каком-то публичном мероприятии буквально заливался слезами, и когда Федор Николаевич Безак позже лич-

ей, что «получила предупреждение от немецкого дипломата графа Альвенслебена, «что слухи об убийстве Государя будут ложные». «Какие-то известия о том, что Государь уцелел, — отмечала Васильчикова, — Императрица получала. Насколько они достоверны, остается загадкой и по сей день».

Об этом же, по сути, повествует в книге «Свидетельствуя о Христе до смерти» П. В. Мультили, цитируя воспоминания князя А. Н. Долгорукова: «Летом 1918 года в Киеве проживал член Государственного Совета киевский губернский предводитель Федор Николаевич Безак. Мы оба с ним входили в одну и ту же монархическую группу. Я хорошо помню, 5 или 6 июля по новому стилю Безак позвонил мне по

но спросил того, не переусердствовал ли граф, слишком войдя в роль, тот ответил с глубокой скорбью, что «к большому сожалению, сообщение о гибели Русского Царя есть действительно правда!»

Ксения Федоровна Безак также сообщила мне еще одну интересную историю, связанную с визитом немецкого принца Ройса в Данию к вдовствующей Императрице Марии Феодоровне, Матери Государя Николая Второго.

Долгое время Мария Феодоровна, несмотря на настойчивые просьбы принца, отказывалась его принимать (после произошедшей с Россией трагедии отношение к немцам у Императрицы было особенно негативное). Между тем в Германию приезжала Великая Княгиня Ольга Александровна (родная сестра покойного Государя) и смогла как-то уговорить свою Мать принять в

Могила Бехтеева

Дании принца. По словам Ксении Федоровны, никто не знал содержание визита и того, что сообщил вдовствующей Императрице принц Ройс. Однако после встречи с последним до конца своих дней Мария Феодоровна запретила служить панихиды по Сыну, его Супруге и Детям. Также и по свидетельству Великого Князя, Александра Михайловича, Императрица «так никогда и не поверила советскому официальному сообщению, которое описывало сожжение тел Царя и его Семьи. Она умерла в надежде все еще получить известие о чудесном спасении Ники и Его Семьи». Итак, в силу своей убежденности, основанной на не известных нам фактах, Государыня Мария Феодоровна до конца своих дней продолжала верить в чудесное спасение Царственных Мучеников.

Однако если в 1922 году поэтический дуализм Бехтеева в отношении судьбы Царя был как-то объясним, то в 1929-м (когда уже было опубликовано, начиная с книг Соколова и Дитерихса, так много достоверной литературы о царевубийстве, снимавшей всякие иллюзии на иной исход) новые заявления поэта о спасении Царя выглядели по крайней мере странными. Тем не менее Бехтеев публично уверял, что лично имел честь встречаться с посланниками Царя, и убеждал в реальности чудесного спасения Государя Императора Десницей Божьей, распространяя при этом листовки соответствующего содержания и обещая опубликовать фотоальбом со снимками Членов Царской Семьи...

Вскоре появилось и восторженное стихотворение «Благовест», отражающее чувства поэта по поводу радостной вести:

*Из глаз бегут от счастья слезы —
Ты жив, Пресветлый Государь,
Сбылись несбыточные грезы,
И спас тебя Небесный Царь...*

Новый Футог, 10 февраля 1929 года

Как сказано в предисловии к книге стихов Бехтеева «Грядущее» (СПб, 2002), с этой уверенностью поэт в 1929 году покинул Сербию и поселился на юге Франции в Ницце, где прожил до конца своих земных дней еще четверть века. Поначалу меня смущало это смелое утверждение. Казалось бы, пережив подобный обман, поэт должен был, наконец, обрести реальный взгляд на вещи!

Однако не столь давно выяснилось, что уже живя в Ницце, Бехтеев продолжал, в силу совершенно непонятных для нас причин, свято верить в чудо спасения Царя, о чем наглядно свидетельствует его стихотворение «Царь жив!» (не включенное, правда, поэтом ни в один из поэтических сборников). Вот текст этого любопытного произведения:

*Царь жив! Царь не умер в застенке кровавом!
Царь Промыслом Божьим чудесно спасен!
Он, кроткий, стоит на пути величавом
Прекрасен и светел, как радужный сон.
Его сохранило для нас провиденье,
Спасли неподкупные слуги-друзья,
При жизни сподобился он воскресенья
И вновь к нам явился в сиянье Царя.
Он жив, Он чудесно спасен от злодеев,
Ты, Русь, неповинна в монаршей крови,
Он зло искупил на глазах фарисеев
Ценой всепрощающей кроткой любви.
Рассейтесь же, страшные, мрачные тени,
Пресветлый к Престолу смиренно грядет!
Склонись в умиление пред Ним на колени
С мольбой покаянной прозревший народ.*

Ницца, 20 апреля (ст. ст.) 1930 года

А ниже приводится фото оригинала этого стихотворения, подаренного автору статьи Ксенией Федоровной Безак.

Итак, никто из русских поэтов ни до Бехтеева, ни после него не подыскал более сильных и возвышенных слов для воспевания величия и славы Русских благочестивых Царей! Царскую поэзию Бехтеева мы должны еще открыть для себя и для потомков наших, как открывали в свое время бесценные фолианты древних летописей со «Словом о полку Игореве» и другими изумительными творениями поэтического русского зодчества.

Наша ИДЕОЛОГИЯ

**Архиепископ
Екатеринбургский
и Верхотурский
ВИКЕНТИЙ**

**«ВЕРИТЬ
В РОССИЮ»**

*Слово
об Иване
Александровиче
Ильине*

Слово об И. А. Ильине было произнесено высокопреосвященнейшим архиепископом Екатеринбургским и Верхотурским Викентием на Первых Всероссийских Ильинских молодежных научно-богословских чтениях в рамках Международных Ильинских научно-богословских чтений, проводящихся уже в седьмой раз. Их основное направление «Духовно-нравственный путь развития России».

В жизнь вступают новые поколения. Их становление и духовно-нравственное самоопределение происходит в кардинально изменяющихся общественных и социально-культурных условиях. Духовные силы общества призваны донести до молодежи глубины святоотеческого учения, а также творческого наследия и выверенных заветов великих сынов России, к числу которых по праву принадлежит славное имя И. А. Ильина. Книгу, собравшую в себе лучшие работы Чтений представил в библиотеке города Шадринска архиепископ Курганский и Шадринский Константин и рекомендовал этот материал для публикации в нашем журнале.

Архиепископ Екатеринбургский и Верхотурский Викентий (Виктор Александрович Морарь) — родился в 1953 г. в Молдавской ССР. В 1974 г. поступил в МДС, в 1982 — в МДА, которую окончил со степенью кандидата богословия. В 1981 году пострижен в монашество и рукоположен во иеродиакона, в 1982 — во иеромонаха. С 1982 г. нес послушание в Троице-Сергиевой Лавре. В 1985 г. возведен в сан игумена, а затем — архимандрита. В 1990 г. в Христорождественском соборе г. Кишинева Святейшим Патриархом Алексием II и сонмом архиереев хиротонисан во епископа Бендерского, викария Кишиневской митрополии. В 1995 г. назначен епископом Абаканским и Кызылским. Награжден орденом прп. Сергия Радонежского II степени. Председатель Макариевского фонда. В 1999 г. возведен в сан архиепископа. С июля 1999 г. — архиепископ Екатеринбургский и Верхотурский.

И. А. Ильин

Труды Ивана Александровича Ильина — это настоящая энциклопедия русской духовности, патриотизма, духовной очевидности и душевной достоверности, зиждительная основа социального единения народа, упрочения государственности и хозяйственного творчества, образования и воспитания молодежи в грядущей России.

И. А. Ильин, как никто другой, ясно прозревал истоки, причины и характер мирового неблагополучия и квалифицировал его как кризис духовный в его религиозном сосредоточии. И выход из тисков этого затяжного и разрушительного кризиса, по Ильину, потребует не столько внешних преобразований, сколько внутреннего, душевно-духовного преображения человека.

Его творческое наследие можно кратко и емко выразить как православно-философскую формулу Совершенства. Выдающийся русский мыслитель каким-то чудесным образом соединил в себе духовный огонь Православия, чувство слова А. С. Пушкина, провидчество и

совестливое понимание Ф. М. Достоевского, волевое начало Суворова, государственный ум П. А. Столыпина и логическую мощь Гегеля. Соединил в мелодию «поющего сердца» (так называется одна из его самых пронзительных работ), в ясное до душевной достоверности и духовной очевидности прозрение, дарующее полноту миропереживания и понимания самых главных духовных предметов.

После трагического перерыва и забвения творческое наследие выдающегося мыслителя и верного сына России возвращается на Родину. На закате своих дней он писал: **«Если мои книги нужны России, то Господь убережет их от гибели, а если они не нужны ни Богу, ни России, то они не нужны и мне самому. Ибо я живу только для России».**

Мне представляется, что всякий, кто начинает читать сочинения Ивана Александровича Ильина, в особенности его краткие публицистические заметки, в первую очередь испытывает потрясение от того, что как точно мыслитель предугадал все искушения и опасности, которую предостерегали Россию после краха безбожной власти. Одновременно этот читатель испытывает боль от того, что большинства этих предсказанных катастроф не

удалось избежать. Более того, создается впечатление, противники существования сильной, духовной, нравственной России, приложили все силы, чтобы направить перемены в Отечестве нашем по тому гибельному пути, от которого предостерегал Иван Александрович Ильин. Эти силы, которые Александр Сергеевич Пушкин назвал «клеветниками России», может быть даже раньше, чем у нас на Родине, прочли и «Наши задачи», и «О сопротивлении злу силою», и другие работы Ильина. Они сделали отрицание их позитивной программы основой своих разрушительных действий и значительно преуспели в этом.

Горечью откликаются и сегодня в сердце каждого честного человека слова философа, написанные почти 60 лет назад: «Мы живем в эпоху величайшей смуты. Правда и ложь, честь и бесчестье, верность и предательство, вера и лицемерие — ...преднамеренно смешиваются и подменяются для того, чтобы духовно оглушить и ослепить людей, вызвать в душах замешательство, растерянность и беспомощность и подмять заблудших и обессиленных под чужую им власть. С этим намерением — обмануть и поработить — выступает целый ряд организаций, конечно, во главе с левыми и правыми тоталитаристами.»

И невольно возникает мысли, что же можно сделать в этой трагической ситуации, можно ли вообще еще что-то поправить? Причем ясно видно, что сегодняшние проблемы нашего Отечества не уникальны, они, в известной мере, имеют место во всем мире. Только современный, в особенности западный мир уже смирился с существованием таких проблем, стал считать нормой то, что было неприемлемо еще несколько десятилетий назад. Известный телеведущий и публицист Владимир Соловьев подчеркивает эту важную особенность сегодняшней политической и международной жизни. Он пишет в характерном для него стиле:

«Демократия стала, в последнее время, своеобразной формой религии. Со своим набором «святых», со своим «катехизисом» — набором прав, и со своими «священными войнами». И эти войны ведутся не ради интересов людей, защиты людей, а ради совершенно абстрактных идей! Для таких войн вполне естественным является уничтожение немалого количества граждан, которым обещают лучшую жизнь. Яркие примеры — Югославия, Ирак. Заметьте — американцы ведут «Крестовый поход», прикрываясь демократической риторикой. Я не говорю, что американцы плохие... нет — просто они так видят. Для них демократия — новая форма религии. Их образ жизни — это другая религия, откуда ушло представление о Христе, о христианстве».

Последнее замечание очень важное и точное! Мы знаем, что из Европейской Конституции уже на стадии проекта были исключены даже упоминания о христианских ценностях, сформировавших культуру европейских стран.

Для нас этот подход категорически неприемлем. Иван Александрович Ильин писал в своей работе «Почему мы верим в Россию?»:

«Быть русским значит созерцать Россию в Божьем луче, в ее вечной ткани, ее непреходящей субстанции и любовью принимать ее как одну из главных и заветных святынь своей личной жизни. Быть русским значит верить в Россию так, как верили в нее все русские великие люди, все ее гении и ее строители. Только на этой вере мы сможем утвердить нашу борьбу за нее и нашу победу. Может быть, и не прав Тютчев, что “в Россию можно

только верить”, ибо ведь и разуму можно многое сказать о России, и сила воображения должна увидеть ее земное величие и ее духовную красоту, и воле надлежит совершить и утвердить в России многое. Но и вера необходима: без веры в Россию нам и самим не прожить, и ее не возродить.

...Мы должны видеть наш народ не только в его мятущейся страстности, но и в его смиренной молитве; не только в его грехах и падениях, но и в его доброте, в его доблести, в его подвигах; не только в его войнах, но — и в сокроуенном смысле этих войн. И особенно — в том скрытом от постороннего глаза направлении его сердца и воли, которым проникнута вся его история, весь его оомолитвованный быт. Мы должны научиться видеть Россию в Боге — ее сердце, ее государственность, ее историю. Мы должны поновому — духовно и религиозно осмыслить всю историю русской культуры. И, когда мы осмыслим ее так, тогда нам откроется, что русский народ всю свою жизнь предстоял Богу, искал, домогался и подвизался, что он знал свои страсти и свои грехи, но всегда мерил себя Божьими мериллами; что через все его уклонения и падения, несмотря на них и вопреки им, душа его всегда молилась и молитва всегда составляла живое естество его духа. Верить в Россию, значит, видеть и признавать, что душа ее укоренена в Боге и что ее история есть возрастание ее от этих корней. Если мы в это верим, то никакие “провалы” на ее пути, никакие испытания ее сил не могут нас страшить. Естественна наша неутрахающая скорбь о ее временном унижении и о мучениях, переносимых нашим народом; но неестественно уныние или отчаяние».

В этих словах Ивана Александровича Ильина все мы можем почерпнуть и надежду, и утешение, и указания пути, которым Родина наша должна выйти из постигших ее нестроений. Несмотря ни на что, Россия еще не утратила Веры Православной, не утратила традиций наших благочестивых предков, не утратила нравственных ориентиров. В этом убеждает меня жертвенность десятков тысяч братьев и сестер наших, пришедших несколько недель назад поклониться всехристианской святыне — Деснице Пророка и Крестителя Господня Иоанна, привезенной в Россию и наш кафедральный град. Оставим светским средствам массовой информации спорить о том, сколько десятков тысяч уральцев поклонилось святыне, какой процент паломники составляют от всего населения нашего края. Для нас ориентиром служит русская пословица: «Не стоит село без праведника», означающая что и малое число людей, или, выражаясь словами евангельскими «малое стадо», может быть основой, примером, нравственным строжнем жизни многих и многих своих ближних. Это отлично понимал Иван Александрович Ильин. В первой главе своей работы «Основы борьбы за национальную Россию» он призывает нас:

«Мы должны надеяться на Бога, на духовные силы национальной России и на самих себя, верных Богу и Родине. И только этого довольно и больше надеяться нам не на кого. И, прежде всего, и больше всего — мы должны надеяться на Божию помощь, молитвенно призывать ее и укреплять свои души в Божиих веяниях и зовах. Напрасно иные представляют себе дело так, что между Богом и человеком лежит разобшение, что человек предоставлен в земной жизни своим собственным силам, что Господь есть судия и взыскатель, но не помощник и не источник любви и силы. Если бы люди знали, что Бог есть Дух, то они поняли бы, что во всякой человеческой духовности веет живое присутствие Божие: в совести, в верности и в храбрости, в смирении и

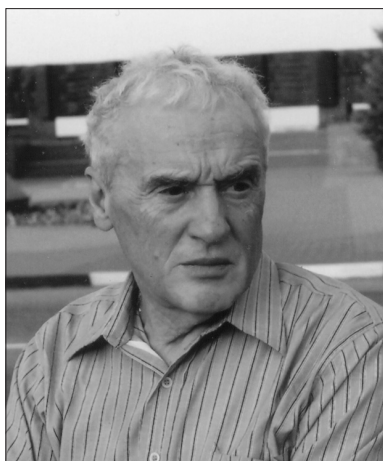
в жертвенности, в знании и в науке, в красоте и в искусстве, в дисциплине, в правосознании, в молитве и в богомыслии... И если бы люди знали, что Бог есть Любовь, то они поняли бы, что во всякой искренней любви веет живое дыхание Божие: в любви ко всякому совершенству, в любви к родителям, к жене, к другу и к детям, в любви к родине и к своему народу, к ближним и ко всякому живому существу. Бог доступен нам и близок нам; от нас зависит призывать его, т. е. укреплять свою слабую силу Его великою Силою, свой дух — Его Духом, свою любовь — Его Любовию. Мы должны помнить, что «всякий, делающий правду, рожден от Него» (1 Ин. 2, 29); и еще, — что «если сердце наше не осуждает нас, то мы имеем дерзновение к Богу, и, чего ни попросим, получим от Него» (1 Ин. 3, 21–22).

...Мы должны надеяться, далее, на духовные силы национальной России. Тот, кто сомневается в них, пусть изучает русскую историю и пусть увидит, какие природные, пространственные и исторические бремена поднял русский народ, создавая на протяжении тысячелетия свое единство, строя свое государство, отстаивая свою веру и творя свою культуру. Пусть припадет он душою к тем источникам, из которых русский народ черпал свои силы; к его молитве, к его совестным исканиям, к его патриотическому и национальному чувству, к его художественному созерцанию, к его государственной воле, к самобытности его на всех путях жизни. Надо утвердить свой дух в духе национальной России, надо слить свой инстинкт с русским национальным инстинктом самосохранения. И тогда нам откроется, что русский «народ искони обретал свою силу через молитву, верность и жертвенное служение». Каждому из нас предстоит определить, в чем может состоять его личное жертвенное служение Отечеству — в сфере производственной и научной, культурной и общественной — и с решимостью и молитвой вступить на этот путь несения своего жизненного Креста. Ибо, как напоминал нам Его Святейшество, Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий II:

«Более чем двухтысячелетний опыт Церкви свидетельствует, что благодатная помощь Божия способна изменить к лучшему жизнь каждого человека, просветить его сердце и разум, придать силы и вдохновить на успешную деятельность. Именно эта помощь свыше укрепляла наших предков на их жизненном пути, помогала преодолеть все трудности и испытания, вселяла веру и надежду.

В непростых условиях современной жизни, в поисках ответа на волнующие наше общество вопросы, Церковь призывает каждого найти этот ответ в отеческой вере, в Святом Православии. Человек создан богоподобным, и нравственные качества, заложенные Творцом в его душу, позволяют человеку пребывать в общении с ближними, в духовных устремлениях и совместных трудах. Памятуя об этом, Церковь не ограничивает свои усилия по нравственному возрождению общества лишь сферой дел, совершаемых только православными верующими, ведь духовное преображение Отечества — забота общенародная, и важность этого соборного делания осознается не только в церковной ограде».

Если мы хотим возрождения России, хотим достойно продолжить труд, начатый великим сыном нашего Отечества и Русской Православной Церкви Иваном Александровичем Ильиным, ради этой благой цели, мы должны усердно и терпеливо искать пути соработничества всех людей доброй воли, соработничества государства, Церкви и общества.

**Александр
КОРОЛЬКОВ**

ВАЛДАЙСКИЙ НАБАТ

*К 150-летию
со дня рождения
Михаила Осиповича
Меньшикова*

Александр Аркадьевич Корольков — родился в 1941 году в Алтайском крае. После школы работал слесарем, в 1965 году окончил философский факультет ЛГУ. Доктор философских наук, профессор, академик Российской академии образования, зав. кафедрой в РГПУ им. А. И. Герцена, член Союза писателей России. Живет в Санкт-Петербурге.

Валдай — город прошедшего времени. Были в нем достойные уездного города храмы, усадьбы, ухоженный парк, лавки купцов, праздничные гулянья на набережной озера и перекличка колоколов валдайских храмов с колокольней Иверского монастыря, словно присматривающего за нравами города со своего острова.

Можно лишь угадать по старинным фотографиям, каким ухоженным, цветущим был этот город столетие тому назад. Как символ былого роскошества, красуется, обозначая центр, петербургского калибра дворец, ныне музей уездного города. Музей — хранилище, напоминание и укор тем, кто разрушал, транжирил, обезличивал. Долго-долго еще вызванивала вся Россия валдайскими колокольчиками, но нет более мастеровых, литейщиков, созидавших чудо Валдая.

И был еще набат, отзывавшийся из Валдая по всей просвещенной России, и у набата этого негромкое имя — Михаил Осипович Меньшиков.

Многие ли наши соотечественники знают и почитают это имя? Распространенную фамилию соотнесут со сподвижником Петра Первого, с актером кино и театра, но не с Михаилом Осиповичем Меньшиковым.

Несчастье наших современников, неосознаваемое несчастье и оттого особенно пагубное, состоит в том, что беспамятство в отношении самых значительных духовных поводырей, лишает их возможности быть личностями, принадлежащими собственной истории, собственной Родине, собственной национальной культуре. Личность не может быть состоятельной и состоявшейся без благоговейного отношения к предкам, без почитания лучших выразителей духа и души родного народа.

Благодаря школьным программам по литературе, истории не иссякает признательность к Пушкину, Суворову, Кутузову, Блоку, Есенину, ко всем, кто не обойден в обязательном списке общеобразовательной подготовки. И все же этот ряд укорочен, а с нынешним сокращением учебных курсов по литературе скукоживается еще более.

У М. О. Меньшикова мы не найдем объемного философского труда. Внешне он выглядит публицистом, автором газетных и журнальных статей; даже две книги, выпущенные в последние два десятилетия выстроены не тематически, а по годам — здесь и статьи на злобу дня («Права на Кавказ», «Памяти Д. И. Менделеева», «Женское брожение», «Национальный съезд» и тому подобное) и явно теоретически нацеленные работы («Сословный строй», «Власть как право», «Что такое демократия», «Христианство и государство» и т.д.).

И все же Михаила Осиповича Меньшикова по праву поставим в один ряд с выдающимися русскими мыслителями Ф. М. Достоевским, К. Н. Леонтьевым, В. В. Розановым, И. А. Ильиным. Он, как рачительный и щедрый сеятель, разбросал в вспаханное и не вспаханное поле зерна идей, прозрений, предостережений. «Развращенное и порочное поколение сплошь вымерло, — писал М. О. Меньшиков. — В новую жизнь вступило свежее, менее грешное поколение»¹. «Падают народы только *нечестивые* — эту основную истину христиане и язычники должны твердо помнить»², — подытоживал он ту же мысль в другой статье. Всякая его работа прочитывается как обращенная к нам, ибо писал он с надеждой на выздоровление России, на торжество православных ценностей.

20 сентября 1918 года в уездном городе Валдае Новгородской губернии был расстрелян Михаил Осипович Меньшиков, расстрелян подло, изуверски, мстительно.

Вот свидетельство убийства великого русского мыслителя Михаила Осиповича Меньшикова. Оно из записей его жены, вдовы, матери шестерых детей, оставшихся сиротами:

«Дети с няней дошли до штаба и остановились в воротах, чтобы переждать ливень и бурю...

Няня услышала тут, что идет суд над моим мужем. Не прошло и десяти минут, как дети услышали громкое бряцание оружия, говор и смех, и на улицу вышло человек 15 вооруженных солдат-красноармейцев. Это была стража, окружающая мужа. Он шел среди них в одном пиджаке и своей серенькой шапочке. Он был бледен и поглядывал по сторонам, точно искал знакомого, доброго лица. Неожиданно увидев детей так близко, он просил, рванулся к ним, радостно схватил на руки самую маленькую Танечку и крепко-крепко прижал ее к груди. Муж поцеловал и перекрестил ее, хотел поцеловать и благословить и тянущуюся к нему Машеньку, которая с волнением ждала своей очереди, но его грубо окликнули, призывая идти вперед без проволочек. Муж гордо посмотрел на них и сказал:

— Это мои дети. Прощайте, дети...

¹ Меньшиков М. О. Письма к ближнему. СПб., 1911. С. 22.

² Меньшиков М. О. Размышления // Письма к русской нации. М., 1999. С. 258.

Он успел сказать няне, что его ведут на расстрел. Пораженная ужасом няня замерла на месте, затем убедилась, что его ведут действительно на расстрел, переулочком к берегу озера, которое он так любил. О подробностях казни нам после рассказывала мещанка, видевшая убийство из своего дома, находящегося напротив места расстрела.

Придя под стражей на место казни, муж стал лицом к Иверскому монастырю, ясно видимому с этого места, опустился на колени и стал молиться.

Первый залп был дан для устрашения, однако этим выстрелом ранили левую руку мужа около кисти. Пуля вырвала кусок мяса. После этого выстрела муж оглянулся. Последовал новый залп. Стреляли в спину. Пуля прошла около сердца, а другая немного выше желудка. Муж упал на землю. Сейчас же к нему подскочил Давидсон (будь он навеки проклят) с револьвером и выстрелил в упор два раза в левый висок.

Слова свои Давидсон, наконец, привел в действие. Как рассказывали после мне вместе сидевшие с мужем, при допросе (это было в тюрьме), при котором был и Давидсон, он сказал:

— Я сочту за великое счастье пустить Вам (мужу) пулю в лоб.

Дети расстрел своего папы издали видели и в ужасе плакали...

Очевидцы мне тоже рассказывали, что русские солдаты не согласились расстреливать мужа и отказались. Тогда были посланы инородцы и дети — сыновья комиссара Губы. Одному 15, а другому 13 лет...

Но судьями были: Якобсон, Давидсон, Гильфонт и Губа...

Несчастливая наша Родина»³.

Какой ужасающей правды эти свидетельства!

Если у читателя не угасло еще чувство, обычное сердечное чувство, даже не любви и сострадания к своему брату, предостерегавшему Отечество наше, соотечественников наших от греха братоубийства, — неужели не содрогнется душа от строк этой жуткой казни?! Или онемела, очерствела уже душа от вереницы надуманных кровавых детективов и картина подлинной трагедии не способна ошеломить, вызвать слезы сострадания?!

В Валдай автобус из Петербурга прибывает в начале второго, а подкидыв в мою деревню Уклеино — отправляется в начале четвертого. Два часа достаточно, чтобы не торопясь постоять, помолиться у могилы Михаила Осиповича Меньшикова.

Автовокзал Валдая почти у самого озера. Если пойти в гору, а берег озера здесь поднимается увалом, то через десять каких-то минут улица приведет к побеленным, основательно сработанным из кирпича воротам кладбища, в которых есть просторный створ для машин и калитка для людей. Православные кресты на вратах не потревожены годами безбожия, не рискнули вторгнуться ломами и бульдозерами в то место, где рано или поздно суждено упокоиться каждому.

За вратами, совсем рядом, не минуешь, возвышается красного кирпича храм во имя Святых апостолов Петра и Павла. И храм не посмели тро-

³ Как убили моего мужа, М. О. Меньшикова, в г. Валдае Новгородской губернии // Российский архив. История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв. М. О. Меньшиков. Материалы к биографии. М., 1993. С. 245, 249, 250.

нуть — здесь свершались не только уместные для кладбищенской церкви требы, но и праздничные литургии, до сей поры этот храм многолюднее, привычнее для прихожан, чем центральный Собор Святой Троицы, который лишь в начале века XXI очистился от бесовства дискотек, ибо обрублены были его купола, назывался он долгие годы не собором, а домом культуры.

Как-то, возвращаясь из Валдая, застряли мы в старинном селе Крестцы, лопнуло у автобуса колесо. Огромное белое здание размахисто разбросало свои крылья в центре села, выдавая своим видом церковные приделы с повернутым к площади полукругом алтаря, крыша, усталая кровельным железом, пресекла полет здания к небесам, но оберегла от разрушения стены. Что там за этими стенами? Время было вечернее, почти ночное, я пошел в храм,

М. О. Меньшиков

обезглавленный, но все равно в храм, ибо никто и ничто не может отменить освещенное и намоленное место. Перекрестился перед массивной дверью, над которой прежде была икона, а возможно там и притаилась под слоем побелки или краски старинная фреска. Стоило отворить дверь и звериный рев, который обзывается танцевальной музыкой, оглушил неистовством динамиков. Потные, полуголые, полупьяные девицы дрыгали задами в отдаленном пространстве, около них в меньшем количестве топталось более пьяное мужское отродье. Пространство, в котором совершалось бесовство, узнавалось, несмотря на строительные переделки — это был алтарь. И это был двухтысячный год от Рождества Христова, минуло уже десятилетие после краха советской власти, а те, кто были детьми в 1991 году так и не подняли головы к небу своей России, к небу святому, божественному, по крайней мере, эти, не чувствующие намоленное пространство храма.

Трудно возгорается почти заглушенный, затоптанный сапогами безбожников огонек православной веры, его и ныне заливают грязной жижей пошлости, но негасим этот огонек, ибо он от — Фаворского света, от света Божественного.

Пока юные жители Валдая ходят к школе по улице Луначарского, в них трудно пробиться лучику вечного Света. Пытался я, войдя в школу на улице Луначарского, узнать у учителей о подлинном наименовании улицы, ведущей к старинному кладбищу, к Храму Апостолов Петра и Павла. Растерянно улыбались знатоки математики и биологии, не задумывались они о подлинности названий улиц, по которым ходят ежедневно, хотя у этих улиц

не одно десятилетие нет имен, а только клички: истинное имя улицы, о которой идет речь — Пятницкая, а к Храму Святой Троицы, естественно, вела улица Троицкая, превратившаяся во времена беспамятства в Октябрьскую. Только в музее Уездного города, хранящем память об истории Валдая, удалось увидеть старую карту центральной части с улицами Ильинской и Богоявленской, с набережной Монастырской, на которую поначалу ошибочно указал немолодой человек как на место расстрела М. О. Меньшикова.

Нет, не на набережной это зловещее место. С просторной улицы, сохранившей двухэтажные дореволюционные постройки, особняки, занятые теперь затрапезными неухоженными магазинами, издевательски звучащей вывески «Свет», начинается переулок Приозерный, переулок русской скорби. По нему, по его огромным булыжникам, осевшим в левой колее от многочисленных ручьев, стекающих в озеро, вели на расстрел Михаила Осиповича Меньшикова, а рядом с ним и других русских людей. Не в темный лес вели, а на ту сторону озера, с которой открывается колокольня Иверского монастыря, расстрельщики и здесь не упустили возможности для издевательства над самым сокровенным, дорогим для православного человека, хотели, чтобы пуля пронзила не только сердце, но и душу человека, но глубоко ошибались — душа соприкоснулась в последний миг жизни с монастырем и была спасена для вечности.

Переулок Приозерный заканчивается заборами с обеих сторон, за ними остается узкая полоска у самой воды. Здесь вершилось убийство. Нет на берегу поминального знака. А цветы есть. Даже в сентябрьскую пору дня его смерти, когда стоял я на кромке озера, весь берег вспыхивал розовыми высокими цветами, болотистыми, но прекрасными.

Место упокоения мыслителя — подле храма, у правой его стены, если смотреть от ворот на алтарную часть. Подхоронены к нему сыновья — Михаил Михайлович в 1927 году и Григорий Михайлович в 1991. Каменный крест стариной формы, подобный хранится в Софийском соборе Новгорода, поставлен, видно, недавно, когда нашлись памятливые православные люди, и когда возможно стало открыть вычеркнутое на время имя из нашей истории самосознания. На кресте слова самого Михаила Осиповича: «Вера в Бога есть укорененность в высшем благе. Потеря этой веры есть величайшее из несчастий, какое может постигнуть народ» (Новое время, 1902, 25/7). Дата смерти вытерлась, не прочитывается уже последняя цифра, а год рождения напоминает, что этой осенью 9 октября исполняется 150 лет со дня рождения Михаила Осиповича Меньшикова. Год его рождения — 1859. Вспомнит ли Россия такую дату?

ПОЭЗИЯ

Андрей РЕБРОВ

«ВРЕМЯ ДЛЯ СПАСЕНИЯ ДУШИ...»

Андрей Борисович Ребров — родился в 1961 году в Ленинграде. В 1993 году стал одним из основателей Православного общества Санкт-петербургских писателей, созданного по благословению митрополита Иоанна (Снычева). Секретарь правления Союза писателей России, член-корреспондент ПАНИ и совета Собора православной интеллигенции. Печатался в журналах «Наш современник», «Молодая гвардия», «Север», «Родная Кубань», «Поэзия», «Аврора», «Волга», «Дальний Восток» и многих других. Главный редактор журнала «Родная Ладога»

Живет в Санкт-Петербурге.

ПОСЛЕ ДОЖДЯ

Восходит солнышко над лугом,
Над миром, сущим тыщи лет.
И в каждой капельке упругой,
И в каждом миге — длится свет.

И каждой сущей частицей —
Всей сутью — ощущаю я,
Что с тем насущным светом
Длится
Душа бессмертная моя.

ВОСХОЖДЕНИЕ

К заветной маковке горы
Вершу свой путь тяжелый:
Все ближе звездные миры,
И неоглядней доли.

И вспоминается в пути,
Как смертно не хватало
Хоть искры веры — чтоб дойти,
Дожить до перевала.

Бывало, свет иных вершин
Сбивал с пути вначале...
Но, здесь в предоблачной тиши,
На гулком перевале

Вдруг ощущается легко:
Что каждый стук сердечный
Созвучен поступи веков.
И верится: жизнь — вечна...

Поветшала скитская дубрава,
Понищал одеждами народ.
Лишь церковей намоленные главы
Золотят осенний небосвод.

Снова, Русь, в убогом одеянье
На заветный свет их
ты спешишь.

Века и природы увяданье —
Время для спасения души.

БЕРЕЗЫ

Отъарились осенние грозы
И забрезжались в ясной дали,
Столь привычные взору, березы —
Златокрылые светы земли.

Замахали призывно ветвями,
Листвяным опереньем искрясь,
Прикровенно являя пред нами
Немирскую свою ипостась.

И, быть может, во дни увяданья,
Их нетленного вида страшась,
Просветлеет, стяжав покаянье,
Многогрешная чья-то душа.

ПАМЯТЬ. ОКТАБРЬ 1993

Я помню —
как молитвой и страданием
Сам вихрь эпох насыщен был
в те дни,
Как жгуче прорицалось мне
в сени
Церковных древ,
что крон их увяданье —
Цветенью гефсиманскому
сродни.

Я помню —
жар кровавого прибоя
На временной мутнеющей реке;
И доллары в иудиной руке;
Тот бледный дом,
и площадь — поле боя —
В терновом заградительном венке.

Я помню
все —
от мук новозаветных
И до мытарства русских деревень —
Их крест несет
мой каждый
древний
ген.

И может, вас,
предавших Бога Света,
Лишь этот
путь наследственный наш
крестный
От вечной тьмы
искупит
в судный день.

* * *

В долгом омуте метели
Тонет черная река.
К часу пушкинской дуэли
Нет ни брода, ни мостка...

Только белая пучина
Стонет, словно человек.

Только ягоды рябины
Тихо капают на снег.

Только, вдруг, заколыхавшись,
Щелкнет ветка у виска,
Будто выстрел, прозвучавший
Сквозь метельные века.

ЛЕРМОНТОВ

Бородино листа,
Свеча горит,
а выше, —
Три сомкнутых перста, —
Так крестятся
и пишут.

* * *

*«...безродный лепет
князь великий Дмитрий
не разобрал бы в той жестокой сече...»*

Ю. Шестаков «Засадный полк»

Взбранила поле речевое
Иноязычных рыков рать.
И силы нет стихи слагать...
Лишь слово древнее, живое —
Потомкам русичей под стать.

Его реченье вечевое
Созвучно рокоту реки.
А за чертой береговой —
Как прежде — вражьи полки.

И говор чуждый то и дело
Сечет,
 течет издалека,
И помутнела, побледнела
Река родного языка.

Но вновь,
 сплоченные молитвой,
Как древнерусские войска,
Стремятся буквы вдаль листка...
И полнокровная строка —
Сродни Непрядве после битвы.

НА БРАНЬ ПОСЛЕДНЮЮ...

*Преосвященнейшему Константину
епископу Тихвинскому*

Золотилось небо спелой рожью,
А в полях синели васильки.
Шел монах сумняшеся ничтоже
Вековой тропой, и кулики
Щебетали в долах васильковых
Под ржаною вязью облаков.
И лучилась к полю Куликову
Тропка летописною строкой.

Шел чернец строкой незавершенной,
Посох предержа в руке своей,
Мимо новорусских вавилонов,
Мимо стойких дедовых церквей.

А издалека, сквозь птичье пенье,
Сквозь халдейский ропот городов,
Доносился грозный гул сраженья:
Гром гранат, глухой, как стук щитов,
Посвист пуль, звучащий, словно эхо
Впившихся в простор ордынских стрел,
Лязг пропятых танковых доспехов,
Трубный гуд страстных монастырей.

Шел монах без усталости и страха
На армагеддонское жнивье...
И служило посохом монаху
Пересвета древнее копьё.

НА ЗАКАТЕ

Кружится вран над старой бороздою,
Где солнца щит ржавеет в ковыле.
И небеса — красны, как поле боя,
Как поле битв, истекших на земле.

И на кресте заросшем и былинках,
На каждой пяди вечности — окрест —
Горят, горят дождевики, как кровинки,
Как кровь солдат, излитая с небес.

* * *

Скрылись доли в густеющем мраке,
Стал стеной на пути темный лес.
Но созвездий заветные знаки
Засветились на свитке небес.

И светло из-под глади ледовой
Засквозили зеницы озер,

Словно знаками звездного слова
Их глубинный исполнился взор.

Верно, так же, под высью глубокой,
В бездорожье библейских песков,
Сквозь прозрачные вежды пророков
Звездно брезжались дали веков.

* * *

Иссяк закат. И ночь черна, как пашня.
Пишу, пишу... пашу лист белый я,
Чтоб трением пера о грунт бумажный
Возжечь хотя бы искру Бытия.

Чтоб в книге дней, объятый позолотой
Небесных нив, легко бы вы прочли
Хотя б щепотку строчек, где от пота
И слез моих — искрится соль земли.

ЗОРКАЯ СВЕЧА

Пронзают сумрак зоркие лучи,
Светло глядящей в зеркало свечи.

И, слившись с отражением ее,
Мой долгий взор лучится в Бытие,

Где ныне я... Мой род запечатлен
В необозримом зеркале времен.

И я, как в вешем полузабытьи,
Глазами внуков зрю в глаза свои,

Из глубины которых на меня
Взирают предки — горная родня.

* * *

Цвели целительные травы
Под взором солнечным небес.
И, как Мамврийская дубрава,
Дышал иссопом русский лес.

В душистой дымке золотистой
Ягненок пасся на лугу,
И женщина несла тернистый,
Смолистый хворост к очагу,

Где, до поры, тая дыханье,
Заветно тлел огонь костра,
И старец, будто в ожиданье,
Стоял у ветхого шатра...

И голубь реял крестonosно,
И шло служенье муравья...
Все было значимо и просто,
Как в вечной книге Бытия.

*И вы не смаете всей вашей
черной кровью
Поэта праведную кровь*

М. Лермонтов

Николай СКАТОВ

ПОВЕРИМ ПУШКИНУ

Николай Николаевич Скатов — родился 1931 года в Костроме. Окончил Костромской гос. педагогический институт. Работал в этом институте старшим преподавателем, исполняющим обязанности зав. кафедрой литературы. С 1962 года работал в Ленинградском гос. педагогическом институте им. А. И. Герцена. С 1987 по 2008 гг. — директор ИРЛИ (Пушкинский дом). Автор более 200 научных трудов, 17 книг. Доктор филологических наук. Член президиума Санкт-Петербургского научного центра РАН. Заместитель председателя экспертного совета ВАК РФ. Член научного совета при Совете Безопасности РФ. Член-корреспондент РАН. **Живет в Санкт-Петербурге.**

Продолжают жить обдуман-
ные злокозненные легенды о небы-
валой любви Дантеса к Пушкиной,
и о небывалой тайной любви Пуш-
киной к Дантесу, и о бессмыслен-
ной гибели потрясенного открыти-
ем такой любовью ревнивого мужа.
И вновь и вновь накатываются
возникшие тогда волны черного пи-
ара, и вновь и вновь проступает
сквозь них праведная кровь поэта.
Само имя Пушкина еще при жиз-
ни его почти миф, живая легенда.
«Трудно себе вообразить, — писал
граф В. А. Соллогуб, — что это
был за энтузиазм, за обожание
толпы... Это имя волшебное явля-
лось чем-то лучезарным в вообра-
жении всех русских». Вообще, вли-
яние Пушкина было огромно. Но
потому же следовали и цензурные
ограничения, запреты на выезд за-
границу и негласные полицейские
надзирания. На поэта накатыва-
лись волны восхищений, осуждений,
обожаний, сплетен и мстительнос-
ти. Обожанию одних прямо соот-
ветствовала ненависть других.
А среди этих других были и министр
С. С. Уваров, и зловеющий салон
М. Д. Нессельроде, «представи-
тельница, — по характеристике
князя П. П. Вяземского, — кос-
мополитичного олигархического
ареопага», едва умевшей говорить
по-русски. «Я имею несчастье, —
горько пошутил однажды Пуш-
кин, — быть человеком публичным
и, знаете, это хуже, чем быть пуб-
личной женщиной».

В 1836–1837 годах была прове-
дена одна из самых гнусных опера-
ций, подобных тем, что в наше вре-
мя получили название черного пиа-

ра. Жертвой пал Пушкин — человек, ставший чуть ли не синонимом целой России уже тогда, и сам мерявший себя именно этой мерой: «Слух обо мне пройдет по всей Руси великой».

А уже потом чернопяровская эта затея вольно или невольно многократно многие годы и многими усилиями многих, а в наши дни еще и дополнительно, закрепились: особенно после ставших известными писем Дантеса к Геккерену. Недавно они вместе с рядом сопутствующих документов собраны и изданы итальянской исследовательницей Сереной Витале и научным сотрудником Пушкинского Дома Вадимом Старком в книге «Черная речка. До и после».

Сижуэт-рисунок на суперобложке представлен вверх ногами. И он действительно точно зафиксировал сложившееся у многих восприятие всей этой истории: вверх ногами.

В результате — пусть даже при некотором упрощении — расстановка фигур, поставленных вниз головой, выглядит так.

Пушкин — травимый и почти затравленный «сочинитель», к тому же погрязший в долгах, чуть ли не в унижение произведенный в камер-юнкеры. К тому же уже немолодой, очень некрасивый и очень ревнивый муж.

Жена Наталья Николаевна — очень молодая (моложе мужа на двенадцать лет) и очень красивая. Довольно равнодушная еще к жениху и вполне равнодушная к трудам и заботам уже мужа, но очень неравнодушная к нарядам, придворным балам и светским успехам. Естественно увлекшаяся, как только появился достойный герой-любовник.

Дантес — достойный герой-любовник, блестящий француз на русской службе, молодой красавец-кавалергард, остроумный и обаятельный, общий любимец — особенно дам. К тому же — что прибавило всякого весу — усыновленный нидерландским посланником бароном Геккерном.

Роман (хотя роман и не вполне, — кажется, жена все-таки остается верна мужу) становится известен. Свет не дремлет. Муж-рогоносец получает анонимное издевательское письмо. В порыве ревности вызывает соперника на дуэль. И — погибает. При почти злорадном молчании власти и чуть ли не при сочувствии, если не участии, царя. Помещен Пушкин почти тайно не в Исаакиевском соборе, а в заштатной Конюшенной церкви и просто тайно увезен в Святые горы.

Поставленная с головы на ноги многими усилиями не столь уж многих картина выглядит однако иначе.

Пушкин — центральное явление уже тогдашней русской интеллектуальной общественной и государственной жизни «1834 и 1835 годы, — писал еще по горячим следам его первый биограф П. В. Анненков, — замечательны в жизни поэта нашего... Мы знаем, что в это время находился он в сношениях со всеми знаменитостями светского, дипломатического, военного и административного круга...»

Пушкин любил, хотя и не очень ценил царя. Царь не очень любил, хотя и очень ценил Пушкина, «умнейшего», по его словам, человека России, без условное влияние которого в ряде отношений испытывал и сам.

Гибель Пушкина князь В. Одоевский горько-патетично сравнил с закатом солнца, а царская дочь Ольга трезвее, но точнее назвала ее «общественной катастрофой» (!). Конечно, власть принимала во избежание обще-

ственного взрыва полицейские меры. Но тот же перенос тела в Конюшенную церковь не был знаком какого-то пренебрежения, как часто это понимается. Даже в О. Мандельштаме здесь взволнованный поэт побеждает безусловного знатока культуры: «Мраморный Исаакий — великолепный саркофаг — так и не дождался солнечного тела поэта. Ночью положили солнце в гроб, и в январскую стужу проскрипели полозья саней, увозивших для отпевания прах поэта».

Правда, великолепный саркофаг действительно не дождался тела поэта, а, вернее, тело не дождалось этого саркофага: ведь «мраморный Исаакий» закончат строительством только через двадцать лет, и Исаакий тогда был скромным приходом, помещавшемся в здании Адмиралтейства. А вот «о Конюшенной церкви, — писал В. А. Жуковский, — нельзя было и подумать: она придворная и на отпевание в ней следовало получить особенное позволение». Тем не менее именно в ней отпевали поэта шесть священников во главе с архимандритом. При стечении всей знати, почти всего дипкорпуса. По сообщению одного из дипломатов, богослужение было совершено по греческому, т.е. православному обряду «с величайшей торжественностью».

Почва для вбрасывания черной пиаровской технологии была взрыхлена загодя и только ждала семени.

Пушкин женился на одной из самых замечательных женщин России. Сейчас уже ясно доказано, что она получила и хорошее по меркам того времени образование, и занималась делами мужа, и оказалась заботливой матерью: четверо детей (за шесть лет замужества), т.е. почти постоянно беременна. Была человеком глубочайшей религиозности. Часто тяготилась и светскими обязанностями. Хотя сами по себе и дань некоторым удовольствиям такой публичной жизни, и желание иметь успех (прежде всего за счет, по словам мужа, «милого, простого, аристократического тона»), и быть красиво одетой (прежде всего стараниями обожавшей ее тетки Е. Загряжской) естественны.

По всему этому естественно, что вопреки тревожным ожиданиям поэта перед женитьбой, семейная жизнь сложилась на редкость счастливо. «Я женат и счастлив, — пишет Пушкин при начале такой жизни. «Мы хорошо сделали, что женились», — пишет он ближайшему другу при ее,

М. Добужинский «Дуэль»

как оказалось, конце. Не все сложилось, как думалось. Так, ревность одолевала не мужа («ты знаешь, я не ревнив», — пишет он жене), а — тому много свидетельств — жену. Тем более, что Пушкин имел как правило успех у женщин уж, видимо, никак не меньший, чем она у мужчин, и должен был постоянно успокаивать ее на этот счет тревоги. Жена оказалась верной и любящей женой и осталась такой же вдовой: во второй раз выйдет замуж не через быстрых два года, как завещал Пушкин, а через долгих семь лет: да и здесь все решит отношение к пушкинским детям и забота о них. И здесь прибавится трое детей. Так что святое и чистое материнство, Мадонну Пушкин точно усмотрел в Гончаровой еще почти девочке. Пушкин недаром писал, что у нее пречуткое сердце, и что душу ее он любит еще больше, чем ее прекрасное лицо, а после известных преддуэльных событий был к ней еще нежнее. Поверим же Пушкину.

Как и на поэта, в обществе на нее тоже неизбежно обрушился шквал обожаний, сплетен, восторгов, зависти, комплиментов и злоречий. «Бедная моя Натали, — с горечью пишет Пушкин, — стала мишенью для ненависти света». И мишенью, может быть, еще более уязвимой, чем он. «Вы слишком чистосердечны, — скажет позднее князь П. А. Вяземский, слишком естественны, мало предусмотрительны» (!). Конечно, в этом чистосердечии и непридусмотрительности она была беззащитна перед адскими, как назвал их тот же П. А. Вяземский, кознями. Почва заготовлена и ждала своего часа.

Наконец Дантес.

Вообще замечательно, что во всей этой трагической истории доверились организаторам черного пиара, а не величайшим русским душезнатцам Пушкину и Лермонтову. А ведь именно они точно определили Дантеса: его человеческую суть и мотивы поведения.

Пушкин: «... разыгрывал преданность и несчастную любовь, тогда как он просто плут и подлец».

Лермонтов: «пустое сердце... на ловлю счастья и чинов».

Прекрасно, что письма Дантеса найдены и опубликованы. Лучшего доказательства этих характеристик не придумаешь. Все, что в них есть, это злорадные сплетни, мелочные расчеты, холодные карьерные заботы. К тому же человека малограмотного. Перевод писем на русский, — сообщают издатели — затруднен, так как язык оригинала «сбивчив, подчас бессвязен и далек от литературной грамотности». «Человек расчетливый и сухой до крайности» — по определению Н. Раевского. «Человек практический», приехавший в Россию «сделать карьеру», — по характеристике П. П. Вяземского.

И вдруг со стороны такого человека такого «пустого сердца» — порыв страсти, увлечение, безумная любовь, о которой сейчас уверенно и постоянно пишут в книгах и статьях. Все это легенда — запущенная тогда, живущая сейчас и получившая новую силу после опубликованных писем Дантеса. В чем дело? Известный стих — обвинение Лермонтова «Наперсники разврата» — не отвлеченная звонкая фраза. Не все можно понять, если не учитывать одно обстоятельство, выделявшееся даже на фоне очень свободных нравов тогдашней светской жизни.

«Старик барон Геккерн, — свидетельствует, не единственный, современник, — был известен своим распутством, он окружал себя молодыми людьми наглого разврата». «Старик», «старичок» — (уже по словам Пуш-

кина), — все же довольно условный: 45 лет, а пережил он нашего поэта почти на 50. П. В. Анненков еще по горячим следам и свидетельствам современников прямо записал: «Геккерн был педераст, ревновал Дантеса». Это открывает кое-что в истории усыновления Дантеса Геккерном: Пушкин недаром называет его «так называемым сыном», а Серена Витале пишет: «Чувство Геккерна к Дантесу можно выразить и французским словом *pater nage* — свойственное всем гомосексуалистам желание быть отцом».

Кстати, как явствует из приведенных документов, и в истории «усыновления» они плутовали и вводили в заблуждение русский двор: как осторожно пишут комментаторы «не были чересчур щепетильны в отношении закона и истины».

Так что письма Дантеса Геккерну — это письма любовника. И вот Дантес сообщает Геккерну о своей влюбленности: «...я безумно влюблен! Да, безумно потому что совершенно потерял голову. Я не назову тебе ее, ведь письмо может пропасть, но вспомни самое прелестное создание в Петербурге, и ты узнаешь имя; самое же ужасное в моем положении, что она тоже любит меня, однако встречаться мы не можем, и до сих пор это невозможно, так как муж возмутительно ревнив <...> Господом заклинаю, никому ни слова, никаких распросов, за кем я ухаживаю. Любить друг друга и не иметь иной возможности признаться в этом, кроме как между двумя ритуальными контрданса, ужасно». Все в этом отдающем убогой литературщиной письме — ложь.

Никакой возмутительной ревности мужа не было: «Поведение вашего сына, — писал Пушкин, — было мне полностью известно уже давно». Никаких «попыток разузнавать» не требовалось. Все, включая мужа, и так знали об этих ухаживаниях. Более того, Дантес не только не скрывал, а всячески демонстрировал везде свою якобы тайную страсть, стремясь выделиться на фоне общего поклонения и обратить внимание на свое якобы особое положение.

Роман с видной представительницей света обычно входил тогда в джентльменский набор молодого льва. А здесь — первая леди страны, петербургская легенда, жена Пушкина. Для «сухого до крайности» и «расчетливого» Дантеса и это входило в расчет при «ловле счастья и чинов» и было бы редким везеньем и удачей. В то же время это и способ подогреть ревнивого отъехавшего любовника. В то же время важно не переиграть: ведь он содержанка «старика». И отсюда постоянные нежности. «До свиданья дорогой друг, будь снисходителен к моей новой страсти, потому что тебя я также люблю от всего сердца». Еще: «Единственный поцелуй в щеку, но не более, потому что остальное мне хочется подарить тебе по приезду». И подчас готовность регулировать «порыв страсти»: «жертва принесенная ради тебя огромна», для этого «надобно любить так, как я тебя». И даже полная готовность вообще от такого порыва страсти отказаться и «излечиться к твоему возвращению».

А уж когда открываются виды на выгодный брак, то опять-таки безумная влюбленность немедленно пропадает. Княжне М. Барятинской, как и многим, Дантес нравился. Вообще, по словам Данзаса, Дантес при довольно большом росте и приятной наружности, был человек неглупый и хотя весьма скудно образованный, но имевший какую-то врожденную способность

нравиться». «Он, — записывает княжна в дневнике, — забавляет меня, вот и все». Но что касается женитьбы: «Я чувствовала бы себя несчастнейшим существом, если бы должна была выйти за него замуж <...> И татам узнала через Трубецкую, что его отвергла г-жа Пушкина. Может быть, поэтому он и хочет жениться».

Г-жа Пушкина его «отвергла» несмотря на усиленные ухаживанья, любовные записки и т.п. Нравился ли он ей? Нравился. По словам В. Ф. Вяземской, Наталья Николаевна «и не думала скрывать, что ей приятно видеть, как в нее влюблен красивый и живой француз». По словам самой Натальи Николаевны: «мне с ним просто весело». Вот и все.

И странно думать, что неизменно сдержанная, холодноватая Наталья Николаевна (кстати, в эту пору на шестом месяце очередной беременности) вдруг начала между двумя ритуальными танца так объясняться Дантесу: «я люблю вас так, как никогда не любила, но не просите у меня никогда большего, чем мое сердце, потому что все остальное мне не принадлежит, и я могу быть счастлива только исполняя все свои обязательства, пощадите же меня и любите меня так, как теперь, моя любовь будет вам наградой». И странно сейчас читать в современной газете у В. Радзишевского, талантливого журналиста и образованного литератора: «Через сто лет снова зазвучали слова жены Пушкина, обращенные к Дантесу... И выгораживать Наталью Николаевну больше не получается».

Да не слова это Пушкиной, обращенные к Дантесу, а слова Дантеса, обращенные к любовнику.

Отказ, выглядевший в глазах самоуверенного и наглого Дантеса как поражение и могущий выглядеть в глазах любовника, на содержании которого он находился, как унижение и заставил, спасая лицо, делать на нем хорошую мину и вести к выдумке о разделенной, но тайной любви, о бешено ревнивом муже и тому подобной чепухе.

Но уже не чепухой были возобновленные осенью 1836 года новые домогательства, включившиеся уже в общий контекст «адских», если вспомнить слова Вяземского, козней против Пушкина и его жены. И здесь ненавидящий Пушкину Геккерн рядом с Дантесом. «Супружеское счастье и согласие, — сказал сразу после гибели Пушкина тот же П. А. Вяземский, — было целью развратнейших и коварнейших покушений двух людей, чтобы опозорить Пушкиных».

Увы не только двух. «Посланник, — резюмировала историю противопушкинских козней в книге «Пушкин в 1836 году» С. Л. Абрамович, — поддерживал тесные контакты с министром иностранных дел (Нессельроде — Н. С.) и его супругой. Он был постоянным посетителем их салона и знал, что получит здесь поддержку в затеянной им интриге».

Унизить и растоптать ее для того, чтобы превратить в посмешище его: сделать рогоносцем и ославить. Видимо, полагали, что следовало прежде всего и во что бы то ни стало, добиться ее «взаимности». Вот как разыгрывается один из эпизодов интриги с якобы случившимся накануне у Дантеса приступом любовной лихорадки. Характернейшее наставление-письмо Дантеса Геккерну. «Ты расскажешь о том, что было со мной вчера и произошло по возвращении, так, словно ты был свидетелем: будто мой слуга перепугался и прибежал разбудить тебя в два часа ночи, ты меня долго

расспрашивал, но так и не смог от меня добиться, и что ты убежден, что у меня произошла ссора с ее мужем, а к ней обращаешься, чтобы предотвратить беду (мужа там не было). Это только докажет, что я не рассказал тебе о том вечере, а это крайне необходимо, ведь надо, чтоб она думала, будто во всем, что касается ее, я таюсь от тебя и ты расспрашиваешь ее лишь как отец, принимающий участие в ее сыне; и тут было бы недурно в разговоре намекнуть ей, будто ты убежден, что отношения у нас более близкие, чем на самом деле <...> она ни в коем случае не должна заподозрить, что этот разговор подстроен, пусть видит в нем лишь вполне естественное чувство тревоги за мое здоровье и будущее и настоятельно потребуй сохранить его в тайне от всех и особенно от меня. Однако будет, пожалуй, куда осмотрительней, если ты не сразу попросишь ее принять меня, ты можешь это сделать в следующий раз...

Если бы ты сумел вдобавок припугнуть ее и внушить, что... (далее зачеркнуто).

В ход пошло все: запугивание, угрозы, шантаж. Наконец была разработана уже черная, пиаровская в точном смысле слова акция, совсем не в январе 1837 г., а, как доказала С. Л. Абрамович, 2 ноября 1836 г.

Наталью Николаевну обманным путем залучили в квартиру ее «приятельницы» Идалии Полетики. «Приятельницы» дома не оказалось. Но зато оказался Дантес, который достал пистолет и, угрожая самоубийством, просил, даже требовал ему отжаться. Пушкина стала громко говорить, собственноручно звать на помощь. На шум явилась дочь хозяйки. Наталья Николаевна уехала. Опять розыгрыш, но уже розыгрыш-шантаж. То есть, по слову Пушкина, плут и подлец снова разыгрывал преданность и несчастную любовь. Никакого самоубийства, естественно, не произошло, так как и никакой несчастной любви не было.

Дело, однако, отнюдь не ограничивается розыгрышем-шантажом плута и подлеца. Вяземский недаром сказал об адских кознях против Пушкина и его жены. 4 ноября Пушкин и еще несколько человек из его окружения получили издевательскую анонимку с причислением поэта к ордену рогоносцев.

С позиций плутовства, подлости и разыгрываний бароны и, вероятно, стоявший за ними глубоко эшелонированный фронт действовали безукоризненно точно. Весь расчет делался на то, что в сущности под угрозой пистолета происходит «падение» жены Пушкина и тогда документ-письмо не остается клеветническим наветом, а приобретает неотразимо правдивый характер.

Однако Пушкины тоже действовали безукоризненно точно, но уже с позиций любви, доброй воли и доверия. «Хотя, — писал царь своему брату, — никто не мог обвинить жену Пушкина, столь же мало оправдывали поведение Дантеса, в особенности его гнусного отца... Порицание поведения Геккерна справедливо и заслужено, он точно вел себя как гнусная каналья. Сам сводничал Дантесу в отсутствие Пушкина, уговаривая жену его отжаться Дантесу, который будто умирал к ней любовью. Жена Пушкина открыла Пушкину всю гнусность поведения обоих».

Пушкин вызвал Дантеса на дуэль. Бароны пришли в ужас. И выкулили отсрочку, а потом отказ от дуэли. Дантес женился на Екатерине Нико-

лаевне Гончаровой. Возможно, без большого насилия над собой. Частичные подтверждения тому, что она была его любовницей и уже понесла ребенка, есть в обращенных к ней письмах Дантеса. И хотя она была старше Дантеса, брак не был каким-то мезальянсом: хорошая фамилия, фрейлина императорского двора. Объективно и фатально на новую дуэль работал только черный пиар. Субъективно новой дуэли не хотел никто.

Не хотел Пушкин: он думал об ином, общественном, публичном наказании мерзавцев: «Дуэли мне уже недостаточно» — это он неоднократно писал и говорил.

Не хотели Геккерены: ведь с «ловлей счастья и чинов» было бы покончено. Уже при угрозе первой дуэли Геккерн увидел «все здания своих надежд разрушенным до основания».

Не хотел царь: и потому взял с Пушкина слово больше не ввязываться в дуэль. Пушкин перед смертью и просил у царя прощения, что нарушил его.

Но, видимо, последнее обстоятельство и сыграло роковую роль. Явно через Екатерину прознавшие о данном слове бароны, уверенные в безнаказанности, охамели, провоцируя и распуская в обществе новые сплетни. Наконец Дантес опустился до прямых оскорблений жены Пушкина, до мерзости, говоря словами самого Пушкина. Дело действительно было публичным. Пушкин уже сказал: «Слух обо мне пройдет по всей Руси великой». И этот слух не мог быть оскорблен никакими слухами. Его вызов и дуэль, если угодно, были и белым пиаром против черного пиара.

Пушкинский вызов на дуэль не был казусом, частным делом ревнивого мужа. И молодой Лермонтов допустил в своих знаменитых стихах лишь одну неточность: «добыча ревности глухой». Возможно, здесь оказавшись во власти «мнений света». И лишь при последнем отъезде на Кавказ после одного разговора с Натальей Николаевной, как сообщает Арапова, сказал, упрекая себя в близорукости: «я чуждался Вас, малодушно поддаваясь враждебным влияниям... Но когда я вернусь, я сумею заслужить прощение». Он не вернулся.

Вызов на дуэль оказался для Пушкина единственным в этот момент мужественным выходом, общественно значимым актом: защитой его человеческого и национального достоинства как главного представителя России. Ревности не было и вера в невиновность жены была. Тем не менее поэт отвечал, как сообщает П. А. Вяземский великому князю Михаилу Павловичу, что ему этого недовольно, «что он принадлежит России и хочет, чтобы его имя осталось незапятнанным везде, где его знают».

Национальная БЕЗОПАСНОСТЬ

**Вячеслав
НИКОНОВ**

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ГОГОЛЕВЕДЕНИЕ

Вячеслав Алексеевич Никонов. Известный российский политик и политический аналитик, президент фонда «Политика», доктор исторических наук; родился в 1956 г. в Москве. Окончил исторический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова. Исполнительный директор фонда «Русский мир», президент фонда «Единство во имя России», руководитель межкомиссионной группы Общественной палаты РФ. Вице-президент Ассоциации центров политического консультирования, член президиума Совета по внешней и оборонной политике (СВОП), заведующий кафедрой истории и политологии Международного университета в Москве, член Экспертного клуба Первого канала, главный редактор журнала «Стратегия России», Кавалер Золотого Почетного знака «Общественное признание» (2003); автор 7 книг и более 500 публикаций. Живет в Москве.

Общество наше, — чего не случилось еще доселе ни с одним народом, — воспитывалось в неведении земли своей посреди самой земли своей.

Н. В. Гоголь

В советское время Николай Гоголь был вписан в революционно-освободительную литературную традицию. Он беспощадно бичевал пороки государственного строя, дворянского и бюрократического сословия, которые были причинами всеобщей продажности и деградации, тем самым приближая революционное свержение ненавистного самодержавия. Не без недостатков: впадал в полужызыческий мистицизм. Нельзя не заметить, что подобная интерпретация Гоголя прочитывалась во многих публикациях и программах, вышедших в последние дни в связи с 200-летием великого писателя. Однако в такой интерпретации *все* неправда.

Конечно, Гоголь не был слепым, и ему хорошо были видны все мерзости современной ему российской жизни. Но в нем не было ровным счетом ничего революционного. Он сам неоднократно писал о том, что именно бичевал и высмеивал. Людские пороки, темные стороны человеческой души. Персонажи «Мертвых душ» не герои реалистического романа, все они, писал Гоголь, «кариатура и моя собственная выдумка». Свою самую сильную сторону, не без подсказки Пушкина, Гоголь видел в умении «очертить в такой силе пошлость пошлого человека, чтобы вся та мелочь, которая ускользает от

глаз, мелькнула бы *крупно* в глаза всем». Писатель, утрируя, обличал нравственные уродства. «Прежде чем приходить в смущение от окружающих беспорядков, недурно заглянуть всякому из нас в свою собственную душу», — призывал своим творчеством Николай Васильевич. Не сидят ли в нашей душе Чичиков, Хлестаков или Иван Иванович.

Связывал ли Гоголь нравственные пороки с государственным режимом? Нет. Напротив, он был убежден в божественном происхождении всякой власти и в правильности существовавших государственных институтов. По его словам, люди «должны покоряться той самой власти, под которою родились, потому что нет власти, которая не была бы от Бога». В России «везде слышна законодательная мудрость, как в установлении самих властей, так и в соприкосновеньях их между собой... Чем больше всматриваешься в организм управления губерний, тем более изумляешься мудрости учредителей: слышно Сам Бог строил незримо руками государей. Все полно, достаточно, все устроено именно так, чтобы способствовать в добрых действиях, подавая руку друг другу, и останавливать только на пути к злоупотреблениям». Николай I вызывал у Гоголя объяснимое чувство благодарности — тот избавил писателя от нищеты: «Спасен я был государем».

Пути к совершенствованию российских порядков Гоголь видел в просвещенной воле монарха и деятельности энергичных и образованных генерал-губернаторов. «Возвратить все на свое место» возможно «не какими-нибудь нововведениями, переворотами и реформами и даже не заседаниями, не комитетами, не прениями и не журнальными толками и болтовней; в России может этому дать начало всякий генерал-губернатор вверенной его управлению области, и как просто: не чем другим, как только собственной жизнью своей». Не боролся Гоголь с чиновниками и помещиками, напротив, видел в них надежду России. «Дворянство у нас есть как бы сосуд, в котором заключено это нравственное благородство, долженствующее разноситься по лицу всей Русской земли затем, чтобы подать понятие всем прочим сословиям, почему сословие высшее называется цветом нации». Гоголь звал людей не на баррикады, а на госслужбу: «На корабле свой должности и службы должен теперь всяк из нас выноситься из ому-та, глядя на Кормщика небесного».

Мнение о революционерах у Николая Васильевича было одно-значным. «Но, слава Богу, уже прошли те времена, — отзывался он о декабристах, — чтобы несколько сорванцов могли возмутить целое государство». Столь же негативно он оценивал роль революционной эмиграции: «Беглецы, выходцы за границу и всякого рода недоброжелатели России писали статьи и наполняли ими столбцы чужестранных газет с тем именно умыслом, чтобы заронить вражду между дворянством и правительством... То есть им хотелось заварить

в России какую-то кашу и сумятицу, среди которой можно было бы и самим сыграть какую-нибудь роль».

В отличие от российских революционеров Гоголь не был западником. «Велико незнание России посреди России, — это замечание великий творец неоднократно обращал и к себе. — Все живет в иностранных журналах и газетах, а не в земле своей». Однако и квасной патриотизм вместе с утрированным славянофильством ему претили. «Разумеется, правды больше на стороне славянофилов и восточников, потому что они все-таки видят весь фасад и, стало быть, все-таки говорят о главном, а не о частях. Но и на стороне европеистов и западников тоже есть правда...» В отличие от славянофилов, Гоголь приходил в восторг от деятельности Петра Великого, от «петровского удара европейским огнем».

Вместе с тем, Николай Васильевич доказывал, что любые нововведения и европейские заимствования должны сочетаться с российской традицией, особенно, с религиозным строем общества: «По мне, безумна и мысль ввести какое-нибудь нововведение в Россию, минуя нашу Церковь, не испросив на то ее благословенья». И это не мистицизм, это — признание огромной роли церкви в российской органике. Гоголь — не мистик, он глубоко верующий православный. «Эта Церковь, которая, как целомудренная дева, сохранилась одна только от времен апостольских в непорочной первоначальной чистоте своей, эта Церковь, которая вся с своими глубокими догматами и малейшими обрядами наружными как бы снесена прямо с Неба для русского народа, которая одна в силах разрешить все узлы недоумения и вопросы наши...».

Так кем же был Гоголь? Прежде всего, великим патриотом и гражданином, который остро переживал за Россию и призывал к добродетели и нравственному совершенствованию.

«Если только возлюбит русский Россию, возлюбит и все, что ни есть в России. К этой любви нас ведет теперь Сам Бог. Без болезней и страданий, которые в таком множестве накопились внутри ее и которых виною мы сами, не почувствовал бы никто из нас к ней состраданья».

Виктория ГУСАКОВА

ПОИСКИ «НЕБЕСНОЙ КРАСОТЫ»

*Николай Васильевич
Гоголь и Александр
Андреевич Иванов*

Виктория Олеговна Гусакова — кандидат искусствоведения, начальник цикла «Культура и искусство» в Санкт-Петербургском кадетском ракетно-артиллерийском корпусе, старший преподаватель РГПУ имени А. И. Герцена, автор книг «Православный словарь церковного искусства», «Словарь русского религиозного искусства», «Храм Воскресения Словущего в Санкт-Петербургском кадетском ракетно-артиллерийском корпусе», программ, учебных пособий, статей и докладов по истории русской культуры и искусства, духовно-патриотическому воспитанию и образованию юного поколения. Лауреат премии М. В. Ломоносова. **Живет в Санкт-Петербурге.**

О дружбе писателя Николая Васильевича Гоголя и художника Александра Андреевича Иванова известно немного, но именно их духовная близость и общая цель — создание великого произведения, которое могло бы обратить человека к Богу и тем самым изменить весь мир, определили их творческий путь.

О себе Гоголь писал: *«Еще с самых времен прошлых, с самых лет почти непонимания, я пламенел неугасимой ревностью сделать жизнь свою нужною для блага государства, я кипел принести хоть малейшую пользу. Тревожные мысли, что я не буду мочь, что мне преградят дорогу, что не дадут возможности принести ему малейшую пользу, бросали меня в глубокое уныние. Холодный пот проскакивал на лице моем при мысли, что, может быть, мне доведется погибнуть в пыли, не означив своего имени ни одним прекрасным делом, — быть в мире и не означить своего существования — это было для меня ужасно»¹.*

В свою очередь Иванов в разгар работы над картиной «Явление Христа народу» сообщал: *«Если Бог поможет скоро совершить труд, то я надеюсь самым делом убедить вас, что способен из житейского простого быта вознестись до изображения Богочеловека»².*

Что роднило писателя — гения русской литературы, и художника — величайшего мастера живописи? Ответ на этот вопрос заключен

¹ Н. В. Гоголь П. П. Косяровскому. 3 октября 1827 г. // Н. В. Гоголь. Собрание сочинений в семи томах. Т. 7. Письма. М., 1979. С. 48.

² А. А. Иванов В. А. Жуковскому. 1847 г. // Александр Иванов в письмах, документах, воспоминаниях / Сост. И. Виноградов. М., 2001. С. 479.

в судьбах Гоголя и Иванова, в их творческом служении Родине, народу и искусству.

I

Николай Васильевич Гоголь родился 20 марта/1 апреля 1809 г. в селе Большие Сорочинцы в Полтавской губернии в семье помещика В. А. Гоголя-Яновского, известного автора народных фарсов, режиссера и актера любительского театра в имении Д. П. Трощинского. От отца Гоголь перенял увлеченность театром. Еще учась в Нежинской гимназии высших наук (1821—1828 гг.), он написал свое первое произведение — «идиллию в картинах», поэму «Ганц Кюхельгартен». В ее главном герое — романтической личности, явно угадываются черты самого автора, восторженного юноши, уже тогда страдавшего от одиночества среди «мертвых душ» Нежина. В душевных порывах Ганса явно обрисованы устремления самого Гоголя:

*Но мысль и крепка и бодра
Его одна объемлет, мучит
Желаньем блага и добра;
Его трудам великим учит*

В 1829 г., после окончания гимназии Гоголь приехал в Петербург, где его идеалистические мечты разбились о суровую прозу столичной жизни. Неудача в поисках работы, нехватка денег, капризная питерская погода навели на Гоголя мрачное настроение. На последние средства он издал «Ганца Кюхельгартена» под псевдонимом «В. Алов», сопроводив текст пояснением: «(Писано в 1827)». Поэма вызвала резко отрицательные отзывы журналов «Московский телеграф» и «Северная Пчела». Оскорбленный молодой писатель забрал у книготорговцев экземпляры своей книги и уничтожил их. Им руководило одно желание — бежать от уныния и обиды. Через месяц Гоголь отплыл в Любек. Позже в Авторской исповеди (1847) он объяснил свое поведение так: *«Как бы то ни было, но это противувольное мне самому влечение было так сильно, что не прошло пяти месяцев по*

А. А. Иванов. Портрет Н. В. Гоголя. 1841

прибытии моем в Петербург, как я сел уже на корабль, не будучи в силах противиться чувству, мне самому непонятному. Проект и цель моего путешествия были очень неясны. Я знал только то, что еду вовсе не затем, чтобы наслаждаться чужими краями, но скорей, чтобы натерпеться, — точно как бы предчувствовал, что узнаю цену России только вне России и добуду любовь к ней вдали от нее»³.

Вернувшись в Петербург, Гоголь определился на службу в канцелярию Департамента уделов, а вечерами начал посещать классы Императорской Академии художеств. Для него наступил счастливый период (1831–1832 гг.), отмеченный созданием «Вечеров на хуторе близ Диканьки», «Повести как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем», повестей «Миргород» и «Нос», пьесы «Ревизор», работой «Всеобщей историей и всеобщей географией», и началом педагогической деятельности в Патриотическом институте. Но следующий 1833 год принес писателю горестное разочарование: «...стою в бездействии, в неподвижности. Мелкого не хочется! Великое не выдумывается!»⁴. Осенью он с горечью восклицал: «Какой ужасный для меня этот 1833 г.! Боже, сколько кризисов! Настанет ли для меня благодетельная реставрация после этих разрушительных революций? Сколько я поначинал, сколько пережег, сколько бросил! Понимаешь ли ты ужасное чувство: быть недовольну самим собою»⁵.

После долгих метаний Гоголь, наконец-то, нашел свой путь — служение Богу и России: «Я не знал тогда, что нужно для этого победить в себе все щекотливые струны самолюбия личного и гордости личной, не забывать ни на минуту, что взял место не для своего счастья, но для счастья многих тех, которые будут несчастны, если благородный человек бросит свое место, что позабыть нужно обо всех огорчениях собственных. Я не знал еще тогда, что тому, кто пожелает истинно-честно служить России, нужно иметь очень много любви к ней, которая бы поглотила уже все другие чувства, — нужно иметь много любви к человеку вообще и сделаться истинным христианином во всем смысле этого слова»⁶.

В 1835 г. Гоголь начал работу над поэмой «Мертвые души» и выпустил в свет сборники «Миргород» и «Арабески». В них он обратился к теме красоты. В повести «Вий» писатель задает вопрос: «В чем тайна красоты?», а ответ дает в «Невском проспекте»: красота имеет божественное происхождение, но в нашей «ужасной жизни» она искажена «адским духом» реального мира, и потому губительна. Красота мира сего сгубила Андрия («Тарас Бульба»), поставившего ее выше чести, веры и Родины, и лишила рассудка бедного Поприщина («Записки сумасшедшего»).

Тяжелее всего приходится художнику, выбирающему между «мечтой» — красотой небесной и «существенностью» — красотой мира сего. Во II части повести «Портрет» в напутствии отца-художника, принявшего монашество, своему единокровному сыну, Гоголь дает завет, который мож-

³ Гоголь Н. В. Авторская исповедь // Н. В. Гоголь. Собрание сочинений в семи томах. Т. 6. С. 438.

⁴ Н. В. Гоголь М. П. Погодину. 1 февраля 1833 г. // Т. 7. Письма. М., 1979. С. 81.

⁵ Н. В. Гоголь М. П. Погодину. 28 сентября 1833 г. // Там же. С. 91.

⁶ Гоголь Н. В. Авторская исповедь. С. 429.

но отнести к любому художнику: *«Тебе предстоит путь, по которому отныне потечет жизнь твоя. Путь твой чист, не совратись с него. У тебя есть талант; талант есть драгоценнейший дар Бога — не погуби его. Исследуй, изучай все, что ни видишь, покори все кисти, но во всем умей находить внутреннюю мысль и пуще всего старайся постигнуть высокую тайну создания. Блажен избранник, владеющий ею. Нет ему низкого предмета в природе. В ничтожном художник-создатель так же велик, как и в великом; в презренном у него уже нет презренного, ибо сквозит невидимо сквозь него прекрасная душа создавшего, и презренное уже получило высокое выражение, ибо протекло сквозь чистилище его души. Намек о божественном, небесном рае заключен для человека в искусстве, и по тому одному оно уже выше всего. И во сколько раз торжественный покой выше всякого волнения мирского; во сколько раз творенье выше разрушения; во сколько раз ангел одной только чистой невинностью светлой души своей выше всех несметных сил и гордых страстей сатаны, — во столько раз выше всего, что ни есть на свете, высокое создание искусства. Все принеси ему в жертву и возлюби его всею страстью. Не страстью, дышащей земным вождением, но тихой небесной страстью; без нее не властен человек возвыситься от земли и не может дать чудных звуков успокоения. Ибо для успокоения и примирения всех нисходит в мир высокое создание искусства. Оно не может поселить ропота в душе, но звучащей молитвой стремится вечно к Богу».*

Главной задачей современного искусства Гоголь видел сохранение души художника от растления и прелести. Но кто всемогущ настолько, чтобы провести грань между злом и добром и остановить волну адского духа? Ответ един: это Бог.

Эта проблема глубоко волновала А. А. Иванова, и, возможно, потому именно в нем Гоголь увидел того самого художника, который своим служением Богу смог бы исправить пороки мира. Их знакомство состоялось в Риме в 1837 году.

II

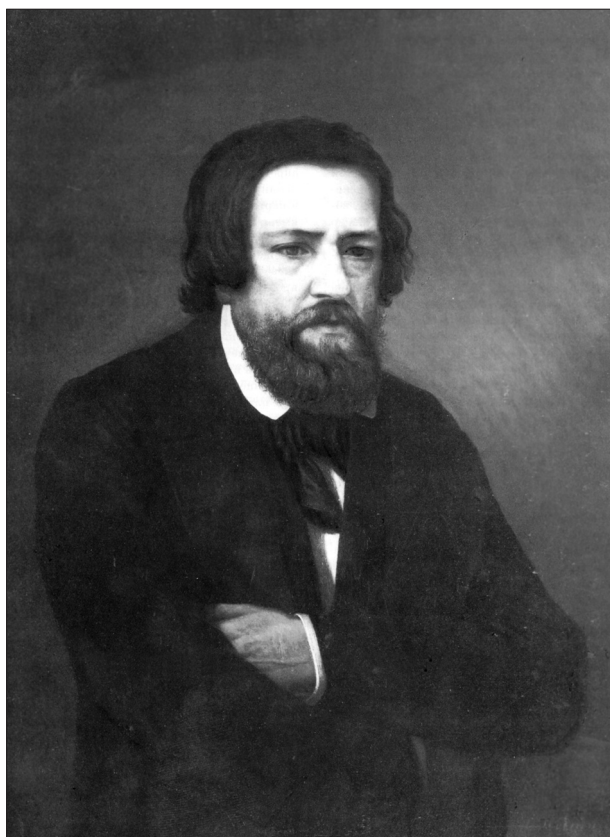
Александр Андреевич Иванов родился 16/28 июля 1806 г. в Петербурге в семье профессора исторической живописи Академии художеств, писавшего образа для петербургских церквей. Детские годы он провел рядом с отцом в храмах или мастерской среди картин, гравюр, рисунков и книг, а в 11 лет поступил в Академию художеств.

В 1827 г. за картину «Иосиф, толкующий сны в темнице виночерпию и хлебодару» (ГРМ) Иванов удостоился высшей награды Академии — золотой медали I степени и путевки в Италию от Общества Поощрения Художников.

Иванов прибыл в Рим в 1830 г. Он занялся копированием произведений великих предшественников Микеланджело, Рафаэля, Тициана, и вскоре у него возник замысел произведения, которое смогло бы совершить морально-нравственный переворот в жизни человечества.

Познакомившись с членами общества Любомудров, Иванов заинтересовался идеей Д. Веневитинова о трех периодах истории человечества, два из которых золотые века. В первый золотой век «младенствующего челове-

чества» люди находятся в единстве и гармонии с природой. В переходный период они в трудах и заботах ищут истину. После ее обретения наступает второй золотой век, когда люди владеют великой мудростью.

Н. Н. Постников. Портрет А. А. Иванова

его мнению, выражал *«сущность всего Евангелия... когда Иоанн Креститель, увидев Иисуса Христа, идущего к нему, говорит «Се Агнец Божий, возмем грехи мира»*⁷.

В Риме Иванов сблизился с назарейцами — немецкими художниками, объединившимися в «Братство Святого Луки» в честь евангелиста, написавшего первый образ Богородицы. Они жили в кельях монастыря Сан-Исидоро, писали картины на библейские темы и называли себя «назорейцами» в память о Назарете, где прошли детство и юность Христа. Их почитание Рафаэля за «Божественный идеал красоты» и Дюрера — за религиозное благочестие и служение искусству как ремеслу совпадало с взглядами Иванова. «Назарейцы видели главную цель художественного творчества в пробуждении и укреплении веры, в очищении человека, в утверждении его высокой морали»⁸, и Иванов был полностью с ними согласен. Нередко он советовался с ними в поисках изобразительного выра-

Эта идея нашла живой отклик в живописи Иванова. По мысли художника, его картина «Аполлон, Гиацинт и Кипарис, занимающиеся музыкой» (1831–1834, ГТГ) должна показать первый золотой век — период младенчества человечества, а задуманное произведение «Явление Христа народу» — помочь людям найти истину в переходный период. Себя Иванов нередко называл «переходным художником».

Возложив на себя «пророческую миссию», Иванов приступил к созданию большой картины. Он вставал на рассвете и работал до сумерек. Утомившись, он откладывал кисти и брал Священное Писание, ставшее для него проводником в работе. В «Евангелии от Иоанна» он нашел сюжет, который, по

⁷ Александр Иванов в письмах, документах, воспоминаниях. С. 101.

⁸ Сарабьянов Д. Русская живопись XIX века среди европейских школ. М., 1980. С. 96.

жения идеи нравственного преобразования человечества и Божественной красоты, спасающей человечество.

Но, познакомившись с Гоголем, обрел с ним единое созвучие душ, способное дать этой идее дальнейшее развитие.

III

Гоголь поселился в Риме на Виа Феличе в среде художников. Он усердно трудился, уединяясь в своей комнате, как монах в келье. Окончив работу, он шел в кафе «Греко», где собирались русские художники.

Мастерская Иванова находилась неподалеку на Виа Кондоти. К моменту приезда Гоголя Иванов уже писал «Явление Христа народу». Он вел затворническую жизнь и никого не пускал к себе в дом. Его замкнутость, молчаливость и самоуглубленность часто расценивались как неумение общаться с людьми, а отсутствие щегольских нарядов — как несоблюдение светских приличий. Иванов всюду появлялся в запачканной красками блузе, чем вызывал недовольство окружающих. Но с Гоголем он сдружился. Кроткий нрав художника гармонично сочетался с пылким темпераментом писателя.

Гоголь был частым гостем в мастерской Иванова, а сам Иванов, вместе с художником Ф. А. Моллером и гравером Ф. И. Иорданом, традиционно коротали вечера на квартире писателя, вспоминая свою Родину. Иногда они все вместе единодушно молчали. В таких случаях Гоголь говорил: *«Что, господа? Не пора ли нам окончить нашу шумную беседу?»*⁹.

Гоголь напряженно работал над «Мертвыми душами», Иванов всецело погрузился в картину. В результате их общения в сознании Гоголя оба замысла — поэмы и картины — сблизились. В творческих исканиях и душевных порывах Иванова Гоголь усматривал аналогии своей собственной судьбы. Уже во второй половине 1840-х гг. Гоголь мечтал об одновременном завершении «Явления Христа народу» и второго тома «Мертвых душ».

Окружающие называли Гоголя и Иванова «неразлучной парочкой». Но все же они расстались. Гоголь много путешествовал, а Иванов безвыездно жил в Риме. Их связывала идея и переписка.

IV

Духовная близость Гоголя и Иванова отражена в их произведениях.

Во второй редакции повести «Портрет» (1842), написанной Гоголем после знакомства с Ивановым, в образе русского художника-труженика, приславшего из Италии на выставку гениальную картину, угадываются черты Александра Андреевича: *«Этот художник был один из прежних его товарищей, который от ранних лет носил в себе страсть к искусству; с пламенной страстью труженика погряз в нем всею душою своею и для него, оторвавшись от друзей, от родных, от милых привычек, бросился без всяких пособий в неизвестную землю; терпел бедность, унижение, даже голод, но с редким самоотвержением, презревши все, был бесчувствен ко всему, кроме своего искусства»*.

⁹ Цит. по: Золотусский И. По следам Гоголя. М., 1984. С. 115.

Полотну Иванова посвящены следующие строки: *«Чистое, непорочное, прекрасное, как невеста, стояло пред ним произведение художника... Оно возносилось скромно. Оно было просто, невинно, божественно, как талант, как гений... В чертах божественных лиц дышали те тайные явления, которых душа не умеет, не знает пересказать другому; невыразимо выразимое покоилось на них; и все это было заброшено так легко, так скромно-свободно, что, казалось было плодом минутного вдохновения художника, вдруг осенившей его мысли... Вся картина была — мгновенье, но то мгновенье, к которому вся жизнь человеческая — есть одно приготовление»*.

Иванов не раз показывал Гоголю свою картину «Явление Христа народу», и писатель охотно позировал для ее сюжета. Вариации его образа присутствуют в этюдах дрожащего отца, кающегося и раба. Но самым выразительным стал «персонаж, ближайший ко Христу». Он существует в двух вариантах. В первом, он, грешный человек, в горьком раскаянии поникший головой, но во втором, он поднимает взор, оглядывается и воочию видит Спасителя. Эта подчеркнутая в картине устремленность писателя к Богу подтверждается словами самого Гоголя: *«Старайтесь лучше видеть во мне христианина, чем литератора»*¹⁰.

V

Духовно-нравственная позиция Гоголя и его взгляд на историческое предназначение России выражена в поэме «Мертвые души», где он фактически изложил свое понимание триады С. С. Уварова: «Православие. Самодержавие. Народность».

По мысли Гоголя, «мертвые души» не у тех, кто отошел ко Господу, но чьи имена звучат, как живые: каретник Михей или плотник Пробка Степан, а у тех, про которых *«слово “добродетель” и “редкие свойства души” можно с успехом заменить словами “экономия” и “порядок”*». Это они, заостеневшие в быте, отошли от Бога, а значит и от всего исконно русского. Их души «мертвы» потому, что они не православные, невернопопавшие и ненародные.

Фабула «Мертвых душ» заключена в утверждении идеалов русской самобытности и показе на ее фоне *«переходящих лиц»* эпохи, запечатленных в нескольких *«уродливых помещиках»* и представляющих собой результат влияния европейской моды на русской почве. Сам Гоголь неоднократно предупреждал соотечественников, что «Мертвые души» — это не портрет России и всячески противился переводу текста поэмы на иностранные языки.

Лучше всего смысл поэмы «Мертвые души» раскрывают призыв Гоголя в «Завещании»: *«Будьте не мертвые, а живые души. Нет другой двери, кроме указанной Иисусом Христом»*¹¹.

В 1842 г., когда первый том «Мертвых душ» увидел свет, Гоголь уже работал над вторым. На его страницах он желал раскрыть духовное предназначение русского человека. Огромное влияние на него оказало паломни-

¹⁰ Н. В. Гоголь к матери. 1844 г. Цит. по: Мочульский К. Гоголь. Соловьев. Достоевский. М.: Республика, 1995. С. 7.

¹¹ Цит. по: Мочульский К. Там же.

чество на Святую Землю и в Оптину Пустынь, которую он посетил трижды — в июне 1850 г. и в июне и сентябре 1851 г.

Общение с оптинскими старцами Моисеем и Макарием положило начало замыслу совершить путешествие по проселочным дорогам России, от монастыря к монастырю, с остановками у помещиков. В живописных уголках, избранных святыми подвижниками для несения подвига, Гоголь хотел изучить многообразие жизни русского народа — помещиков и крестьян, чтобы в итоге путешествия составить географическое описание России самым увлекательным образом, так, *«чтоб была слышна связь человека с той почвой, на которой он родился»*¹².

Но Гоголю не было суждено осуществить свой замысел. 21 февраля 1852 г. писатель умер. Накануне своей кончины он сжег рукопись II тома «Мертвых душ». В ее последней редакции он изложил свой взгляд на искусство как путь к Богу: художник должен сам обратиться ко Христу, а затем своим талантом привести других к Богу. Нет ли здесь параллели с жизненным путем Иванова?

VI

В конце 1830-х гг. Иванов полностью ушел в работу над «Явлением Христа народу». Он пришел к выводу, что в его *«картине все должно быть тихо и выразительно»*¹³, и поисках этого состояния писал множество этюдов. В 1839 г. их количество насчитывало 229. Это число говорит о неустанном труде не только кисти, но ума и сердца, и характеризует Иванова как художника-мыслителя.

Избрав для картины сюжет из Евангелия (Ин 1.29–37), Иванов стремился указать путь к истине в переходный период, с обретением которой человечество вступит в золотой век. Провозвестник истины в картине — Иисус Христос, а проводник на пути к ней — Иоанн Креститель. По мысли Иванова, переходный период в жизни людей наступил в момент прихода Мессии и длится до второго пришествия Христа. Изображая первое явление Иисуса Христа, художник говорит о втором.

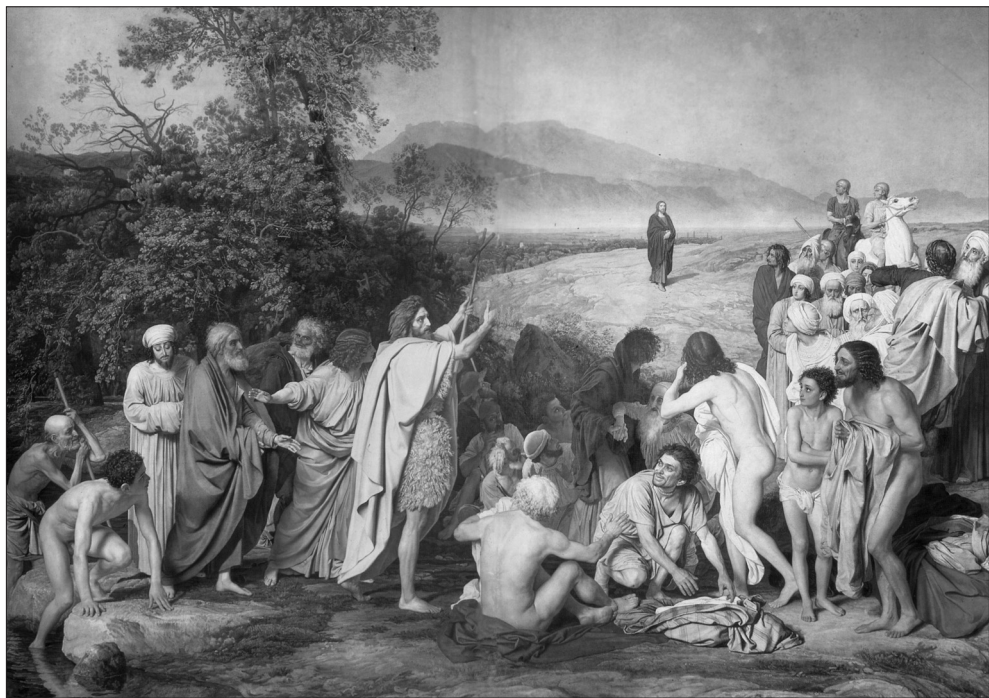
Смысловым ядром картины и центром композиции Иванов сделал жест Иоанна Крестителя, указующий на Христа. Вокруг него завязано все действие. Иоанн показан в профиль. Он одет во власяницу, на плечи накинута плащ, напоминающий ангельское крыло. «Ангел пустыни» — так называли Предтечу за годы отшельничества. Иванов изобразил суммарный образ Крестителя, запечатлев в нем единство внешнего жеста и внутреннего переживания: всем своим истовым видом пророк возвещает народу о явлении Христа.

Персонажи картины, за исключением Спасителя и Предтечи, образуют три группы. Первая, за спиной Крестителя, состоит из учеников пророка — будущих апостолов Иоанна Богослова, Петра и Андрея Первозванного, сомневающегося и вылезающих из воды; вторую — центральную — образуют странник в шляпе и посохом (в котором Иванов запечатлел себя),

¹² Цит. по: Воропаев В. Благодатная обитель. www.ioannp.ru/publications/57570.

¹³ Боткин М. П. Александр Андреевич Иванов. 1809–1858. Берлин, 1880. С. 92.

сидящие на земле, ожидающие крещения, господин и раб, дрожащие отец и сын; в третью — входят фарисеи, юноша с косами, «ближайший ко Христу» грешник в коричневом плаще (Гоголь) и всадники. Все группы обращены к центру композиции, где изображен Предтеча, а от него — к Господу. По мнению Гоголя, Иванов изобразил «на лицах весь ... ход обращения ко Христу»¹⁴, а разнообразие чувств и эмоций — от страха до восторга, беззаветной веры и полного отвержения — показал в фигурах людей.

А. А. Иванов. *Явление Христа народу*. 1837–1857

В «Явлении Христа народу» Иванов достиг вершины поисков образа Богочеловека. Он создал жизненно-убедительный и вместе с тем церковно-канонический образ. В нем гармонично сочеталась духовная содержательность с правильностью и красотой формы и воссоединялась прерванная нить между древнерусской традицией и современной Иванову живописью.

Христос Иванова — это образ всепрощения и милосердия. Он замкнут, отрешен от мирской суеты, сосредоточен и самоуглублен. Его фигура монолитна и почти бесплотна. Спаситель идет (можно сказать грядет) медленно и неторопливо. Он приближается к волнующейся толпе, и это приближение растягивается во времени, ход которого отсчитывают Его шаги. Христос нисходит к людям, чтобы спасти их, но Его путь ведет к кресту, который протягивает Иоанн Креститель как пророческий знак о Его участи.

Картина «Явление Христа народу» стала смыслом жизни Иванова. В марте 1857 г. он представил ее публике и получил восторженные отзывы. Художнику предлагали показывать произведение в странах Европы за деньги, но он наотрез отказался.

¹⁴ Цит. по: Аленов М. Александр Иванов. М., 1997. С. 8.

В 1858 г., после 28 лет отсутствия, Иванов прибыл на Родину, привезя с собой самое дорогое, что у него было — «Явление Христа народу». В конце мая картина и этюды были выставлены в Зимнем дворце, а затем в Академии художеств. Народу было много. Кто-то хвалил работы, кто-то ругал, но большинство не понимало, зачем художник «потратил» всю жизнь на одну картину. На выставке удалось продать только два этюда.

3/15 июля 1858 г. Иванов скоропостижно умер. За несколько часов до смерти он узнал, что его картину купил государь император Александр II за 15 тысяч рублей серебром.

Иванова похоронили на Новодевичьем кладбище женского монастыря в Санкт-Петербурге, а в 1859 г. на его могиле установили памятник, исполненный скульптором Л. Гульельми. В 1930-е гг. памятник был перевезен в Некрополь мастеров Александро-Невской лавры, и с тех пор на могиле художника лежит каменная плита без опознавательных знаков. На ней нет ни креста, ни надписи. О захоронении Иванова знают лишь питерские старожилы.

Талантливый живописец, художник-мыслитель Иванов не имел учеников, но его самоотверженный труд нашел отклик в творчестве мастеров последующих времен. Именно его поиски Божественной красоты и достоверности изображаемого положили начало двум ветвям в русской живописи второй половины XIX столетия: «религиозно-национальной», выразителями которой стали В. М. Васнецов, М. В. Нестеров, М. А. Врубель, Н. Н. Харламов, В. И. Суриков; и условно названной «историко-демократической», которую разрабатывали: И. Н. Крамской, Н. Н. Ге, В. Д. Polenov.

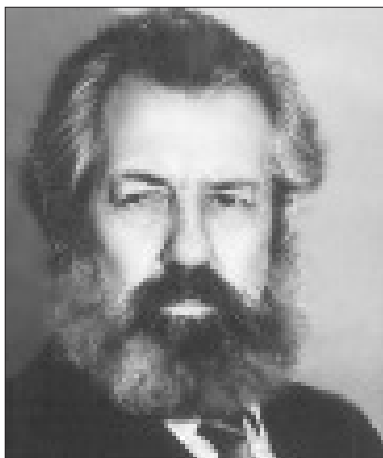
VII

Большую часть жизни Николай Васильевич Гоголь и Александр Андреевич Иванов посвятили грандиозному замыслу — большому произведению, в котором они уже в середине XIX столетия, предчувствуя грядущее «брожение умом», взывали к лучшим свойствам человеческой души, желая пробудить в ней святая святых. Отказавшись от дома, семьи и личного счастья, они думали о благе для своего народа, и своим творчеством стремились обратить души людей к Богу и «Красоте Небесной».

До сих пор их воззвания оставляют глубокий след в сердцах людей, хоть на малую долю соприкоснувшихся с их творениями.

Мало кто останется равнодушным к поэме Н. Гоголя «Мертвые души» и не испытает трепета и восхищения перед картиной А. Иванова «Явление Христа народу».

Поиск Божественной красоты, спасающей человечество, сблизил Гоголя и Иванова и дало толчок к последующему развитию этой темы у классиков литературы и художников.

Борис СПОРОВ

ПРИХОД НА ВСЮ РОССИЮ

О духовной прозе Гоголя

Борис Федорович Споров — родился в 1934 году в Актюбинске. Работал на заводе, на строительстве Горьковской ГЭС слесарем, электросварщиком, сборщиком и монтажником. Заочно получил среднее и высшее образование. Автор многих книг прозы. Член Союза писателей России. **Живет в Москве.**

XIX век не успел разобраться в творчестве Гоголя, слишком агрессивным оказалось направление, определенное Белинским. А иного направления реально не было предложено, видимо потому, что интересы просветителей вращались вокруг художественных произведений писателя... Говорить о сокровенном Гоголе в период коммунистического режима в России не приходится. Этот режим признавал только революционных демократов, западников, то есть установки все того же Белинского. Достаточно сказать, что письмо критика к Гоголю в связи с выходом в свет «Выбранных мест из переписки с друзьями» было издано миллионными тиражами, и в то же время сами «Выбранные места...» оставались непрочитанными.

Первым томом в собрании сочинений Н. В. Гоголя сегодня должна бы идти Духовная проза. Так мы сможем хоть сколько-то направить читателя по верному пути в понимании творческого наследия писателя. К чему такая опека?.. Дело в том, что борьба за Гоголя, начатая при его жизни, продолжается, находясь к настоящему времени на решительном переломе. В таких условиях важно все.

Творчество Гоголя индивидуально и разнообразно. Нет двух произведений, в которых бы он повторялся. Судить о его творчестве следует по каждому произведению в отдельности. А так как авторские идеи в художественной прозе за семью печатями — в этом отношении Гоголь далеко не прост! — о произведениях писателя зачастую и судили поверхностно, по форме, по жанровой при-

надлежности. Тщетными для современников оказывались даже авторские толкования.

Кстати, Гоголя и до сих пор принято считать сатириком. Можно согласиться — сатирик: в «Ревизоре», в «Мертвых душах». Но какой же он сатирик в «Петербургских повестях», в «Вечерах на хуторе близ Диканьки», в «Тарасе Бульбе» и во всей Духовной прозе?! Гоголь — многожанровый писатель.

И если профессионалы-литераторы не могли тотчас разобраться в Гоголе, то что было делать рядовому читателю? А ведь это главное: чтобы задумки, идеи автора становились всеобщим достоянием. Следовательно, читатель, прежде всего, должен бы знать сокровенного Гоголя, идейного. А таковой наиболее раскрыт и доступен в Духовной прозе. Вот почему даже при издании Избранных произведений Духовная проза непременно должна бы стоять на первом месте, чтобы читатель прежде мог ознакомиться с «Выбранными местами из переписки с друзьями», с «Авторской исповедью»... Духовная проза поможет читателю и самому разобраться в художественных произведениях, явится ключом к новому прочтению Н. В. Гоголя.

Оказавшись в цепких руках Белинского, Гоголь был объявлен основоположником критического реализма. Попытка писателя вырваться из этой удавки не увенчалась успехом — следовательно: именно такого Гоголя, объявленного Белинским, и хотела иметь русская общественность XIX века.

Даже с Пушкиным, при всем оболгании его и подтасовках, не было такой исторической тяжбы. Чем-то ведь это обусловлено.

«С Пушкина все начинается, а пошло от Гоголя» — есть в этих словах А. Ремизова нечто такое, чего национальная общественность в России не может воспринять уже полтора века.

* * *

Гоголь не только основоположник русской классической литературы, но и единственный, по-своему, писатель-авангардист и новатор. Однако нельзя рассматривать его новаторство с позиций нашего времени, когда за новаторство выдается любая пошлость, любое кривлянье, любое надругательство над языком. Авангардизм и новаторство Гоголя заключались в создании образцовых произведений. Он как бы говорил: вот направление, вот образец — следуйте и развивайте. Широкий и многогранен охват писателя, но и тогда Гоголь не повторялся даже внутри жанра. Не потому ли так тщательно и шлифовал он свои произведения, что они — образцовые, не потому ли и возвращался к уже опубликованным произведениям («Портрет», «Тарас Бульба»), не потому ли и толковал и объяснял свои идеи («Ревизор», «Мертвые души», «Выбранные места...»)?

* * *

Уже не раз отмечалось, что Пушкин явился ответом на сокрушительные для России реформы Петра I. Это верно лишь отчасти. Россия ответила на реформы Петра еще и Гоголем, и славянофилами, и православным старчеством. Духовные силы сосредоточились и выступили как национальное возрождение.

Весь XVIII век на подмену национальному подвижничеству формировался образ протестантского или космополитического интеллигента. XIX век предстал веком интеллигенции, веком западничества. Общенациональное подвижничество было подменено подвижничеством отдельных сильных личностей. Начало же этому положили монастырские старцы и Гоголь. Здесь-то и кроется завязка так называемой трагедии Гоголя: общественная интеллигенция не восприняла Гоголя-подвижника. Выразителем невосприимчивости и стал Белинский в своем растиражированном до неприличия зальцбрундском письме.

Гоголь шел к мирскому проповедничеству. И его попытка проповеди была отвергнута — даже единомышленниками. Именно «Духовная проза» оказалась ключевой и тогда, дала повод объявить автора раздвоенным или параноиком, именно на духовной прозе при новом прочтении и следовало бы сосредоточиться.

* * *

Подвижничество на Руси всегда было связано непосредственно с духовностью, с верой, с Богом. И подвиг, собственно, свершался во имя Истины. Многие творились безымянными авторами — ради Бога, а Бог все знает. Скажем, летописцы-историки. А иконописцы и до сих пор не оставляют на иконах своего имени. Такая форма подвига издавна была национальной чертой, ставшей частью национального характера. И лишь со времен Петра появились светские писатели, живописцы, артисты и композиторы, как правило, личности западного образца. Интеллигент полагал в основу творческой деятельности личное Я — подверженность эгоцентризму, поэтому творчество и сегодня нередко рассматривается, как форма авторского самовыражения.

В начале XIX века лучшие сыны Отечества и попытались возвратиться к делу духовного возрождения. Но для этого, прежде всего, следовало бы объединить расколотую культуру. Монашество обращалось к старческому подвигу — удалившимся от мира это удавалось. Прodelать нечто подобное в миру было куда как сложнее. Гоголь и попытался соединить в своем творчестве светское с духовным. Но сильным и жестоким оказалось внедренное и доморощенное западничество, да и почва была неподготовленной, а дело непосильным. Здесь-то и коренилось продолжение так называемой трагедии Гоголя.

* * *

Потребовалось навесить на Гоголя ярлык раздвоенности — и это Белинский мастерски сделал, что лишний раз подтверждает: безбожный Белинский воспринимался общественностью ближе, нежели духовный Гоголь. Так и пошло: Гоголь до болезни и Гоголь после болезни; Гоголь едкий сатирик и смехач и Гоголь религиозный фанатик, жертва попа Матвея — трагедия гения... Известно, для оздоровления больное отсекается. Следовательно, общественность или передовая интеллигенция обязана была отсечь «религиозные бредни» великого сатирика. Такое и было про-

делано — в XIX веке. А с приходом к власти коммунистического правительства духовная проза Гоголя и вовсе была изъята из употребления, а все художественное трактовалось по-Белинскому. Так Гоголь фактически был загнан в глухое подполье.

Пронизанная идеями богоборчества и материализма дворянская и разночинная интеллигенция объявила Гоголя больным. И это по духу времени было настолько естественно, что даже близкие друзья осудили издание «Выбранных мест»... Лишь немногие увидели далекое будущее этой книги — И. Плетнев, И. Аксаков, Ап. Григорьев, архимандрит Федор (Бухарев).

* * *

Современные исследователи великого творчества Гоголя — В. Воропаев и И. Виноградов в своих работах тщательно отслеживают отзывы разных лиц на «Выбранные места...». Здесь и святители Игнатий (Брянчанинов), Иннокентий (Борисов), Филарет (Дроздов); о. Матфей Константиновский, Аксаковы и многие другие, весьма уважаемые и почтенные критики. Понятно, прямо из них никто не объявлял Гоголя душевнобольным, это делали демократы-западники, но каждый по своему осуждал выход «проповеднической» книги. В частности многие замечания были справедливыми, но если сегодня оглянуться с высоты нового времени — вся эта поучительная критика выглядит несостоятельной. И об этом прямо следует говорить. Прав всецело оказался Плетнев, назвавший «Выбранные места...» — «началом собственно русской литературы».

Понятно, не могут судить предвзято все. Следовательно, современники не могли тотчас разобраться в литературном явлении. Гений сделал слишком большой шаг вперед, и до понимания его необходимо было дожить или подняться. Для этого требовалось время. Вот и в этом тоже кроется загадка трагедии Гоголя.

* * *

Что есть «Размышления о Божественной Литургии»? Можно сказать: толкование или разбор церковной службы, то есть ответить словами самого автора: «Целью этой книги — показать, в какой полноте и внутренней, глубокой связи совершается наша Литургия, юношам и людям, еще начинающим, еще мало ознакомленным с ее значением...». Однако рассудить можно и иначе. Да, это толкование — и клирика для мирянина, и мирянина для клирика. Ни один богослов не напишет столь образного и блистательного толкования на Литургию; и ни один светский писатель не сделает столь церковного и даже богословского исследования по Литургии. Гоголь как бы предстает в двух лицах. Это и есть объединение расколотой русской культуры. Именно здесь в полной мере Гоголь и выступает как духовный писатель, призванный писать не раздельно «Мертвые души» (т. 1) и «Мертвые души» (т. 2) — как «мертвое» и «живое», но едино, где были бы и день и ночь, и небо и земля, и все это было бы оправдано и не в ущерб Духу живому.

Мало кто из современников Гоголя, тем более наши современники, понимали, что «Размышления о Божественной Литургии», в которых бого-

словесная и художественная стороны органично сочетаются и взаимно уравновешивают друг друга, представляют собой совершенно оригинальное произведение. Как отмечает современная критика: «Глубина проникновения в таинство Евхаристии в книге заставляет предполагать в ее авторе человека, собирающегося принять либо священство, либо монашество». Такое умозаключение идет из данности — по репликам Гоголя. Но ведь легко увидеть и другое: это стихийный поиск формы будущих произведений, художественной прозы, формы, соединяющей духовное и светское. Ни в священство, ни в монашество Гоголь уйти не мог — об этом он и сам прекрасно знал, и это тоже одна из причин его трагедии. Ему необходим был приход на всю Россию. Не случайно он определил: монастырь — вся Россия.

* * *

По «Выбранным местам из переписки с друзьями» исследований достойных не попадаетеся. Есть научные изыскания, где, бесспорно, первенствуют сегодня В. Воропаев и И. Виноградов. А ведь работа основополагающая, судя хотя бы уже и по тому, что сам автор отдал предпочтение именно этой книге, а не второму тому «Мертвых душ».

Гоголь выступил в роли писателя-проповедника. И вот здесь-то — это еще не названо прямо, не исследовано до конца — и кроется основа трагедии Гоголя: он опередил свое время. Сожжение части рукописи второго тома «Мертвых душ» — не сама трагедия, но ее следствие. Гоголь формировал новое направление в литературе, новое даже по сравнению с Пушкиным — национальное, православное направление. И как только эта идея обозначилась — трагедия стала неизбежной. Просто литература, просто чтение не могли удовлетворить писателя, уже жившего идеей синтеза светского и церковного. Необходимы были новые формы, каких до того времени в русской литературе не было. Гоголь же в «Выбранных местах...» воспользовался уже отслужившим эпистолярным жанром, причем, адресным — увы, в ветхие меха влил молодое, еще неперебродившее вино... Он выступил проповедником среди близких ему людей, тогда еще живущих в полном здравии. И скрытая трагедия обрела цепную реакцию.

Гоголь опередил время: потребовалось еще немало лет, чтобы Достоевский, освоив опыт Гоголя, создал новый жанр полифонической публицистики — Дневник писателя. В адресном эпистолярном жанре проповедь и указующий перст были восприняты как поза и даже гордыня. Достоевский всего лишь ушел от прямого обращения к адресатам, но обвинить его во всех грехах было уже невозможно, хотя и указующий перст и проповеди у него оставались. (Но сумасшедшим и его объявили!) Достоевский преодолел барьер отчужденности, который для Гоголя обернулся тупиком. То, что создал Гоголь, по достоинству начало оцениваться лишь после смерти автора и его адресатов. Зато сегодня мы воспринимаем гоголевские письма-проповеди как статьи, адресованные всем нам, русским людям. И это то, к чему собственно и стремился писатель.

Родная РЕЧЬ

Валерий ГАНИЧЕВ

«ЖУРНАЛЫ РОС- СИЙСКИЕ ЖИЗНЬ ОСВЕЩАТЬ БУДУТ»

Валерий Николаевич Ганичев — родился в 1933 году на станции Пестово Новгородской области. Окончил в 1956 году Киевский университет. Доктор исторических наук, профессор, лауреат премии Ленинского комсомола. Главный редактор «Роман-журнал XXI век». Председатель Союза писателей России. Автор многих книг прозы и публицистики. **Живет в Москве.**

СЛОВОМ ДЕРЖАВУ ВОЗНЕСТИ

У Екатерины было невиданное множество дел: по организации государства, обустройству державы, проведению многочисленных и небесполезных реформ, наполнению казны, снаряжению экспедиций, по наблюдению за спокойствием границ и их охране, разгадыванию козней иностранных держав, выявлению их шпионов и доносителей, по законодательству и работе Сената, попечению о деятельности Синода, по созданию новых промышленных предприятий и торговле с границей, укреплению русской армии и флота, соединению в русской державе инородцев, предотвращению заговоров и бунтов, приращиванию империи...

Работала она так, как после Петра Великого никто из державных руководителей не работал: с раннего утра и до позднего вечера. Сообщения высших сановников, отчеты губернаторов, вникание в финансовые бумаги и расчеты, чтение многочисленных документов и почты, приемы иностранных послов, а еще балы, поездки по стране, — впрочем, и это она использовала для познания многочисленных предметов и явлений, для бесед много умных, хотя развлечений и любви, как известно, не чуралась.

Но вот как умудрялась она в этой суете среди многочисленных дел, в своей постоянной нацеленности на исполнение различных замыслов, в повседневности хотя и державных, но мозаичных забот осуществлять свои литературные экзерсисы, как пришло ей в голову, что одна из главных ее задач — это защищать, спасать и далее развивать русский язык? Значит, ощутила она, что русский язык наряду с ее монаршей властью, с армией скрепляет державу! Помимо всего, с его помощью в

России создавалась литература, писались сочинения, которые императрица до сих пор надеялась поставить на службу державе.

А литература на глазах ошеломленных, успокоившихся в своих имениях (после Указа о вольности дворянства) помещиков, служащих в различных присутствиях дворян и даже вельмож вдруг превращалась в нечто такое, без чего нельзя было податься в свет. Ибо, если не прочитал только что вышедшего Свифта и его Гулливера, если не можешь что-либо сказать о рыцаре Дон Кихоте и Робинзоне Крузо, не оценишь комические сценки Скрона и «Повесть о хромоногом бесе» Лесажа, то ты, считай, и не принадлежишь к дворянскому сословию, в твоей образованности и воспитании усомнятся. Именно при Екатерине выходят эти авторы, да еще знаменитые сказки «Тысячи и одной ночи» и уж, конечно, близкие сердцу, а скорее расчетливому уму императрицы, Вольтер, Руссо, Монтескье.

Ну да ладно — французские и немецкие литературные творения, но ведь и русских романов и драм, стихов, сатир появилось невиданное множество. Всех поразило незаимствованное оригинальное сочинение Федора Эмина «Непостоянная Фортуна, или Похождения Мирамонда». Про этого Эмина ходили легенды: был он то ли турок, то ли малоросс, скитался по странам Азии, Африки и Европы. Когда в Лондоне принял православие и попросился на службу в Россию, то в документах указал, что ему известны языки английский, немецкий, итальянский, испанский, португальский, турецкий, польский. Поэтому-то и преподавал он иностранные языки в сухопутном кадетском корпусе. В центре «Непостоянной Фортуны...» похождения Мирамонда — турецкого благородного принца, в том числе, по-видимому, и похождения авторские. Но вокруг этих путешествий в книге еще множество всяких «гисторий», просветительских сообщений о разных странах, устройствах и быте народов; особенно Эмин следовал тут принципу Екатерины, заявляя сочинителям романов: «Наблюдать должно, чтобы из них была польза обществу!»

Его замечательным любовно-психологическим романом «Письма Ернеста и Дарвары» зачитывались многие в то время, считая, что он чрезвычайно тонко описывает чувства и психологию героев. Это отразилось даже в его эпитафии:

*Померкли те глаза, что сердце пронизали,
Сожмнулись те уста, что страсти порицали.*

Высший свет с недоумением отнесся к другому известному сочинителю — Михаилу Чулкову, к его авантюрно-бытовому роману «Пригожая повариха, или Похождения развратной женщины». Однако роман читали, смеялись над его героями. Но особенно в литературных кругах отмечался его «Пересмешник, или Славянские сказки». Здесь автор отнюдь не следовал принятым нравоучениям и поучениям, а призывал посмеяться, ибо, писал он, «человек, как сказывают, животное смешное и смеющееся, пересмехающее и пересмехающееся». И вообще он нашел читателя в провинциальном городе и поместье, где все бывало и где знали толк в разных баснях и историях.

В те же годы прогремел и надолго остался на подмостках театра знаменитый «Недоросль» Фонвизина, а также «Щепетильник» Владимира Лукина, комедия «Так и должно» Михаила Веревкина.

Были исполнены первые русские оперы. «Анюта» Михаила Попова, музыку к которой написал выдающийся русский композитор Евстигней Фомин,

произвела впечатление. Еще больший успех был у оперы «Мельник — колдун, обманщик и сват» драматурга Александра Аблесимова на «подобранную» народную музыку скрипачом Соколовским. Не меньший успех в Санкт-Петербурге имела опера автора и музыканта Михаила Матинского «Санкт-Петербургский гостинный двор». Обратила на себя внимание «драма с голосами» «Розана и Любим» родственника княгини Дашковой Николая Николаева.

Продолжали греметь над Россией и торжественные оды «любимца муз» Сумарокова. Слышались победные поэтические слова, торжественные звуки виршей монументального Хераскова, особенно его поэмы «Чесменский бой» и

эпопеи «Россиада», лились свободные и согласные с природой строки Майкова. Громкий литературный успех пришел к Ипполиту Богдановичу, его поэма «Душенька» стала символом «приятнейшей страсти чувствительных сердец», она проложила путь Карамзину, Батюшкову и даже «Руслану и Людмиле» Пушкина.

Ну и подлинным поэтом-триумфатором екатерининской поры стал Гавриил Державин. Одно за другим следовали его произведения: «Ода на день рождения Ее величества, сочиненная во время войны и бунта 1774 года», замечательнейшая во всех отношениях элегия «На смерть князя Мещерского», знаменитая ода «Фелица», посвященная Екатерине с сатирой на окружавших ее «мурз». Это дорого обошлось поэту, но после этих стихотворений и особенно наиболее прославленной оды «Бог», он был признан крупнейшим поэтом XVIII века.

Русская литература была на подъеме, и именно она выставила на обозрение проблемы языка, его совершенствования, его утверждения в жизни, обиходе. Поэты, писатели, драматурги потребовали (сатирой, иронией, торжественным слогом оды) оградить русский язык от засорения, заимствований, неумеренного употребления французского языка, засилья немецкого, от пренебрежения родным словом. Они и сами упорно искали коренные русские понятия, заменяющие иноземные слова.

Екатерина почувствовала это. У нее был своеобразный комплекс от того, что она была не коренная русская царица. Ей хотелось не только овладеть полнокровной русской речью, но и создать литературные и научные

Екатерина II

труды, писанные красивым и понятным слогом. Поэтому она благосклонно прислушивалась к мнению «пиитов», сама забиралась в дебри филологии, играла со словом, думала о создании полновесных словарей и грамматик.

Еще до Екатерины русские писатели пеклись о языке. Одним из тех, кто создавал русскую филологию, был маститый, нервный и резкий по характеру, хотя постоянно унижаемый Василий Кириллович Тредиаковский. В условиях приема его на работу в штат академии, после того как он побыл придворным поэтом при императрице Анне Иоанновне, в одном из пунктов было приказано: «Вычищать язык русский, пишучи, как стихами, так и не стихами». Его упорная работа на этом поприще привела к тому, что в 1735 году при Академии наук учреждалось «Русское собрание любителей русского слова». Тредиаковский произнес речь «О чистоте русского слога» и призвал академиков заняться созданием «грамматики доброй и исправной», «дикционария полного и довольного» и учить сложению стихов. Однако состав ученых был таков, что ничего этого они создать не могли. Лишь сам Тредиаковский составил «Новый и краткий способ к сложению стихов российских», и эта книжечка явила начало новой эпохи в истории русского стихотворства. Над самим же Тредиаковским высокомерно издевались вельможи и придворные приживалы. Они не понимали еще высоты слов «поэт» и «ученый». Лишь при Елизавете он получил звание академика, но умер в нищете и бедствиях.

Высшее общество России говорило по-немецки. Студенты, чиновники, военные, провинциальные помещики, горожане говорили по-русски коряво, путано, не умея выражать мысль четко и понятно, — но говорили. Бумаги писались длинные, уму обывателя недоступные, стиль и слог их был ужасен. В церкви молитвы и чтения Евангелия шли на церковнославянском. Народ же простой — крестьяне, купцы — говорили сочным, ясным, но не книжным языком.

Великим борцом за русский язык стал Михайло Васильевич Ломоносов. Пожалуй, никто из его современников не обладал таким разнообразным и глубоким знанием русского народного и книжного языка. Он вышел с Севера, где сохранилось северорусское (новгородское) наречие, потом жил в Москве, в гуще московских говоров, в Киеве постигал малоросский язык, изучал древнерусский и прилежно всегда читал церковные книги.

Ему и пришлось быть первым русским литератором, первым законодателем русского литературного слога и языка. Конечно, и Ломоносов вначале подражал иностранным авторам, шел за старыми образцами и создал учение «о трех штилях» (высокий, средний, низкий). В этом русле он следовал своему учению. Но потом гений создал два выдающихся произведения — «Российскую грамматику» и «Рассуждения о пользе книг церковных в российском языке». Он показал здесь себя великим ученым, постигавшим законы родного языка. Понимания поэзии, ее законов тогда в обществе не было. Кто умеет складно сказать, тот и пиит. При дворе, в высшем обществе поэзию хотели держать всегда «при ноге», она была нужна для описания именитых балов, иллюминаций, дней рождения. Трескучие оды хорошо оплачивались, но и поэты считались настоящими придворными чиновниками, с ними особенно не церемонились, давали приказания о написании оды и дело с концом.

Ломоносов пытался вознести звание поэта на большую высоту, а понятие о литературе сделать уважаемым.

«Грамматика» его продемонстрировала, что он глубоко знает состав и свойства родного языка. Если тогда некоторые люди считали церковнославянский язык архаичным, консервативным, тормозом в развитии русского языка, то Ломоносов сделал замечательное открытие: церковнославянский обогащает русский литературный язык, он есть противовес нахлынувшей стихии иностранных слов, которые столь способствовали засорению и порче русского литературного языка того времени. В своем знаменитом «Рассуждении о пользе книг церковных в российском языке» он делает важнейший вывод:

«Всем любителям отечественного слова беспрестанно объявляю и советую изверясь собственным своим искусством... дабы с прилежанием читали все церковные книги, от чего к общей и собственной пользе воспоследует:

1) По важности освященного листа церкви Божией и для древности чувствуем в себе к славянскому некоторое особое почтение, чем великолепные сочинитель мысли сугубо возвысит.

2) Будет всяк уметь разбирать высокие слова от подлых и употреблять их в приличных местах по достоинству предлагаемой материи, наблюдая равность слога.

3) Таким старательным и осторожным употреблением сродного нам коренного славянского языка, купно с российским, отвратятся дикие иностранные слова, нелепости, входящие нам из чужих языков, заимствовавших красоту из греческого, и то еще через латинский.

Оные неприятности ныне небрежением чтения книг церковных вкрадываются к нам нечувствительно, искажают собственную красоту нашего языка... и к упадку преклоняют. Сие все показанным способом пересечется и российский язык в силе, красоте и богатстве, переменам и упадку не подвержен, утвердится коль долго церковь российская славославием Божиим на славянском языке украшаться не будет».

Эти столь великие и значительные слова важны всегда и для всяких преобразователей, которые из церкви церковнославянский язык пытаются вытеснить.

В книжную же речь Ломоносов предложил допустить и «простой российский язык» (т. е. язык разговорный, язык народный).

Михаил Васильевич в своей «Грамматике» сказал возвышенное слово о русском языке, что на многие годы стало блестящим памятным знаком в похвальных речах о языке России:

«Сильное красноречие Цицероново, великолепная Вергилиева важность, Овидиево приятное витийство не теряют своего достоинства на российском языке. Тончайшие философские воображения и рассуждения, многообразные естественные свойства и перемены, бывающие в сем видимом строении мира и человеческих обращениях, имеют у нас пристойные и вещь выражающие речи».

Считая себя соперником Ломоносова, ту же линию проводил блестящий драматург, стихотворец и сатирик Александр Петрович Сумароков; в каком-то смысле он, при всей неограненности, подчас, его таланта, был «первым русским литератором», то есть человеком, пытающимся делать литературу главным и единственным началом своей жизни, желал добиться первенствующего положения для литератора в обществе. Конечно, ему это не удалось, но он прокладывал дорогу к будущему расцвету русской литературы. Двадцать шесть его трагедий и комедий шли на подмостках русских

театров. Был плодovit он и в поэзии, в критике. В сатире же его, в баснях, эпиграммах, эпитафиях доставалось бюрократам, кичливым дворянам, крючкотворам, иудам.

В сатире «О французском языке» он резко нападает на галломанию дворянских верхов. А в своей эпистоле «О русском языке» ополчается на тех, «кто русско золото французской медью метит, / Ругает свой язык и по французски бредит».

Особенно знаменита была его басня «Порча языка», где рассказывается как, побывав в чужих краях, пес перестал лаять: «Медведем он ревел и волчьи песни пел». Естественно, Собаки говорили:

*Не надобно твоих нам новеньких музык,
Ты портишь ими наш язык; —
И стали грызть его, и уморили.
А я надгробие читал у пса сего:
Во век отеческим языком не гнушайся,
И не вводи в него чужого — ничего;
Но собственной своей красою украшайся.*

Николай Новиков, фехтуя с Екатериной и ее «Всякой всячиной», в то же время выпускал стрелы сатиры во «французоманию» и в «немыслимое обязыванство» по отношению к иностранцам. В его журнале «Кошелек» мишенью был «шевалье де Мансож» (mensonge — фр. — ложь), который у себя во Франции был Мастером. Правда, Мастером «волосоподвивальной науки», то есть цирюльником. В России он выбрал более прибыльную профессию — Учитель. И стал учить дворянских сыночков, которым развивал «отвращение от своих соотечественников».

Новиков подготовил издание «Опыт исторического словаря о российских писателях» и в предисловии написал: «Не тщеславие получить название сочинителя, но желание оказать услугу моему отечеству к сочинению сей книги меня побудило». Знакома читателя с историческими документами, историко-литературными памятниками, в предисловии к «Древней российской вивлиофике» пишет: «Полезно знать нравы, обычаи и обряды других чужеземских народов, но гораздо полезнее иметь сведения о своих прародителях».

Особенно беспощадно громит Новиков тех, кто восстает против засорения письма и «обыкновенного русского разговора», требуя «с крайнюю только осторожностью употреблять иностранные речения», а «отыскивать коренные слова, российские слова и сочинять вновь у нас не имевшиеся» (1-й лист «Кошелька»). И эта борьба за отечественную культуру была основной задачей новиковских «Трутня» и «Кошелька». Французской галантерее, ложным, фальшивым драгоценностям, «русским парижанам» и «немецким обезьянам» противопоставлялись «истинные драгоценные жемчуга», «наши праотцы», «древние добродетели».

Создатель русского реально-бытового романа Михаил Чулков внес свой вклад в изучение русского языка тем, что издал в эти годы «Сборник русских песен». В нем было собрано 800 песен (в том числе казацких и крестьянских), авторских романсов. Это был первый русский песенник.

Русская литература широко открыла двери для фольклора. Тот же М. Чулков в 1782 году в журнале «И то, и сию» печатал народные песни,

потом издал «Словарь русских суеверий», а еще раньше «Краткий мифологический лексикон», в котором рядом с античными героями и богами восседали славянские. Чулков и не скрывал, что он хотел создать древнерусский, славянский Олимп. Это же делал и М. Попов (автор оперы «Анюта»). У них Венера — Лада, Амур — Лель, Аврора — Зимерцала, Аполлон — Световид и т.д. Многих богов древнеславянских авторы напридумывали. Но все равно это открывало дорогу к поиску национальных истоков и созданию национальных мифов.

В 1780 году один из плодовитых русских писателей Василий Алексеевич Левшин приступил к изданию десяти частей «Русских сказок». Он вообще считал, что западные повести о рыцарях нечто иное, нежели наши сказки богатырские. «Я закончил, — писал в предисловии к ним В. Левшин, — подражать издателям прежде меня начавшим подобные предания и издаю сии сказки русские с намерением сохранить сего рода наши древности и поощрить людей, имеющих время собрать все оных множество, чтобы составить «вивлиофику русских романов».

Эти русские писатели сводили вместе литературу и фольклор, и от них в будущем разрасталось древо сказочного повествования (Херасков, Державин, Карамзин, Батюшков, Жуковский и, наконец, «Руслан и Людмила» Пушкина).

Занимательной книгой в это время стал «Письмовник» Курганова (в первом выпуске «Российская универсальная грамматика»). Его основой явилась «наука российского языка», т.е. грамматика, а рядом с этим замечательное «присовокупление» в виде «сбора русских народных пословиц» и «сбора разных стиходейств», или «стихотворств», от народных песен и до стихов авторов XVIII века без указания фамилий, что и помогло некоторым из стихов «ународиться».

«Письмовник» как бы литературно связал XVIII век от его начала и до конца. Именно в эти годы проявился и показал неистощимость русского языка Гавриил Державин. Он, как Ломоносов, Сумароков, Новиков, Фонвизин, решительно выступал против глупого подражания иноземному, против галломании: «Французить нам престать пора, но Русь любить!» — восклицал поэт. И эту любовь для себя он видел в незаимствованных непревзойденных образах поэзии. Да, это блестящие победоносные оды, по поводу которых Екатерина впоследствии сказала: «Я знала, по сие время, что труба ваша столь же громка, как и лира приятна». Лира его столь живописно, мудро и мелодично воссоздавала русскую жизнь: водопады, леса, парки, дворцы, пиры со знатной шекснинской стерлядью, с винами, которые то льдом, то искрами манят, с благовониями, которые льются из курильниц, с плодами, которые смеются в корзинах, — что это было незабываемо и восхищало не только в XVIII веке. Природу призывал описывать, подражая солнцу (умей подражать ты ему: лей свет во тьму!), и заливал поля, луга, леса «златом», «серебром», «лазурью», «пурпурами», «багрянницей». Рассыпал в своих стихах «горы алмазов, изумрудов, рубинов», «граненных бриллиантов».казалось, лучшего поэта Россия и не народит. Но вся русская культура — ее кристаллизующийся и наполняющийся образами и знаками русский язык, закрепивший все лучшее в правилах и грамматических канонах, еще готовила того, кто напишет «Евгения Онегина» и «Медного всадника», «Бориса Годунова» и «Капитанскую дочку».

А тогда, в 80-е годы XVIII столетия, литература и наука открывали новые горизонты.

Отдадим должное Великой Екатерине, ее старшим и младшим сподвижникам и современникам, которые рачительно и заинтересованно отнеслись к русскому слову, отечественной истории, журналу, книге. Ибо на этих краеугольных камнях вырастали дух и слава державы и народа. От этого покровительства Екатерина и становится Великой.

ЛИТЕРАТУРОЙ НРАВЫ ИСПРАВИТЬ МОЖНО

Императрица вызвала к себе из академии верного ей адъюнкта Григория Козицкого, который состоял в кабинете и «при собственных Ее Императорского величества делах». И когда он зашел с папкой для бумаг, приготовившись записывать, она остановила его жестом и пригласила сесть: «Думать будем». Да, это была ее привычка — прежде чем документ какой продиктовать, порассуждать о предмете.

— Григорий Васильевич, как ты думаешь, что может лучше острога человека вылечить от зловредных пороков?

Григорий поежился, не любил он этих вопросов-ловушек, но все-таки напрягся и медленно отвечивал:

— Воспитанием, Ваше Величество, да еще, может, школой.

— Верно, верно говоришь, господин адъюнкт, но не то. Разве взрослого человека в учебный класс загонишь, заставишь правила нравственные изучать? Он ведь и сам знает, что правильно сделать, что неправильно. Да не боится сделать неправильно. Раньше хоть церковь для него была святилищем, местом, где одергивали, а ныне достопочтенные вельможи и знатные дворяне редко туда заглядывают. Да и чиновные люди, подьячие, купцы всякий стыд потеряли. Так чем же их можно оградить от не нравственного поступка, от лжи и от злобы? — И, не ожидая ответа, продолжила: — Может, наказанием, постоянным и неотвратным, здесь, на этой земле? Может, жестокой болью физической, кнутом и каторгой? И он тогда возвратится на путь нравственный? Скорее, ему сие нравоучение надо перед глаза поставить, достучаться до его разума, а в сердце высокие помыслы вдохнуть?

Козицкий напряженно ожидал следующего вопроса или разъяснения, так как знал, что императрица сначала ставит вопрос, потом приводит различные ответы и разбирает его со всех сторон и, наконец, делает вывод и принимает решение. Так было и на этот раз. Екатерина не стала требовать от Григория Васильевича ответа окончательного, а произнесла его сама:

— Надо нашему соотечественнику как можно чаще внушать правила добродетели.

Козицкий кивнул, а Екатерина через многозначительную паузу четко закончила:

— Для сиего дела очень важно развить дело литературы. А сия дама очень важным орудием станет для распространения в обществе новых идей. Но ей, как всякой даме, надо место, где бы ее обозревали и выслушивали. Где вы думаете, господин адъюнкт, сие можно проводить?

Козицкий старался обычно не попадать впросак и, если не знал ответа, то только пожимал плечами, предоставляя императрице высказать мудрую мысль. Но на этот раз он был уверен, что скажет точно и отвечивал:

— В книгах, государыня, в выпускаемых печатных книгах. Екатерина головой кивнула, но сказала не в соответствии с ответом:

— Книги дело хорошее, но надобно, чтобы люди могли регулярно читать и искать ответа в слове печатном. Слышали вы, Григорий Васильевич, о таком предприятии издательском, как журнал?

Козицкий, конечно, знал, но еще не понимал, к чему клонит Екатерина, и поэтому неопределенно пожал плечами. Та же торжественно закончила:

— Учреждаю я журнал с направлением сатирическим, обо всем пишущий, и название у него такое же: «Всякая всячина». Журнал для высмеивания пороков и утверждения добродетелей. Журналом сим сама буду распоряжаться, вас же определяю редактором для выпуска оного.

Козицкий, внутренне всполошился, растерянно посмотрел на Екатерину. Она его успокоила:

— Не бойся, Григорий Васильевич, я уже все продумала, ты же текущие дела будешь вести и перед обществом главным издателем представлять. Вам же литературное дело знакомо, ведь вы же в «Трудолюбивой пчеле» у господина Сумарокова сотрудничали. — Она весело засмеялась, доставая какие-то бумаги из конторки: — Но тут не только представлять, ответчиком быть придется. Ведь не всем по нраву наши публикации будут, кое-кто обидится, кое-кто шпынять станет.

— Кто посмеет шпынять императрицино создание, — возразил Козицкий.

— Вот в том-то и дело: о том, что журнал — выдумка Екатерины, будем знать лишь мы вдвоем, — разъяснила императрица к смущению адъютанта. Он побарабанил пальцами по столу, а Екатерина читала с вынутой из конторки бумаги: «...журнал будет направленным не против особ, но единственно на пороки и будет руководствоваться постоянно следующими правилами: первое — никогда не называть слабость пороком; второе — хранить во всех случаях человеколюбие; третье — не думать, чтобы людей совершенных найти можно было и для того; четвертое — просить Бога, чтобы дал нам дух кротости и снисхождение».

Императрица с некоей вопросительностью взглянула на Козицкого, тот поспешно кивнул и встал:

— Поздравляю Вас, Ваше Величество, с началом новой эпохи в деле литературном и нравственном!

— Ну уж не эпоха, но начинание немалое я делаю! Да и своим литературным опытом, я надеюсь, дорогу дам в том и другим журналам, — устремив взор из кабинета на серые волны Невы, ответила она. — Вот Петр Великий газету первый в России стал выпускать, а при мне журналы российские жизнь освещать будут. — Она горделиво добавила: — Он жизнь хотел изменить сюртуками да штанами, кафтанами, а я — книгами да журналами. Многие в Европе меня называют «философ на троне», а я, думаю, буду и «литератором на троне». Давай еще напишем в первом своем обращении к читателям от журнала: «Я вижу будущее... Нет, поздравим с Новым годом... и дальше... Я вижу бесконечное племя «Всякой всячины». Я вижу, что за ней последуют законные и незаконные дети». Козицкий с сомнением покачал головой:

— А что, будут и другие журналы? Ведь они в соперничество вступят. И где мы наберем тогда публикаций, материала?

Екатерина ответила не задумываясь, чувствовалось, что эти вопросы ей уже приходили на ум:

— Ну пусть соперничают для общего блага. А вы же старайтесь иметь наблюдательные глаза и уши на всех гульбищах, празднествах и собраниях в обеих столицах, а о неустройстве и грехах материала в нашем отечестве для сатиры хоть отбавляй. Смейся сколько угодно. А мы так и напишем: «...должны показать, первое, что люди иногда могут быть приведены к тому, чтобы смеяться самим себе. Второе, открыть дорогу тем, кои умнее меня, давать людям наставления, забавляя их; и третье, говорить русским о русских, и не представлять им умонареканий, кои они не знают». Великий Ломоносов говорил, что собственных Платонов и Ньютонов российская земля рожать может. Уверена, что Свифтов и Руссо, Стилей и Адисонов скоро русские журналы проявят среди моих подданных. В путь, достопочтеннейший Редактор!

Козицкий встал, поклонился, понимая, что его отпускают для оформления и приведения в порядок мыслей императрицы.

* * *

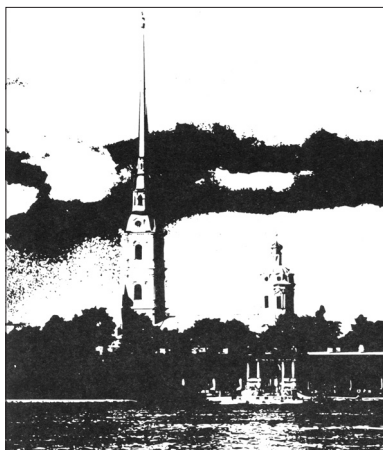
Да, это было событие значительное. «Всякая всячина» открыла дорогу русским сатирическим и другим журналам. В начале даже никакой цензуры не было, издавать мог всякий, у кого средства имелись. Принимались заявки даже от «анонимов». С конца января 1769 года было объявлено о выходе журнала, да не какого-нибудь, а еженедельного, «мелкотравчатого сочинителя», как он себя называл, актера и придворного слуги Михаила Чулкова. Чулков назвал его с намеком на «Всякую всячину» — «И то и сию». Не без вызова обоим Василий Руба назвал свой, вышедший в январе еженедельник «Ни то, ни сию в прозе и стихах».

В марте некий обер-офицер Тузов выпустил «Поденщину». С апреля стал издаваться еженедельник «Смесь». С мая стало больно кусать новиковский «Трутень», с июня ежемесячник романиста Федора Эмина «Адская почта, или Переписка хромого беса с кривым».

Сатирическая журналистика в России утверждалась мощным отрядом журналов и имен.

Журналы-то были и раньше и неплохие. Первый русский литератор Сумароков стал первым русским журналистом, выпустившим в 1759 году русский литературный журнал «Трудолюбивая пчела». За ним появляется при Шляхетском корпусе журнал «Праздное время в пользу употребленное», «Полезное увеселение». Когда Екатерина пришла к власти, выходили журналы «Доброе намерение» и «Собрание лучших сочинений к распространению знания и к произведению удовольствия», а также ежемесячные сочинения. Вокруг этих и вновь созданных журналов собираются люди ученые, посвятившие себя литературе как положительному занятию. Они общались на страницах журналов друг с другом, с публикой, совершенствовали язык и слог. Но еще предстояло многое открыть, выстроить, возвысить в русском языке, чтобы грамотное общество обратило свое внимание на литературу. Предприятие Екатерины к созданию массовых журналов сатиры и литературы прокладывало для этого широкие пути.

Петербургский ПИСАТЕЛЬ

Валентина ЕФИМОВСКАЯ

ИЗМЕРЕНИЕ ПОДВИГА

Статьей, посвященной юбилею петербургского прозаика Н. М. Коняева, наш журнал открывает новую рубрику «Петербургский писатель». В ней предполагается публиковать литературно-критические статьи, эссе, рецензии, посвященные творчеству современных петербургских литераторов. Сегодня петербургская литературная школа является одной из основных в России, однако, по ряду причин, связанных с проблемами русской культуры в целом, не достаточно известна широкому российскому читателю. Это связано и с тем, что современные СМИ навязывают миф о том, что «прервалась связь времен», что оборвалась «златая цепь искусств». Оценка творчества петербургских писателей, работающих в исконных традициях русской классической литературы и эти традиции продолжающих и обновляющих, поможет нашим читателям составить представление о целостности и непрерывности современного литературного процесса.

Трагична картина существования русской литературы в конце XX века, само понятие которой оказалось подвержено подмене. В начале XXI века эта картина уже напоминает искореженное, кровавое поле боя, на котором в нарастании «новых качеств», в средоточии многих динамических тенденций, в смене идеологических и нравственных парадигм, в навязывании эстетических новаций, кажется, убиваются понятия и литературной традиции, и литературной эволюции вообще. Более всего на этом «поле боя» досталось прозе, которую легче других литературных жанров удастся насильно подчинить системе массового сознания. Навязать лишь две основные функции — развлекательную и адаптационную прозе легче, чем, например, поэзии, так как по законам жанра у прозы больше художественных возможностей для имитации мысли и чувства, для создания мифа. Хотя это явление не такое уж и современное. Век назад русские писатели, как, например, Горький и Толстой, осознавали эту, тогда еще неявную опасность, и предупреждали о ней, предчувствуя недобрые последствия. «Все мы — ужас какие сочинители. Вот и я тоже, иногда пишешь, и вдруг — станет жалко кого-нибудь, возьмешь и прибавишь ему черту получше, а у другого — убавишь, чтобы те, кто рядом с ним, не очень уж черны стали... Вот поэтому я и говорю, что художество — ложь, обман и произвол и вредно людям. Пишешь не о том, что есть настоящая жизнь, как она есть, а о том, что ты думаешь о жизни, ты сам». (М. Горький «Лев Толстой», собр. соч. М. 1951. С. 297)

Может быть, в прежние времена, когда писатели обладали обширными знаниями, когда понимали свою ответственность в противостоянии «голосам преисподней» и мог-

ли брать на себя эту трудную миссию, будучи приверженцами религиозно-христианского мировоззрения, было и не безынтересно знать, что именно они думают о жизни. Но во времена религиозно-нравственного упадка, во времена массового бескультурья, мнение так называемого «писателя», продающегося идеологии всеобщего упрощения, кажется не только не интересным, но вредным, заставляющим тревожиться о духовном здоровье всей нации. Однако, может быть, в этом и заключается феномен русской литературы, на вопрос «что же дальше?», есть положительный ответ. Он следует из возможности вычленив из загрязненного культурного пространства ту современную литературную мысль, которая существует на основе ментальных русских традиций и успешно осуществляет борьбу за существование, благодаря интеграции в контекст исконных, базовых русских духовно-культурных ценностей.

Примером такой интеграции и литературной борьбы является творчество петербургского прозаика Николая Михайловича Коняева. Масштабы личности этого известного во всей России писателя соответствуют его многочисленным литературным премиям, наградам, почетным должностям и широкое признание. Творческая мощь его писательского труда измеряется в сотнях опубликованных произведений — рассказов, повестей, публицистических работ, документально-исторических романов, считается десятками томов его книг. Но какова историко-художественная ценность всего этого литературного достояния, какими критериями можно оценить значение этого писательского таланта?

Ценность художественного произведения определяется в первую очередь временем, будущей жизнью его в исторической перспективе. Но и сегодня очевидно, что это творчество останется в истории русской литературы, так как имеет, несомненно, и художественно-эстетическую, и духовно-нравственную достоверность и ценность. Именно методологическая достоверность, по моему мнению, является определяющим элементом писательского дара Николая Коняева. Он, как будто бы осмысливая сегодня тот разговор Горького с Толстым, зашедшими в творческий тупик, провозглашает новый литературный принцип, лежащий в основе дальнейшего литературно-художественного развития. В наше время писатель должен отказаться от дискредитированного массовой литературой принципа художественного самовыражения, мифотворчества. Он должен стремиться не к тому, чтобы рассказать все то, что думает о жизни, навязывая свои страстные переживания, свое субъективное мнение и нарочитые фальсификации. Писатель должен стремиться к тому, чтобы художественно отразить и более объективно передать, что «есть настоящая жизнь», через изображение «настоящих жизней» реально существовавших или существующих героев, исторических личностей, что неизмеримо более сложная задача. Николай Коняев, по сути, обновляет и углубляет понятие «героя нашего времени», который совершенно не обязательно должен в нем проживать, но должен нашим временем оцениваться, и в соответствии со своей антропологической, взаимосвязанной с миром ценностью может в него вовлекаться.

Понятно, что при такой постановке вопроса, возникает необходимость определения понятия самой этой «ценности», являющейся мерилем для любой, вне зависимости от времени существования, личности, претендующей на звание «героя нашего времени». Поиски в этом направлении предприни-

мались и самым основоположником легендарного образа — М. Ю. Лермонтовым, который в достаточно широких пределах и при многих допущениях рассматривал в своем герое способность противостоять социальному детерминизму и сохранять природно-нравственное начало. Николай Коняев для своих героев ужесточает граничные условия, сужает духовно-нравственную «полосу пропускания». Иначе и быть не может в наше время, когда произошли такие невосполнимые потери нравственности, когда человечество, кажется, вступает в последние времена. И все же сразу трудно определить основной признак, объединяющий всех героев петербургского прозаика. Среди них и протопоп Аввакум, и Витус Беринг, и Николай Рубцов, и вор Мишуня, и Митрополит Иоанн, и малоизвестный сегодня профессор Ю. П. Новицкий и Валентин Пикуль, и мн. мн.др. Перечисление имен не поможет в поиске основного критерия, только вдумчивое прочтение всего литературного материала, своеобразный духовный расчет этой сложной литературной матрицы, позволит выявить, что та искомая точка отсчета, то мерило человеческой личности — есть жизненный подвиг, этой личностью совершенный.

В наше время, когда неумолимо увеличивается энтропия прежде незыблемых смыслов, понятие подвига, подвижничества, героизма тоже кажутся неоднозначными, даже в религиозно-нравственном представлении. Так, например архимандрит Амвросий (Юрасов) пишет: «Героем может быть и безбожник, и христианин. «Блажен, кто положит душу за други своя» (Ин.15,13), — сказал Христос. Подвижник — это не тот, кто совершает множество подвигов, а тот, кто постоянно в духовном движении, постоянно живет в доброте и молитве» («О вере и спасении», арх. Амвросий (Юрасов), Иваново, 1995). И все же, этимологически слово «подвиг» во всех случаях происходит от слова «движение».

Но, что есть движение, только ли перемещение в пространстве и преодоление его? Тогда теряется глубинное значение понятия «по-двиг». Очевидно, что здесь все сложнее, и что-то проясняется лишь в богословском представлении движения, объясняемом протоиереем Александром Геронимусом. Движение является существенной стороной любого творения, заложенной в него Творцом. Любое творение в богословском представлении, существующее в движении, имеет начало и конец, то есть может быть представлено неким направленным отрезком во времени и в пространстве, подобно вектору. Существенный вопрос о направлении этого вектора. По учению преп. Максима Исповедника движение творения определяется направлением к Богу, потому что изначально, на уровне воплощения, творение в Нем не пребывает. Таким образом, высший человеческий подвиг — это по-движение к Богу, путь к истинному бытию.

Кажется, какой путь к Богу совершает герой рассказа Н. М. Коняева «Дальний приход», светловолосый Мишуня, участвовавший в краже церковных икон? Какой подвиг в этой трагической истории интересует писателя? И есть ли здесь вообще подвиг? Неосознанно тонущий в смертных грехах русский паренек находит в себе силы вырваться из грядущего ада. А силы нужны невероятные, чтобы невоцерковленному, ничего не знающему о православной вере молодому человеку самому прийти в храм, и покаяться в совершенной краже, и вернуть иконы, вызволив их из лап воровской компании, к которой сам принадлежал. И исповедаться милосердному отцу

Игнатию. И причаститься Святых Тайн впервые в жизни. И Господь видит этот подвиг и простирает пареньку Свое очевидное благоволение, проявляемое в чудном явлении живого огонька в руке Спасителя на иконе «Сочесствие во ад». «Облаченный в белые одежды Христос сходил в черноту ада, из бездн которой тянулись к Нему руки грешников. Вытянутая вперед рука Спасителя почти сливалась с лампадкой... и казалось, что живой лампадный огонек мерцает прямо в руке Иисуса». За не вполне осознанное отречение от ада, за Причастие к Жизни вечной молодой человек, у которого и имени-то полного не было, лишь уменьшительное — Мишуня, расплачивается своей жизнью. Зло не выпускает из своих сетей попавшихся в них. Подельники убивают раскаявшегося паренька. Хотя рассказ и заканчивается панихидой по убиенному, но чувства безысходности, отчаяния нет. Очевидно, что Господь принял в Свои чертоги раскаявшегося «разбойника», имя которого — Михаил — прозвучало полнозвучно лишь над гробом, лишь в движении по направлению к Богу.

Этот рассказ остается в памяти читателя не только своим драматическим сюжетом, но и благодаря эстетической, художественной красоте, потаенному мелодизму, какой-то необыкновенной воздушности, пронизанной холодным ветром, звенящим в храмовых колоколах. Такая щемящая легкость бывает в природе в предзимье ранним утром, обещающим просветленный день. День, действительно, выдался просветленным, отодвигающим объятия ночной тьмы. «Уже совсем стемнело. Мела, заматая дороги, метель... Но светло, светло на земле было». Ведь Михаилу воздался День вечный.

Человеку невоцерковленному, не смирявшему свою душу, будет не понятно, что ж в этой истории героического. И воцерковленному, легко подчиняющемуся Божией воле, подумается, чему ж тут радоваться, коль все должны так жить. Но писатель исследует пограничную, неустойчивую, самую сложную для свершения подвига ситуацию и показывает, что подвиг свершился. И мощь этого прорыва, этого по-двига велика. Если вспомнить из физики, что мощь пропорциональна работе и обратно пропорциональна времени, на нее затраченному, то можно представить энергетику этой жизненной дискретности. Время, затраченное на этот духовный рывок, очень мало, и в сравнении с Вечностью, и в соотношении с молодой жизнью оно практически стремиться к нулю, значит мощь прорыва, духовного движения стремится к бесконечности.

Такое научное измерение подвига, заключавшегося в победе над смертью, конечно же, условно и недостаточно для истинного его осмысления. Нужно тонкое писательское мастерство, чтобы донести, художественно убедить читателя в необыкновенности происходящего на наших глазах неожиданного, кажется, немотивированного рывка-стремления к невидимому Свету. Необходимо, чтобы душа писателя тоже была верующая, духовно зрячая, различающая этот Свет во тьме греховного бытия. Иначе невозможно не только выявить направление подвига и творчески вычислить его мощь, но и отыскать саму твердь Существенного пути. Конечно же, только преданный Богу писатель может увидеть и так проникновенно рассказать о том, что видит воочию сам: «Здесь было холодно. Покрытые белой изморозью фрески на куполе и на стенах сверкали ледяными крупинками. И казалось, это не с купола, а откуда-то из-за звезд склоняются милосердные лица...»

Наверное, те же звезды и сияющие за ними в зарницах трансцендентности те же милосердные лики склонялись над жизненным путем другого русского человека — великого поэта Николая Рубцова, которому Николай Коняев посвятил большую книгу. Она вышла в серии «Жизнь замечательных людей» и, казалось, должна была стать добротным биографическим исследованием. Действительно, биография Н. Рубцова, в которой было много неизвестного, исследована автором по основным датам жизни и событиям достаточно полно, подчас даже излишне перегружена документальными подтверждениями и справками, изображением отвратительных личин оскорбителей и погубителей поэта. Но не только ради этого проделан огромный исследовательский труд. И не ради литературоведческого анализа творчества, к которому нельзя подходить со стандартными мерками во избежание нарушения причинно-следственных связей и разрушения поэтической гармонии, но который все же автор книги делает на высоком нравственном уровне, с особой деликатностью и проникновенной в творческий мир поэта любовью. Православного писателя, конечно, в первую очередь интересовал духовно-творческий феномен этой противоречивой личности, изломанный, затемненный и освещаемый лишь светом собственных глаз жизненный путь русского гения, которому от предков не досталось ни дома, ни любви, ни веры. Поэт словно вырвал у жизни свой краткий срок бытия на этой земле и выстрадал право говорить своей душой. Места ему здесь как будто и не было отведено, он оказался по меткому определению автора «неучтенным человеком». Не только потому, что остались лишь жалкие архивные крохи сведений о его жизни, не только потому, что почти всю жизнь у него не было прописки и постоянного места жительства. А потому что он везде был «не свой» человек, не совпадал со стандартными величинами. «Рубцов словно забывает, что нужно устраиваться, и уже не предпринимает ничего, окончательно свыкнувшись с мыслью, что только в своих стихах и может он существовать... не на квартирах вологодских и московских приятелей, а только в своей поэзии. Там и было его жилье, его горница...»

Писатель с болью показывает, что и это жилье поэту нужно было отводить у сил мрака, с которыми он неосознанно борется с раннего детства, когда «вся система официального и неофициального воспитания навязывала губительный для нравственности атеизм, пренебрежительно-снисходительный взгляд на традиции и уклад деревенской жизни». Всю жизнь поэта преследовали смахивающие на травлю обвинения и наветы. Предавали друзья. Мучили собственные пороки, из которых он буквально выкарабкивался неимоверным усилием воли. И даже любовь оказалась смертельным бесовским наваждением. Но любовь к Родине, к своей древней земле являлась всегда его защитой и спасением. Как показывает писатель, в том-то и заключается гениальность, что Николай Рубцов незамутненной душой отзывался «на звук Глагола, затерянного в деревнях, смутных и неясных словах. И стихают пораженные силой Божественного Глагола глухие стоны на темном кладбище, отступают бурьян и нежить, которым так привольно и на нашей окутанной мраком атеизма земле и в нас самих. И не в этом ли заключена магическая сила рубцовой поэзии, и не в этом ли и состоит его великий подвиг — подвиг человека, стоящего на краю поля», под своей Звездой, которая дает необходимый для прозрения свет.

На первый взгляд — тут кажущееся противоречие: если по-двиг сопряжен с движением, то, как он проявляется у человека неподвижного? Но и здесь писатель дает исчерпывающее объяснение: «Для поэзии Рубцова характерно особое восприятие времени... Прошлое, настоящее и будущее существуют в его стихах одновременно». В его поэзии движение осуществляется как бы вне времени, течение которого отмечает лишь «безбрежных звезд спокойное мерцанье». «Не в прошлом, не в настоящем, и не в будущем, — а в вечном, непреходящем времени» протекает жизненный путь поэта, живущего только в своей поэзии. Николай Коняев очень бережно, археологически исследует этот жизненный путь, не пытаясь навязать ни своих оценок, ни вкусовых ощущений. Лишь в деталях: «Татьяна Решетова вспоминает, что для Николая интереснее была дорога в лес, чем сама малина». Лишь в метафорах: «Снова тяжело и глубоко колыхнулось возле нее омутное сиротство Рубцова, и снова стало страшно молодой девушке». Лишь по сочности языка: «Как хорошо жили в прежние времена большими семьями, сообщая огоревывая свалившуюся беду» — можно понять, что это все-таки художественное произведение. И только там, где требуется дать ответ о том, был ли Николай Рубцов православным человеком, Николай Коняев позволяет себе высказать свое мнение, основанное на объективных фактах. Писатель рассматривает очень сложный вопрос, встающий при несовместимых граничных условиях, когда «с одной стороны, вся система образов в поэзии Рубцова ориентирована на Православие и вне Православия не осуществима... Но, с другой — в воспоминаниях о поэте практически отсутствуют даже намеки на воцерковленность Николая Рубцова или хотя бы попытку воцерковиться, предпринятую им. Нет подтверждений, был ли поэт крещен». Применительно к судьбе и творчеству Рубцова категоричные ответы «да» или «нет» кажутся неприемлемыми, поэтому писатель отвечает не на вопросы, а исследует процесс, который видит в постижении Николаем Рубцовым православного мироощущения не через церковь, а через светоносный русский язык, через русскую классическую поэзию, пронизанную Невечерним Светом. Для этого писатель находит сильный обобщающий образ поэтического духа Николая Рубцова, существовавшего всю свою жизнь в стремлении восстановления храмового строения бытия. С детства поэт видел лишь развалины храмов, осколки не виданного им никогда прекрасного целостного совершенства Святой Руси. К нему, недостижимому, он стремится всю жизнь, улавливая невидимое сияние, дополняя его светом своего творчества, озаряющего мир по сей день. Такой целостный взгляд на мир, присущий Рубцову, в котором взаимосвязаны личность, земля и Космос, бесспорно, пронизан религиозной идеей.

Очевидно, что Николай Коняев доказательно защищая великого поэта, оставляет его творчество в плоскости православного миропонимания, подтверждая это еще и тем, что всю жизнь поэту, чей путь неоднозначен и ясен, «идти по этому Пути было трудно... И — увы — часто сворачивал Рубцов на уводящие вбок кривые тропинки, и только чудом — вот истинное Чудо! — удавалось ему вернуться назад». Много в книге примеров тому, что чудо было лейтмотивом и творчества, и жизни Николая Рубцова. Это и «неподвластная ему самому работа», которая и сделала детдомовца истинным поэтом. Это и чудо превращения, когда голос, который «становится неподвластным самому поэту, словно это уже не Рубцова голос, а голос самой

земли», возвышал и ее, и самого поэта до небес. А разве не чудо, «когда прямо в руки слетает сказочная жар-птица поэзии»? К категории чуда Николай Коняев относит и стилевое разнообразие, поэтические огрехи, предполагая, что это «живая запись свершившегося с ним чуда, когда нелепой увиделась вокруг позиция «кривостояния» современного ему бытия. А разве не чудо то, что поэт до конца жизни не нуждался в черновиках, ни в текстах, «носил» их в голове. А предсказание времени собственной смерти? И, наверное, самое большое чудо, подтверждающее Божию помощь этому творчеству, это откуда-то взявшаяся память об Искупительном Господнем чуде, о котором поэт, скорее всего, не знал, но боль и радость от которого пронизывает лучшие стихи поэта, иные из которых сходны с молитвой.

Надо сказать, что «измеряя» чудом и творчество, и судьбу Николая Рубцова, которое само по своей природе антиномично, Николай Коняев удачно нашел литературно-философский прием отражения трагического антиномизма бытия поэта, бытия мучительного и противоречивого, таинственного и непостижимого, вырывающегося из тьмы к невидимому свету. Известно, что чудо не раскрывается разумом, хотя и является фактом опыта, например, Евангельского. Вообще, видимое противоречие понятия чуда в том, что оно и явлено, и скрыто, может проявлять себя в мире ненаблюдаемых явлений. Именно этот антиномизм заложен Николаем Коняевым в методологию исследования творчества и судьбы Николая Рубцова, которая основывается на двух понятиях — частично конгитивном, то есть естественной причинности, и, в большей степени, — мистическом, объясняющим все явления внеприродной, божественной причиной. Так, показывая неразрешимые противоречия в самой личности поэта, к которой автор книги явно относится с большой душевной симпатией, поэта, жившего в стремлении к миру целостному, поэта, перед глазами которого «был распахнут Божий мир», Николай Коняев по крупницам собирает и складывает, словно синтезирует, результативную духовную мощь этого поэта, который неотделим от творчества, и показывает, вопреки всему, ее Божественное устремление, заложенное изначально в тайне творчества, проявляющегося в высочайшем напряжении духовных и физических сил, в самоистощении, в жертвенности, невозможной без Божией помощи.

Писателю вообще интересны судьбы творческих, одаренных людей, которым «как все жить не дано», таких, как титаническая, противоречивая личность историка-романиста, Валентина Пикуля, самого счастливого человека на свете, воскликнувшего после первой своей книги в недоумении, почему люди не смотрят и не улыбаются ему: «Неужели они не знают, что эту книгу написал я? Я — самый счастливый человек на свете!» Это счастье творчества и совсем не счастливую судьбу всемирно известного писателя Николай Коняев исследует с присущим ему тщанием. Его интересует и творческий метод, и художественное разнообразие, и степень исторической правды, и система языка Пикуля. Множество интересных биографических фактов, развернутых цитат из воспоминаний близких и друзей писателя, выдержки из его книг перемежаются с высказываниями самого Валентина Савича, с которым Николай Коняев будто бы беседует лично, направляя беседу в нужном ему направлении, которое можно предугадать заранее, — в направлении веры. Ведь в своем творческом отшельничестве ею только и живет Валентин Пикуль, сумевший вырваться из удушливо-безнравствен-

ного современного ему бытия в мир, где у его героев существуют четкие этические жизненные нормы, где любовь к Отечеству — их родовая черта, где побудительная сила осознания причастности к судьбе Родины в трудный для нее час носит и по ныне причисленное к ругательным имя — патриотизм.

В своих исторических романах писатель и живет, и творит с верой в русского человека. Эта вера неотделима от великой, неискоренимой никакими политическими режимами любви к России, ко всему русскому, особенно к проявлениям героического русского характера. Этот характер или, вернее, русский дух, Пикуль — неосознанно, не имея религиозной грамотности, оставаясь и здесь самоучкой, все-таки исследует в критериях духовно-нравственных, вплотную подходящих к православному пониманию идеи служения. Николай Коняев не впрямую, не дидактически, указывая на очевидные ошибки писателя, показывает ценность его творчества именно в этом направлении. Очевидна вера Пикуля в то, что у Бога нет мертвых и в то, что смерть за други своя ведет к бессмертию, то есть к жизни вечной. Нет, Валентин Саввич не находит и не использует этих слов. Но все его положительные герои существуют «под куполом неба» и после свершения героических подвигов не гибнут, как это происходит с несущими смерть врагами России, исчезающими во мраке, во мгле, а растворяются в поднебесье.

Не зря бесновалась вокруг Пикуля, как и вокруг Рубцова «нечистая сила», чуяла божественный вектор этого творчества, которому всячески старалась помешать. И во многом это ей удавалось, ведь Пикуль, так же как и Рубцов, не владел главным оружием, которым побеждаются темные силы. Он не полагался на великую силу креста и молитвы, творимой с помощью самого неприступного отечественного «бастиона» — Русской Православной Церкви, которая более всего бы помогла писателю в свершении его духовного подвига. Силу этого оружия Николай Коняев показывает в других своих произведениях, посвященных историческим духовным лицам.

Смело православный писатель берется за создание литературного образа легендарного священника — протопопа Аввакума, олицетворяющего страшные времена русского раскола. Берется потому что не только как историческая личность интересен этот человек, оставивший трагическую летопись своей жизни, но потому что писатель чувствует его, как героя и нашего времени, пример истинной веры его нужен сегодняшним апостасийным временам, много параллелей которым находится в этой исторической хронике. Создавая событийно густое, полновзвучное, красочное полотно смутного времени, используя все свое мастерство художника, Николай Коняев находит краски особенно яркие для изображения образа непоколебимого в своих убеждениях протопопа, вставшего на защиту Царства Святой Руси.

Нет, не с кулаками, не с грозным разоблачающим словом шел на врага, творившего неправду на Руси, непримиримый священник, а с убежденностью, что «Господь гордым противится, смиренным же дает благодать». Много благодати, наверное, получил этот православный мученик за то смирение, с которым принимал все свои жизненные невзгоды, заключавшиеся в ссылках, в пытках и в смерти мученической. А все страдания стерпел не только за свою «древнего благочестия» веру, не только за то, сколькими пальцами крестное знамение накладывать, а за то, чтобы дух не вытеснялся

буквою закона, чтобы во имя латинянами навязанной новизны не изгонялся из сердца Христос, чтобы вера достигалась самой верой. Немногословным, больше молчащим даже на суде, обрекаемом его на мучения, представлен в книге бесстрашный священник, несущий в своем тленном человеческом естестве глубокую убежденность в том, что имеет священнический сан и власть совершать Таинства от Бога, что имеет на себе преемственную благодать, идущую через Апостолов от Самого Иисуса Христа. И подтверждается эта благодать и способностью пророчествовать, и творением милосердным священником разных чудес, например, исцелением страждущих, даже детей своего мучителя, перед которым протопоп и поклониться не погнушается, и прощения попросить. «Кое-как слез Аввакум с печи. Чистое болото на полу! Нога вязнет — столько воды натекло. Вытащил из корзины епитрахиль Аввакум, надел ее, насквозь мокрую на себя. Маслице в той же корзине добыл. Помолившись, помазал ребенка маслицем. Потом кадило возжег, кадить стал, злого беса в ребенка посаженного, изгонял. К вечеру, слава Богу, с помощью креста да молитвы вырвали невинного младенца из когтей беса. Ожил ребенок. Есть захотел — заплакал».

Вот главное оружие православного человека, не могущего, как храм быть без креста и молитвы. В них-то Господь вливает огромные небесные силы для сохранения тела и души. Невозможно повествование о жизни Церкви без благодатной молитвы. Поэтому писатель без сомнения приводит в своей книге-хронике тексты разных молитв, не только для просвещения, но и для приобщения читателя к живому языку русской веры. Носителем живой веры показан в книге протопоп Аввакум, во имя Родины, во имя Церкви Православной совершивший подвиг подтверждения своей верности Господу своим согласием сораспяться Его страданиям.

Но только ли через физические страдания можно совершить духовный подвиг? О непрерывном, длящемся всю жизнь, подвиге подвижничества Митрополита Иоанна Николай Коняев создал необыкновенную книгу-жизнеописание выдающегося святителя, бывшего нашим современником. Трудно даже человеку православному, воцерковленному, каковым является автор этой книги, создавать художественно личность архирея такой величины и значимости в истории России. Чувствуется и неиссякаемая любовь писателя к своему герою, и дистанционное почтение к архипастырю, образ которого Николай Коняев создает, если можно так сказать, во фресковой технике. С благоговением он ищет и находит светлые прозрачные краски литературного слова, позволяющие создавать легкое, многослойное, с заметной сияющей глубиной изображение жизненного подвига этого великого подвижника. Несмотря на то, что книга имеет хронологическую композицию, содержит много фактов биографии и нелинейной истории служения Митрополита Иоанна, писателя более всего интересует феномен жизненного подвига этого скромного, смиренного, благодатного человека, который, наверное, и голоса-то своего в жизни не повышал, но успешно сокрушал смертельных врагов, к которым относил всех противников России и Церкви Православной.

Как такое могло происходить, если, судя по приведенным Николаем Коняевым высказываниям Владыки, любимым, чаще других повторяемым словом было слово — радость, соответствовавшее его мировоззрению и мироощущению. Может быть, это связано со сном, который приснился в мо-

лодости Ивану Снычеву, когда пред высоким крестом «светлый луч прошел через его голову, достигая самого сердца. На душе стало светло и радостно». Этим преображением, вероятно, было подготовлено сердце будущего Митрополита к обретению «полноты душевной чистоты», необходимой для всех тех незримых подвигов, которые он совершал всю свою пастырскую жизнь. По его молитвам наполнялись верующими церкви, происходили исцеления, посрамлялись враги, расцветали засохшие цветы, отступали его собственные немощи. Николай Коняев в цифрах отражает зримый его святительский подвиг, когда в период руководства им Петербургской епархией произошел заметный рост числа верующих и вообще устремлений к Православной вере и к Православной Церкви по сравнению с предыдущими временами. Без сомнения, выдающийся подвиг Владыки — это его духовное творчество. В нем Митрополит Иоанн разработал целостную, исторически обоснованную идеологию русского национально-религиозного возрождения, которую Николай Коняев вкратце рассматривает и поясняет в своей книге, имеющей, однако, достаточно воинственное название: «Облеченный в оружие света».

Надо понимать, что слово облеченный — означает наделенный властью быть оружием света (или в виде света?). Но о каком свете идет речь? Понятно, что благословляющей рукой духовного лица благословляет всех Христос, что все Таинства, которые совершаются видимым образом, невидимо совершает Иисус Христос, Тот Свет, что во тьме светит. И духовному лицу даруется Господом благодать неизмеримая, как говорит архимандрит Амвросий (Юрасов): «Господь такую благодать дает, которой не имел ни один царь земной, хоть и праведной жизни. Такой власти не дано ни одному правителю земному, какую имеет священник». («О вере и спасении». Иваново. 1995. С.163). Вероятно, ключ к пониманию этого отчасти метафорического названия и сути всей книги следует искать в том, для чего наделяется пастырь такой властью. Понятно, для окормления своей паствы. Но слово — свет (с маленькой буквы) наводит на мысль о физическом, то есть отчасти научном понимании этого явления. В соответствии с достижениями физики мы знаем, что свет, как поток фотонов, условно представляет собой спектр волн (свет одновременно имеет природу частицы и волны), которые, даже будучи выпущенными одним источником, неупорядочены (не когерентны). Но если способствовать их когерентности сближением частот и фаз, то световой поток превращается в поток во много раз усиленной мощности. Условно, для большей зримости, можно предположить, что-то подобное происходит в Церкви, когда под водительством пастыря неупорядоченные волны людских душ постепенно становятся когерентными, и весь церковный собор уподобляется мощнейшему источнику любви, духовного света, способного победить тьму. Не многим пастырям даны такие духовные силы, но Митрополиту Иоанну, по Божиему промыслу они были даны, так как выпало жить и служить ему в новые смутные времена, когда вновь было пущено зло, когда опять встал вопрос о самом существовании России.

Прошло почти пятнадцать лет со дня кончины Митрополита Иоанна, который прижизненным подвигом и посмертным заступничеством немало способствовал тому, чтобы Россия была независимой и православной Державой. И Россия жива, и набирает силы, и расцветает по-прежнему в своей исконной православной красоте. Много к тому потребовалось подвигов людских, зримых, и невидимых. Труд писателя, рассказывающего русским

людям об этих духовных устремлениях, о жизненных подвигах во имя веры, о том, что значит быть русским, о том, что русский народ — народ Божий, и только тем силен и непобедим, — тоже несение креста. Через русскую культуру, через русскую литературу, в немеркнущем свете русского слова всегда проходила дорога к храму. Особое значение этот путь для многих наших соотечественников, далеких от религиозной жизни, имеет в наше время. Писатель, обладающий собственным религиозным опытом, вовлекающий читателя в духовное осмысление истории и современности, созидаящий вместе с читателем свое «здание духа», из которого легче войти в православный храм, причастен к надвременному всеобщему подвигу, которым извечно хранится русская вера, Русская Православная Церковь и сама Россия.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПЕТЕРБУРГ

Гравюры А. П. Остроумовой-Лебедевой

Учредители:
Андрей РЕБРОВ
Валентина ЕФИМОВСКАЯ

Контактные телефоны редакции:
8(911) 836-00-06
8(921) 311-31-87 (В. В. Ефимовская)

Почтовый адрес редакции (*для рукописей и писем*):
196244 п/я № 8. В. В. Ефимовской

Электронный адрес редакции:
e-mail: tradicia-mag@mail.ru
<http://www.rodnaya-ladoga.ru>

Юридический адрес (не для писем и рукописей):
196158, Санкт-Петербург, ул. Ленсовета, д. 81, кв. 70.

Рукописи не возвращаются и не рецензируются.
Позиция редакции не всегда совпадает с позицией авторов материалов.
При перепечатке материалов ссылка на журнал обязательна.

*Журнал безгонорарный, издается на основе безвозмездных отношений.
Редакция допускает авторскую орфографию материалов.*

Цена свободная

Корректор *Г. А. Ильина*
Дизайн обложки *Г. Ю. Алкаева*
Компьютерная верстка *Т. Б. Макаровой*

Подписано в печать 01.09.2009 г. Формат 70x100 1/16.
Печать офсетная. Бумага офсетная. Усл. печ.л. 16,9.
Тираж 1000. Заказ

Отпечатано в типографии ООО «СРП «Павел» ВОГ»
196620, СПб. — Павловск, ул. Коммунаров, 16.